РОН ХЭЛЛ

НИКОЛАС ТОМАЛИН

СМОТРИТЕ ФИЛЬМ, ЧИТАЙТЕ КНИГУ

РЕЙЧЕЛ ВАЙС

КОЛИН ФЕРТ

ГОНКА ВЕКА

САМАЯ ГРОМКАЯ АВАНТЮРА СТОЛЕТИЯ

«Удивительная история и великолепный виртуозный слог! Это совершенно новый для меня вид литературы»

Джеймс Кэмерон, режиссёр

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Самая громкая авантюра XX века! Хотелось ли вам когда-нибудь бросить все и отправиться в кругосветное путешествие? Осенью 1968 года английский яхтсмен Дональд Кроухерст решил прославиться и разбогатеть, совершив в одиночку морское кругосветное путешествие в рамках гонки на приз «Золотой Глобус». Но когда победа уже была у него в кармане, Кроухерст перестал выходить на связь, а спустя некоторое время его яхта была найдена посреди Атлантического океана пустой… Эта книга проливает свет на полную загадок историю великого морского приключения. Крупнейший обман столетия и борьба человека со своей совестью и идеалами – повествование держит в напряжении до последней страницы, словно детектив. Невероятная по силе психологическая история о том, как блестящий ум может измениться под воздействием одиночества, амбиций, героизма и сознания собственного несовершенства.

- Рон Хэлл, Николас Томалин
  - ○
  - ○
  - ○ Пролог
  - ○ 1. Самый смелый
  - ○ 2. Гонка века
  - ○ 3. Новейшая яхта
  - ○ 4. Первое плавание
  - ○ 5. Тинмут
  - ○ 6. Прощальное письмо
  - ○ 7. Первые две недели в море
  - ○ 8. Два противоречивых свидетельства
  - ○ 9. Поддельные записи
  - ○ 10. План
  - ○ 11. Рождество
  - ○ 12. Молчание и одиночество
  - ○ 13. Тайная высадка
  - ○ 14. «Иду к Диггер Рамрез»
  - ○ 15. Полуночные работы
  - ○ 16. Победил или проиграл?
  - ○ 17. Неизбежный триумф
  - ○ 18. В темный тоннель
  - ○ 19. Космический разум
  - ○ 20. Невозможно прекрасная истина
  - ○ Эпилог

- Послесловие авторов
- Послесловие
-
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33

Рон Хэлл, Николас Томалин
Гонка века. Самая громкая авантюра столетия

NICHOLAS TOMALIN AND RON HALL
THE STRANGE LAST VOYAGE OF DONALD CROWHURST
Copyright © 1970, 1995 Times Newspapers Ltd.

© Сорокина О., перевод стихотворения на русский, 2018
© Черепанов В., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

«Стремясь к своей цели, апостол (да упокоится его душа с миром) погиб в расцвете лет по трагической случайности. Истина же состоит в том, что он умер от одиночества – врага, известного лишь немногим на этой земле, которому способны противостоять только самые простодушные из нас.

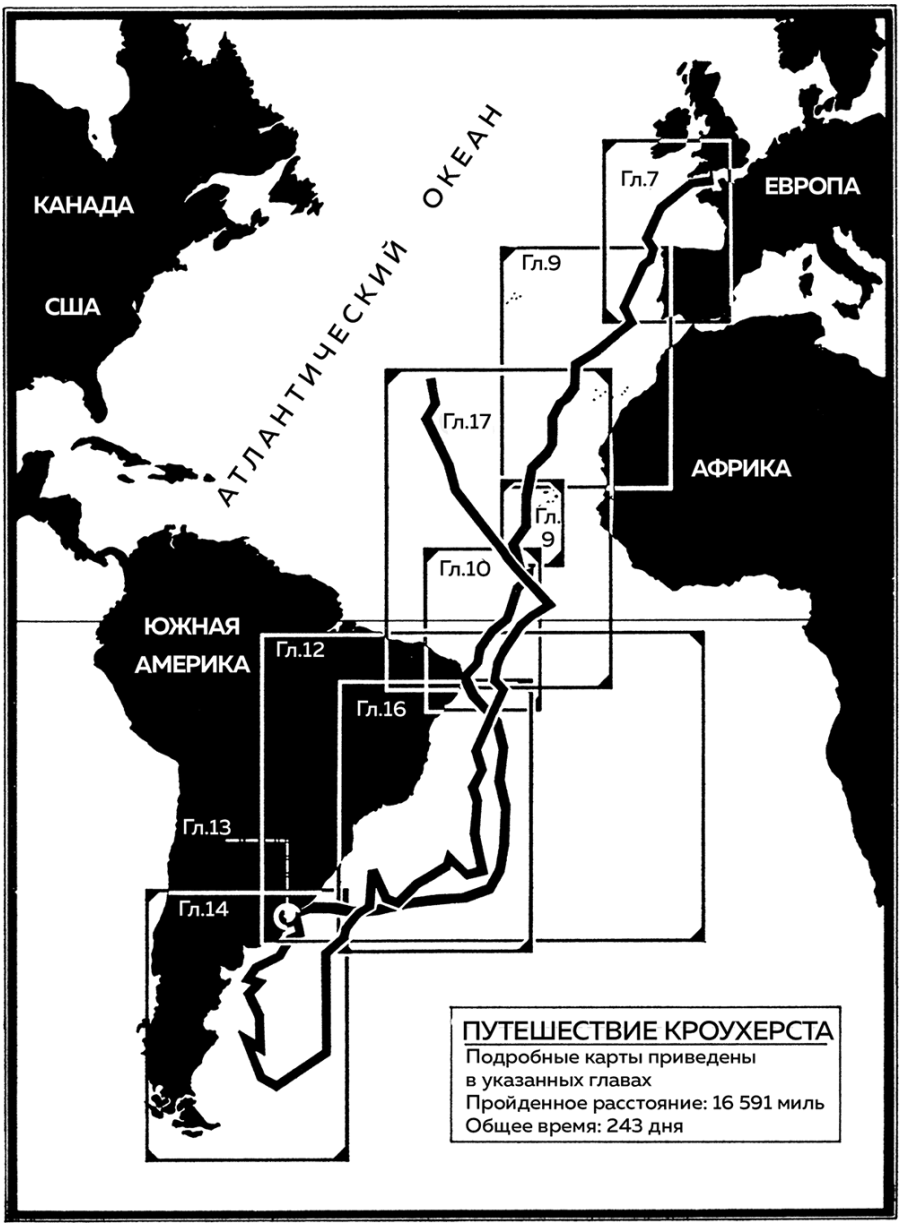
Из чисто внешних условий существования одиночество очень быстро перерастает в состояние души, при котором не остается места показной иронии и притворному скепсису. Одиночество овладевает разумом и уводит мысль анахорета в изгнание, погружая его в состояние полного безверия. Проведя три дня в ожидании увидеть хоть чье-нибудь лицо, [он] поймал себя на том, что тешит себя странной мыслью – сомневается в собственном бытии. Его личность растворилась в мире, состоящем из тумана и воды, из сил стихии и простых, естественных форм. В своих поступках, в нашей деятельности находим мы поддерживающую нас иллюзию о независимом существовании, противопоставляя эту концепцию привычному порядку вещей, неизбежной частью которого мы сами являемся. [Он] потерял всякую веру в реальность своих деяний: и прошлых, и предстоящих.

Ни одного живого существа, ни следа паруса на горизонте не появлялось в поле его зрения, и как будто для того чтобы вырваться из сетей одиночества, он погрузился в состояние меланхолии… В то же время он не чувствовал никаких угрызений совести. О чем ему было сожалеть? Он не признавал никакой другой добродетели, кроме ума, и превратил свои желания в

обязанности. И его ум, и его страсть поглотило бесконечное, не нарушаемое ничем одиночество, где он пребывал в ожидании без веры… Печаль его была печалью сомневающегося разума».

Джозеф Конрад

«Ностромо»



Пролог

Капитана Ричарда Бокса, командующего пароходом королевской почтовой службы «Picardy», направлявшимся из Лондона в Карибское море, разбудили, когда судно находилось посреди Атлантического океана. Вахтенный заметил невдалеке парусную яхту, и, поскольку в подобных местах нечасто встретишь такого рода плавучее средство, старший помощник решил, что капитану стоит взглянуть на него. Было 7.50 утра, 10 июля 1969 года. Корабль находился на 33° 11´ северной широты, 40° 28´ западной долготы, примерно в 1800 милях от Англии.

Когда «Picardy» подошел ближе, капитан Бокс смог лучше разглядеть яхту. Это был тримаран, идущий со скоростью едва ли более двух узлов, только с одним поставленным парусом – бизанью. На палубе никого не было видно. Команда, очевидно, отдыхала или спала в каюте. Капитан Бокс велел изменить курс с таким расчетом, чтобы пароход обогнул яхту с кормы, решив разбудить находящихся на борту людей. Трижды прозвучал гудок, достаточно громкий, чтобы разбудить даже крепко спящего человека. Ответа не было. Тримаран «Teignmouth Electron», его название уже можно было прочитать на борту, продолжал свой плавный и безмолвный ход, двигаясь в том же направлении.

Озадаченный, капитан Бокс приказал заглушить двигатели и спустить шлюпку на воду. Нужно было разобраться в ситуации. Кто бы ни находился на борту «Teignmouth Electron», он мог быть не в состоянии подняться на палубу. Старший помощник Джозеф Кларк и команда из трех человек спустили шлюпку с «Picardy» и подошли к тримарану, который был теперь всего в нескольких сотнях ярдов от них. Кларк поднялся на палубу, заглянул в рубку и исчез на пару минут. Яхта была совершенно пуста. На ней не было ни души. Старший помощник поднялся обратно и дал капитану условный сигнал: опустил оба больших пальца вниз.

Кларк сразу же почувствовал, что здесь кроется загадка. Покинутый командой «Teignmouth Electron» находился в идеальном состоянии. В рубке царил беспорядок. В раковине была навалена гора посуды, которую не мыли дня два. На столе и на полке стояли три радиоприемника. Два из них были распотрошены, а радиодетали раскиданы повсюду. К ржавой консервной банке из-под молока был небрежно прислонен паяльник – свидетельство того, что судно не было накрыто случайной волной и не попадало в шторм. На койке валялся грязный спальный мешок. На судне было достаточно запасов

воды и пищи. Все оборудование яхты было в нормальном состоянии, только ящик хронометра оказался пуст. По запаху в кубрике любой опытный моряк мог сразу же определить, что здесь никто не жил по крайней мере уже несколько дней. На палубе на своем обычном месте находился спасательный плот, прочно принайтовленный, а румпель болтался свободно. Спущенные паруса были аккуратно сложены, готовые к постановке. Ничто на палубе не могло подсказать, что произошло на судне.

Осмотрев яхту, Кларк исследовал три перевязанных синим шнуром судовых журнала. Они лежали на столе, как будто специально приготовленные для него. Записи велись регулярно и точно. Последняя запись в судовой журнал была занесена 24 июня, то есть более чем две недели назад. Последняя запись в вахтенном радиожурнале была датирована 19 июня. Уже тогда было очевидно, что «Picardy» не просто натолкнулась на загадочную трагедию, она соприкоснулась со случаем, представлявшим собой (вспомните тщательно исписанные журналы, исчезнувший хронометр и отсутствие большого беспорядка на судне) жуткое повторение нашумевшего таинственного инцидента с печально известной бригантиной «Maria Celesta» («Святая Мария»). 97 лет назад она тоже была найдена абсолютно пустой посреди Атлантического океана, и с тех пор многие пытаются безуспешно разгадать, что случилось с ее командой и пассажирами.

Тем временем на борту «Picardy» кто-то вспомнил название «Teignmouth Electron». А не была ли это одна из тех яхт, что принимали участие в кругосветной гонке моряков-одиночек «Золотой глобус»? У кого-то нашлась вырезка из старой газеты «Sunday Times» с фотографией всех участников. Среди них был и тримаран «Teignmouth Electron». Им управлял некий Дональд Кроухерст, инженер-электронщик из Бриджуотера, графство Сомерсет. Он вышел из Тинмута, графство Девоншир, 31 октября 1968 года. Несмотря на то что Кроухерст стартовал последним, он наверстал упущенное время, достигнув ревущих сороковых и обогнув мыс Горн в рекордные сроки. Теперь в гонке осталась одна-единственная яхта, направлявшаяся в Тинмут, где победителя ожидал приз – 5000 фунтов стерлингов.

Полтора часа ушло у команды «Picardy» на то, чтобы поднять тримаран к себе на борт. Палубные матросы должны были подготовить кран, спустить бизань, осторожно поднять судно и подвести его к носовому грузовому люку. Капитан Бокс выслал сообщение в главный офис пароходной компании «Furness Withy» (Лондон), где описал все обстоятельства встречи с таинственным

тримараном. Владельцы компании, в свою очередь, проинформировали о находке страховую ассоциацию «Lloyd's» и ВМС Британии. Тотчас же в министерство ВВС США была выслана просьба начать воздушные поиски в соответствующем районе в надежде найти Кроухерста.

Было 10.30 утра по среднеатлантическому времени. В Лондоне только начало вечереть, и хотя капитан Бокс и велел искать человека в океане, он даже не надеялся, что таинственно исчезнувший с борта яхты моряк будет найден. Капитан уже приступил к изучению судовых журналов. Если последние записи были сделаны в день, когда Дональд Кроухерст очутился за бортом, он наверняка не продержался бы в холодных и бурных водах Атлантики так долго. На запросы, которые присылали ему, в том числе и жена моряка Клэр Кроухерст, и его агент Родни Холворт, капитан Бокс лишь отвечал, что все выглядит абсолютной загадкой.

На следующий день и «Picardy», и американские спасательные службы прекратили поиски. В течение следующей недели, пока почтовик шел к Сан-Доминго, капитан Бокс изучил все три судовых журнала с тримарана. В них содержались как обычные навигационные записи и информация о сеансах радиосвязи, так и личные размышления моряка. В них-то уж точно содержится ключ к разгадке того, что произошло на борту яхты. Разве нет?

Но Бокс так и не нашел ответа. Наоборот, чем больше он читал, тем загадочней становилось дело. Он не смог обнаружить ни одного признака надвигающейся опасности. Плавание протекало почти идеально, а цифры показывали на первый взгляд, что путешествие было вполне обычным. Очевидно, все радиосообщения тщательным образом документировались. Однако на трех последних страницах он действительно нашел доказательства того, что на судне произошло нечто таинственное и ужасное.

Более того, среди нацарапанных наспех философских рассуждений попадались странные и непонятные фразы вроде: «Увы, мне никогда не суждено увидеть моего покойного отца… Природа вещей не позволяет Богу совершать грехов, кроме одного: греха сокрытия… В конце моей игры правда выплыла наружу, и я поступлю так, как желает моя семья…» Это осложняло ситуацию. Все указывало на то, что случай не был простым происшествием в море, а пропавший человек не был обычным моряком. Расследование странного путешествия и причин, заставивших Кроухерста пуститься в плавание, только начиналось. Вероятно, наиболее верным способом разрешить

загадку произошедшего на борту яхты «Teignmouth Electron» было бы изучить всю историю жизни Дональда Кроухерста с самого рождения.

1. Самый смелый

Дональд Кроухерст родился в Индии в 1932 году. Его мать была школьной учительницей, а отец занимал пост управляющего на железной дороге. Семья вела непростую жизнь колонистов второго поколения: на них свысока смотрели военные и административные служащие Британии, Кроухерсты же, в свою очередь, находились значительно выше на социальной лестнице по отношению к цветным, местным жителям. На сохранившейся с тех времен фотографии Дональд сидит за плетеным столом в саду родительского дома в Газиабаде, что рядом с Дели. У него живое ангельское лицо, а волосы необычно длинны для мальчика его возраста и ниспадают ниже плеч. Такой стиль определила ребенку Элис Кроухерст, мечтавшая о дочери. В раннем детстве у Дональда были близкие отношения с матерью. Поскольку Элис была очень религиозной женщиной, мальчик тоже приобщился к вере. Иногда, стоя в церкви, он слышал голос Бога, говорящего с ним о его матери, но когда Дональду вот-вот должно было исполниться шесть лет, голос пропал. Дональд обиделся и часто спрашивал: почему Бог перестал говорить с ним? С того времени религиозный пыл и особенная близость к матери стали пропадать.

В возрасте восьми лет, вскоре после расставания с длинными локонами, Дональда отправили на учебу в закрытый пансион, расположенный тут же, в Индии. В то время среди колонистов существовал жестокий обычай отправлять маленьких мальчиков пожить отдельно от родителей в интернате, и порой они не виделись по девять месяцев кряду (именно столько длился семестр). Однако маленький Дональд благополучно выдержал испытание. В первом табеле его хвалят за «успешное окончание семестра», а отметки изобилуют рядом традиционных «хорошо», «очень хорошо» и «отлично» по большинству предметов, в особенности по истории Ветхого Завета. Дональд, не согласный с мнением учителей, нацарапал напротив выставленных ему оценок собственные самоуничижительные комментарии: «плохо», «очень плохо», «отвратительно», «неуд».

На страницах катехизиса, выданного ему в пансионе, содержится еще больше аннотаций подобного рода. «Если мы поступили нечестно по отношению к кому-то или обидели кого-то, мы должны признаться в этом прежде всего тому человеку, а уже потом Богу. Никаких других признаний делать не нужно. Однажды испытав действие божественной силы и ее влияние на

нашу жизнь, мы можем напрямую говорить с Богом. Каждый из нас способен на это». Есть еще одна фотография, сделанная в то время, на которой Дональд держит модель парусника. Это всего лишь игрушка, однако уже тогда интерес мальчика к морю был очевиден. В детстве у Дональда была брошюра под названием «Бессмертные герои». Среди прочих историй там был рассказ под названием «В одиночку вокруг света», в котором говорилось о мореходе по имени Ален Жербо. Содержащееся в рассказе послание было простым, как строчка из катехизиса:

> «*Отправляться на поиски приключений означает рисковать чем-то. А приключение – это когда делаешь что-то, заставляющее понять, какая на самом деле прекрасная штука жизнь и как здорово можно ее провести… Человек, который боится проиграть, не делает ничего. Кто ничем не рискует, никогда не выигрывает. В тысячу раз лучше попытаться и проиграть, чем лежать на диване, как сытый сонный кот. Только дураки смеются над неудачами других. Мудрецы смеются над лентяями, самодовольными хлыщами и людьми, которые настолько не уверены в себе, что не смеют совершить какой бы то ни было значимый поступок*».

Отец будущего путешественника, Джон Кроухерст, был сдержанным, молчаливым человеком и выполнял свои обязанности на Северо-Индийской железной дороге со знанием дела, можно даже сказать с исключительной скрупулезностью. Элис Кроухерст отзывается об этом браке как об абсолютной идиллии, называя мужа нежным, добрым, внимательным, чутким, отзывчивым человеком. Другие же запомнили Джона Кроухерста как более сложную личность. По их утверждению, после работы тот иногда захаживал в бар для работников железной дороги, где основательно накачивался спиртным, возвращался домой в агрессивном настроении и мог быть тяжел на руку. Он не был особенно близок с сыном и выполнял свои отцовские обязанности формально. В их отношениях никогда не было непринужденности и естественности. Иногда Кроухерст-старший брал Дональда на рыбалку, бросал с ним мяч и учил играть в крокет, однако у отца и сына было мало тем для разговоров.

Когда Дональду было десять лет, его родители переехали в Мултан, маленький городок на западе Пакистана. Есть одна фотография: мальчик стоит в школьной форме, на его по-прежнему ангельском лице застыло выражение дикой решимости и упорства. Приятели детства говорят, что Дональд был самым

самоуверенным, напористым и смелым из них, а многие его дерзкие поступки граничили с эксцентричностью. Он всегда выступал зачинщиком всех проказ, подбивая друзей, например, вскарабкаться на скорость на водонапорную башню, поскрипывающую под напором сильного пустынного ветра. Забравшись на самый верх и скача по узкому мостику, идущему вокруг башни, он начинал дразнить тех, кто застревал на полпути к вершине, пока они стояли, вцепившись обеими руками в лестницу и дрожа от страха. Если ему препятствовали в чем-то, он приходил в неистовство. Сторож-индиец, заставший его в тот момент, когда Дональд охотился на птиц в локомотивном депо Мултана, был ошарашен, когда десятилетний мальчик дерзко шагнул навстречу взрослому мужчине, направив ему в лицо пневматический пистолет. Хоть оружие и не было заряжено, сам жест возымел нужный эффект. «Хорошо, хорошо, сагиб! – забормотал индиец. – Будь по-твоему. Охоться себе на здоровье».

Домашняя жизнь также была полна неожиданностей. Соседи, жившие рядом с Кроухерстами в Мултане, помнят, как мать спешно переправляла маленького Дональда через забор, если отец возвращался домой пьяным. Джон Кроухерст входил в пустой дом и принимался крушить все без разбору. «Где моя жена? Где мой сын?» – кричал он. Тем временем Дональд лежал в постели в соседнем доме и получал настоящее удовольствие от происходящего. Бывало, он не давал друзьям заснуть до глубокой ночи, развлекая их веселыми историями, откалывая шутки, изображая разных персонажей. Дональд был полон энергии, остер на язык и обладал богатой мимикой. Когда он был в настроении, то мог очаровать любого жизнерадостностью и остроумием. Наряду со смелостью мальчик отличался также недюжинным умом и сообразительностью. Кроме того, он прекрасно владел руками, любил мастерить и чинить разные вещи.

После войны Дональда Кроухерста отправили в Англию, в пансион колледжа Лафборо. Письмо четырнадцатилетнего школьника родителям выглядит необычно только в одном: он пытается успокоить мать. Обратите внимание на удвоенные согласные в двух словах. Дональд Кроухерст никогда не был силен в орфографии, и привычка вставлять лишние буквы осталась с ним на всю жизнь:

> «*Дорогие мама и папа!*
>
> *Спасибо вам за письмо. У меня отлегло от сердца, когда я узнал, что дома все хорошо. Мне подарили теннисную ракетку – стоящая вещь. Видели когда-нибудь такую?*

В последнее время я часто вспоминаю те дни, когда вы наставляли и ругали меня, как вы говорили, за мое бунтарсство. Однако я бунтовал не против вас, а против самого себя. Как я могу отблагодарить вас за все то, чему вы научили меня? Я до сих пор пользуюсь плодами тех фрагментарных знаний, которые вынес из ваших уроков. Жаль, что я не проявлял достаточного рвения к учебе. Сейчас мне так хотелось бы обладать всеми знаниями, которые вы старались мне передать.

Сегодня для индийцев, работающих в администрации, обычное дело забрасывать бумаги в долгий ящик и тянуть время. Надеюсь, морская болезнь не доставит вам особых неудобств, если вы все же решитесь прибыть пароходом. Могу себе преддставить, насколько путешествие самолетом хуже круиза по морю.

До свидания!

Всегда любящий вас

ваш сын Дональд»[1].

В 1947 году, после раздела Индии на Пакистан и Индийский союз, Джон Кроухерст привез жену назад в Англию. Он вложил все свои пенсионные сбережения в маленький завод по производству спортивных товаров, расположенный на новой территории Пакистана, которым должен был управлять его партнер-пакистанец.

Это был второй брак Элис Кроухерст. Она вышла замуж за Джона достаточно поздно. Своего первого мужа, капитана Королевского служебного корпуса Индийской армии Дэвида Пеппера, она запомнила как человека, «который превратил ее жизнь в кошмар, волочась за женщинами и регулярно напиваясь до бесчувствия». От капитана Пеппера она родила сына Дерика, у которого немолодая чета жила некоторое время по возвращении в Англию.

В то время Дерик служил в вооруженных силах Британии, был женат на русской и воспитывал сына Майкла. Вскоре Кроухерсты купили собственный дом в Тайлхерсте, рядом с Рединго́м. Письмо Элис Кроухерст к двоюродной сестре довольно полно раскрывает и ее эмоциональное состояние, и трудности, с которыми она столкнулась в послевоенной Англии, живя в бедности, в холодном климате и без слуг. В Индии, со всеми ее неприятностями и неспокойной обстановкой, Кроухерсты жили масштабно, на широкую ногу, не отказывая себе ни в чем.

«Моя дорогая Флоренс!

Получить от тебя весточку было все равно что пролить на раны целительный бальзам, волшебным образом подействовавший на мой окоченевший, невосприимчивый разум и подавленный дух. Твое письмо заставило меня взять себя в руки и взглянуть в лицо суровой реальности, вместо того чтобы дальше погружаться в пучину депрессии и отчаяния, где я пребывала все это время. Муж сказал: «Теперь у нас есть столовая. Справишься ли ты с домашними делами, если я найду работу? В Индии теперь дела идут из рук вон плохо, и я боюсь, что мои планы сказочно разбогатеть на производстве спортивных товаров не воплотятся в жизнь. Мне просто не получить лицензии на импорт.

Вот уже четыре дня он работает (кем бы вы думали, дорогие Флоренс и Роберт?) грузчиком на кооперативном предприятии – фабрике по производству варенья в Рединге. Я просто сама не своя и больше двух недель боюсь только одного – что однажды он не вернется, но не могу ничего поделать, а только лишь молюсь и молюсь за него, чтобы Бог дал ему здоровья и сил. Он приносит домой 3–5 фунтов в неделю, встает в 6 утра и возвращается в 7 вечера. На фабрику нужно ехать на автобусе, а потом идти минут двадцать пешком. Джону уже 51 год, он приехал в Англию с больным сердцем, да и душа у него порядком измучена. Мы оба надеялись, что ему удастся получить хотя бы место клерка, и теперь просто невыносимо думать о том, что моему мужу приходится осваивать профессию грузчика. Это с его-то умом и способностями, с его честностью, искренностью помыслов, организационным талантом, любовью к людям и даром ладить с окружающими. Под его начальством бывало до ста человек, а теперь он простой работяга в бригаде из шести человек, где ими командует мастер.

Представь только, какая атмосфера царит в доме. Я слишком потрясена, мою грудь будто сковали железными обручами, а голову сжали в тисках. Из-за этого я не могу заниматься делами. К тому же меня все время тошнит (в буквальном смысле). Да и на душе скребут кошки, потому что все в доме нужно ремонтировать, чинить или красить (в особенности на кухне), а мои руки и ноги грызет ревматизм, болят пальцы и запястья. Все, что мне остается делать, просто продолжать жить дальше…

Мы сошлись на том, что, даже если нам не удастся воплотить мечту всей жизни Дональда и устроить его на факультет авиационного машиностроения в Лафборо, мы не сможем просто так забрать сына из колледжа в середине семестра. Он должен будет остаться там до июля следующего года, что бы ни случилось. Я написала Дональду письмо (он приедет домой на Рождество), где сообщила ему эту новость. А он всего лишь ответил мне, что лучше вступит куда-нибудь в нынешнем заведении и получит аттестат, который даст ему возможность выбрать любую специальность в королевских ВВС, так как пойти служить после того, как он сдаст свой выпускной экзамен в колледже Лафборо, – наилучшее решение для него на данный момент.

Бедный мальчик!

Да благословит его Господь!

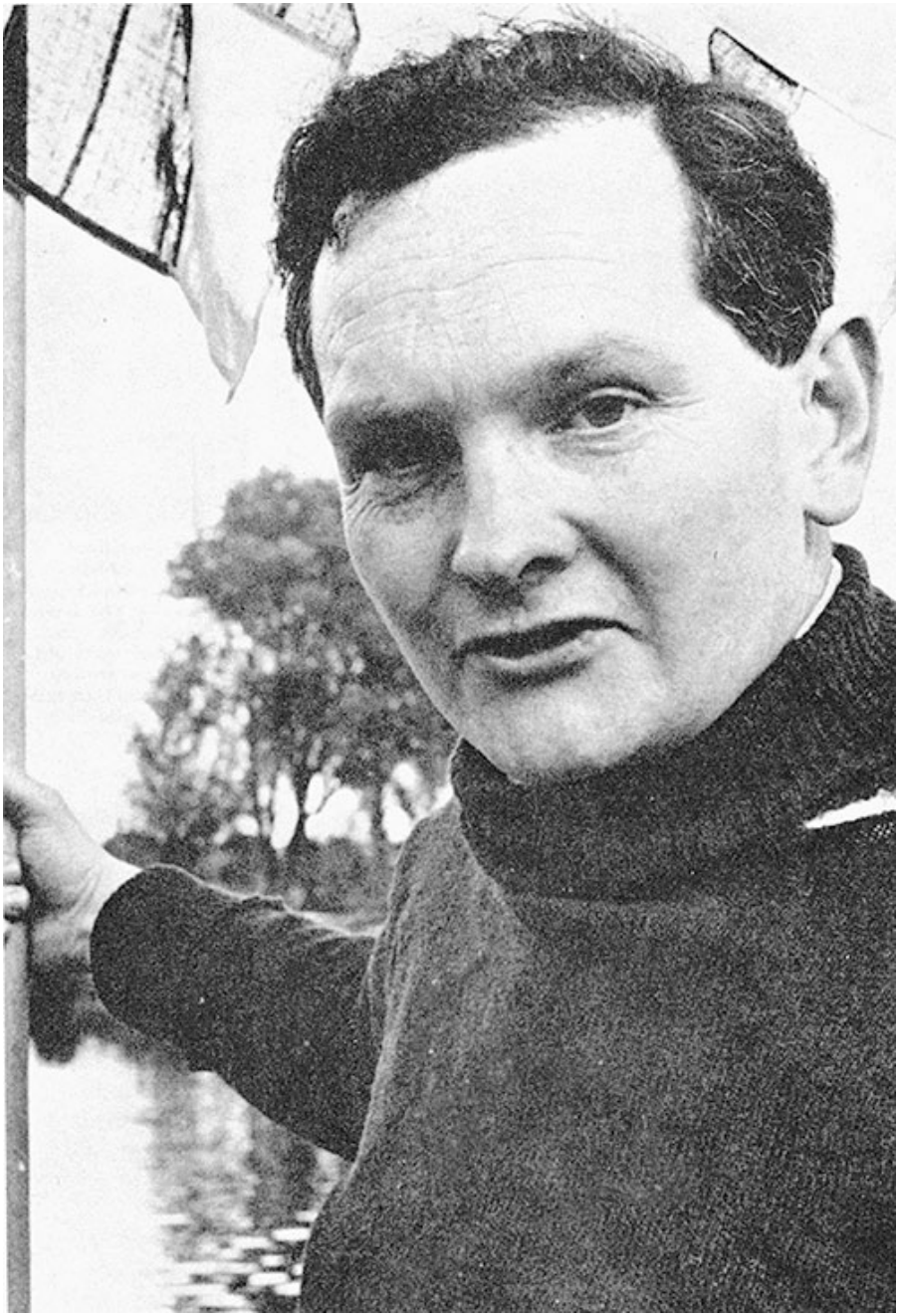
Всегда любящая тебя

твоя кузина Элис».

Год начался с новости о том, что завод спортивных товаров сгорел в ходе бунтов, вспыхнувших во время раздела Британской Индии. В результате чего Джон Кроухерст оказался в западне, так как был вынужден продолжать работать грузчиком на фабрике. К Рождеству супруги решили, что их сын должен непременно уехать из Лафборо, как только получит аттестат зрелости. А 25 марта 1948 года Джон Кроухерст, работая в саду, скоропостижно скончался от коронаротромбоза.

Если раньше положение семьи было просто сложным, то теперь стало нестерпимым. Шестнадцатилетний Дональд Кроухерст отнесся к упущенному шансу получить хорошее образование по-философски. Как он признается впоследствии своей жене, больше всего он сожалел о том, что отец умер, так и не узнав сына до конца. После возвращения в Англию впервые в жизни они начали общаться друг с другом без натянутости и стеснения. Впервые в жизни Кроухерст осознал, что его отец, находившийся под грузом обстоятельств, был человеком значительного ума. Чтобы оправиться от удара, Дональд с головой ушел в подготовку к предстоящим экзаменам. Записи в дневнике юноши, относящиеся к этому периоду, полны заметок о необходимости заниматься усерднее. Тогда же он познакомился с девушкой из Лафборо и испытал первую серьезную любовь. Позднее он будет считать этот возраст – шестнадцать лет – переломным в жизни каждого, когда становится ясно, что из

человека получится. Это одно из особенных убеждений Кроухерста.



Дональд Кроухерст: «Я отправляюсь в плавание. Моей душе не было бы покоя, если бы я остался». (Питер Дунне/Sunday Times)

Кроухерст успешно сдал экзамен на получение сертификата о школьном образовании в университете Лондона. Он по-прежнему показывал блестящие результаты по гуманитарным наукам, а его достижения в естественно-научных дисциплинах были более скромными. Затем он поступил в технический колледж при королевском авиационном институте Британии в Фарнборо на курс электротехники. Между тем миссис Кроухерст, так и живущая в доме в Тайлхерсте, все больше погружалась в горе и уныние. Письмо от одной дальней родственницы, датированное маем 1948 года, ясно обрисовывает, в каком она находилась состоянии.

> «*Дорогая сестра!*
>
> *Как и обещала, высылаю тебе с этим письмом 5 фунтов.*
>
> *Всю неделю и на выходных мы принимаем гостей, поэтому нам удастся приютить тебя только после того, как вся эта кутерьма закончится, то есть в середине следующей недели.*
>
> *Что касается Дерика, если я правильно поняла из нашего телефонного разговора, деньги нужны для того, чтобы оплатить вашу поездку в Лондон. Хоть ты и говоришь, что он не испытывает финансовых проблем. Мы не можем понять вашу ситуацию. Дерик наверняка сможет подыскать себе комнату по приемлемой цене в отеле недалеко от индийской дипломатической миссии, разве нет? Так было бы удобнее и для него, и – что более важно – для нас.*
>
> *Прошу, пиши нам, а не звони по телефону – мне сложно понять тебя. Возможно, я все поняла неправильно*[2].
>
> *Если найдешь время приехать к нам в следующий четверг, чтобы остаться на несколько дней, не забудь взять с собой продуктовую карточку. Надеюсь, ты чувствуешь себя хорошо. Мы с нетерпением ждем писем от тебя и беспокоимся о твоем самочувствии…*»

Вскоре после этого Дерик ушел от жены. Несмотря на то что путешествие Кроухерста широко освещалось в изданиях всего мира, Дерик больше никогда не пытался связаться ни с ним, ни с кем-либо другим из членов своей семьи.

В 1953 году Дональд Кроухерст стал военнослужащим Королевских военно-воздушных сил Великобритании. В течение трех лет он наслаждался всеми прелестями военной службы. Он сдавал экзамены по техническим дисциплинам, учился водить

самолет и получил офицерское звание. Будучи рекрутом, он написал полное юношеского задора эссе «О необходимости веры» по заданию заведующего общеобразовательной подготовкой. Это сочинение представляло для Кроухерста определенную ценность, так как он бережно хранил рукопись в личном архиве. Вся суть эссе, типичного образца школьного сочинения, сводилась к оригинальному, даже можно сказать циничному выводу, что человек «должен верить в отсутствие значимости веры». Один отрывок из работы представляет особенный интерес, если сравнивать его с более поздними мыслями Кроухерста по этой же теме:

> «*Есть два вопроса, которые терзают человечество больше, чем все остальные: «Для чего я живу?» и «Что случится со мной, когда я перестану жить?» Разве стремление найти цель в жизни не может подстегиваться мыслью о наслаждении, которое получает человек, стараясь самовыразиться (пусть даже только для себя самого), равном силе, толкающей его вперед, и добродетели его умственного порыва, заставляющей преодолеть эту силу и начать управлять собой*».

(Преподаватель написал на полях красными чернилами: «Довольно-таки честное заявление. Если будете придерживаться декларируемых взглядов, вам будет нелегко сносить удары, которые преподнесет жизнь, но вы точно избежите ловушек, куда непременно попадут многие другие люди».)

Впрочем, в то время основные занятия Кроухерста были далеки от теологических изысканий. У него было достаточно денег, чтобы изображать из себя молодого офицера, и он разъезжал по городку в старой доброй «Лагонде», которую купил по случаю с рук. Его тогдашние друзья рассказывают, что, будучи офицером ВВС, Кроухерст, как и в детстве, в период проживания в Мултане, обладал той же сумасшедшей силой притягивать к себе внимание, вызывать привязанность и быть примером для подражания. Друзья звали его Кроу (Ворон). Он был самым сумасбродным, самым дерзким парнем в любой компании, безудержным сорвиголовой, нарушителем законов, таскавшим своих армейских приятелей из Фарнборо по всем скандальным барам города. Именно Кроухерст был инициатором всех сумасшедших выходок и пьяных подвигов. Когда у него водились деньги, он первым заказывал выпивку для всей компании. По натуре сообразительнее и решительнее остальных, Кроухерст превращал каждую пирушку в бесконечное представление. Он

флиртовал с женщинами, вступал в ожесточенные интеллектуальные споры, откалывал невообразимые номера на потеху публики, устраивал розыгрыши, и все это неслось одно за другим с головокружительной скоростью. «Приве-е-ет, наро-о-о-д!» – кричал он в стиле героев «Шоу придурков», и все тотчас осклаблялись, предвкушая невообразимое веселье. «Давайте размалюем телефонную будку в желтый цвет!» – предлагал Дональд, и все тотчас же втискивались в его старую «Лагонду». «Кто может выпить больше всего джина из пивной кружки без помощи рук?», «Я недавно сконструировал моторную лодку. Давайте прокатимся!», «Я слышал, что эти вонючие нафталиновые шарики повышают потенцию. Давайте проверим!» Подобные предложения выводили из себя тех, у кого был иммунитет против обаяния Кроухерста, но его друзья принимали выдумки своего сумасбродного товарища с восторгом. Дело было даже не в самих проказах и трюках, которые откалывал Кроухерст и которые производили впечатление на людей. Важнее всего были его искренность и душевность. Он заставлял жизнь вокруг казаться ярче.

Теперь, в зрелом возрасте, эти люди вспоминают Кроухерста с благоговением. С некоторыми из них он водил крепкую дружбу и мог позволить себе нанести неожиданный визит, подъезжая на машине прямо к парадному (обычно в три часа ночи), просто на минутку, чтобы сделать передышку, во время импровизированного путешествия по окрестностям. «Приве-е-ет, нар-о-о-од!» – горланил он. И хозяева охотно поднимались с постели, наливали кофе или что покрепче, предоставляя сумасшедшему приятелю возможность отыграть свою роль до конца. Он закрутил страстный роман с девушкой по имени Энида, чье непостоянство и непредсказуемость пленили его на всю оставшуюся жизнь. Кроухерст даже посвятил ей одно ироничное стихотворение.

Ворон Эниды

В сей книге жизни и судьбы была одна страница
И испещрена она была, хоть краток список, именами
Всех тех, кто сердце Эниде отдавали.
И вот уж вереница! Гордый Ворон!

Поверженный волной глубоких чувств,
лишенный силы мощных крыльев
И оскорбленный лишь расположеньем,
Разбитый своим живым же вдохновеньем.
И не поняла она всех тех порывов и всей любви,
что Ворону сердце разрывали –

Сочла за любопытство, как с собачкой,
что можно только приласкать.
Но что тут лгать?
В одиночестве и муке оставлена душа,
что все также сильно любит и болит –
Больной разум нещадно теребит.

Смесь диких чувств она в нем пробуждает –
и неги сласть, и горя страсть.
Осени последнее дыхание сорвалось,
Остановила Смерть и Ворона сердцебиенье,
И вот теперь новая душа в освобожденьи,
Без оглядки на пытку боли сквозь года встречает всех,
что любил ее всегда и навсегда.

Энида была не такой насмешливой, как ее изобразил Кроухерст в своем стихотворении.

В конце концов его попросили уйти из BBC. Вот только по какой причине, никому не известно. Пресс-агент Кроухерста Родни Холворт говорит, что всему виной инцидент, имевший место однажды ночью. Кроухерст влетел на мощном мотоцикле в спящую казарму, протаранив стены нескольких комнат. По другим источникам, Кроухерст устроил гонки в Брэндс-Хэтч на «лагонде» в день очень важного парада, а командир заметил его отсутствие. Что бы там ни произошло, инцидент был не таким уж серьезным, чтобы помешать его виновнику тут же вступить в ряды военнослужащих, снова получить офицерское звание и стать

предводителем другой компании, состоящей из членов младшего командного состава. На этот раз все происходило в Арборфилде рядом с Рединг ом. Там Кроухерст проходил курс по электронной управляющей аппаратуре.

Он все так же первым заказывал в баре выпивку для друзей. Он разбил свою «лагонду», врезавшись в троллейбус прямо в центре Рединга. Два или три раза у него отбирали права за езду без страховки, но он продолжал гонять, несмотря ни на что. Однажды, находясь в Рединге, он пытался позаимствовать чью-то машину, чтобы вернуться в Арборфилд. Наклонившись над мотором, чтобы замкнуть два проводка зажигания, Кроухерст так увлекся делом, что не заметил, как сзади подошел полицейский. Произошел обычный неудобный диалог между представителем власти и нарушителем.

Констебль: Простите, сэр, это ваша машина?
Кроухерст: Конечно, констебль.
Констебль: Тогда не могли бы вы назвать мне номер ваших водительских прав?

И тут Кроухерст бросился бежать. Он прыгнул в городской канал, но на противоположном берегу его, к несчастью, схватил другой патруль. На суде его приятель-офицер показал, что у них была вечеринка в пабе и, приняв на грудь, он поспорил с Кроухерстом на пять фунтов, что тот не сможет угнать машину ради шутки. Проделка стоила шутнику пять фунтов штрафа, который выписал мировой судья Рединга.

Хвастать о невинных шалостях было в характере Кроухерста, но с годами он стал немного более сдержанным. Он никогда не рассказывал жене или родственникам о своих проделках. Случай с неудавшимся угоном был достаточно серьезным, и военная администрация Арборфилда попросила офицера-хулигана подать в отставку.

Демобилизовавшись в 1956 году, Кроухерст придумал себе другую амбициозную цель – поступить в Питерхаус, колледж Святого Петра при Кембриджском университете. С его аттестатом нужно было сдать только один квалификационный экзамен по латыни, чтобы получить место в престижном заведении. Экзамен этот он так и не сдал, а между тем зарабатывал на жизнь тем, что проводил исследования в лабораториях университета Рединга. Ему было 24 года. Его считали не только местной знаменитостью, но и кем-то вроде городского интеллектуала. Отчасти любовь публики к Кроухерсту была обусловлена его взглядами на жизнь, которыми тот часто делился с друзьями. Он считал, что жизнь лучше рассматривать как игру, в которой нужно проявлять

дружелюбие к остальным участникам. Соперниками же в этой игре выступали общество, органы власти и Бог (если он существовал, в чем Кроухерст сомневался). Это была та самая игра его жизни, о которой он упоминал в своем стихотворении, посвященном Эниде. Он также считал, что хитрость и сообразительность – наивысшие добродетели и что глупцы не стоят того, чтобы с ними иметь дело. Он постепенно разрабатывал теорию о том, что разум человека существует независимо от физической оболочки. Через несколько столетий ум сможет обходиться вообще без тела. До какой-то степени Кроухерст продолжал оставаться верующим человеком, однако верил он в научную точность. Если явление или вещь реальны, они должны подчиняться безупречной логике. Они должны быть просчитываемыми, то есть настолько точными, чтобы после загрузки данных в компьютер тот смог выдать полезные результаты.

Клэр Кроухерст встретила своего будущего мужа на вечеринке в Рединге в 1957 году. Они оба сознательно вели богемный образ жизни, и хотя Клэр была родом из Ирландии, за три года жизни в Англии она привыкла к более эмансипированному британскому обществу. Несмотря на это, Дональд сумел удивить девушку. Подойдя к ней, он предложил погадать по руке. «Ты выйдешь замуж за невыносимого человека», – сказал он наконец. Он также сообщил, что больше никогда не отпустит ее от себя. На следующий день Кроухерст зашел к новой знакомой и пригласил ее на свидание. Потом заглянул на следующий день и еще раз днем позже. На второй вечер, когда они возвращались из кино (шел фильм «Карусель»), им на улице попалась на глаза грязная, неряшливая проститутка. Большинство знакомых Клэр немедленно испытали бы отвращение при одном только виде распутной девицы. Дональд же просто сказал: «Бедная заблудшая душа. Как, наверное, ужасно зарабатывать на жизнь таким тяжелым трудом». Слова Дональда произвели на Клэр впечатление: с таким пониманием, мудростью и добротой она столкнулась впервые.

Кроухерст ухаживал за Клэр всю весну и следующее лето. Как-то раз он взял свою подругу покататься на лодке в Оксфорд и показал ей отель, где, как он сказал, они проведут свой медовый месяц. Клэр рассмеялась. Это было что-то новенькое, но шутка произвела на нее впечатление. Как часто происходило со многими на первый взгляд спонтанными затеями Кроухерста, которые он устраивал, повинуясь случайному порыву, импульсу, это предсказание насчет отеля сбылось. Пара действительно

провела в нем свой медовый месяц.

«Это важно, – говорит Клэр Кроухерст. – У Дональда был некий особый дар. Он мог говорить совершенно невообразимые вещи, но потом, какими бы безумными они ни казались, он проявлял ум и изобретательность, чтобы в конце концов воплотить их в жизнь. И так происходило всегда. Это самая важная черта его характера».

Клэр Кроухерст была родом из Килларни. Отец ее, ирландский католик, был фермером, а его хозяйство находилось рядом с полями для игры в гольф. Мать Клэр, англо-ирландская протестантка, происходила из семьи Тэлбот и в социальном плане заметно отличалась от мужа. Но, как говорит Клэр, она любила его преданно и прожила с ним счастливую, хоть и нелегкую жизнь. (В моменты особенной раскованности и откровенности Дональд Кроухерст иногда признавался, что состоит в родстве с семьей Гиннесс по линии жены, то есть через тещу.) Когда она счастлива и расслаблена, Клэр Кроухерст производит впечатление настоящей ирландки благодаря широкой улыбке и легким, плавным движениям. Когда же что-либо напоминает ей о горестях жизни и приходится брать себя в руки, сдерживать эмоции, суровая протестантская кровь ее матери выходит на первый план. Фигура Клэр становится более стройной, подтянутой, что внушает почтение и уважение. В ее голосе появляется больше высоких нот, а английский акцент начинает преобладать над ирландским выговором.

Клэр и Дональд поженились 5 октября 1957 года в Рединге, в романо-католической церкви английских мучеников (по поводу этих мучеников в кругу друзей Дональда было много шуток). Год они жили вместе с Элис Кроухерст, после чего родился их первый ребенок, сын Джеймс. Примерно в это же время Дональд серьезно увлекся парусным спортом.

Вскоре Кроухерст нашел работу в «Mullards», фирме по производству электроники, и семья переехала. В перспективе новое место было очень многообещающим. Кроухерсту выдали в пользование служебную машину, и он с нетерпением ждал, когда ему выпадет возможность заняться своими собственными оригинальными исследованиями. Но как оказалось, в компании ему всего лишь отводилась роль квалифицированного коммивояжера, и Кроухерст занимался тем, что расхваливал нетерпеливым покупателям достоинства изобретений других людей. Дональду была отвратительна рутина, он презирал обязательные для выполнения правила компании и до смерти ненавидел однообразные ежедневные поездки в безликий лондонский офис «Mullards» и обратно. Через год Кроухерст

попал в аварию. Ему сделали выговор, он вспылил и, не стесняясь в выражениях, тут же высказал, что думает о своем начальстве и работе. Затем он уволился.

К тому времени Дональду Кроухерсту было 26 лет. Он трижды начинал многообещающую карьеру, но нигде ему не удавалось продержаться сколько-нибудь долго. Он никогда не был прилежным рядовым сотрудником, да и не хотел им быть. После «Mullards» Кроухерст какое-то время работал в «Maidenhead», а потом в 1962 году занял место главного инженера-конструктора в компании «Electrodynamic Construction», расположенной в Бриджуотере, графство Сомерсет. Новую работу он рассматривал всего лишь как средство заработка и возможность убить время, так как уже понял, что ему не суждено разбогатеть именно этим способом. Кроухерст решил, что должен начать собственное дело и продавать свои электронные изобретения. Все свободные часы он проводил, выдумывая странные приборы и прикидывая рынки сбыта для них. Все время, что Клэр жила с ним, у него сохранялась эта привычка – уединяться от всех в своей комнате, где он возился с проводами и транзисторами, решал прикладные задачи и конструировал разные приспособления. Многие друзья Дональда Кроухерста называли его «башковитым умником», как английских изобретателей времен Второй мировой войны. Это слово, в котором слегка проглядывает намек на одинокого ученого и тайного героя, многое говорит о его характере. Роль изыскателя была самой важной из всех, что Кроухерст играл для себя и всего мира. Он мог по восемь часов кряду сидеть в мастерской один с отсутствующим выражением на лице, почти забыв о том, что у него есть жена, семья и вообще существует что-то еще, кроме электронных устройств.

Примерно в то же время Кроухерст приобрел маленький голубой шлюп длиной шесть метров под названием «Pot of Gold», который держал в лодочной мастерской недалеко от Бриджуотера. Иногда вместо того чтобы запираться в мастерской, он вдруг вскакивал с места, вылетал из дома, повинуясь импульсу, и отправлялся кататься на яхте. Подобные поездки были для него таким же утешением, как и работа в мастерской.

Изобретением, которое, по замыслу Кроухерста, должно принести ему богатство, был прибор под названием «навикатор» – устройство для определения направления движения при навигации в море (бортовой радиопеленгатор или автоматический радиокомпас). Навикатор представлял собой грамотно собранный прибор, хотя в его конструкции не было

ничего принципиально оригинального. На рынке существует великое множество приспособлений для определения направления движения. По сути дела, любой транзисторный приемник, работающий на самом пределе своей громкости, может использоваться для очень приблизительного установления местоположения. Однако появившись первым, навикатор был наиболее удобным в использовании устройством. Он был заключен в пластмассовый корпус, имеющий форму пистолета, в который был встроен компас, благодаря чему все операции можно было осуществлять одной рукой. По словам Клэр, Дональд намеренно выбрал такой неоригинальный продукт для начала своего бизнеса, так как предполагал, что более сложные устройства будет тяжелее реализовать на рынке. Он решил назвать свою фирму «Electron Utilisation».

Три года Кроухерсты прожили в Нетер-Стоуи, пригороде Бриджуотера. Это небольшая деревня, расположенная в дюнах Кванток-Хиллс и населенная успешными бизнесменами и специалистами из Бриджуотера и Таунтона, будто специально собравшимися в маленькое сообщество в местечке в высшей степени живописном. Пожалуй, это был самый счастливый период жизни Кроухерстов. К тому времени, когда им пришлось покинуть Нетер-Стоуи, у них родилось еще три ребенка. После Джеймса на свет появился Саймон в 1960 году, на следующий год – Роджер, а в 1962 году – Рэйчел. «Electron Utilisation» по-прежнему оставалась перспективным и привлекательным проектом. Кроухерст продолжал часами просиживать в мастерской, устраивать экспедиции по морю или незапланированные вылазки в дюны. Нашлись поблизости и добродушные соседи, лишенные предрассудков, в большей или меньшей степени интеллектуально развитые. Центром местной общественной жизни было Собрание любителей театрального искусства. Дональд блистал на сцене в самодеятельных представлениях и зарекомендовал себя как незаменимого специалиста, починив систему освещения. После чтения сценария или репетиции десять наиболее ярких представителей Собрания оставались в театре выпить, пообщаться и обсудить проблемы общества и мироустройства.

«Дональд Кроухерст был самым открытым человеком, какого мне только доводилось видеть, – рассказывает Джон Эммет, один из лидеров театрального кружка. – Он мог говорить о чем угодно и где угодно. Так, например, он был совершенно свободен от предрассудков. Он всегда относился с презрением к религиозным людям. В конечном счете, по моему мнению, он и Клэр привил свою философию, хотя она начала понемногу отходить от католической веры еще до того, как познакомилась с

Кроухерстом. Но даже при таких взглядах, когда кто-то говорил что-то вроде: «Какая ерунда вся эта астрология!» – Дональд замолкал, задумывался и отвечал, что ни одну концепцию нельзя отвергать с такой уверенностью. В конце концов, общеизвестно, что Луна может влиять на настроение людей, так почему бы звездам не оказывать похожее воздействие на нас?»

Именно во время этих вечерних посиделок Дональд как-то снова начал развивать свои теории о том, что жизнь – это игра, что разум может существовать без примитивного контроля тела и что всякое истинное утверждение можно просчитать с математической точностью. Клэр, которая обычно сидела с детьми, чаще оставалась дома.

Чуть позже в Бриджуотере Кроухерст организовал небольшой тандем из двух супружеских пар, Уинспиэров и Биэрдов, которых подбивал на спонтанные экспедиции, ужины или игры с запутанными правилами. Рональд Уинспиэр удовлетворял потребность Кроухерста в интеллектуальных беседах, а Питер Биэрд всегда был готов на безумные выходки. Кроухерсту нужны были оба, как и сопровождающие их жены, чтобы ублажить обе стороны своей сущности, и те позволяли ему выступать перед ними сколько угодно: они наслаждались живостью и непосредственностью своего знакомого. Рональд Уинспиэр был физиком на атомной электростанции Хинкли-Пойнт. Питер Биэрд, бывший гвардеец Колдстримского полка, родившийся и выросший в Бриджуотере, в семье сельского труженика, теперь преуспевал, занимаясь изготовлением бюджетных систем автоматического рулевого управления для яхт.

Очевидно, это объединение было не слишком сплоченным. Интеллектуальные беседы и эпатажные выходки не очень-то сочетаются друг с другом. Когда Кроухерст и Рон Уинспиэр погружались в метафизические беседы или разговоры о рабочих кооперативах, Питер Биэрд начинал скучать. Когда Кроухерст отправлялся на поиски приключений с Питером или говорил всей компании в баре, что его знания, ум и руки стоят 40 000 фунтов и что он готов отколотить любого, кто усомнится в том, Рон Уинспиэр сомнительно качал головой. В особенности Биэрды не ладили с Клэр Кроухерст.

Интересно, что, когда этих двух друзей Кроухерста спрашивают о нем, они высказывают очень противоречивые мнения. Питер Биэрд говорит: «Проблема Дональда заключалась в том, что он мнил себя богом. Все в его жизни вращалось вокруг веры в самого себя. Он был так умен и стремителен, что заставлял и других верить в его способности. Он полагал, что он

такой весь из себя прекрасный, и он действительно был таким – сногсшибательным парнем, гением. Но богом он не был. Поэтому-то все его неприятности были следствием его собственных провалов».

Рональд Уинспиэр говорит: «Я никогда не боготворил Дональда. Я признавал его способности и считал самой живой и естественной личностью, какую только встречал. Когда Дональд пытался произвести впечатление на людей, в нем появлялось что-то, свойственное второсортному товару. Но когда знал, что ему не нужно играть на публику, он расслаблялся и был просто живым человеком, что впечатляло не меньше. Дональд был не тем партнером, с которым стоило бы затевать совместное дело. Но он определенно заслуживал восхищения, и причем довольно большого».

Проблема такого умного и сообразительного человека, каким был Дональд Кроухерст, а в этом сомневаться не приходилось, состояла в том, что в сельской местности, в таком провинциальном городке, как Бриджуотер, было мало людей, с которыми можно было посостязаться в интеллектуальных способностях. Его ум стал средством, использовавшимся преимущественно для того, чтобы пускать пыль в глаза другим. Доведись Кроухерсту попасть в Кембридж, там его ум получил бы должную подготовку и развитие; там, в присутствии таких же умных соперников и друзей, он стал бы более скромным. В то же время Кроухерст не чувствовал бы там фрустрации, свойственной провинциальному интеллектуалу, постоянно пребывающему в убеждении, что он достоин большего, чем ему может предложить этот ограниченный мирок, и смотрящему на большой мир с презрением и завистью.

В той сфере, в которой он получил систематическое образование – в электротехнике, Кроухерст был в высшей степени осведомлен и впечатлял других собственными оригинальными идеями. Для человека с инженерным образованием он необычайно хорошо владел языком. Несмотря на бессистемное чтение, Дональд был способен использовать выразительные фигуры речи в разговоре, в споре или письме.

С другой стороны, ему не хватало контроля над своими умственными способностями и сдержанности, которые взращиваются у человека при получении более формального общего образования. Складывалось впечатление, что в своих письменных работах Кроухерст не способен был отличить хорошее от плохого. Он создавал отлично структурированную, живую прозу (внешний вид которой портили примитивные орфографические ошибки), а потом вдруг скатывался до

банальностей. Подобная же проблема наблюдалась и в точных науках: как инженер и математик, он уверенно решал довольно сложные задачи, проявляя творческий нестандартный подход, а потом делал ошибку в простом сложении. Неудачи вгоняли его в продолжительную депрессию, которую он мог преодолеть только после появления новой маниакальной идеи.

Такая личность, как Кроухерст, знакома каждому, кто читал романы Герберта Уэллса или Чарльза Перси Сноу о провинциальной жизни в сельской местности. Подобно героям их книг, интеллектуалам из маленьких городков, Дональд испытывал стойкое чувство отвращения к большому миру, который не торопился открывать свои двери перед ним. Персонажи романов Уэллса и Сноу иногда достигали шумного успеха, что открывало им глаза на многое и способствовало их взрослению. Кроухерст с таким же отчаянием желал добиться успеха, но пока что еще не выучил правил той самой игры, в которую начал играть.

В 1962 году мать Дональда Кроухерста осложнила жизнь семьи, совершив поступок, которого от нее не ожидали. Потерянность и горе, ставшие следствием проживания в замкнутом мирке, неожиданно оказались невыносимыми, хоть она и находилась в окружении заботившихся о ней родственников. Однажды утром Дональд, принесший на подносе завтрак, вошел в спальню и увидел в руке матери пригоршню таблеток снотворного, которые она заталкивала себе в рот. Прежде чем Кроухерст смог что-либо предпринять, она уже проглотила бóльшую часть пилюль. Элис доставили в больницу, где сделали промывание желудка. С тех пор она практически не выходила из больницы и дома престарелых Бриджуотера.

Через несколько лет Дональд попросил мать продать их дом в Тайлхерсте, чтобы использовать часть средств для запуска собственного предприятия – фирмы «Electron Utilisation». Она охотно согласилась. Капитала, вырученного от продажи дома, хватило на то, чтобы изготовить первую партию навикаторов. Дональд окунулся в дела фирмы с яростной энергией, убежденный, что все сложится удачно. Он съездил в Лондон и попробовал наладить там механизмы сбыта, сделал рекламу во всех журналах по мореходству и даже отважился отправиться на континент для проведения промотура.

Через год-два ему выпал шанс удовлетворить свои амбиции в сфере местного самоуправления на должности советника от либеральной партии. Его попросили стать кандидатом от центрального района Бриджуотера. Кроухерст выиграл выборы

благодаря искусно созданному имиджу бизнесмена, обладающего всеми качествами, которые необходимы для того, чтобы решать городские проблемы в промышленном секторе. Его предвыборный лозунг был своеобразной насмешкой над компьютерной программой: «Вы можете думать, что вы расчетливый человек, но осмелитесь ли вы пройти это испытание?» Плакат с лозунгом предлагал избирателям ряд политических вопросов с альтернативными ответами, ведущими в разделы под разными номерами. Не нужно и говорить, что здравомыслящий и придерживающийся логического подхода избиратель отдал предпочтение понятной, четко выстроенной программе разбирающегося в финансовых вопросах кандидата с техническим образованием – Дональда Кроухерста. Просчитанный либерализм.

Примерно в это же время Дональд купил себе новый «Ягуар». Он гонял на нем очертя голову и через полгода попал в еще одну аварию. Машина перевернулась, и Дональд получил ужасную рану на лбу. После катастрофы жена стала замечать некоторые изменения в личности Кроухерста. Его деловая активность снизилась, он стал подавленным и подолгу сидел в гостиной их дома в Вудландсе, таращась бессмысленным взглядом на ковер. Когда у него что-то не получалось, его охватывали припадки ярости. Если в ящике не находилось нужного предмета, Дональд мог высыпать его содержимое на пол и топтать ногами в приступе безудержного гнева. Однако с детьми он всегда был нежен. Едва машина отца появлялась за воротами, как они кидались ему навстречу. Дональд подхватывал всех четверых на руки, входил в дом, смеясь и шутя, и осторожно ссаживал их в кресло в гостиной. Они его просто обожали.

В какой-то момент у Кроухерста снова вспыхнул интерес к сверхъестественным явлениям. Он по-прежнему называл себя сомневающимся, скептиком; Бог и религия – это было не для него. Тем не менее он вместе с Уинспиэрами и Биэрдами пробовал провести несколько спиритических сеансов, а также экспериментировал с передачей мыслей на расстоянии. Как рассказывает миссис Биэрд, однажды Кроухерст отвез ее на Маунд, одинокий холм, возвышающийся над Нетер-Стоуи. Он сказал, что верит в черную магию, и заявил своей спутнице, что та должна стать его кровной сестрой. Сняв рубашку, он велел Биэрд надеть ее, потом, бормоча какие-то заклинания, сделал себе надрез у основания ладони и приложил его к запястью женщины. По словам Кроухерста, этот ритуал связывал их на всю жизнь, и вскоре должно появиться подтверждение этому. Через четыре дня, как рассказывает миссис Биэрд, на ее запястье появилось несколько рубцов. Был ли это просто розыгрыш,

вздумалось ли Кроухерсту поиграть в бога или же он все делал всерьез – как бы то ни было, Пэт Биэрд не получила особого удовольствия от пережитого опыта.

В другой раз кто-то принес колоду карт Таро, и Дональд взялся предсказывать судьбу. В конце 1966 года, когда яхта «Gipsy Moth IV» приближалась к берегам Австралии, Кроухерст и его друзья попробовали погадать на Таро на Фрэнсиса Чичестера. Раз за разом карты предсказывали крушение судна, катастрофу и гибель его капитана. Дональд оживленно переворачивал одну карту за другой, наблюдая, как Чичестер приближается к катастрофе. Неожиданно Клэр, относившаяся ко всему очень серьезно, вскочила и крикнула, что такого рода шутки за гранью приличий, после чего попросила всех разойтись.

Сначала дела фирмы Кроухерста вроде бы шли успешно. Он арендовал небольшой завод и нанял шесть постоянных работников. Дизайном его устройства заинтересовалась компания «Pye Radio», производящая электронные приборы. Она начала вести переговоры о слиянии и даже выплатила владельцу «Electron Utilisation» 8500 фунтов. Однако дальше этого сделка не пошла. «Pye Radio», у которой были проблемы в совете директоров, взяла самоотвод. Выплаченных денег хватило, чтобы поддерживать процветание фирмы какое-то время, но скоро все пошло наперекосяк. Кроухерст оставил завод, перенес производство в Вудландс и сократил количество работников до одного сборщика на неполной занятости. Ему так и не удалось наладить долговременные маркетинговые мероприятия для эффективных продаж навикаторов, и бóльшую часть времени Кроухерст занимался привлечением средств на закупку необходимых радиодеталей, в частности компасов для своих приборов, которые ему приходилось приобретать готовыми за 3,10 фунта штука.

Подыскивая новые источники финансовой поддержки, Кроухерст познакомился со Стэнли Бестом, который начал оказывать помощь фирме и в конечном счете спонсировал подготовку к гонке. Бест был бизнесменом из Таунтона, воплотившим мечту Кроухерста в жизнь. Разительно отличающийся от Кроухерста темпераментом, он использовал абсолютно другую методику, чтобы добиться своей цели. Благодаря упорному труду и налаженной продаже топлива и трейлеров Бест стал богатым человеком. У него были лишние деньги, которые он был не прочь вложить в дело. В 1967 году Бест предоставил «Electron Utilisation» ссуду в размере 1000 фунтов, чтобы фирма могла преодолеть период, который Кроухерст

считал этапом временных затруднений. Ссуда предоставлялась на год, но проблемы все множились, партнеры по маркетингу приходили и уходили, а временные затруднения продолжались.

Прошло довольно много времени, прежде чем Стэнли Бест понял, что «Electron Utilisation» была не той компанией, благодаря которой он мог бы сколотить себе второе состояние. Боевой настрой Кроухерста поддерживал его уверенность еще долго после того, как цифры в балансовых отчетах ушли в минус.

«Я всегда считал Кроухерста классным изобретателем, – говорит Бест. – В цеху или в лаборатории его было не превзойти. Однако бизнесмен, человек, понимающий, как работает мир, из него вышел совершенно никудышный. Он постоянно находился в движении, так что у него никогда не было времени посмотреть, что на самом деле происходит вокруг. Похоже, у него был дар убеждать самого себя, что все будет великолепно и что безнадежная ситуация является лишь временным затруднением. Признаюсь, этот энтузиазм был очень заразителен. Но теперь-то я понимаю, что он был продуктом фантазирующего мозга человека, который грезит наяву и воображает свою собственную реальность, выдавая желаемое за действительность».

Это был краткий портрет Кроухерста, бриджуотерского бизнесмена. И еще ярче он описывал Кроухерста, выступающего в новой роли – роли отважного героя.

2. Гонка века

В конце мая 1967 года Фрэнсис Чичестер вернулся в Плимут, завершив одиночное кругосветное плавание на парусной яхте, благодаря чему снискал себе славу и значительно увеличил свое благосостояние. Само собой разумеется, что общественность Британии твердо решила сделать из него героя, подобно тому как ранее возвела в этот ранг исследователя Антарктиды капитана Скотта, покорителя Эвереста Эдмунда Хиллари и легкоатлета Роджера Баннистера (победителя знаменитого забега «Миля столетия»), ставших объектами национального поклонения. В тот вечер четверть миллиона людей собрались на набережной Плимута, почти все маленькие суда в порту выстроились в огромную флотилию, приветствуя героя-мореплавателя, а в программе национального телевидения были отведены многие часы телевещания для прямой трансляции торжественного события. В Австралии Чичестер уже был произведен в рыцари, после чего престижным титулом поторопились наградить путешественника и в Гринвиче. Книга авторства Чичестера, выпущенная вскоре после окончания плавания, на несколько лет стала одним из самых продаваемых бестселлеров.

Такой интерес общественности к кругосветному плаванию Чичестера удивил всех, кто имел хоть какое-то отношение к путешествиям, и не в последнюю очередь был поражен информационный спонсор – газета «Sunday Times». Конечно, Чичестер обошел вокруг света быстрее и с бóльшим шиком, чем это делали до него другие, ограничившись всего лишь одним заходом в порт, однако в его подвиге не было ничего принципиально нового. Впервые подобное плавание совершил Джошуа Слокам еще в 1895–1898 годах, после чего путешествие повторили еще несколько мореходов, каждый из которых делал несколько остановок в разных портах мира. Американские журналисты, авторы новостных еженедельников, как всегда сбитые с толку реакцией британцев, попытались найти объяснение этому явлению, не скупясь на слова и предположения в пространных велеречивых статьях. Мол, теперь, когда империя прекратила существование, а денег на отправку людей на Луну нет, британцы снова обратились к классическому, благородному, безыскусному героизму, покоряя различные стихии. Как мы увидим впоследствии, едва ли можно до такой степени преуменьшать мотивацию людей, пускающихся в путешествие подобного рода, и так упрощать механизм ответной реакции общества на их поступки.

В «Sunday Times» первое время несколько колебались, стоит ли им освещать плавание Чичестера на страницах издания. Сначала там наотрез отказались от спонсорства, как и в двух других газетах «Daily Mirror» и «Daily Telegraph», к которым представители путешественника обратились изначально. В конечном счете «Sunday Times» согласилась приобрести за 2000 фунтов стерлингов половину прав на публикацию материалов о первой части плавания, до Австралии, с возможностью продления контракта. В первые месяцы интерес общественности к теме был настолько низким, что выплаченная сумма казалась завышенной, к тому же другой информационный спонсор – газета «Guardian», запустившая в очередной раз кампанию по экономии средств, – вышел из игры в тот момент, когда Чичестер едва преодолел половину пути. Однако «Sunday Times» продолжила освещать путешествие, лихорадка по поводу плавания Чичестера постепенно разгоралась, и к тому времени, когда четвертьмиллионная толпа ликующих собралась в Плимуте, стало ясно, что британский еженедельник заключил одну из самых выгодных сделок века в сфере СМИ. Впоследствии газета стала более благосклонно рассматривать предложения по освещению приключений в море. В особенности дело получило размах после того, как Харольд Эванс, единственный из редакторов «Sunday Times», кто в самом начале проявил энтузиазм по поводу предприятия Чичестера, стал главным редактором издания. Затруднение состояло лишь в том, чтобы найти новые форматы освещения заезженной темы после пресыщения историями о море, ветре и парусах, на которые вдохновил их Чичестер.

Удивительно, но среди ликующей толпы, среди флотилии яхт, приветствующих Чичестера, не было одного человека. Дональд Кроухерст восхищался Чичестером неимоверно. Он купил и прочел от корки до корки все книги путешественника, внимательно следил за его плаванием, но ревнивые настроения, пробудившиеся в душе скептика, не позволили ему самолично лицезреть наивысший момент триумфа героя. Вместо того чтобы поехать в Плимут, находившийся в двух шагах от места его проживания, Кроухерст провел первую половину дня, катаясь на яхте в Бристольском заливе с Питером Биэрдом, намереваясь после этого отправиться домой смотреть телетрансляцию прибытия Чичестера. Радиоприемник на яхте был включен, и в то время как час за часом дикторы изливали в эфир восторженные комментарии, два друга слушали репортаж с гримасами презрения на лицах. Кроухерст расхаживал по палубе, кривляясь и пародируя радиоведущих, ликующих зрителей и членов

комитета мэрии, встречающих мореплавателя. Из-за чего вообще поднялась вся эта шумиха? – вопрошал Дональд. Ведь Чичестер не был первым человеком, объехавшим вокруг света. К тому же у него была просто никудышная яхта, и он делал длинный перерыв на отдых в Австралии. Единственным заслуживающим внимания моментом, заключил Кроухерст, был преклонный возраст Чичестера.

И уже тогда Дональд Кроухерст заявил об амбициозном намерении совершить в одиночку *безостановочное* путешествие вокруг света, что действительно возвело бы его в ранг героев-первопроходцев и обессмертило его имя. По его словам, идея зародилась у него еще четыре года назад. Правда, одновременно он обдумывал и другие морские проекты, хоть и не делал попыток осуществить их. Так, например, он предполагал повторить подвиг Тура Хейердала и отправиться на примитивном, самодельном, неуправляемом плоту в плавание, которое получило бы хорошее освещение в прессе. Или осмелиться на нечто большее – воспроизвести (может быть, даже усложнив) одиночное путешествие Алена Бомбара с Канарских островов на Барбадос, питаясь сырой рыбой и планктоном, что послужило бы удовлетворению сразу двух амбиций яхтсмена – его интереса к опасным, рискованным путешествиям и страсти к научным исследованиям. Однако после возвращения Чичестера в Англию мысли Кроухерста все больше занимала идея о безостановочном кругосветном плавании.

Продолжающееся прославление сэра Фрэнсиса и очевидный финансовый успех его предприятия едва ли могли погасить энтузиазм Кроухерста. Чичестер получал все растущие гонорары, появлялся в рекламе на страницах газет и на телевидении, имел долю с доходов от лекций и телепередач, не говоря уже о прибыли с перевода его книги на десятки языков и новом стимуле для его небольшого бизнеса – предприятия по выпуску карт и путеводителей. К тому времени фирма «Electron Utilisation Ltd» все больше приходила в упадок, и у Кроухерста появилось уже несколько причин для совершения какого-нибудь подвига.

В его реакции на путешествие Чичестера не было ничего необычного. По сути дела, это в порядке вещей – искать какую-то более значимую цель, чтобы превзойти достижения другого человека. Не считая попытки просто обойти вокруг земного шара за более короткое время (на что не мог надеяться Алек Роуз, более ранний последователь Чичестера), оставался единственный способ затмить достижение сэра Фрэнсиса – совершить безостановочное кругосветное плавание.

К концу 1967 года по крайней мере четыре яхтсмена предпринимали конкретные шаги для повторения путешествия Чичестера. Возможно, все они проявляли излишний оптимизм, даже просто рассматривая такую возможность. Сам Чичестер, при всем его опыте, признался, что с большим трудом достиг берегов Австралии, а Роуз был вынужден сделать незапланированную остановку в Новой Зеландии, помимо заявленного захода в Мельбурн. Для успешного осуществления задуманного понадобились бы яхта, идеальное владение навыками мореходного искусства и исключительные личные качества, не говоря уже о хорошей доле везения. Однако пример Чичестера подтверждал, что вознаграждение за такое путешествие и в плане удовлетворения собственного самолюбия, и с точки зрения общественного признания может с лихвой оправдать риск.

Первым человеком, обладающим толковым, практичным планом, стал отставной капитан подводной лодки Билл Лесли Кинг. Он начал готовиться к плаванию еще за три месяца до возвращения Чичестера. Понимая, что успех предприятия будет во многом зависеть от самой яхты, Кинг связался с полковником Хаслером по прозвищу Блонди. Несколько лет назад благодаря этому яхтсмену практика одиночных плаваний получила импульс для развития, так как именно он изобрел автоматическое рулевое устройство, способное работать на любых курсах относительно ветра. В этот раз Хаслера попросили изготовить идеальную яхту для кругосветных путешествий по специальному проекту заказчика. Хаслер согласился разработать такелаж и предложил Энгусу Примроузу заняться корпусом. Получившееся судно, гладкое, с плавными очертаниями и выпуклой палубой, сильно напоминало бы субмарину, если бы не две не к месту торчавшие мачты с вооружением джонки. Строительство яхты, названной «*Galway Blazer*-II», началось в конце года, а когда в январе 1968 года объявили о выставке яхт и катеров, у Кинга уже было два информационных спонсора: газеты «Daily» и «Sunday Express».

Еще до того как Кинг приступил к реализации своего плана, двадцативосьмилетний офицер торгового флота по имени Робин Нокс-Джонстон также предпринял попытки раздобыть судно, предназначенное специально для кругосветных путешествий. Он начал прикидывать параметры яхты в апреле, за семь недель до возвращения Чичестера, и вскоре нашел конструктора. Однако проведя несколько месяцев в безуспешных поисках средств на строительство судна, он отказался от своего плана. Несмотря на неудачу, Нокс-Джонстон решил до конца года отправиться в плавание на собственной лодке «*Suhaili*», небольшом бермудском кече длиной 32 фута с корпусом из тикового дерева. На первый

взгляд его яхта совершенно не годилась для таких путешествий. Она была мала, не развивала достаточной скорости, а слишком высокая палубная надстройка делала ее уязвимой для ветра и вызывала дрожь и у более опытных моряков. В ее пользу говорили только два обстоятельства: она была успешно опробована во время путешествия из Индии, где была построена для Нокс-Джонстона четыре года назад, необычайно хорошо сбалансирована и проста в управлении.

Решившись на плавание, Нокс-Джонстон сделал мудрый ход – привлек к проекту литературного агента из Лондона Джорджа Гринфилда. Его агентство процветало вот уже несколько лет, и не в последнюю очередь благодаря популярности произведений Энид Блайтон, а в недавнее время Гринфилд стал специализироваться на выпуске книг о приключениях, написанных яхтсменами, исследователями, альпинистами и другими путешественниками. Во всей сложной системе героизации людей не было более сведущего человека, чем Гринфилд. В числе его клиентов был сам Чичестер. Ко времени обращения Нокс-Джонстона агентство работало над рекламной кампанией Уолли Херберта и его Британской трансарктической экспедиции. Гринфилд тотчас увидел в настойчивом молодом человеке, обаятельном простом парне, прекрасный материал для работы и начал привлекать спонсоров. Его выводы оказались, как всегда, безукоризненно верными: на протяжении всего проекта Нокс-Джонстон, обладавший сверхъестественным чутьем, делал и говорил то, что надо, не считая того, что именно он успешно завершил гонку.

Как мы увидим, психическая уравновешенность и трезвость мышления оказались решающими факторами для последующих событий. Робин Нокс-Джонстон, как и его яхта, был наиболее уравновешенным из всех участников регаты. У молодого человека была единственная эксцентричная для человека его возраста черта: он склонялся к очень консервативным, правым взглядам, но они не так уж редки среди путешественников и героев. До и после путешествия его отправляли на обследование к психиатру, чтобы изучить эффект от долгого пребывания в одиночном плавании. «Рад сообщить, – писал впоследствии Нокс-Джонстон, – что после обоих осмотров врач нашел, что я «до безобразия нормален».

Никто не мог обвинить следующего яхтсмена, француза Бернара Муатесье, в том, что он позиционировал себя как человека, который «до безобразия нормален». Он уже приобрел репутацию легендарного персонажа в среде моряков дальнего плавания. Муатесье прошел не одну тысячу миль на парусной

лодке по Тихому океану, а в 1966 году вместе со своей женой Франсуазой совершил самое длительное (на тот момент) безостановочное путешествие из Таити в Испанию через мыс Горн, преодолев расстояние в 14 216 миль. Будучи утонченным и одаренным человеком, он выпустил две книги о путешествиях по морю, написанные в классическом стиле: «Бродяга Южных морей» и «К мысу Горн под парусами».

Как и Кроухерст, Муатесье провел детство в колониальной стране: он родился и вырос во французском Индокитае. Впрочем, на этом сходства заканчиваются. Муатесье, сильный, жилистый человек, обладал темпераментом настоящего романтика и каким-то мистическим, необъяснимым образом чувствовал море. Помимо всех прочих вещей, без которых он обходился на борту своей парусной яхты, Муатесье не терпел также различные электронные приборы. Французский мореплаватель заявил о своих планах совершить путешествие еще до конца 1967 года. Весь январь он провел в Париже на выставке катеров и яхт, занимаясь тщательными приготовлениями оборудования, после чего отправился в Тулон, где в течение нескольких месяцев собирался оснастить судно – «*Joshua*» – всем необходимым для плавания. Яхте «*Joshua*» было пять лет, и она уже прошла десятки тысяч миль по океану. Ладно скроенная и надежная как траулер, с героическими следами нелегкой морской жизни на корпусе, она была все еще в отличной форме. У нее был стальной сварной корпус красного цвета, две толстые мачты из цельного дерева и простой авторулевой, которому, может быть, и не хватало утонченности и аккуратности творений рук Хаслера, но зато он выглядел куда менее хрупким. Муатесье писал: «*Joshua*» знакомы все секреты хорошего судна – это прочная, простая и быстрая посудина при любом направлении ветра»[3]. Ни одно судно не отличалось от прочих настолько сильно, как яхта, на которой в конечном счете отправился в путь Кроухерст.

Наконец на исходе 1967 года Джон Риджуэй, бравый капитан спецслужбы ВВС Британии, принялся выбивать отпуск, чтобы тоже попытать счастья в гонке. Он уже снискал себе лавры в 1966 году, перебравшись через Атлантический океан на гребной лодке вместе с напарником, сержантом Чеем Блайтом, и стал кем-то вроде профессионального путешественника. У него не было особых достижений в качестве яхтсмена, и его шлюп «*English Rose IV*» был примечателен лишь благодаря своим миниатюрным размерам – 30 футов в длину. Гонку он рассматривал преимущественно как испытание собственных физических возможностей, а уж что касается осведомленности в вопросах выживания, тут ему не было равных.

Таков был состав участников на январь 1968 года: старый морской волк, обожавший бороздить моря и океаны на яхте; решительный молодой человек, стремившийся сделать что-нибудь для Британии; француз-романтик, не представлявший жизни без моря, и профессиональный искатель приключений, желавший испытать себя на прочность. Мотивацию Кроухерста определить не так легко. Стимулы, толкавшие его на подвиги, не могли не иметь отношения к упадку его бизнеса, который к тому времени находился в таком плачевном состоянии, что даже сам владелец вынужден был признать критичность положения. Но как и прежде, когда обстоятельства поворачивались против него, Кроухерст искал возможность совершить театральный жест, оставить вечный след в мире, не оценившем его способностей. Способ, при помощи которого он намеревался решить стоящую перед ним задачу, был под стать личности изобретателя и яхтсмена.

После благополучного возвращения сэра Фрэнсиса Чичестера было решено, что его яхта «Gipsy Moth IV» будет установлена на бетонном постаменте в Гринвиче как постоянный мемориал в честь его легендарного путешествия. Уже нашли средства на проведение работ, и вот-вот должно было начаться возведение святыни. Узнав об этом, Кроухерст позвонил секретарю муниципалитета Гринвича и попытался объяснить, насколько безумной была мысль поставить яхту «Gipsy Moth IV» на прикол. К тому же, заявил он, у него есть более удачная мысль. В середине января Кроухерст отправил в муниципалитет письмо касательно этого же вопроса. Если ему предоставят яхту всего на год, говорилось в послании, он совершит кругосветное безостановочное путешествие и передаст городской казне все деньги, которые он непременно получит после победы. В заключение он писал:

> «*Во-первых, позвольте довести до вашего сведения, что я достаточно хорошо знаю свои возможности, чтобы утверждать, что мои знания и опыт позволяют мне совершить это путешествие по всем правилам и в соответствии со всеми традициями морского дела. Делая предложение подобного рода, я полагаю, что нет ни единой опасности, которую я бы не принял во внимание, относись она к конструкции яхты, погодным условиям и морской стихии или же ко мне самому. Любой проект подобного рода сопряжен с рисками, но я предлагаю разделить их со мной не только потому, что они*

являются приемлемыми, но также и потому, что традиции нашей нации мореходов требуют от нас принятия этих рисков».

Тон письма был типично кроухерстовский и в наивысшей степени убедительный. Однако господин Добл, секретарь муниципалитета Гринвича, не ответил на послание. Он направил официальное письмо, где разъяснялось, что городской совет не располагает свободой выбора в этом деле. Он передал письмо Кроухерста, а заодно с ним и все заботы, связанные с решением данного вопроса, обществу «Cutty Sark Society», на которое была возложена ответственность за выставление яхты Чичестера на всеобщее обозрение. Общество решило не предпринимать никаких действий. Намерения претворить в жизнь планы, в воплощении которых принимали участие два местных советника и сам лорд Далвертон, владелец «Gipsy Moth IV», были слишком тверды, чтобы их можно было изменить.

Однако Кроухерст продолжил свою кампанию. Через несколько недель он позвонил в общество «Cutty Sark Society» и переговорил с Фрэнком Карром, председателем комитета по распоряжению судами. Их беседа была куда более эмоциональной. У обоих было четкое видение ситуации, оба горели за дело и обладали склонностью к риторике. Они поговорили по телефону, и Кроухерст увеличил ставки своего первоначального предложения. Он был готов немедленно сделать вклад в размере 5000 фунтов стерлингов плюс призовые, сколько бы он ни получил, плюс страховой взнос – 10 000 фунтов стерлингов.

Фрэнк Карр в частной беседе сообщил Кроухерсту, что, по его мнению, яхта не очень подходит для такого путешествия, приведя в подкрепление своих слов едкие критические замечания самого сэра Фрэнсиса по поводу судна. Он полагал, что было бы неразумно рисковать символом героизма нации, спуская его снова на воду. Что же касается предложения касательно призовых, Карр подчеркнул, что общество «Cutty Sark Society» уже располагает средствами в размере 17 000 фунтов стерлингов для постройки сухого дока в Гринвиче и предлагаемая Кроухерстом сумма едва дотягивает до вышеназванного предела, не говоря уже о стоимости самой лодки.

Кроухерст тем временем обзавелся влиятельными союзниками. Во время продажи своих навикаторов на выставке яхт и катеров в январе 1968 года он старательно обрабатывал всех важных гостей, которых встречал на мероприятии. Энгус Примроуз, один из конструкторов «Gipsy Moth IV» и главный

конструктор яхты Билла Кинга «Galway Blazer II», помнит их разговор. Примроуз был очень впечатлен энтузиазмом Кроухерста и его искушенностью в парусной навигации. К нападкам Кроухерста присоединились журналы для яхтсменов, хоть они и преследовали другие цели. Энтони Черчилль в «Yachting Boating Weekly» и Бернард Хейман в «Yachting World» с возмущением отстаивали тезис, что яхты, даже знаменитые, предназначены для плавания в море, а не для выставления в музеях.

Итог этой битвы не удовлетворил ни одну из сторон. Кроухерст потерял шанс получить яхту, а Фрэнк Карр – доверие яхтсменов, которые со всем энтузиазмом мореходов ответили на протесты журналистов и внесли свой скудный вклад в фонд «Gipsy Moth».

Хотя Фрэнк Карр и все прочие участники этой драмы открыто высказывали аргументы против предложения Кроухерста, возможно, за их нежеланием пойти ему навстречу скрывался даже еще более весомый довод. К сэру Фрэнсису Чичестеру, пусть он и не был официальным владельцем яхты, обратились за консультацией. Тот навел справки о Дональде Кроухерсте у своих друзей. Таким образом, скептицизм Кроухерста обратился против него самого и оказал просто неимоверное по силе воздействие. Инстинктивные подозрения сэра Фрэнсиса так никогда не рассеялись и сыграли не последнюю роль в истории Кроухерста.

Но даже если бы общество «Cutty Sark Society» согласилось принять денежное пожертвование Кроухерста, откуда бы тот взял деньги? И если бы для него построили яхту, кто бы спонсировал это мероприятие? У Кроухерста не было ответов на эти вопросы, несмотря на все его громкие и высокопарные заявления. Проблема полностью овладела его умом: в своем личном дневнике он кропотливо записал имя каждого британского медиамагната и все данные буквально каждого филантропа, поддерживавшего промышленный сектор. Так, например, он разузнал домашний номер лорда Томпсона Флитского, выяснил имя его лакея и рассчитал точное время, когда Томпсон обычно вставал утром. Точно через пять минут после этого он позвонил ему домой.

– Пакстон? – спросил он властным, не допускающим возражения тоном. – Это Дональд Кроухерст. Я хочу поговорить с лордом Томпсоном.

По словам Кроухерста, лорд Томпсон в тот момент как раз спускался по лестнице в столовую. Смелая выходка удалась: лорд взял трубку, и Кроухерст обратился к нему с предложением. Как было бы прекрасно, сказал он, если бы «Times» или «Sunday Times» проспонсировали безостановочное путешествие вокруг

света. Или, может быть, даже *гонку* вокруг света. И он, Кроухерст, скорее всего принял бы в ней участие и уж наверняка, он уверен в том, одержал победу. В связи с этим не мог бы лорд Томпсон помочь ему стать участником соревнования?

Лорд Томпсон не помнит этого разговора. Обычное дело, когда с ним пытаются связаться по личному номеру разные лоббисты и просто чудаки. Если им удавалось преодолеть все препоны, он быстро отправлял их к нужному редактору или просто не слушал. Конечно же, в этом случае он ничего не обещал. Однако по случайному совпадению всего через две недели после звонка Кроухерста «Sunday Times» действительно объявила о начале кругосветной гонки на парусных яхтах. После чего Кроухерст был убежден, что это была целиком его идея, и в нескольких последующих письмах он прямо называл себя автором проекта. Если принять во внимание такое странное совпадение, у него были на это причины.

Между тем история гонки, инициированной газетой «Sunday Times», берет начало совсем в другом месте. Стоит описать ее подробно, потому что именно весьма расплывчатые правила регаты стали важным звеном в цепи событий, которые привели Кроухерста к трагическому исходу.

В начале января 1968 года Джордж Гринфилд рассказал Харольду Эвансу, редактору «Sunday Times», о своем новом протеже, яхтсмене по имени Робин Нокс-Джонстон. Он предложил газете проспонсировать путешествие молодого человека, как прежде плавание Фрэнсиса Чичестера. Эванс вежливо выслушал предложение, но никакого решения принимать не стал.

Через месяц Гринфилд стал наседать, требуя ответа. Мюррей Сейл, репортер «Sunday Times», освещавший плавание Чичестера, получил задание навести справки. О планах Билла Кинга уже всем было известно, и до Сейла тотчас дошли слухи о возможности появления других соперников, число которых все росло. Он также озвучил мнение сообщества яхтсменов о вероятных технических характеристиках таких плавсредств.

Сейл тут же выдал утверждение (совершенно ошибочное, как потом оказалось, но его вполне можно понять), что кому уж точно не выиграть гонку, так это неизвестному парню Нокс-Джонстону, выходящему в море на маленьком потрепанном кече. Яхта, которой он прочил успех, была катамараном, управляемым дантистом родом из Австралии, известным в кругах яхтсменов под прозвищем Билл-с-Таити.

Так что «Sunday Times» проявила интерес к личности Билла-с-

Таити. Основная проблема, с точки зрения СМИ, состояла в том, что репортажи о путешествии, даже о безостановочном, неизбежно будут слишком похожи на репортажи о приключениях Чичестера, а между тем уже наблюдались все признаки того, что читатель пресытился подобного рода материалами. Именно в тот момент Сейлу и начальнику отдела, где тот работал, Рону Холлу (одному из авторов этой книги), одновременно пришла в голову мысль устроить гонку, хотя коллеги имели разные представления об организации мероприятия. Сейл утверждал, что единственное необходимое условие для признания яхтсмена героем – он должен прийти первым. Холл не соглашался и говорил, что у мероприятия должны быть все соответствующие атрибуты гонки, а участники должны иметь равные шансы на победу. Поэтому в силу различных причин нужно, чтобы они стартовали в разные даты, а победа будет определяться по общему затраченному времени. Другими словами, приз должен достаться тому, кто завершит гонку быстрее всех.

Существовала также и другая проблема. Сейл теперь знал, что будет по крайней мере полдюжины яхтсменов, которые попытаются совершить кругосветное путешествие в этом сезоне, а некоторые из них уже начали переговоры с другими газетами, журналами и издательствами об освещении их плавания в печати. Что, если кто-то из них откажется вступить в число участников, а потом возьмет да и выиграет гонку? В таком случае регата «Sunday Times» проиграет по всем пунктам.

Памятуя об этом, Сейл и Холл тем же мартовским вечером 1968 года сели писать предварительные правила соревнования. Первое противоречие разрешить было довольно легко: почему бы не назначить два приза? Один вручить тому, кто придет первым, а второй – участнику, обошедшему вокруг земного шара за кратчайшее время. Первый вернувшийся яхтсмен получит трофей (он обрел название немедленно – «Золотой глобус», – хоть и не предполагалось, что сам приз обязательно будет золотым). А самому быстрому яхтсмену будет вручена сумма в 5000 фунтов стерлингов. Вторая проблема была более трудной. Решили вообще не требовать от яхтсменов официально заявлять об участии в гонке. Если кто-то отправлялся в кругосветное плавание, а дата его отъезда и прибытия фиксировалась в национальной газете или журнале, то он автоматически имел право претендовать на приз регаты «Золотой глобус». Все мероприятие по стилю больше напоминало знаменитые призы виконта Нортклиффа для пионеров воздухоплавания, чем Трансатлантическую гонку яхтсменов-одиночек журнала «Observer», с форматом которой оно должно было бы

ассоциироваться.

Преимущество такого способа организации заключалось в том, что никому нельзя было *не принять* участия в гонке. Как выразился кто-то впоследствии, все выглядело так, как если бы жокей выезжал на беговую дорожку Эпсомского ипподрома, пускал лошадь галопом и неожиданно выяснял, что принимает участие в скачках Дерби. Изъян состоял в том, что «Sunday Times», строго говоря, не могла требовать контрольного освидетельствования участников на предмет технической и психологической готовности к подобного рода испытанию. Их могли обвинить в том, что они безответственно толкают на риск неквалифицированных яхтсменов. Однако – еще одно достоинство гонки – для нее был собран престижный состав судей под председательством самого сэра Фрэнсиса Чичестера[4]. В их обязанности входило не только проверить, что яхтсмены должным образом прошли нужный маршрут, ни разу не заходили в порт и не принимали ни от кого помощи, но также, используя свое влияние, проинформировать их об опасностях и убрать из числа соревнующихся кандидатов, не готовых к плаванию. Получилось так, что многих отговорили от участия в регате, включая одного несовершеннолетнего юношу с Внешних Гебрид, который собирался отправиться в кругосветное плавание на самодельной яхте, но при этом почти что находился под опекой другого лица как недееспособный.

Из всех отправившихся в плавание единственным, кто взял время для размышления, был Чей Блайт, гребец-трансатлантик. Имея за плечами всего лишь несколько дней хождения под парусами, он отплыл на простой крейсерской яхте, подражая своему соотечественнику, гребцу Джону Риджуэю. Даже в таком случае понадобился бы должным образом подготовленный квалификационный комитет, который запретил бы участвовать в регате человеку, благополучно пересекшему Атлантический океан в гребной лодке за 92 дня, на том основании, что он подвергает свою жизнь опасности. Что же касается Дональда Кроухерста, внешне производившего впечатление вполне честного яхтсмена, маловероятно, чтобы квалификационный комитет, существуй он на самом деле, отклонил его кандидатуру. Ведь Кроухерст только что убедил половину сообщества яхтсменов, что является идеальным капитаном для «Gipsy Moth IV».

В правила внесли последние поправки. Организаторам пришло в голову, что было бы опасно посылать яхтсменов в плавание через Южный океан до окончания зимы в Южном полушарии и проходить через мыс Горн до начала следующего холодного сезона, в связи с чем временем старта для участников

установили промежуток между 1 июня и 31 октября 1968 года. Эта конечная дата – 31 октября – сыграла роковую роль в судьбе Кроухерста.

Местом старта и финиша гонки на наименьшее затраченное время должен был стать любой порт на Британских островах. Однако чтобы включить в число участников регаты француза Муатесье, если тот все же настоит на отправлении из Тулона, было решено, что на приз «Золотой глобус», предназначавшийся первому вернувшемуся яхтсмену, может претендовать любой моряк, стартовавший из любого порта, расположенного выше 40-й широты Северного полушария. (Оказалось, что в этом нет необходимости. Одной из важнейших задач при устройстве гонки стала отправка Мюррея Сейла во Францию, чтобы тот убедил Муатесье перегнать свою яхту в Англию. Французский яхтсмен объяснил, что он отправляется в море по зову души и сердца и не желает быть участником каких-либо соревнований, однако в конечном счете все же поддался на уговоры под нелепым предлогом: ему будто бы понравилось лицо Сейла.)

17 марта 1968 года «Sunday Times» объявила о гонке, что привело к вспышке интереса к регате в журналах для яхтсменов. Через четыре дня Кроухерст объявил себя участником соревнования. В течение нескольких месяцев в статьях, посвященных регате «Золотой глобус», его называли не иначе как «таинственный яхтсмен», потому как тот не спешил распространяться о своих планах относительно подготовки к соревнованиям. На самом же деле никакой тайны не было. На тот момент у Кроухерста все еще не имелось ни яхты, ни денег на ее постройку.

3. Новейшая яхта

Дональд Кроухерст продолжал свою обреченную на провал кампанию, направленную на отвоевание яхты «Gipsy Moth IV», еще на протяжении двух месяцев после объявления гонки и даже усилил напор. Лорд Далвертон, официальный владелец судна, тоже подвергся атакам с его стороны, но сухо отказал в содействии. С новой настойчивостью и упорством, причиной которых было уязвленное самолюбие, Кроухерст в очередной раз обратился в общество «Cutty Sark Society». Он хотел, чтобы его «знания и умения, а также физическая выносливость и психологическая готовность» подверглись испытанию. Он писал Фрэнку Карру:

> *«Если у вас имеются серьезные сомнения относительно моих способностей осуществить предложенный план, то они вполне обоснованны и разумны. Способ, при помощи которого можно доказать мою пригодность к делу, достаточно прост: возьмем небольшое расстояние в несколько сотен миль и создадим условия одиночного плавания. Все будет проходить под наблюдением эксперта. Справедливо подобрать двух наблюдателей – по одному от каждой стороны. Естественно, они должны быть людьми, чья честность и осведомленность в морском деле неоспоримы для нас обоих, и я с радостью готов принять вашу кандидатуру, если вы согласитесь стать одним из таких экспертов. Если у наблюдателя возникнет впечатление, что я подвергаю яхту опасности по причине недостатка мастерства, он может, конечно же, прийти мне на помощь и выступить в качестве члена команды. В случае возникновения разногласий вопрос может быть окончательно решен специальным комитетом, хотя смею надеяться, что в его создании не возникнет необходимости».*

Все приведенные в письме доводы можно считать обычными уловками бывалого дельца, желающего бесплатно опробовать продукт, не беря при этом на себя никакой ответственности. Однако в строках Кроухерста можно заметить и признаки горячего желания (появлявшегося у него после отказов) доказать свою состоятельность в ходе официальной проверки, почти что испытания. После того как умер отец и стесненность в средствах

заставила Дональда покинуть Лафборо, его детский дневник ежедневно пополнялся записями о необходимости более усердной подготовки к предстоящим экзаменам на аттестат зрелости, о том, что нужно трудиться прилежнее. Когда его попросили из армии, он был одержим идеей сдать экзамен по латыни и поступить в Кембридж. После ухода из «Mullards» родился план создания собственной фирмы «Electron Utilisation» и пришло увлечение парусным спортом. А когда свое дело не пошло, появилась мысль совершить кругосветное плавание. Каждая новая цель, которую ставил перед собой неутомимый британец, таила в себе очередную неудачу и отсрочивала вынесение ему окончательного приговора. Одержимый своими фантазиями, Кроухерст был весел и чрезвычайно убедителен, однако все эти идеи оставались лишь плодом его воображения.

Во время полемики с Фрэнком Карром и обществом «Cutty Sark Society» Кроухерст неоднократно и с необычайным упорством отстаивал мнение, что яхта «Gipsy Moth IV» является «судном, наиболее пригодным из всех существующих для кругосветного плавания». Но действительно ли он верил в это? Если не считать краткой беседы с Энгусом Примроузом на выставке катеров и яхт, единственным источником, откуда он мог почерпнуть информацию о судне, была книга Чичестера, где тот на нескольких страницах, не стесняясь в выражениях, изливал сотни нелицеприятных комментариев относительно конструкции и навигационных характеристик яхты. Таким образом, мнение Кроухерста нельзя было назвать независимым суждением. Это было его убеждение, в которое он верил по необходимости: ему хотелось во что бы то ни стало обойти вокруг света. Когда Кроухерст по какой бы то ни было причине принимал решение придерживаться некоего образа действия, он демонстрировал исключительные способности в искусстве полемики для оправдания такого поведения в глазах остального мира и своих собственных.

Когда же Кроухерст наконец почувствовал, что проиграл в битве за обладание «Gipsy Moth», он поставил вопрос по-другому: а нельзя ли устроить так, чтобы кто-нибудь построил яхту для него? И снова у него не было абсолютно никаких сомнений относительно судна, каким он хотел бы обладать. Однако оно было совершенно иного типа, нежели яхта Чичестера. Неожиданно Кроухерст стал адептом тримаранов.

Тримаран был сомнительным выбором для моряка, выходящего в море в одиночку. Многие яхтсмены считают тримаран ненадежным плавсредством, если только за штурвалом постоянно не стоит рулевой. Их поведение в море

непредсказуемо: тримараны развивают высокую скорость при попутном ветре, но никуда не годятся, когда дует встречный – то есть ведут себя совершенно иначе, нежели традиционные однокорпусные суда. Тримаран нелегко заставить перевернуться, но если это происходит, он так и остается в положении «оверкиль». Однако Дональд Кроухерст вскоре уже строчил длинные, полные поучений письма в журналы для яхтсменов, оправдывая использование тримаранов в качестве яхт для кругосветного путешествия и используя даже более двусмысленные термины, чем в письмах во время кампании в честь «Gipsy Moth». Наиболее примечательным в его новой одержимости было то, что он, хоть и бывал на борту катамарана, однако свое представление о тримаранах сформировал, даже ни разу не выйдя в море на судне подобного типа.

Был уже конец мая, и времени до конечного срока оставалось все меньше. Первые два участника, Джон Риджуэй и Чей Блайт, уже были готовы поднять паруса, а Нокс-Джонстон заканчивал последние приготовления к путешествию. К гонке присоединился еще один менее опытный французский яхтсмен Лоик Фужерон, который готовился отплыть в Англию. У него тоже была хорошо выхоженная лодка со стальным корпусом. Кроухерст все еще оставался без судна и спонсора, но тем не менее пребывал в эйфории. Снова и снова он говорил друзьям, Джону Эммету и Питеру Биэрду, что станет первым человеком, который обойдет вокруг света без чьей-либо помощи. Эта вершина мореходного искусства, которую Чичестер называл «морским Эверестом», по словам Кроухерста, была просто создана для того, чтобы он ее покорил.

Между тем Стэнли Бест, методично проверяя счета фирмы «Electron Utilisation», наконец решил выйти из дела и потребовал от Кроухерста вернуть ссуженные ему средства. Какое-то время партнеры переписывались и спорили относительно создавшейся ситуации. Кроухерст, как всегда, излучал оптимизм и блистал свежими идеями. Бест был непреклонен, но по-своему понимал партнера.

Именно счастливая мысль, пришедшая ему в голову позднее и озвученная 20 мая в ответном послании на одно из таких писем Беста, позволила Дональду Кроухерсту осуществить удачнейший в его жизни убеждающий прием. Бест, самый невозмутимый и невосприимчивый человек на свете, до сих пор не может понять, каким образом Кроухерст убедил его в том, что наиболее выгодной возможностью для финансовых инвестиций было вложение средств в яхту, отправляющуюся в кругосветное

плавание.

В этом письме Кроухерста, где он в обычной самоуверенной манере снова убеждает читателя в собственной ценности и полезности для любого проекта, с детальной ясностью перечисляются достоинства и недостатки тримаранов:

> *«Предприятие подобного рода сопряжено с рядом опасностей технического плана, которые можно тщательно просчитать, чтобы заблаговременно выработать способы их эффективного устранения. А при наличии современного оборудования выживание моряка просто не вызывает никаких сомнений, даже если у него возникнут серьезные трудности в пути, что маловероятно.*
>
> *Самой же привлекательной перспективой можно назвать возможность оборудовать тримаран различными механизмами для обеспечения безопасности, которые я разработал специально для данного типа судов. (Тримараны, как вам, возможно, известно, представляют собой новый тип яхт, обладающих тремя корпусами, и отношение к ним весьма неоднозначное.) Исходя из этого совершенно ясно, что тримаран является идеальным испытательным полигоном, как нельзя более подходящим для апробирования электронной системы управления судном. Единственное имеющееся на сегодняшний день оборудование подобного рода недоработано и функционирует по совершенно другим, неправильным принципам.*
>
> *Тримаран легко перевозить, так как он сконструирован из судостроительной фанеры и/или стекловолокна; расходы на строительство одной единицы многокорпусника данного типа составляют около трети стоимости обычной яхты. Внутреннее пространство обширно и хорошо освещено, в отличие от других судов, а растущая популярность яхтинга гарантирует то, что тримаран вскоре станет для моряков настоящим плавучим домом, когда все опасения относительно безопасности этих плавсредств рассеются. Кроме существующего (на сегодняшний момент) недостатка, заключающегося в том, что тримаран невозможно вернуть в обратное положение, если он переворачивается, эти многокорпусники обладают рядом преимуществ по сравнению с килевыми яхтами. Так, они могут идти в три раза быстрее и, в отличие от килевых яхт, буквально*

непотопляемы. Если удастся продемонстрировать практическую пользу от применения предлагаемого мною оборудования таким замечательным способом, как победа в гонке «Золотой глобус», объявленной газетой «Sunday Times», и/или получить приз 5000 фунтов, а также запатентовать мои изобретения, то можно будет не сомневаться в быстром и коммерчески выгодном развитии такого начинания. На этом месте позвольте сказать, что вы можете быть уверены в одном: не имей я тридцатилетнего опыта хождения в море на небольших судах, одни только коммерческие соображения не заставили бы меня предпринять эту попытку. Я тщательно изучил все проблемы и риски и могу сказать, что абсолютно уверен в своем успехе.

Учитывая приведенные выше аргументы, я мог бы выиграть оба приза, так как уже заручился согласием двух судостроительных фирм спланировать подготовительные работы, чтобы немедленно начать строительство тримарана надежной базовой конструкции со всеми необходимыми встроенными устройствами для самоспрямления судна. По моим подсчетам, яхта обойдется примерно в 6000 фунтов, поэтому со всеми закладными на плавсредство стоимость проекта будет весьма скромной по сравнению с доходами, которые принесет само путешествие и куда включается прибыль с прав на фильмы, с радиопередач и публикаций печатных изданий, а также отчисления с рекламы. Данные, которые я изложил в этой статье, известны лишь ограниченному числу людей, и за ними чрезвычайно усердно охотятся репортеры из журналов для яхтсменов, поэтому я бы попросил вас войти в мое положение и рассматривать предоставленные вашему вниманию сведения как конфиденциальную информацию».

Это было тонко продуманное и очень убедительное письмо. Упоминание о «плавучем доме» являлось своего рода завуалированным обращением к Стэнли Бесту, занимавшемуся продажей трейлеров – домов на колесах. Ведь именно на него Кроухерст возлагал все надежды на спасение своих инвестиций, вложенных в фирму «Electron Utilisation», которые иначе были бы потеряны. Однако в письме встречались откровенно притянутые за уши заявления, как, например, «тридцатилетний» опыт хождения по морю, но основной аргумент послания был и откровенным, и хорошо продуманным. Нет сомнения в том, что

Кроухерст на самом деле верил, что может реализовать свои проекты: устройства для обеспечения безопасности, электронное оборудование для управления судном, патентные права и все остальное. Даже указанная сумма в 6000 фунтов стерлингов (пусть впоследствии из-за спешки и внесения модификаций она выросла чуть ли не в два раза) была именно той ценой, на которую яхтсмен имел все основания рассчитывать в тот момент.

Стэнли Бест и теперь не может понять, что заставило его поддержать проект. «Жена говорила, что я, должно быть, сошел с ума, – признается он. – Я, человек, никогда не вкладывающий средства, не выверив тщательно риски, неожиданно оказался втянутым в это огромное предприятие, в котором ничего не понимал, только лишь из-за призрачной перспективы получить солидный доход. Думаю, все дело было в привлекательности самой идеи, в общественном резонансе, который она вызывала, в чувстве эйфории от затеи и в умении Дональда склонять к своей точке зрения. В конце концов, он умел впечатлить и быть крайне убедительным».

На самом деле риск, который брал на себя Бест, был не таким уж и большим, как может показаться. Он пообещал компенсировать издержки, связанные со строительством яхты, но нужно было найти и других спонсоров, чтобы они разделили расходы. Сошлись также на том, что, если что-то пойдет не так во время путешествия, Стэнли Бест имеет право продать яхту фирме «Electron Utilisation Ltd». Данная статья была включена, по словам Беста, для снижения налогов, однако пункт о выкупе судна впоследствии сильно тяготил Кроухерста психологически. Он понимал, что в случае неудачного исхода путешествия применение данной статьи заставит его фирму выйти из бизнеса.

Кроухерст начал вести переговоры с несколькими компаниями, занимающимися постройкой яхт на заказ, относительно возможности сооружения тримарана. Наконец он договорился с «Cox Marine Ltd» из Брайтлингси (Эссекс) об изготовлении трех корпусов, а «L. J. Eastwood Ltd» из Брандалла (Норфолк) должна была заняться сборкой и оснащением тримарана. Основной проблемой были сжатые сроки. Именно по этой причине строительство было разделено между двумя фирмами. В «Cox» выразили сожаление, что не смогут сделать все к концу октября, и предложили «Eastwood» в качестве субподрядчика. Фирма была относительно свободна, чтобы взяться за такой большой и срочный заказ. Судостроители из Норфолка согласились изготовить тримаран с минимальной прибылью для себя и прилагая максимум усилий.

Фирмой «Eastwood» управляли два партнера. Один – Джон Иствуд, тихий, спокойный человек с медленным говорком, бородой как у крестьянина и большим опытом в инженерном деле и конструировании лодок. В 1962 году он ушел из компании «Perkins Diesels», где занимал ответственную и прибыльную должность, чтобы открыть собственную яхтенную мастерскую, и обнаружил, что хоть это дело и не самое надежное и выгодное, зато работа ему по душе. «Говорят же, что человек получает удовольствие от того, что приносит меньше всего денег, – утверждает Иствуд. – Но к счастью, я полагаю – и так же думают большинство людей, работающих со мной, – что лучше получать удовлетворение от жизни, собирая лодки, чем зашибать легкие деньги где-то еще. Странное дело, но в чем-то я похож на Дональда Кроухерста. Я люблю разрабатывать проекты, но рутинная работа и административные дела – это мне не по душе. Для меня это так скучно, и моя душа все время рвется вперед, к новым идеям».

Его партнер, Джон Эллиот, был в большей степени финансистом и дипломатом, чем экспертом. Моряк и издатель, он также занимался ведением бизнеса «Eastwood» и быстро понял, какие возможности для привлечения внимания к предприятию открываются благодаря заказу Кроухерста.

Когда они договорились обо всех деталях, касающихся проекта судна, пришла интересная новость: к гонке «Sunday Times» присоединился еще один тримаран. Им управлял офицер морского флота капитан Найджел Тетли. Его судно было таким большим и комфортабельным, что хозяин с женой жили на борту уже несколько лет. Это была яхта класса «Victress», разработанная американским конструктором-новатором Артуром Пивером. В то время тримараны Пивера были наиболее опробованными и проверенными в деле. Их репутация была омрачена только недавней смертью самого Пивера, который предположительно стал жертвой одного из основных недостатков тримарана – неспособности «встать» после переворота.

Кроухерст согласился, чтобы и его тримаран был разработан на базе корпуса «Victress», что можно было довольно быстро сделать на существующей производственной линии фирмы «Cox». При этом у него не было сомнений, что, дав Тетли фору в несколько недель, он все же сможет обогнать его. Стандартный корпус «Victress» предусматривал устройство большой каюты и высокой рубки, которая, по опасениям Кроухерста, была бы слишком уязвимой мишенью перед напором яростных волн Южного океана. Он решил обойтись без большого сооружения, а вместо этого устроить обширную палубу с одной-единственной

надстройкой – низкой обтекаемой полурубкой, больше похожей на конуру. Комфортность из-за этого уменьшится, да и пространства будет мало, но герой стерпит эти неудобства, зато его яхта будет и быстрее, и безопаснее. У Кроухерста также был в запасе набор прочих идей относительно того, как лучше всего подготовить «Victress» к путешествию вокруг света.

В тот момент Кроухерст, по выражению Питера Биэрда, «был загружен проблемами, но пребывал в эйфории». Это было самое серьезное испытание, какое только выпадало на его долю, и он генерировал все новые и новые смелые решения. Он прикидывал возможные неприятности, аварии, разрабатывал электронные устройства для их предотвращения, теоретически очень впечатляющие, и был погружен в наиболее захватывающий исследовательский проект всей своей жизни.

Давайте на время забудем о случившейся катастрофе и даже о том, что, когда Кроухерст поднял паруса, его судно было до такой степени не подготовленным к плаванию, что все фантастическое электронное оборудование, все невероятные приборы оказались бесполезными и ненужными. Почти в каждой истории, повествующей об успешно завершившемся приключении, в начальных главах можно встретить описания избыточного оптимизма героя, рассказы о его замешательстве, неразберихе вокруг и умении преподнести себя. Когда же наступает счастливый финал, эти ранние неудачи выглядят только как подтверждение его настойчивости и упорства. Плавание Кроухерста начиналось точно так же, как и путешествия всех других героев. Вот только завершилось оно неудачно, что и омрачает воспоминания о нем.

Участник	Предполагаемая максимальная скорость	Наивысшая вероятная средняя скорость	Дата отплытия	Продолжительность	Дата прибытия[1]	Место
Риджуэй	7,5 км/ч	4 км/ч (95 миль в день)	1 июня	295	1 апреля	7
Блайт	7,5 км/ч	4 км/ч (95 миль в день)	1 июня	295	8 апреля	8
Нокс-Джонстон	7,5 км/ч	4 1/4 км/ч (108 миль в день)	14 июня	260	3 марта	6
Муатесье	8,5 км/ч	5 км/ч (120 миль в день)	21 июля	234	14 марта	5
Фужерон	7 км/ч	4 км/ч (95 миль в день)	21 июля	295	18 мая	9
Кинг	9 1/4 км/ч	6 км/ч (144 мили в день)	1 августа	194	14 февраля	4
Кроухерст	15 км/ч	9 км/ч (220 миль в день)	1 октября	130	7 февраля	1
Тетли	15 км/ч	8 км/ч (192 мили в день)	1 сентября	146	12 февраля	3
Хауэлл	15 км/ч	8 км/ч (192 мили в день)	14 сентября	146	10 февраля	2

В те дни любой из оказавшихся в доме Клэр и Дональда первым делом натыкался на рояль в гостиной, заваленный разными картами, планами, схемами, графиками и письмами. Кроухерст, прохаживаясь взад и вперед, с удовольствием объяснял гостю, что к чему. Он даже начертил с математической точностью таблицу, глядя на которую можно было сразу понять, кто выиграет гонку и почему. Его таблица – она сохранилась вместе с остальными бумагами – представляет собой удивительное творение, которое можно назвать гимном оптимизму и позитивному самонастрою. Данные в таблице «доказывали», что Кроухерст не только обойдет вокруг света быстрее всех, но и обгонит участников, стартовавших ранее, вернется первым и получит «Золотой глобус».

Как оказалось, расчеты Кроухерста по средней скорости были правильными только для Муатесье и Фужерона. Другие однокорпусные яхты шли с меньшей скоростью, чем он ожидал.

Однако больше всего Кроухерст ошибался в прогнозах насчет многокорпусных судов. Его слепой энтузиазм и вера в них на этом этапе были настолько сильны, что он воображал, будто катамаран «Таити» Билла Хауэлла и тримаран Найджела Тетли смогут в среднем на 50 % превзойти рекордные показатели Чичестера – 131 миля в сутки. Что касается его тримарана, Кроухерст думал, что сможет развить на нем в среднем феноменальную скорость 220 миль в день, но даже и этот прогноз был предположительно консервативный, умеренный, потому что в оригинальном черновике таблицы он сначала насчитал себе до 290 миль в день. Позднее, в ходе подготовки, его расчеты стали немного более реалистичными. Когда Кроухерст поднял паруса, он взял с собой графики с отметками целевых скоростей, рассчитывая завершить путешествие за 194 дня – в любом случае значительно лучший результат, чем рекорд Чичестера[5].

Как видно из таблицы, Кроухерст предполагал отправиться в плавание 1 октября. В «Eastwood» ему обещали закончить все работы к концу августа. Для фирмы, которая могла привлечь максимум два десятка рабочих, поставленные сроки были не просто очень сжатыми, они вовлекали предприятие в настоящую коммерческую авантюру. Как и Стэнли Беста, владельцев «Eastwood» привлекла возможность сделать что-то глобальное и обеспечить потенциальное упоминание о фирме в прессе.

До поставки корпусов от «Cox» в «Eastwood» не могли приступить к делу. Однако по крайней мере на этой стадии проекта выполнение работ шло по графику. Корпуса были готовы к обещанной дате – 28 июля, и в «Eastwood» принялись за дело. За несколько дней до этого Кроухерст приехал в мастерскую фирмы и поделился с Джоном Эллиотом своими свежими блестящими идеями. Затем на выходных 27–28 июля Иствуд, только что спешно вернувшийся из отпуска, завернул на ночь в Бриджуотер, чтобы обсудить с заказчиком технические детали проекта.

Во время их встречи, продолжавшейся все воскресенье с девяти утра до девяти вечера, Кроухерст показал себя во всем своем великолепии – как уверенный, изобретательный и абсолютно контролирующий ситуацию человек.

«Должен признаться, в тот момент я был впечатлен больше всего, – говорит Иствуд. – Похоже, Дональд точно знал, что хочет. У него были хорошая техническая подготовка и яркое воображение. Мы прошлись по всему проекту, и все нам казалось абсолютно ясным и относительно простым. Конечно, впоследствии возникали затруднения. Дональд продолжал генерировать идеи, которые невозможно было воплотить в жизнь

и проверить на тогдашний момент, но его задумки часто поражали своей новизной и оригинальностью».

Конструктор и заказчик обсудили в тот день каждый аспект предполагаемой конструкции яхты. Подробное описание технических спецификаций приведено в приложении в конце книги. Но общее представление о судне можно получить, ознакомившись с уникальной системой, разработанной Кроухерстом для самоспрямления тримарана в случае его опрокидывания. Он считал ее основной технической идеей всего проекта. Вот как все будет работать, говорил он.

Если судно начнет крениться под опасным углом, датчики, расположенные в поплавках тримарана, пошлют сигнал в главный переключающий механизм, установленный в рубке. Этот механизм (Кроухерст гордо называл его «компьютером») работает с задержкой в секунду и активируется только в том случае, если крен судна продолжает увеличиваться. В результате замыкается электрическая цепь, и в баллоне с углекислым газом, соединенном с патрубком, входящим в полую мачту, открывается клапан. На топе мачты будет укреплен большой резиновый резервуар, так называемый поплавок безопасности. Под давлением углекислого газа он отсоединится от мачты и начнет надуваться, что предотвратит дальнейшее опрокидывание.

На этом этапе тримаран будет плавать на боку, немного отклоняясь от горизонтального положения, поддерживаемый частично погруженным в воду поплавком с одного конца и надутым резиновым резервуаром с другого. Большая волна поможет выровнять судно, но даже если этого не случится, в действие придет другая система. С обеих сторон рубки будут установлены водяные насосы фирмы «Henderson», соединенные с поплавками тримарана стационарными шлангами. По усмотрению капитана включится нужный насос, чтобы наполнить задравшийся вверх поплавок, который медленно увлечет один корпус лодки под воду, пока мачта не ляжет на одном уровне с морем. Теперь будет достаточно малейшей волны, чтобы заставить тримаран «встать». Последний этап – насос переключится на реверс, чтобы выкачать воду из поплавка, и ситуация нормализируется.

Описывая работу системы, Кроухерст торопливо добавил, что опрокидывание тримарана весьма маловероятно, так как «компьютер» будет постоянно следить за положением судна и подаст сигнал при малейших признаках опасности. Например, необычное напряжение в такелаже будет отслеживаться электронной системой, а если что-то пойдет не так, тотчас замигают индикаторные лампы и зазвучит звуковой сигнал.

Резкие изменения направления ветра на индикаторе скорости ветра будут регистрироваться «компьютером», даже когда капитан спит, и система автоматически потравит паруса. Поплавок безопасности на топе мачты нужен на крайний случай, но он, как Кроухерст пообещал Бесту, гарантирует «стопроцентную живучесть лодки».

Хотя конструкция всей системы была довольно сильно оторвана от реальности, Кроухерст говорил о ней с такой уверенностью, что ни у кого не возникало сомнений в том, что ему удастся заставить ее работать. Иствуд собирался включить насосы и проводку в конструкцию судна. «Avon Rubber Company» согласилась изготовить поплавок безопасности по номинальной цене. Более здравомыслящие журналисты из еженедельника «Yachting and Boating Weekly» назвали эту систему «ненадежной». Кроухерст же упомянул в пресс-релизе о подаче заявки на патент, утверждая, что испытания были успешно завершены и «оборудование работает нормально», добавив, что все изобретения стали результатом «продолжительной исследовательской работы» компании «Electron Utilisation Ltd», генеральным директором которой является он сам.

Никто в то время не знал, что «продолжительная исследовательская работа» проводилась лишь в голове Дональда Кроухерста, пребывавшего в одиночестве в своей домашней мастерской, а к началу путешествия его «компьютер» представлял собой гору коробок с переключателями, реле и транзисторами – все в разъединенном состоянии.

Прочие технические детали проекта, обсуждавшиеся 28 июля, также важны для истории, но о них стоит упомянуть лишь вскользь.

Сошлись на том, что насосы будут выполнять дополнительную функцию – выкачивать обычную трюмную воду, просачивающуюся внутрь через небольшие течи. Поскольку на судне предполагалось сделать десять водонепроницаемых отсеков, было бы обременительно обеспечивать постоянную откачку воды из каждого. Вместо этого решили применить один длинный шланг производства «Heliflex» (специально рассчитанный на то, чтобы выдерживать давление при откачке), который по мере необходимости будет перемещаться в любую часть тримарана. В «Eastwood» заявили, что в объем их поставки шланг не входит: Кроухерст не указал этого в договоре.

Из-за обилия электронных приборов на борту Кроухерст стремился обеспечить надлежащее электроснабжение для зарядки аккумуляторов. Было решено использовать бензиновый генератор

«Onan», очень габаритный элемент оборудования яхты. Не нужно объяснять, насколько плохо генераторы переносят воздействие влажности, поэтому теперь необходимо было найти подходящее сухое место для его монтажа. В то воскресенье этот вопрос долго обсуждался. Вначале Иствуд поместил его на палубе, рядом с рубкой. По его словам, именно Кроухерст настоял на переносе генератора в другое место. Одержимый страхом, что тримаран может перевернуться при прохождении вокруг мыса Горн, Кроухерст хотел, чтобы все тяжелое оборудование было установлено как можно ближе к центру тяжести судна. Единственным местом, которое удалось найти, был отсек под кокпитом, куда можно было попасть только через люк в пайоле. Поскольку кокпит предполагалось сделать полностью открытым, было ясно, что в шторм постоянно накатывающие волны будут выплескивать на палубу тонны воды, поэтому люк должен быть абсолютно герметичным. Оба осознавали риск, возникающий при такой компоновке, однако Иствуд хоть и неохотно, но все же согласился попробовать сделать все как нужно.

Оставалась еще одна похожая проблема. В качестве модернизации Кроухерст попросил включить в стандартный проект тримарана типа «Victress» водонепроницаемые переборки в каждый поплавок, что требовало устройства дополнительных люков на палубе для доступа в эти отсеки. Иствуд предложил простую конструкцию люков: просто использовал бы плоские круглые деревянные детали, каждая из которых крепилась бы двенадцатью болтами с гайками-«чебурашками» к резиновому уплотнителю. Решение было разумным, но в «Eastwood» признали, что им не удается достать нужный тип резины, подходящий для данной цели. Уплотнитель был слишком жестким и плохо прилегал к небольшим неровностям палубы. Из всех ошибок, допущенных при проектировании тримарана, эта уж точно была на совести конструкторов яхты.

«У нашего постоянного поставщика закончилась мягкая резина, – объясняет Джон Эллиот. – Мы обзвонили все фирмы, какие только знали, но мягкая резина просто исчезла сразу отовсюду как по волшебству. Очевидно, в машиностроении срочно понадобились большие объемы, и компании выбрали все запасы у поставщиков. Возможно, если бы у нас было больше времени, мы бы раздобыли тот сорт, который нужен. Лучшую резину привозили из Скандинавии. Но нужно было спешить. Поэтому порой приходилось делать менее надежный выбор».

Все эти проектные решения и недоработки повлияли на конечный результат. Но было бы слишком просто судить Кроухерста и «Eastwood» так строго. По правде говоря, обе

стороны сделали намного больше, чем это было возможно за отпущенное им время, что стало особенно очевидно в течение следующих сумасшедших недель.

Первая серьезная задержка произошла из-за срыва плана поставки парусов и такелажа, которые Кроухерст пообещал раздобыть сам. Обычный такелаж судов типа «Victress» не подходил. Из-за веса «поплавка безопасности» и давления, которое оказывал бы он в случае опрокидывания тримарана, рекомендовалось использовать более короткую и жесткую мачту.

Иствуд надеялся наконец урегулировать этот вопрос на встрече, которую организовал Кроухерст в офисе «Cox Marine» в конце августа. Предполагалось, что на совещании будут присутствовать производитель парусов и конструктор такелажа, но что-то пошло не так в договоренностях Кроухерста, и эти двое не появились. В конце концов доводить до ума эскизы изобретателя и составлять рабочую документацию пришлось самому Иствуду. Быстро набросали две альтернативные схемы, и Кроухерст выбрал одну из них.

Должно быть, Кроухерст преследовал еще одну цель, устраивая встречу в «Cox Marine»: он надеялся, что ему представится случай впервые выйти в море на тримаране и постоять за его штурвалом. В доках «Cox» стояло почти законченное судно типа «Victress», и Дональд думал, что ему позволят испытать его. Однако его просьбу не удовлетворили. Тримаран только что продали, и новый владелец хотел, чтобы его закончили как можно быстрее. В «Cox Marine» полагали, что они не могут рисковать яхтой, позволяя кому-то другому выходить на ней в море. Тем более новичку.

Иствуд и Эллиот сетуют на то, что в начале строительства тримарана, на самой важной стадии конструирования яхты они нечасто видели Кроухерста, зато были пресыщены его присутствием на финальном этапе. Судостроители до сих пор полагают, что в начале предприятия заказчик, как им казалось, относился ко всему слишком легкомысленно, и в «Eastwood» никогда не могли получить от него четких инструкций.

Однако у Кроухерста было достаточно других забот. Например, он пытался устроить так, чтобы его фирма продолжала худо-бедно существовать в его отсутствие. Он нашел друга, которому перепоручил заниматься продажей навикаторов в Лондоне, и договорился делить прибыль поровну. Дональд надеялся на доход хотя бы 10 фунтов стерлингов в неделю, что позволило бы Клэр и детям не умереть с голоду, пока он сам

находится в море. Также нужно было уладить некоторые финансовые вопросы со Стэнли Бестом, который к тому времени фактически контролировал «Electron Utilisation». Бест предоставил вторичную ипотеку на дом в Вудландсе для выплаты части долга, и в результате и без того мизерный остаточный резервный капитал Кроухерста оказался в залоге.

С 18 по 25 сентября Кроухерст почти каждый день ездил в Бристоль, чтобы усовершенствовать свои знания в одной из областей парусного спорта, в которой он и без того неплохо разбирался. Он записался в технический колледж на интенсивный курс для радиотелеграфистов, потому что Министерство почты Британии требовало от всех судоводителей лицензию радиооператора. Что бы ни случалось во время плавания, сообщения Кроухерста, переданные азбукой Морзе, всегда были безупречными.

К тому же нужно было выполнить ряд более важных и приятных дел. В этот момент на сцене появился еще один значимый персонаж – Родни Холворт, бывший репортер «Daily Mail» и «Daily Express» из отдела криминальной хроники, владелец новостного агентства «Devon News Agency», специалист по связям с общественностью и рекламе, собиратель местных новостей и выдающийся гражданин города Тинмута. От природы рослый и крупный, Холворт притягивал к себе взгляды окружающих, и все, чем бы он ни занимался, вызывало интерес общественности и казалось важным. Если вы видели Чарльза Лофтона в роли Генриха VIII, вам будет легко представить, как выглядит наш новый герой. Объемная фигура Холворта всегда была облачена в белую рубашку с ажурным жилетом и кремовым льняным пиджаком, а его торс опоясывал толстый кожаный ремень, продетый в петли серых фланелевых брюк. Искусство поглощать горькое светлое пиво пинтами и при этом не упускать ни одной детали, которым он овладел в бытность колумнистом «Daily Mail», где освещал деятельность Скотланд-Ярда, – ярчайший пример профессионализма для всех газетчиков рангом пониже.

Холворт написал прекрасную книгу «Последние цветы на Земле», представляющую собой отчет об экспедиции в Гренландию, но его истинный талант заключался в создании захватывающих репортажей с места преступления. Со временем журналист стал использовать свои способности в более спокойной, но требующей такой же отдачи области – он принялся сочинять материалы для колонки местных новостей. Как вы убедитесь дальше, его дар создавать связные и выбивающие слезу отчеты о единоборстве Дональда Кроухерста с враждебными

силами стихии на основе всего лишь полудюжины слов из радиограммы граничит с гениальностью. Гениальной также можно назвать способность Холворта играть различные роли – будь то специалист по связям с общественностью в местном городском совете Тинмута, журналист локального издания, продавец местных новостей или приятель других профи – к взаимовыгодному сотрудничеству обеих сторон.

В офисе его агентства висит заключенная в рамку фотография немецкой овчарки, льнущей к лебедю в порыве нежности. Так и подмывает назвать ее «Лучшие приятели». (Эта картина, говорит Холворт, объехала весь мир и принесла агентству кучу денег.) Она – символ его ремесла. Судите сами, что он писал в своих репортажах. Когда Кроухерст отплыл, «эмиссар Тинмута начал свою миссию»; пока мореход бороздил просторы Атлантики, «Teignmouth Electron» брыкался, как дикая лошадь, скачущая по водяным горам и долинам из хлопьев кружащейся пены»; когда путешественник направлялся домой – «горячий прием ждет Кроухерста в Тинмуте»; когда он исчез – «Тинмут, который до некоторой степени выступил в качестве спонсора Кроухерста, раздавлен горем». Стандартные клише для стандартных ситуаций, обычно касающиеся Тинмута.

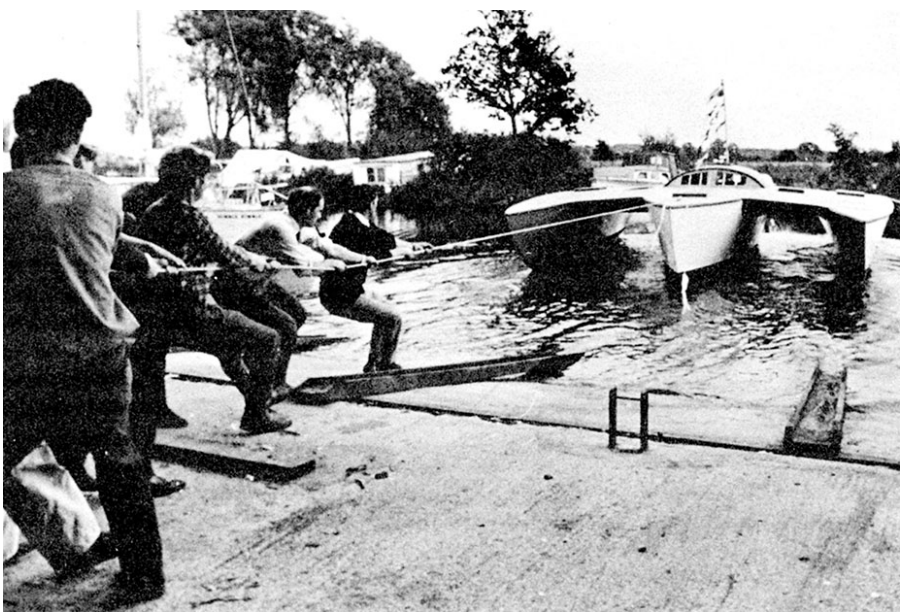
Никто не обвинил бы Холворта в цинизме. «Я любил этого парня. Любил как брата, – говаривал он о Дональде Кроухерсте. – Я выкладывался ради него по полной. Когда все сказано и сделано, даже самый черствый репортер сохраняет глубоко внутри немного нежности к своему персонажу. Ну правда же, старина?» И никто из слышавших его высказывания о Боге поздним вечером в баре «Passage House Inn» рядом с Тинмутом не обвинил бы Холворта в отсутствии искренних верований. «Вера? Не говорите мне о ней! Я стоял на плато Дартмур, а внизу плыли тучи и целовали верхушки скал; деревья нашептывали колыбельную южному ветру, а огоньки морских курортов мерцали вдали, и тогда я протянул руки и познал всю суть веры. Не говорите мне о вере».

Холворт познакомился с Кроухерстом благодаря газете «Sunday Times», запросившей у агентства «Devon News» фотографию будущего героя. Фотограф по возвращении сказал шефу, что у Кроухерста, между прочим, до сих пор нет пресс-агента. Почуяв возможность заполучить нового клиента, Холворт договорился о встрече в отеле, расположенном на полпути к Таунтону.

«Впервые я увидел Дональда в баре отеля, – вспоминает Холворт, – он был немного напряжен и выглядел как настоящий офицер. Разговор шел тяжело. Но к тому времени, когда обед

подошел к концу, мы стали большими друзьями, я так полагаю. Он хлопнул меня по плечу, наклоняясь через стол, и сказал, что я получил работу. Когда Кроухерст раскрывался, он, помимо всего прочего, превращался в настоящего сорвиголову. Без ложной скромности скажу, что я до некоторой степени дал Дональду то, что ему не смогли дать другие».

В то время на Кроухерста уже работал другой агент, пытаясь найти ему спонсора. Было несколько обнадеживающих подвижек, включая призрачную возможность получить согласие от британского таблоида «News of the World» поддержать проект финансово в обмен на размещение названия газеты на борту судна, но в конечном счете рекламировать было почти нечего, за исключением десяти ящиков консервов «Heinz» и пары коробок английского эля «Whitbread's Barley Wine». Поэтому Холворт обнаружил, что занимается двумя делами: ищет спонсора и решает задачи пресс-агента.



23 сентября 1968 г. состоялся спуск тримарана «Teignmouth Electron» на воду в доке «Eastwood» в Брандалле, Норфолк. Клэр Кроухерст наливает мужу бокал шампанского, чтобы отпраздновать торжественное событие. (Питер Дунне/Sunday Times)

Пресс-агент Родни Холворт. Большой человек, чьи дела неизменно вызывают общественный интерес. (Дональд Проктор [Devon News] /Sunday Times)

Спонсор Кроухерста, бизнесмен Стэнли Бест (слева), и судостроитель Джон Иствуд. (Питер Дунне/SUNDAY TIMES)

Питер Биэрд и… (Дональд Проктор [Devon News] /Sunday Times)

…Рональд Уинспиэр, два разноплановых друга Дональда Кроухерста. (Дональд Проктор [Devon News] / Sunday Times)

Понятно, что едва ли не самое большое разочарование Кроухерста было связано с тем, что ни одна компания так и не согласилась выступить основным спонсором его путешествия. Возможно, он начал отправлять запросы слишком поздно или же у него просто не было близких друзей в нужных кругах – среди влиятельных лиц в яхтенном бизнесе. Поэтому ему пришлось ограничиться малыми займами, которые удавалось урвать то тут, то там. В числе прочих находок на борту судна в конце путешествия оказалась пожелтевшая, забрызганная морской водой папка, где были собраны некоторые письма Кроухерста.

В «Alcan Foils Ltd»:

«Занимая должность генерального директора небольшой компании, я постоянно читаю «Packaging Review». Увидев объявление, размещенное в последнем номере, я подумал, что между нашими организациями могут быть сферы, представляющие взаимовыгодный интерес, поэтому нам стоило бы изучить их получше… Спешу проинформировать вас, что у меня хорошие шансы не только выиграть приз «Золотой глобус», но и получить денежную премию в размере 5000 фунтов. Если это

произойдет, реклама будет просто фантастической, не говоря уже о том, что кругосветное безостановочное плавание является вершиной мореходного мастерства, покорением морского Эвереста. Сам сэр Чичестер признал, что его плавание было всего лишь предварительным шагом, подготовкой к более весомому событию, которое еще только должно произойти».

В «Plysu Containers Ltd»:

«Мой тримаран является самым быстрым судном из всех, участвующих в регате… Если вы удовлетворите мою просьбу, можете рассчитывать на любую рекламу без всякой оплаты… А освещение события в прессе, когда я выиграю, конечно же, будет невероятным».

В «Mallory Batteries»:

«Мое личное мнение вряд ли представляет для вас интерес, но в случае, если вы все же готовы его выслушать, хочу сделать смелое заявление и сказать, что Чичестер и Роуз были всего лишь первыми ласточками, подготовившими дорогу для основного события, победителем которого будет не Кинг, а Кроухерст. Какой бы ни была фактическая выгода от усилий Риджуэя, вам это не принесет никакой пользы.

Оснащение, при помощи которого я намереваюсь одержать победу, представляет собой электронные приборы. В качестве аварийного источника электроснабжения для всей системы, включая систему связи, служат основные аккумуляторы. Мое участие в гонке будет представлять для СМИ огромный интерес еще до старта, а моя фигура важнее, чем все остальные участники, вместе взятые, поскольку я собираюсь проводить на борту судна исключительно уникальные испытания собственных изобретений».

Много похожих писем лежит и в папке Родни Холворта в офисе агентства «Devon News». Некоторые попытки были успешными, но в итоге закупку большинства товаров для оборудования судна пришлось оплатить Стэнли Бесту. При отсутствии другого информационного спонсора организатор гонки, газета «Sunday Times», по своей воле предложила 500 фунтов за право освещать плавание Кроухерста на страницах еженедельника, но Холворт решил, что сможет выручить больше, продавая предполагаемые истории через «Devon News».

Между тем «BBC» купила у Кроухерста права на телерепортажи и магнитофонные записи. Дональд Керр, тогдашний редактор колонки новостей в Бристоле, в начале мая отправил своего репортера Джона Нормана взять интервью у Кроухерста и впоследствии решился сделать небольшой вклад: 250 фунтов сейчас и 150 фунтов после возвращения. Дональду предоставили в пользование подержанную 16-миллиметровую камеру «Bell and Howell» (стоимостью 160 фунтов) и магнитофон «Uher». Керр считал, что сделал небольшую ставку на обычного участника в непростом соревновании. Теперь совершенно ясно, что это решение было принято на основании абсолютно ложных предпосылок. Как признается Керр, с точки зрения горячего новостного материала это решение также стало наиболее прибыльным в его жизни.

Кроме того, после 20-минутного инструктажа Кроухерст стал самым профессиональным оператором из всех моряков-одиночек.

К тому времени все, что мог предложить Кроухерст спонсорам в обмен на поддержку, – название своего судна. Он хотел назвать тримаран «Electron Five», чтобы прорекламировать свою фирму. Холворт, в свою очередь, как пиарщик Тинмута сделал другое предложение. Если Кроухерст согласится начать свое плавание из здешнего порта, чтобы как можно сильнее подчеркнуть связь с городом и сыграть на патриотических чувствах жителей, да еще добавит «Тинмут» в название яхты, то Холворт начнет кампанию по привлечению средств. Кроухерст предложил «Electron of Teignmouth». Холворт, опытный специалист по пиару, знающий свое дело, настоял на том, чтобы имя его клиента стояло первым. С этой минуты тримаран, законченный на три четверти, получил свое название: «Teignmouth Electron».

Между тем в Норфолке, в мастерских «Eastwood», строительство яхты все больше и больше выбивалось из графика. Судостроители перевели каждого сотрудника на 74-часовую рабочую неделю и наконец-то ввели ночную смену, набрав дополнительных рабочих с других местных верфей. Уже миновала первоначально установленная контрольная дата спуска на воду – 31 августа, и была назначена новая: 12 сентября. Кроухерст попросил сделать специальное увеличенное перо руля, собираемое из отдельных сегментов, на случай если штатный руль тримарана не выдержит нагрузки в ревущих широтах. Он также велел заменить шкафчики на полки для пластиковых контейнеров «Tupperware», которые были заказаны у производителя.

И еще написал сердитое письмо Иствуду, жалуясь на то, что из-за задержек пропало столько драгоценного времени, которое он рассчитывал потратить на подготовку:

> *«Должен со всей ясностью подчеркнуть, что никаких дальнейших задержек спуска судна на воду после 23 сентября быть не может. Если же вы по каким-либо причинам позволите себе еще раз сдвинуть дату сдачи яхты, должен уведомить вас, что в таком случае это поставит под угрозу весь проект… И как компания, и как частные лица вы взялись за выполнение серьезного задания, которое во многих отношениях можно назвать более значительным, чем мое собственное участие в проекте, и до определенного времени вы исполняли свои задачи безупречно. Успех всего проекта зависит от своевременного завершения оставшихся работ, которые должны быть выполнены с тем же надлежащим качеством. Если бы мои пожелания пошли вам на пользу, если бы вы прислушивались к ним, у вас бы не возникло проблем с соблюдением графика».*

Из «Eastwood» ответили таким же грозным письмом, объясняя, что стоимость дополнительных работ уже превысила 900 фунтов, а оплата запаздывает даже еще больше, чем строительство яхты.

21 сентября, за два дня до запланированного спуска тримарана, терпение у Кроухерста наконец лопнуло, и он сорвался в телефонном разговоре с подрядчиком. По спецификациям корпус и палуба судна типа «Victress» должны были полностью оклеиваться стеклотканью, что и было сделано в «Cox» при изготовлении корпусов, но в «Eastwood» так затянули с установкой палубы из-за задержек при разработке плана такелажа, что теперь владельцы фирмы хотели сэкономить время и просто покрасить все полиуретановой краской. Иствуд позвонил Кроухерсту, чтобы получить разрешение. Раз уж они использовали двойной слой фанеры на палубе, сказал он, то в стеклоткани нет необходимости с точки зрения прочности, да и в любом случае такое покрытие будет настолько тонким, что его с успехом заменит краска.

Кроухерст взорвался в припадке ярости. Он считал, не без участия «Cox», что оклейка стеклотканью была существенным элементом конструкции судна типа «Victress». Он разозлился еще больше, узнав, что подготовка к покраске зашла настолько далеко, что ее уже было не остановить. Иствуд пытался связаться с ним раньше, но Кроухерст был в отъезде: находился на курсах

радиотелеграфистов. Все набиравшие силу разочарования, возникавшие на этапе конструирования, вскипели в нем разом.

В ту самую ночь, когда Дональд Кроухерст бушевал от ярости, находясь в прескверном расположении духа, Клэр в первый и единственный раз за время всего предприятия попробовала уговорить его отказаться от строительства яхты и выйти из проекта. И к удивлению Клэр, Дональд действительно отнесся к ее доводам серьезно. «Похоже, ты права, – сказал Кроухерст. – Но все это стало так важно для меня. Я должен пройти через это испытание, даже если мне придется строить яхту самому, объезжая вокруг света». Позже Клэр казалось, что она слишком сильно надавила на Дональда, задела живую струну в его душе, потому что с того момента муж стал более скрытным и не говорил ей о новых трудностях. А они множились с каждым днем.

4. Первое плавание

23 сентября в Брандалле Клэр Кроухерст спустила на воду яхту «Teignmouth Electron» в Яр-Ривер. Она произнесла краткую торжественную речь и несмело бросила бутылку шампанского в корпус тримарана из стекловолокна и фанеры. Бутылка не разбилась. Джон Иствуд принялся за работу сам, расстроенный таким беспрецедентным дурным знаком. Впрочем, Шейла Чичестер отличилась подобным же образом, когда спускала на воду яхту своего мужа «Gipsy Moth IV».

После небольшая группа газетных журналистов и операторов с телевидения сделала несколько снимков тримарана «Teignmouth Electron», стоявшего на якоре у причала все еще без мачт и оснастки. Судно выглядело достаточно презентабельно, но его нельзя было назвать слишком красивым. Три корпуса, выкрашенные в белый цвет, и бледно-голубая палуба хорошо сочетались, но впечатление портили ярко-оранжевые люки и низ крыльев. Как все тримараны, «Teignmouth Electron» был приземистым и квадратным, и это впечатление еще больше усиливалось из-за просторной палубы без релингов, установленной на трех корпусах, с единственным возвышением – обтекаемой крышей рубки. Если яхта Билла Кинга была похожа на подводную лодку, то посудина Кроухерста напоминала миниатюрный авианосец.

В последнюю неделю перед отплытием на верфи лихорадочно устанавливали мачту, такелаж, монтировали палубное оборудование. К тому времени Иствуд и Кроухерст были уже на ножах, между ними то и дело вспыхивали споры, доходившие до взаимных обвинений, а работники фирмы все больше возмущались потоком противоречивых указаний, поступающих то от начальства, то от заказчика. Джон Эллиот, всегда выступавший в роли дипломата, часто уводил Кроухерста на долгие беседы за норфолковским чаем.

Дважды напряжение выливалось в большие скандалы. Один произошел 1 октября. Кроухерст хотел отплыть немедленно, но Эллиот сказал, что это невозможно. Поэтому был составлен документ, где говорилось, что, если заказчик заберет тримаран немедленно, он будет один нести ответственность за его состояние. Второй скандал разгорелся во время долгой напряженной беседы по поводу денег. По словам Иствуда, из-за дополнительных работ стоимость судна выросла почти вдвое. Кроухерст сомневался в этом (данный вопрос оставался предметом разбирательства между Стэнли Бестом и фирмой

«Eastwood» и через год), но был вынужден пообещать «открепительный платеж» в размере 1000 фунтов. Деньги должны были быть выплачены на следующий день. Наконец в полдень 2 октября тримаран «Teignmouth Electron» был признан готовым к отплытию. Первый переход новой яхты из Брандалла в Тинмут нельзя назвать удачным. Кроухерст намеревался пройти весь путь за три дня. На самом деле на него ушло две недели.

Мастеровые яхтенной верфи еще заканчивали последние мелкие работы на борту, когда яхта «Teignmouth Electron» отчалила, приводимая в движение подвесным двигателем, и двинулась по Яр-Ривер. Джон Эллиот и Питер Биэрд находились на палубе и снимали проплывающий мимо окружающий ландшафт с ветряными мельницами и коттеджами на кинокамеры. Однако даже в спокойных водах Норфолкских озер таились опасности. Когда тримаран, подхваченный отливным течением, подошел к Ридхему, реку начал пересекать местный цепной паром. У Кроухерста было два варианта: продолжать плавание и подвергнуть судно опасности напороться корпусом на натянутую под водой цепь парома или же попробовать остановиться. Иствуд полагает, что можно было двигаться дальше. Кроухерст думал иначе. Он приказал рабочим на передней палубе бросить якорь и немедленно остановить тримаран. По неудачному стечению обстоятельств получилось так, что, когда «Teignmouth Electron» прекратил движение, течение резко развернуло его и ударило о сваи, вбитые у берега. В фанерном корпусе правого поплавка образовалась пробоина. Прежде чем плавание продолжили, было потеряно много драгоценного времени.

Когда яхтсмены прибыли в Ярмут, шел дождь и дул порывистый ветер. Было поздно, и разводной мост в центре города уже закрыли на ночь. Не желая изнывать в бездействии еще 12 часов в ожидании утра, Эллиот и Питер Биэрд сошли на берег, поймали такси и при содействии начальника порта смогли уговорами и посулами оторвать четырех разводчиков моста от теплых каминов, чтобы открыть проход. Тогда же путешественникам пришло в голову, что у них нет сигнального фонаря, чтобы сообщать о своем присутствии дежурным на станциях береговой охраны по всему побережью, как это принято делать во время первого плавания яхты. Эллиот решил проблему: купил карманный фонарь для автомобилистов в круглосуточном гараже. Тем временем остальные работники латали пробоину в корпусе поплавка. Поздним вечером они наконец с большим облегчением отправились домой. Джон Эллиот, Питер Биэрд и Дональд Кроухерст остались в качестве членов первой команды

«Teignmouth Electron». На часах было 2 утра ночи, когда они подняли паруса и выдвинулись в неспокойную ночь.

Начинался прилив, море становилось все неспокойней, и после того как они обогнули портовые буи и наметили курс на юг к мели Гудвина, на троих моряков навалилась морская болезнь. В особенности частым и жестоким приступам тошноты подвергался сам Кроухерст. Команда тримарана с восхищением свидетельствовала, что недомогание не оторвало его от дел. В течение двенадцати часов Кроухерст стоял у штурвала или сидел за картой в каюте в обнимку с ведром, куда его тошнило каждые пять минут, но не дал болезни сломить себя. Джон Эллиот рассказывает: «Дональд находился в скверном расположении духа. Но вот какая странная штука получается: именно тогда, наблюдая за ним, я действительно убедился, что он в самом деле может обойти вокруг света. Он проявил невероятную настойчивость и упорство. Решив однажды сделать что-то, Кроухерст стоял на своем, и никакая опасность или сомнения не могли заставить его свернуть с выбранного пути».

С рассветом подул благоприятный ветер, и «Teignmouth Electron» рванулся к Северному морю, направляясь к дельте Темзы. Все были удовлетворены тем, как яхта ведет себя. Когда морская болезнь отступила, настроение у Кроухерста заметно улучшилось. Но в пять вечера ветер снова поменялся, и тримарану пришлось пройти первое серьезное испытание. Оно было не очень успешным.

Из-за отсутствия киля, погруженного в воду и препятствующего дрейфу под ветер, тримараны очень плохо лавируют. После изменения погодных условий тотчас стало очевидно, что «Teignmouth Electron» ведет себя даже хуже, чем большинство представителей данного типа судов. Паруса были плохо сбалансированы, а без груза все три корпуса погружались в воду еще меньше, чем обычно.

Ветер переменился, когда они только-только прошли плавучий маяк «Южный Гудвин», после чего судно буквально замерло на месте. На преодоление следующих десяти миль вдоль побережья до Дувра у них ушло больше пяти часов. Ошеломленный Кроухерст начал экспериментировать с парусами: он убрал большой кливер и стаксель, а вместо них поднял кливер-«янки» и рабочий стаксель, благодаря чему уменьшилась площадь передних парусов, и лодка стала не так сильно уваливаться. Прошло два часа, но они по-прежнему были в виду берегов Дувра. «Боремся с приливом. Вперед не продвигаемся», –

появилась запись в судовом журнале. Еще через два часа прилив отнес их обратно к плавучему маяку «Южный Гудвин». При сложившихся обстоятельствах наиболее приемлемым решением было просто остановиться в месте столкновения противоположных течений и, когда направление приливного течения изменится, немедленно двинуться вперед. Но то ли из-за своего упрямства, то ли из-за желания испытать судно Кроухерст решил лавировать длинными галсами к побережью Франции и обратно. Когда Франция находилась всего в трех милях, а яхта должна была лечь на другой галс, ветер неожиданно стих. Члены команды подняли огромную легкую геную, но тримаран продвигался вперед так медленно, что они могли запросто искупаться за бортом в водах Ла-Манша.

Наконец Кроухерст решил, что пришло время снова запустить двигатель. И эта попытка принесла хоть какие-то результаты. Двигатель весил почти сто килограммов. Кроухерсту представилась возможность выяснить, сможет ли он в одиночку вытащить его из рундука (находившегося в отсеке генератора под кокпитом) и установить на кронштейн на левом поплавке. На грота-гике был полиспаст, но даже с ними работа шла тяжело. Кроухерст возился с двигателем час, быстро теряя терпение. В конце концов в приступе гнева он почти швырнул двигатель в держатели кронштейна, и тот встал на место в пазы. Питер Биэрд подумал, что свешиваться за борт в таком раздраженном состоянии опасно для моряка-одиночки. Так можно потерять контроль и над собой, и над судном.

Под двигателем они прошли вдоль побережья Франции до Булони. Здесь Кроухерст получил ожог руки, случайно схватившись за выхлопную трубу генератора. С ладони сошел большой лоскут кожи, но после перевязки моряк вернулся к работе. Эллиот расценил это как доказательство железной воли своего друга. Биэрд увидел в поступке и смелость, и сдержанность. Позже Клэр, заметив рану, усмотрела в ней предзнаменование. Ожог стер линию жизни с ладони ее мужа. «Я суеверная, и этот случай взволновал меня безмерно, – рассказывает она. – Думаю, Дональд тоже обеспокоился».

На протяжении трех дней они шли галсами от Франции к Англии и с каждым подходом к берегу выясняли, что продвинулись вперед всего лишь на несколько миль. Питер Биэрд говорит, что по какой-то причине Кроухерст упрямо не желал давать предупреждающие сигналы постам береговой охраны, как было положено. В какой-то момент это вызвало на берегу такую тревогу, что там готовы были отправиться на спасательную операцию в море. Почему Кроухерст не подавал сигналов,

непонятно. Возможно, причина кроется в его природной скрытности, или же, по предположению Биэрда, все могло происходить из-за его новой страсти: стремления к славе и известности. В конечном счете Клэр Кроухерст уверила береговую охрану в том, что с ее мужем не могло случиться ничего плохого, и была так убедительна, что поиски в море отменили, и, соответственно, в газетах не появилось никаких сообщений по этому поводу. В одну из этих трех ночей, проведенных в сражении с непредсказуемыми ветрами и приливами Ла-Манша, Кроухерст и Биэрд всерьез задумались о недостатках судна. Друзья пили кофе, в то время как Джон Эллиот спал внизу в каюте. И тогда Биэрд прямо сказал Кроухерсту, что при таком раскладе тот будет не в состоянии провести лодку по Атлантике и вывести в Южный океан, не говоря уже о том, чтобы совершить на ней кругосветное плавание. «Что он будет делать, если подобное повторится во время гонки?» – спросил Биэрд. Кроухерст улыбнулся. «Такого вопроса вообще не возникнет, – ответил моряк. – Ветра всегда будут нести его вперед». «Но что, если не будут?» – спросил Биэрд. «Ну, всегда можно проваландаться в южных водах Атлантики несколько месяцев, – ответил Кроухерст. – Есть места, где не ходят большие корабли и никто не заметит такую маленькую яхту». Затем он взял записную книжку Биэрда и показал, как можно все устроить. Кроухерст нарисовал Африку и Южную Америку, а между ними поместил два маленьких треугольника, изображающих Фолклендские острова и архипелаг Тристан-да-Кунья. Карандашом он едва заметно наметил ромб – маршрут яхты, движущейся вокруг этих двух треугольников. Все будет просто, сказал он. Никто ничего и не узнает. И тут рассмеялся. Похоже, это была просто шутка. Схема до сих пор хранится в записной книжке Питера Биэрда.

Через четыре дня Биэрд и Эллиот оповестили своего шкипера, что больше не могут оставаться на борту. У них есть и свои дела. Снова установили двигатель и подъехали к Ньюхейвену, побережье Суссекса. Эллиот позвонил жене и сказал, что с ними все в порядке. Это привело Кроухерста в ярость. Очевидно, он по-прежнему хотел числиться без вести пропавшим и тем самым возбудить интерес к себе, заставив береговые службы выйти на поиски, чтобы об этом написали в газетах. Потом трое друзей уныло сидели в пабе у верфи в ожидании сменной команды матросов, Колина Райта и Дика Раллистона. Обоих попросили приехать из «Eastwood» на смену двум убывающим членам команды.

Час за часом раздражение и злость Кроухерста усиливались:

он сам вгонял себя в мрачное состояние. Во многих отношениях это был худший момент всего путешествия. Дни пролетали стремительно, а ничего не происходило. Где же обещанные испытания в море, где хваленые электронные приспособления, модификация и ремонт яхты, соблазнение богатых спонсоров, скрупулезная проверка запасов и оборудования? И самое ужасное, что он ничего не мог сделать. Его соперники по гонке, за исключением Риджуэя и Блайта, выбывших из соревнования, уже давно были в море и на всех парусах мчались вперед. Нокс-Джонстон прилежно взрезал воды Индийского океана, приближаясь к Австралии, в то время как Муатесье, Тетли и Кинг, обгоняя друг друга, шли нос к носу по Атлантике. А он, Кроухерст, самый умный из всех – чем занимался он? Сидел в грязном порту на берегу Ла-Манша, застряв в пути, пока его друзья-подкаблучники болтали со своими женушками по телефону, а два лодочника никак не могли добраться из Норфолка. Он все еще мог бы стать самым быстрым в гонке. Он мог бы обогнать всех. Но был ли он в состоянии вообще начать ее? До 31 октября оставалось всего три недели.

Кроухерст вскочил и широким шагом вышел на набережную взглянуть на свой тримаран. Он понимал, и понимал очень хорошо, одну вещь: судно оказалось совсем не таким, каким виделось ему в планах и мечтах. Тем временем тот самый неудобный, встречный ветер с юго-запада набирал силу, переходя в шторм, и огромные волны все яростней обрушивались на портовые волнорезы. Дональд вскинул руки вверх и закричал, изливая весь свой гнев на подлые обстоятельства, мешающие ему достичь цели. Он мог бы примириться с обычными трудностями. В общем-то на самом деле он прекрасно справлялся с ними. Но что он мог сделать сейчас, когда каждая мелочь – и правила гонки, и меняющийся экипаж, и капризы тримарана – буквально все восстало против него, словно какая-то ужасная враждебная сила противодействовала ему. К черту их всех! Если у него хватило смелости решиться на кругосветное путешествие, то уж отправиться в одиночку из порта Ньюхейвена в Тинмут прямо здесь и сейчас ему раз плюнуть! В этот момент появились Биэрд и Эллиот и увели своего друга обратно в теплый уютный паб.

Кроухерст послушно зашел и с мрачным видом уселся в углу бара. Через какое-то время он нашел чем занять свой разум. Он решил написать тщательно продуманное письмо с извинениями в адрес Уилтширского отделения полиции. К сожалению, писал он, у него нет возможности явиться на заседание суда, чтобы ответить на обвинения в превышении скорости, которые ему вменяют. К несчастью, он будет сильно занят в тот день, на

который назначены слушания. Он будет выигрывать кругосветную гонку.

Даже когда сменная команда прибыла в Ньюхейвен, им пришлось просидеть в порту еще два мерзких дня, пережидая непогоду, и только после окончания шторма путешествие можно было возобновить. Два еще более мерзких дня они сражались с ветром и приливом, которые отнесли их к Вуттон-Крик, что на острове Уайт. Здесь работники «Eastwood» сошли с тримарана, позвонили своему боссу и попросили разрешения уехать домой. Им совершенно не нравится такое путешествие, сказали они.

Оставшееся расстояние до Кауса Кроухерст преодолел в одиночку. В Каусе же он встретил другого участника кругосветной гонки, присоединившегося к ней недавно, – харизматичного яхтсмена Алекса Кароццо, чьи морские подвиги уже снискали ему репутацию «Чичестера из Италии». После неудачного опыта с многокорпусником во время трансатлантической гонки, устроенной «Observer», Кароццо снова пересел на однокорпусную яхту. Он только что обзавелся большим кечем длиной 66 футов, который имел необычный дизайн и был изготовлен в Каусе на верфи «Medina Yacht Company» специально по заказу итальянца. Строительство яхты началось еще позднее, чем производство тримарана Кроухерста, – 19 августа, – и было завершено к концу седьмой недели. Кроухерст вникал в проблемы соперника, так сильно похожие на его собственные, и неожиданно чувство фрустрации, отчаяния и нетерпения покинуло его. Дональд провел целый день в порту Кауса, болтая с Кароццо, и дважды упал за борт, прохаживаясь между лодок, стоящих на якорях. Похоже, Кроухерст был в какой-то мере восхищен репутацией итальянца, а его яхта произвела на моряка большое впечатление. Он считал, что среди всех соревнующихся Кароццо был наиболее опасным соперником. Возможно, именно поэтому он впоследствии дал указание отправить в подарок итальянцу один навикатор. Кто бы ни выиграл гонку, пусть прибор, изобретенный Кроухерстом, будет на борту победившей яхты.

Кроухерст узнал, что Кароццо написал письмо судьям гонки «Sunday Times» с просьбой отодвинуть крайний срок, чтобы он мог более основательно подготовиться к регате, но на просьбу ответили отказом. Вероятно, по этой причине даже в самую последнюю лихорадочную минуту ни сам Кроухерст, ни его спонсоры не просили отодвинуть конечную дату гонки, хотя судьи, возможно, и пошли бы ему навстречу по соображениям безопасности.

В воскресенье, 13 октября на причале появился опытный яхтсмен из Кауса, капитан-лейтенант Питер Иден. Он предложил сопровождать Кроухерста на последнем этапе путешествия. Когда они поднимались на борт «Teignmouth Electron» в порту, Кроухерст, вылезая из надувного тузика, поскользнулся на кронштейне подвесного двигателя и снова упал в воду.

Наблюдения Идена, сделанные во время двухдневного пребывания на борту тримарана, позволяют с наибольшей точностью и достоверностью оценить характеристики яхты и поведение моряка до начала гонки. Он вспоминает, что «Teignmouth Electron» шел необычайно быстро, но не мог выйти на ветер под углом менее 60°. Скорость часто достигала 12 узлов, говорит яхтсмен, и вибрация койки в носу была такой сильной, что у него заболели зубы, когда он прилег и попытался заснуть. Авторулевой Хаслера работал идеально, однако из его креплений вылетали винты из-за флаттера, возникшего вследствие большой скорости. «Нам приходилось перегибаться через стойку, чтобы закрутить винты, – рассказывает Иден. – Это было непростое и трудоемкое занятие. Я сказал Кроухерсту, что ему нужно приварить крепления, если он хочет, чтобы они выдержали более длительное путешествие. В остальном же яхта была очень даже хороша. Она точно была быстрой и проворной».

Во время перегона Кроухерст, казалось, неохотно раскрывал подробности своих планов относительно гонки. Он все же сказал Идену, что больше всего боится опрокинуть тримаран в бурных водах Антарктического океана. Это наибольшая опасность, подстерегающая катамараны и тримараны. Способные идти быстрее волн, они часто зарываются носом, когда сзади накатывает вал. При сильном ветре яхта может перевернуться через нос, что называется, вверх тормашками. «Кроухерст обладал хорошими навыками хождения под парусами. Но я чувствовал, что он относится к навигации немного безалаберно. Я, например, даже в Ла-Манше предпочитаю знать свое точное местонахождение. Дональда же не особенно волновали координаты, и он время от времени просто нацарапывал несколько цифр на листах бумаги. [Судовой журнал этого первого путешествия сохранился. Как и говорил Иден, он состоит из нескольких обрывков бумаги, покрытых каракулями, и совершенно не похож на судовой журнал периода кругосветной гонки.] Последний этап плавания из Ярмута прошел относительно легко. Первые 36 часов яхтсмены снова боролись с западным ветром. Они дважды лавировали галсами через Ла-Манш и возвращались назад. В конце концов ветер изменился и

стал быстро подгонять их к Тинмуту. 15 октября в 2.30 дня они пересекли границу портовой отмели. У Кроухерста ушло 13 дней на то, чтобы пройти вдоль побережья. До конечной даты старта – 31 октября – оставалось 16 дней.

5. Тинмут

Тинмут вместе с деревушкой-спутником под названием Шелдон, расположенной по другую сторону дельты реки, – маленький город-курорт, построенный в начале XIX века. Пирс, кинотеатр, аквариум, холмистый мыс под названием Несс, пара десятков отелей и множество частных пансионов – вот и все, чем он может похвастать. Вдоль побережья выстроился ряд рыбацких лодок, рядом находится небольшая верфь, а поодаль – завод по производству фарфоровых изделий, но доход населения (13 000 жителей) зависит преимущественно от туристов, приезжающих сюда летом.

Как и для любых других маленьких городов, для Тинмута характерно размежевание его граждан по местным, узким интересам – обычное дело. Жители разделяются по классам, профессии, темпераменту, и прежде всего по предпочтению определенных пабов. На протяжении последних двух лет основным поводом для разногласий между тинмутцами было отношение к Дональду Кроухерсту. С самого начала сторонники Кроухерста собирались в «Ship Inn», довольно колоритном заведении барно-салунного типа с красными плюшевыми подушками и бочковым пивом, которое привлекает космополитов, владельцев отелей, людей с прогрессивными взглядами и журналистов. Они считают путешествие Кроухерста одной из самых удачных промоакций Родни Холворта. Ни разу со времени реконструкции зала заседаний и организации Холвортом на берегу залива торжественного собрания местного совета со всей помпой, в полном облачении и при регалиях название небольшого британского городка не упоминалось на страницах газет настолько часто и с такой непринужденностью.

Противники Кроухерста собирались в «Lifeboat», куда захаживают рыбаки, портовые грузчики и крестьяне, чтобы пропустить кружку-другую самого дешевого горького пива в городе. Они говорили о Кроухерсте в пренебрежительном тоне, сочетая природное подозрение к чужакам со свойственной морякам неприязнью к многокорпусным судам и сложным электронным приборам. Пока что акцию Холворта по привлечению средств под названием «Назови-яхту-Тинмут» поддерживали слабо: было собрано только 250 фунтов из 1500, на которые надеялся организатор.

У сторонников Кроухерста давно ожидаемое прибытие тримарана из Брандалла вызвало радость и ликование. Им

хотелось, чтобы яхтсмен провел свой первый вечер, бродя по улицам города, где они встречались бы с людьми и убеждали их примкнуть к лагерю нового героя-чужака Тинмута. Но Кроухерст был слишком загружен делами, и комитету поддержки пришлось отправиться в тур по тинмутским барам без него.

Противники же в течение последних двух недель перед отправлением «Teignmouth Electron» стали свидетелями достаточного количества инцидентов, которые только подтвердили их худшие опасения. Последние приготовления к отплытию проводились в атмосфере полного хаоса и лихорадочной спешки. Помощники Кроухерста носились по городу, покупая все без разбору, сам яхтсмен часто и надолго исчезал по каким-то таинственным делам, а в конструкцию тримарана продолжали вносить изменения (между тем, как можно было ожидать, с этим уже давно должны были покончить).

Первый день после прибытия не выделялся ничем примечательным. Как только тримаран втащили на стапель лодочной станции «Morgan Giles», на борт тотчас забрались четверо работников «Eastwood» и принялись что-то пилить и колотить молотками. В это время репортеры из «BBC» снимали величественно стоявшего рядом Питера Идена, пребывая в твердой уверенности, что он-то и есть Дональд Кроухерст. Между тем сам герой ошеломленно исследовал жалкую кучку припасов, которые были закуплены к тому моменту. (Хотя Холворт утверждал, что, помимо всего прочего, сделал большие запасы эксетерского сыра и местного шерри.) По мнению Джона Иствуда, на яхте возникло множество новых проблем. В частности, жизненно важный элемент конструкции судна – «водонепроницаемый» люк в полу кокпита – не выполнял своей функции и пропускал внутрь потоки воды. Постояв у чертежной доски, Иствуд решил добавить в устройство люка небольшой порожек с краями из резины. На этот раз он просто обязан был стать герметичным, так как времени для полномасштабных испытаний все равно не было.

Список задач, которые предстояло выполнить Кроухерсту лично, был угрожающе длинен. И дело было даже не в том, что пришла пора приступать к испытаниям всех его распрекрасных электронных устройств для обеспечения безопасности яхты. На тримаране до сих пор не было даже простого оборудования для радиосвязи. Кроухерст хотел использовать систему, которую собрал сам, но Министерство связи не разрешило. Пришлось закупать оборудование «Marconi Kestrel» и уговаривать специалистов фирмы приехать и установить его как можно быстрее.

Находясь в центре всей этой неразберихи, Кроухерст по прибытии все же нашел время, чтобы приехать на «BBC» и дать длинное интервью. Держался он безупречно, уверенно – в общем, был настоящим героем.

Кроухерст начал с того, что позволил интервьюерам, Дональду Керру и Джону Норману, вытащить из него признание, будто он был «неисправимым романтиком». Потом, ударившись в плагиаторство и в вольной форме цитируя Чичестера, яхтсмен выдал несколько трюизмов об одиночном плавании под парусами, говоря в таком тоне, как будто уже совершил это путешествие.

> *«Часто бывали моменты, когда я остро чувствовал связь с сообществом давно погибших моряков. Возможно, это лишний раз подтверждает мой неисправимый романтизм. На самом деле начинаешь чувствовать: ты делаешь то, что делали до тебя много лет назад, и осознавать, что моряки, прошедшие тем же путем до тебя, точно так же поняли бы твои чувства, как ты понимаешь их…»*

> *«Говорить с собой очень важно. Когда проводишь на ногах по двое суток кряду, промокший до нитки, и к тому же зачастую не всегда ешь досыта, понемногу начинаешь взращивать в себе чувство настойчивости, думая о последствиях своего невнимания к деталям… Это здорово помогает, потому как сам процесс говорения, произнесения слов, помогает оформить мысли так отчетливо, как нельзя этого сделать при помощи одного лишь только процесса мышления».*

Затем Кроухерст элегантно ввернул упоминание о своей фирме «Electron Utilisation» и обезоруживающе признался: «Я делаю это, потому что хочу это сделать… конечно, правда и то, что, если бы предприятие не было оправдано с коммерческой точки зрения, не стал я бы в него ввязываться». Потом он описал принцип работы своего «поплавка безопасности» и системы самоспрямления в выражениях, подразумевавших, что они не только идеально работают, но и что фирма уже вот-вот готова выпустить упомянутое оборудование на рынок.

Он продолжил уверять интервьюеров, что у него ни разу не возникло задних мыслей или сомнений относительно целесообразности этого путешествия.

«Я никогда не сомневаюсь. Если я намереваюсь сделать что-либо, то принимаю решение, лишь удостоверившись, что в целом тем или иным делом стоит заниматься… Приняв решение, вы забываете о нем и относитесь к нему как к чему-то само собой разумеющемуся, чему-то, что должно произойти».

Однако остановимся на наиболее занимательном фрагменте интервью.

«Керр: Можете ли вы описать какой-нибудь случай во время плавания, когда вы подумали, что вот-вот утонете? Что тогда произошло? Каково это было?

Кроухерст: Ну, в море много чего происходило…

Керр: Можете ли вы вспомнить какой-нибудь конкретный день? Всего лишь один день?

Кроухерст: Был однажды случай, когда я путешествовал вдоль Южного побережья. Дул попутный ветер… со скоростью примерно семь узлов. Яхта шла на автопилоте, до берега было примерно миль двадцать. Релингов на судне не имелось, и у меня не было страховочной обвязки. И тут я упал за борт. Я тогда подумал, глядя на уходящую яхту, что либо утону, либо придется долго плыть до берега. Я тотчас понял, что оказался за бортом из-за своей оплошности, поэтому не стал тратить время на самобичевание. Я просто взял себе на заметку, что подобных ситуаций нужно будет избегать в дальнейшем, и стал прикидывать возможности выхода из положения. Тут мне крупно повезло, потому что в этот момент яхта привелась к ветру и остановилась. Моя система авторулевого на самом деле время от времени требует небольшой настройки… Но прежде чем привестись к ветру, яхта прошла примерно четверть мили, и этого было достаточно, чтобы у меня душа в пятки ушла».

Примечательно, что ни жена Кроухерста, ни его друзья ничего не знали об этом приключении. Никто не смог вспомнить, чтобы Дональд упоминал о нем когда-либо в разговоре, хоть это была в высшей степени замечательная история о собственном промахе, которую бы он не преминул с удовольствием рассказать. Если бы случай действительно имел место, он еще раз подтвердил бы талант Кроухерста влипать в разные происшествия, хотя и должен был оградить его от будущих неприятностей. Однако наиболее правдоподобное объяснение

заключается в том, что Кроухерст скорее всего придумал историю на ходу под нажимом Керра.

После окончания интервью Кроухерст пожал руку Питеру Идену и поблагодарил за помощь. Затем, предоставив Холворту командовать рабочими, готовящимися вывести на борту яхты название – «Teignmouth Electron», он запрыгнул в машину Джона Нормана и помчался в свою мастерскую в Бриджуотере.

Между тем в мастерской на лодочной станции «Morgan Giles» начались новые работы по модификации яхты. Добавили стойку для усиления авторулевого Хаслера, а вот менять винтовые соединения на сварные, как советовал Иден, времени уже не было. Стали модифицировать люк в кокпите. В каюте несколько ночей подряд работали люди «Marconi», устанавливая радиопередатчик. Нужно было закончить монтаж механической части оснащения для системы безопасности, разработанной Кроухерстом (хотя электрическая система, необходимая для ее функционирования, так и не была собрана). Было множество и других мелких, но важных работ на судне по такелажу и палубному оборудованию.

Рабочие «Morgan Giles» оказывали специалистам из «Eastwood» посильную помощь, но в один голос выражали недовольство состоянием яхты и подготовкой самого Кроухерста. Годом позже их рассказы о хаосе, творившемся на верфи перед отплытием «Teignmouth Electron», по-прежнему оставались поводом для сплетен в пабе «Lifeboat».

> *«В течение тех двух недель, что Кроухерст провел в городе, тут царила полнейшая неразбериха. Каждый старался помочь, но никто толком не знал, что нужно делать. Что касается Кроухерста, он вообще не выглядел как человек, которому предстоит отправиться в кругосветное плавание. Он понятия не имел, что где лежало, и не понимал, что вообще происходит вокруг. Он ничего не проверял. Его никогда не было рядом с яхтой, как положено капитану. Он то и дело исчезал куда-то, и мы бегали сломя голову, пытаясь найти его. Если это не была какая-то таинственная поездка в Лондон, то обязательно устраивалась какая-нибудь пиар-вечеринка с вином и дегустацией сыров в отеле «Royal». К кругосветному плаванию так не готовятся. Никто не мог сказать, что у этого парня в голове. Он просто не был частью нашего городского сообщества, если вы понимаете, о чем идет речь. Он пребывал в состоянии*

оцепенения. Мы бы гораздо больше уважали его, если бы он просто сказал: «Я в отчаянии, ребята. Давайте свернем всю лавочку». Было очевидно, что парень на грани срыва, но у него не хватало мужества отказаться от предприятия. А что, если он обанкротится и останется без единого пенни? Но жизнь приятна и без денег, приятель, – даже если ты остался в дураках. А эта его яхта, боже ты мой! – просто курам на смех. Груда фанеры – вот все, что она собой представляла. Мы были уверены, что ему не уйти на ней дальше Бригхема».

31 октября. За несколько часов до отплытия. Помощники перепутали фалы и установили передние паруса наоборот. Кроухерст в гневе машет им рукой с палубы тримарана. (Devon News/Sunday Times)

План подготовки судна к старту, как его с натяжкой можно было назвать, представлял собой ворох разрозненных листков, где Кроухерст наспех записывал все, что приходило ему в голову. Эти листки сохранились. На них длинные списки недостающих вещей и незаконченных работ, разные схемы, адреса, телефонные номера, человекочасы, оборванные черновики писем и пометки для себя.

Пункт «Сигнальные флаги от «Sunday Times» содержит одну запись, где упоминаются флаги M, I и K (что означает «Сообщите о моем местоположении в компанию «Loyd's» из Лондона»), которые организаторы гонки выдавали каждому участнику. Наличие этих флагов (раз уж в таковых могла возникнуть необходимость) служит доказательством, что у Кроухерста не было в уме предварительно продуманного плана имитировать кругосветное плавание. Другой лист представляет собой одну из главных загадок путешествия. Это список вещей, которые нужно было купить в Тинмуте: носки, паяльная лампа, латунная планка, перчатки, полотно для слесарной ножовки, карандаши и прочее. Большинство позиций зачеркнуто красной ручкой. Очевидно, это означает, что вещи были успешно приобретены. В одном пункте написано: «Журналы судовые, 4 шт.». Но на борту было найдено только *три* судовых журнала.

По мере того как приготовления к отплытию все больше затягивались, в Тинмут стали прибывать друзья Кроухерста, горящие желанием помочь ему. Стэнли Бест пригнал на автостоянку несколько своих «домов на колесах», передвижных трейлеров: в одном проживал он сам, а в других размещались Биэрды, работники «Eastwood» и Эллиоты. Рон Уинспиэр и сестра Клэр Хелен остановились в отеле «Royal», владелец которого предоставил членам семьи Кроухерста несколько номеров. Теперь эти люди рассказывают о зловещих предзнаменованиях, преследовавших их все время, но каждый – в зависимости от настроя – помнит все по-своему.

По мнению Стэнли Беста, который по-прежнему, хотя и весьма неохотно, оплачивал закупку продуктов и оборудования, что выливалось во все бóльшие суммы, Кроухерст был полон энергии, уверен в себе и настроен решительно, разве что только немного рассеян. Между партнерами состоялся неприятный разговор относительно урегулирования финансового вопроса. Бест настаивал на том, что приобретение радиопередатчика и установку внутреннего оборудования яхты должна взять на себя «Electron Utilisation». Кроухерст неохотно согласился. Однако вопрос об отмене путешествия не поднимался. «Если бы Дональд

сказал мне тогда, что пускаться в плавание небезопасно, я бы разозлился, но, конечно, не стал настаивать на его отправлении. Но он не проявлял и тени сомнения». Родни Холворт утверждает, что Кроухерст был сам оптимизм. «Он излучал восторг и был полон желания отправиться в путь», – говорит пресс-агент. Рон Уинспиэр, напротив, утверждает, что его друг «вел себя странно и чувствовал себя не в своей тарелке. Он стал необычно тихим и молчаливым. Это беспокоило меня. Таким я его еще не видел. Я знал, какой взрывной темперамент у Дональда, и был бы рад увидеть привычные приступы веселья, которые бы означали, что он пытается привести все в порядок. Но на протяжении тех последних дней он, казалось, был совершенно угнетен и подавлен, как если бы его разум пребывал в оцепенении». Джон Эллиот вспоминает, как время от времени говорил Кроухерсту: «Ты не должен ехать. Ты не сможешь подготовиться вовремя». Но он замолчал, когда понял, что все слова бесполезны. Кроухерст только все отвечал: «Слишком поздно. Я теперь уже не могу повернуть назад».

В целом Кроухерст производил впечатление человека, пребывающего в цейтноте и раздавленного грузом бесчисленных проблем, требующих решения. Он зацикливался на незначительных делах и тратил многие часы, неистово носясь туда-сюда и решая мелкие вопросы. Он продолжал слать письма с просьбами предоставить то или иное оборудование даже за несколько дней до отправления. Ему нужно было также посещать различные общественные мероприятия и давать интервью. Он переключался с одной мысли на другую. Когда ему вдруг приходило в голову, что нужно купить какое-то важное или не очень важное оборудование, тут же посылался помощник, чтобы приобрести ту или иную вещь или попросить ее у владельца какого-нибудь местного магазина.

Джон Иствуд вспоминает, как однажды прикурил в присутствии Кроухерста от зажигалки «Ronson Variflame». «Дональд тотчас же подумал, что было бы неплохо взять в путешествие такую же, чтобы не везти с собой горы спичек. Мне пришлось купить вторую зажигалку в местном табачном магазине, а также заправку для нее и набор кресал». Стэнли Беста отправили в скором порядке в Эксетер в магазин подержанных автомобилей, где тот должен был купить два десятка небольших электрических бензонасосов. «Я понятия не имел, зачем они ему понадобились. Думаю, это было как-то связано с поплавком безопасности». Клэр отправилась к Гордону Йеланду, местному пекарю, и попросила у него рецепт выпечки хлеба в море. Йеланд

экспериментировал несколько дней с мукой, дрожжами, консервантами и водой из Бристольского залива. (Один из этих экспериментальных образцов хлеба можно было есть и через год после отплытия Кроухерста.) Биэрды помнят, как встретили Кроухерста, когда он мчался в своем мини-вэне по трассе из Бриджуотера в Эксетер. «Мы посигналили, и он остановился. Помимо всего прочего, Дональду нужен был барометр. Я вспомнил, что у нас стоит какой-то барометр в коридоре, и мы предложили отдать прибор ему. К счастью, тот был хорошо откалиброван».

Погода в Тинмуте на протяжении тех последних нескольких дней стояла пасмурная: шел мелкий дождь, а небо было затянуто серыми тучами. Всеобщее напряжение и растерянность нарастали. Кроухерст, загруженный делами, стал каким-то неуклюжим. Как-то вечером, выбираясь из ялика, он поскользнулся и толкнул Клэр. Врач обнаружил у нее трещину ребра. Дональд также стал несдержанным. Когда жена обратила его внимание на то, что из одного поплавка тримарана, который временно вытащили на стапель, течет вода, Кроухерст лишь в раздражении отмахнулся. Бегущая из поплавка вода, возможно, была признаком течи, что представляло серьезную потенциальную опасность для яхты. Кроухерст либо не осознавал этого, либо был настолько загружен проблемами, что не хотел больше слышать никаких замечаний.

За пять дней до отправления Кроухерст вывел «Teignmouth Electron» из порта на однодневные финальные испытания. С ним отправились Джон Эллиот и корреспондент «BBC» Джон Норман с оператором. Поездка продолжалась с полудня до темноты и была не очень успешной. Тримаран шел против ветра все так же неохотно, как и раньше. В двух случаях судно просто отказывалось делать поворот оверштаг, пока двое моряков на носу не вынесли на ветер кливер, чтобы заставить его сменить галс.

Кроухерст пребывал в особенно скверном настроении. Он все жаловался на оковки такелажа, хотя в «Eastwood» установили все на размер больше, чем было указано в обычных спецификациях судна типа «Victress». Оковки, возопил Кроухерст в гневе, были недостаточно хороши для кругосветного путешествия.

Официально испытания требовались для проверки двух передних и прочих парусов, используемых при попутном ветре. Большинство из них Кроухерст заблаговременно не вытащил из мешков, куда их упаковал производитель. Теперь же он развернул паруса на палубе, пытаясь разобраться в них и понять, как они

ставятся. Кроухерст несколько часов, спотыкаясь, бродил по сваленным в кучу парусам, пытаясь вытянуть то один, то другой. Джон Норман заметил, что участок специального палубного погона, на котором крепились каретки для проводки стаксель-шкотов, приподнимается от палубы. Винт на конце погона ослаб, и Норман попытался затянуть его отверткой, но тот прокручивался и никак не вставал на место. Норман испугался, что при сильном ветре погон может оторваться, и сказал об этом Кроухерсту. Тот в ответ лишь кивнул. Это была еще одна проблема, требующая решения. Норман заметил подобную же неполадку на одном из люков поплавка. Закручивая и откручивая барашковые болты, на которых крепился люк, кто-то старался так усердно, что сорвал резьбу на некоторых из них. Когда же моряки подняли в рубке крышку люка в пайоле кокпита, подвергшегося модификации, резиновая прокладка выскочила из пазов. «Как эта штука собирается выдержать напор волн Южного океана?» – вскричал Кроухерст в ярости.

Он был так поглощен сортировкой парусов и кис из-под них, что проторчал на передней палубе до самой темноты. Он даже попросил Джона Нормана встать за штурвал и отвести судно в порт.

Через два дня в Тинмут вернулся другой репортер «BBC», Дональд Керр. Он заглянул на лодочную станцию, посмотрел на весь творившийся там хаос, на припасы, в беспорядке сваленные на палубе тримарана, на Клэр, которая, несмотря на сломанное ребро, отважно жарила яичницу под навесом, и тотчас почуял надвигающуюся катастрофу. Он тихо шепнул съемочной группе изменить акцент репортажа. Необходимо снимать, помня о том, что они, возможно, запечатлевают не потенциальный триумф, а грядущую трагедию. В одном интервью, взятом у двух местных рыбаков, те продемонстрировали прекрасный образчик классического девонширского презрения.

Примерно в это время неожиданно вспомнили, что не куплен шланг «Heliflex». Хотя с самого начала было очевидно, что он понадобится для откачки воды из яхты. Срочно позвонили производителям насосов, в фирму «Henderson» на острове Уайт. Шланг был крайне необходим, и просьба предоставить его была изложена так красноречиво, что директор компании Джон Льюис сел в свой личный самолет «Cessna 172», прихватив просимое, и вылетел в Эксетер. Джун Эллиот вызвалась съездить забрать шланг, а также предложила взять с собой детей Кроухерста – Джеймса, Саймона, Роджера и Рэйчел – на прогулку. Это позволило бы Клэр беспрепятственно совершить поход по продуктовым магазинам.

Пять часов Джун и дети кружили на машине возле аэропорта в поисках шланга. Они так и не нашли его. «Дети были просто ангелами, – рассказывает Джун. – Представьте только, вы носитесь туда-сюда и просите служащих найти в горе вещей пакет с каким-то шлангом! До сих пор помню, как Джеймс говорил братьям, что им не следует есть так много чипсов, потому что это некультурно, к тому же они дорогие». Джун позвонила в Тинмут, чтобы сообщить, что в Эксетере шланга нет. В Тинмуте связались с компанией «Henderson» в Каусе. К несчастью, Джон Льюис до сих пор был в воздухе, но в компании сказали, что шланг точно доставлен, однако им неизвестно, где именно его оставил глава компании. Джун Эллиот поехала в Эксетер на следующий день и снова не нашла шланга. Позвонили в «Henderson», но опять не смогли связаться с Льюисом. «Думаю, его просто кто-то прихватил для сада или мастерской», – говорит миссис Эллиот.

Свидетельства очевидцев относительно следующих событий разнятся. По словам Клэр, Эллиоты так толком и не объяснили Дональду, что шланг не был доставлен, и он отправился в путь, будучи уверенным, что тот находится на борту. Более того, она утверждает, что Джон Эллиот пообещал ей: «Не расстраивайся. Я позабочусь об этом». Клэр решила, что он собирается купить простой шланг в местном магазине в качестве замены на крайний случай.

Дональд Кроухерст был, конечно же, в курсе того, что Джун вернулась ни с чем из Эксетера. На одном из листов со списком невыполненных работ есть пометка, сделанная рукой Кроухерста: «Вторник. Джун Эллиот. В Эксетере говорят, что шланга в самолете нет (пилот сообщил). В компании сказали: «Загружен перед отлетом в Эксетер». Однако никаких дальнейших пометок по данному вопросу на листе нет.

По словам Джона Эллиота, перед отправлением он ясно дал понять Кроухерсту, что на борту нет шланга для откачки воды. Эллиот уверяет, что никогда никому не говорил, будто собирается купить другой, обычный шланг. Все равно он был бы бесполезен: насосы «Henderson» настолько мощные, что от их рабочего давления любая неармированная труба сжимается. (В свою очередь, в компании «Henderson» считают, что лучше неармированный шланг нужного диаметра – 1½ дюйма, чем вообще никакого.)

В любом случае Кроухерст знал о проблеме, хотя, возможно, эта информация не особо крепко отложилась у него в голове. Вероятно, он подсознательно подавил воспоминание об инциденте, будучи не в состоянии справиться с возрастающим потоком трудностей. Или же просто надеялся, что кто-нибудь из

его помощников проявит инициативу, здравый смысл и все устроит сам, не беспокоя его по этому поводу.

Джон Эллиот также стал свидетелем еще одного инцидента, вызывающего много вопросов. Могло ли так случиться, что кто-то перенес ящик с необходимыми запчастями с палубы «Teignmouth Electron» до отправления тримарана? Возможно, кто-то принял эти детали – куски фанеры для ремонта корпуса, обрезки такелажа, гайки, винты и прочую мелочь – за мусор. После того как Кроухерст отчалил, Эллиот увидел гору запчастей, невинно сваленных на слипе лодочной станции «Morgan Giles». Он утверждает, что лично погрузил их на борт. Все сходятся в том, что запчасти были оставлены на берегу, но рабочие станции утверждают, что их никогда не было на борту.

Как бы то ни было, показания Клэр Кроухерст отчасти подтверждают слова Джона Эллиота. Она взяла в «Royal Hotel» хозяйственную сумку и наполнила ее разной едой из отеля – фасолью, ветчиной, салатами. Туда же положила подарок от себя Дональду на Рождество – мягкую красивую куклу со светлыми густыми волосами (такие обычно используют артисты-чревовещатели в представлениях), чтобы он мог разговаривать с ней во время путешествия, книгу с упражнениями по йоге, фарфоровую ложку, чтобы Дональд мог лакомиться своим любимым карри, и коробку засахаренной вишни, которую он очень любил. Клэр также приложила к пакету длинное письмо с пожеланиями мужу. Она поднялась на борт и оставила сумку на койке, прямо при входе в каюту. Клэр отчетливо помнит, что сделала это. Через два дня Стэнли Бест приехал в Бриджуотер и передал ей сумку с подарками. По его словам, ее тоже нашли на слипе.

Накануне отъезда, 30 октября, атмосфера была еще более лихорадочной, чем на протяжении всех пяти месяцев подготовки. Хаос царил такой, что Дональд Керр отменил съемку репортажа «BBC». Он велел группе отложить камеры, а вместо этого помочь с подготовкой, и те бросились покупать сигнальные ракеты, спасательный жилет и другие вещи, которых еще не было в наличии. «В тот день Дональд не обедал: не было времени, – рассказывает Керр. – Он стоял на палубе, пытаясь разобрать гору вещей, а их все продолжали заносить на борт. Ближе к вечеру мы вытащили его в ближайшее кафе выпить чаю и съесть бутерброд. Он был в ужасном состоянии. Его трясло от недосыпания и недоедания. Сомнений не было: ему не хотелось уезжать. Дональд бормотал себе под нос: «Все плохо, все плохо». Он знал,

что путешествие может стоить ему жизни, но так и не заставил себя произнести это вслух».

Возможно, сейчас, через столько лет, сложно понять, почему никто не остановил этот продолжающийся кошмар, однако происходящее не было таким уж необычным, как может показаться на первый взгляд. Всем так хотелось, чтобы этот грандиозный проект осуществился. Дональд Кроухерст сам задавал тон. Его намерения были искренними, а усилия героическими, и как случалось много раз ранее, ему удалось убедить себя в реальности своих фантазий. Рядом не оказалось человека, который бы объяснил Кроухерсту, что его мысли никак не могут изменить действительное положение вещей.

В течение тех последних двух недель в Тинмуте в исполнении яхтсмена разыгрывалась версия всем известной сказки «Новое платье короля», повествующей о силе внушения, основанного на людском тщеславии. Сначала людям рассказывали о богатстве и популярности королей. Потом они привыкали к мысли, что у них вскоре будет свой король. Потом глашатай объявлял им, каким изысканным, утонченным и прекрасным окажется этот король. Затем являлся сам монарх. Он не только прибывал с опозданием, но к тому же еще был совершенно голым, однако в толпе не оказывалось ни единого человека, кто бы в полный голос, вслух осмелился озвучить ту простую истину, которую сообщали людям их глаза. Великолепие замысла так овладело умами людей и приобрело над ними такую власть, что он стал для них важнее, чем неприкрытая реальность.

Знакомый процесс гипноза посредством создаваемых самими же людьми мифов лучше всего описал американский историк Дэниел Бурстин в классической работе о рекламе и пиаре, паразитирующих на людском тщеславии, под названием «Имидж».

> *«Во второй половине столетия мы не только ввели себя в заблуждение относительно уникальности окружающего мира, но также исказили собственные представления о самих людях и о том, сколько великих личностей можно найти среди них… Два века назад, когда среди нас появлялся великий человек, окружающие искали в нем промысел божий. Теперь же мы ищем для него пресс-агента.*
>
> *Корень проблемы, источник этих преувеличенных ожиданий, формируемых социумом, лежит в уникальной способности человека – его умении делать людей*

знаменитыми… Нам не хочется верить, что предмет нашего восхищения является большей частью продуктом синтетическим. Создав знаменитость, сделав ее волей-неволей нашим ориентиром, образцом для подражания, путеводной звездой наших интересов, мы склоняемся верить, что она вовсе не создана искусственно, а каким-то образом по-прежнему является героической личностью, ставшей таковой милостью божьей. Сегодня таких знаменитостей вокруг в избытке благодаря нашей чудесной способности плодить их сотнями и тысячами».

В произошедшем большей частью виновны два фактора: очарованность провинциального городка грандиозным событием и работа машины национальной пропаганды. Как и многие умные, но простодушные люди, Дональд Кроухерст соблазнился притягательностью славы, при этом одновременно презирая ее. Он верил газетным историям, но при этом думал, что сможет сыграть роль за достойный гонорар. С одной стороны, он полагал волшебные истории о героизме и скандалах более реальными, чем они могли быть на самом деле, а с другой – считал их такой примитивной показухой, какую можно искусственно воссоздать при помощи кое-чего большего, чем благие намерения, бравурность с эпатажем и умелый пресс-агент. И конечно, он был околдован магнетизмом больших людей и больших денег, без которых, как казалось всем провинциальным кандидатам в герои, не обходилось ни одно мероприятие, устраиваемое в Лондоне. Погоня за славой была игрой, доходным предприятием, приносящим большие деньги и тешащие самолюбие заголовки, которые прилагались в качестве дополнительной награды к заявленному мероприятию. А оно, по мнению Кроухерста, было великим большей частью потому, что миллионы читателей газет поверили в это. Если редакции газет с Флит-стрит и заслуживают осуждения за то, что подталкивали Кроухерста к отправлению, то они делали это только потому, что порой пресса охотно поддерживает созданные обществом иллюзии, подобные той, о которой идет речь. Ведь именно благодаря им и продаются газеты.

Вся вторая половина дня и бóльшая часть вечера накануне отправления были заняты погрузкой оборудования на борт. Когда стемнело, Кроухерст сошел на берег и отправился в отель, где был запланирован прощальный ужин с Клэр, ее сестрой Хелен и Роном Уинспиэром. Были приглашены и другие гости, но их задержали личные дела. Владелец отеля презентовал к столу бутылку шампанского. Она не оживила ужин, который прошел в

довольно гнетущей атмосфере. Впервые за время дружбы с Кроухерстом Рону Уинспиэру пришлось развлекать компанию беседой. Он объявил, как будет здорово, если к возвращению Дональда в городе окажется уже новое правительство из пришедших к власти лейбористов (Рон был ярым сторонником этой партии). Кроухерст взялся было спорить, но без особого энтузиазма. После ужина появились Иствуды, Эллиоты, Биэрды, Стэнли Бест и Родни Холворт, зашедшие выпить по стаканчику, и обстановка уже не казалась такой мрачной и гнетущей.

Холворт, как обычно, фонтанировал идеями. Что, если победительница местного конкурса красоты «Мисс Тинмут-1968» проплывет вместе с моряком до линии старта, поцелует его перед тем, как прозвучит выстрел, а потом прыгнет за борт? Или, может быть, прямо перед отъездом Дональду с Клэр стоит посетить часовню на берегу и сфотографироваться там во время молитвы? (Дональда без Клэр в конце концов уговорили съездить в эту часовню. У Холворта до сих пор хранятся фотографии, где Кроухерст сопротивляется уговорам.)

После коктейлей Дональд и Клэр отправились к яхте для проведения окончательной проверки. На палубе до сих пор было навалено оборудование. Они разобрали что могли, а потом вернулись в отель. Было два часа ночи. В постели Дональд молча лежал рядом с Клэр. Он подыскивал правильные слова и наконец едва слышно произнес: «Дорогая, я очень разочарован яхтой. Она совершенно не такая, какую я хотел. Я не готов к отплытию. Если я отправлюсь в путешествие, не сойдешь ли ты с ума от беспокойства?» Клэр в свою очередь ответила встречным вопросом: «Если ты откажешься от всего, не будешь ли ты несчастен до конца своей жизни?»

Дональд не ответил, а начал рыдать. Он проплакал до самого утра. В ту последнюю ночь он едва ли спал больше пяти минут. «Какой же я была дурой! – говорит теперь Клэр. – Такой глупой дурой! Все факты лежали прямо передо мной, но я так и не поняла, о чем говорил Дон. А ведь он намекал, что проиграет, и хотел, чтобы я остановила его. Он так блестяще справлялся со всеми неприятностями в трудные времена, что я и представить себе не могла, что у него что-то может не получиться. Было просто невообразимо, чтобы он погиб. Так что я отмахнулась от его просьбы. Какой же я была дурой!»

6. Прощальное письмо

Перед отправлением Дональд Кроухерст поделился с друзьями своими опасениями. Есть вероятность, сказал он, пусть и небольшая, что он не вернется из путешествия. Яхтсмен также сообщил, что на всякий случай составил завещание и написал несколько писем – своей жене и каждому из четырех детей. Местонахождение завещания и четырех посланий до сих пор остается неизвестным. Возможно, Кроухерст так и не нашел на это времени или же отдал конверты одному из своих друзей, чтобы тот сохранил их до тех пор, пока маленькие Кроухерсты не станут достаточно взрослыми, чтобы прочитать послания отца. Письмо к жене, или, точнее говоря, один из его черновиков, было найдено. Через четыре месяца после отплытия тримарана Клэр Кроухерст взялась перебирать старые деловые бумаги на рабочем столе мужа. Среди документов она нашла пять листов, где Дональд набросал первый вариант своего прощального письма, которое должно было быть передано ей в случае его смерти. Скорее всего он сочинил его в своем рабочем кабинете летом 1968 года. Миссис Кроухерст разрешила нам опубликовать письмо.

Дорогая моя Клэр!

Я всем сердцем надеюсь, что ты никогда не прочтешь это послание, но если оно все же оказалось у тебя в руках, это означает, что в погоне за своими целями я взвалил на твои плечи почти что невыносимое эмоциональное бремя. И все же оно не является таковым, и я пишу эти строки именно затем, чтобы в последний раз поддержать тебя. Я прекрасно понимаю, что результат воздействия моих слов не будет немедленным, но со временем они окажут тебе довольно весомую помощь…

Крайне трудно осуществить задуманное, и все же для выполнения своей задачи я должен буду приложить гораздо больше усилий, чем когда бы то ни было. Это письмо – моя последняя возможность выразить тебе глубочайшую любовь и благодарность за счастье, которым были наполнены все годы нашей супружеской жизни. Я прихожу в отчаяние от невозможности выразить свои чувства словами: как можно употреблять такое слово, как «благодарность», если в нем присутствует оттенок вежливого «спасибо»? Но ты догадаешься, что я имею в виду, и простишь мое

косноязычие.

На целых двенадцать лет ты превратила весь мой мир, все мое существование в сказку, наполненную необычайным по силе экстазом. Ты раскрасила в яркие цвета радуги все, что раньше было серым, унылым и безжизненным. Ты заполнила окружающее пространство светом и любовью, и я не променял бы моменты, проведенные с тобой, ни на что другое. Но похоже, пришло время закрыть книгу нашей счастливой летописи, и не потому что читатель устал, а потому что повесть подошла к концу: в ней не осталось страниц и не о чем больше читать. Я имею в виду, в ней не осталось страниц, чье содержание мы могли бы предсказать с достаточной долей уверенности, но если возвышенные чувства моей души окажутся настолько сильными, что не умрут вместе со мной, то моя любовь останется с тобой вечно. Если есть способ утешить тех, кого мы любим, даже не имея возможности быть рядом с ними физически, тогда я в любом случае принесу тебе это утешение.

Прошу тебя, постарайся избежать ужасной ловушки – соблазна искать признаки моего существования после смерти (на этом желании часто играют различные медиумы и им подобные). Я не хочу проявлять неуважение к достойным представителям этой профессии, однако они легко попадают под влияние собственных предрассудков, а менее порядочные индивиды просто ужасны в своем невежестве. Продолжай заниматься своими обычными делами. Теперь все бремя ответственности за семейные заботы ложится на твои плечи, и у тебя не будет недостатка в практических делах. Занимайся ими. (Тебе будут помогать разные специалисты и юридические советники, но помни, что они всего лишь консультанты. Прислушивайся к их мнению, но принимай решения самостоятельно. Я попытался сделать все, чтобы ты не испытывала финансовых затруднений.) Но об этом позже. Теперь же я пытаюсь донести до тебя следующее: я дам все, что тебе только нужно, для душевного, психологического комфорта, поэтому ты не должна искать успокоения в чем-либо еще. Эта тропинка уведет тебя в такие сферы, в которых сломленному духу уже нельзя доверять, так как он будет не в состоянии справляться с задачами разумно и здраво. Держись от таких тропинок подальше и сохраняй практичный, деловой взгляд на мир.

Ты спросишь меня: почему же я отправляюсь в путешествие, если всерьез полагаю, что могу не вернуться? Отвечу тебе. А потому что я уверен: наша жизнь – всего лишь вспышка во тьме, и ее ценность измеряется только одной красотой, которая вечна. По сравнению с вечностью она настолько же коротка, насколько и бессмысленна. Ты наполнила мою жизнь присущей ей красотой, той единственной красотой, какую я только вижу в ней. Если бы я не решился на это испытание, не принял вызов, то, может быть, наше будущее не было бы таким же радостным, какими были годы нашей совместной жизни. (Оставались бы мы такими же счастливыми и дальше, если бы продолжали жить вместе?)

Ничто нельзя утверждать наверняка, и меньше всего можно быть уверенным в жизни, которая с каждым прошедшим днем, минутой или даже секундой становится все более непредсказуемой. Вот как я встретил свою смерть. Какой в этом смысл? Автомобильная катастрофа, упавший с крыши кусок шифера, тромбоз… тысячи смертельных опасностей поджидают нас, готовые в любую секунду оборвать непрочную связь обстоятельств, поддерживающих наше существование. У меня нет намерения умереть. Беспредельный страх не охватывает мою душу, и скорее всего я никогда не испытаю такого чувства, потому что не боюсь ни того, что может со мной произойти, ни последствий, которые могут принести такие события для меня. Я лишь глубоко обеспокоен тем, чем это может закончиться для тебя и детей, которых люблю только во вторую очередь после тебя. Что бы ни случилось, можешь быть уверена: последние минуты своей жизни я провел не в бездействии, парализованный страхом, я всеми силами стремился остаться в живых ради тебя и детей. Ради тебя, читающей эти слова, которые я уже не смогу сказать, хотя в этом случае они бы с гораздо большей долей вероятности достигли своей цели. Не терзайся этим вопросом, а относись к случившемуся как к само собой разумеющемуся. И возвращайся к повседневной жизни, как будто мое отсутствие просто оказалось немного дольше, чем предполагалось изначально. Прошу тебя, не позволяй возникающим сложностям отравлять тебе жизнь, особенно в первое время. Со многими трудными делами легко справятся те, кто разбирается в них лучше тебя.

Позднее, когда будешь готова, можешь взяться за них сама…

Теперь о детях. Для каждого из них я написал по письму, которые должны быть вскрыты в день их шестнадцатилетия. По-моему, этот возраст гораздо важнее, чем двадцать первый год жизни. После двадцати мало что можно сделать со сложившимися взглядами на жизнь, отношением к ней и поведением. Но в шестнадцать лет, когда только намечается дорога к ценностям мира взрослых, человеку все еще предстоит пройти долгий путь до зрелости.

Ненавязчиво напоминаю тебе о Роджере. Не позволяй ему доводить тебя до белого каления. Он очень возбудимый ребенок, и пока не вырастет, ему не удастся держать под контролем свои эмоции. Возможно, он никогда не сможет совладать с ними, если только не найдет свою страсть в жизни, которой будет отдаваться всецело и благодаря которой будет вознагражден так же полно, если не сверх меры.

Остальное будет. Не принимай Рэйчел и Саймона такими, какими они кажутся, и не позволяй Джеймсу мечтать слишком много. Я знаю, что пишу ужасные банальности. Тем не менее всегда неплохо иметь под рукой рекомендации, когда жизнь становится слишком сложной и тебе приходится туго. Оказавшись в ситуации, с которой не удается справиться, надеюсь, ты сможешь взглянуть на мир трезвым взглядом, если вспомнишь мои простые советы. Именно по этой причине я и привожу их в письме.

Надеюсь, твой домашний детский сад процветает. Хотелось бы, чтобы ты продолжала заниматься этим делом и чтобы оно дало тебе все необходимое для жизни. [Миссис Кроухерст хотела открыть детсад на дому в Вудландсе, но дальше планов дело не пошло.] Я считаю, что это занятие подходит тебе как никакое другое во многих отношениях. И более чем от чего-либо удерживайся от соблазна замкнуться в себе из-за наплыва эмоций. Прошу тебя всерьез заняться литературной деятельностью, если не получится с детсадом. Правда, в этом случае тебе придется приложить максимум усилий и концентрации, если ты решишь закончить хотя бы одну вещь. Я вовсе не пытаюсь снова набрасывать планы твоей дальнейшей жизни, дорогая. Мне хотелось бы заложить фундамент твоей будущей деятельности, чтобы у тебя

была возможность заниматься тем, что, как я знаю, ты умеешь делать, и довольно хорошо. Между тем писательство требует дисциплины и самоотдачи, и ты должна осознать, моя любовь, что никогда не удастся достичь многого на поприще профессионального писательства, если не развивать оба качества.

Сказанное выше, конечно, не относится ко всему, что тебе, может быть, захочется написать для души, для себя. В таком случае тебе прямая дорога в литературный кружок (впрочем, его члены тотчас же начнут порицать тебя за отсутствие дисциплины!), который может дать тебе импульс, стимул к сочинению, если ты все же решишься писать профессионально.

Это что касается практической стороны жизни. Теперь же я должен проститься с тобой, и мысль об этом разрывает мне сердце. В настоящий момент ты готовишь обед на кухне и поешь. Я же, за исключением того, чем занимаюсь сейчас, чувствую себя безгранично счастливым, и причина моего счастья – как всегда – твоя постоянная любовь ко мне. Ее не выбросишь всю и не потребуешь наград, к которым я стремлюсь, хотя я попытаюсь отдать их тебе. Я уезжаю, потому что это стоит того. Это плавание – мой особенный вызов. Вероятнее всего, путешествие принесет коммерческую выгоду, но я отправляюсь в путь не ради денег. Я уезжаю, потому что моей душе не будет покоя, если я останусь. Я говорю о мире в душе, не зависящем от того, насколько ты счастлив в семейной жизни. Если отказываешься от одного из самых важных испытаний, уже никогда не будешь прежним, особенно когда это испытание задумано тобой самим! Я уезжаю, потому что должен уехать. Я не могу свернуть с пути и не хочу делать это. Я бы, конечно, не стал уезжать, будь шансы на победу минимальны, но я знаю, они очень, очень большие. Мы много раз говорили об этом друг другу. Возможно, мы использовали другие слова, но смысл оставался тем же.

Я так часто упоминаю об этом в своем письме потому, что хочу избежать встречных обвинений в случае, если ты все же читаешь эти строки, и напомнить тебе следующее: мое путешествие было не безрассудной дурацкой авантюрой, но предприятием, рискованность которого мы оба понимали и принимали. Когда принимаешь во внимание возможные последствия своих решений, как сделали это мы, нет нужды в упреках, даже

если все же терпишь крах. Мы знали, что так может случиться, мы принимали риски, чтобы потребовать награды, и мы делали это вместе, сообща. Я не сожалею ни о чем и надеюсь, что и ты тоже солидарна со мной. Но я очень обеспокоен последствиями своей неудачи, из-за которой это письмо попало тебе в руки.

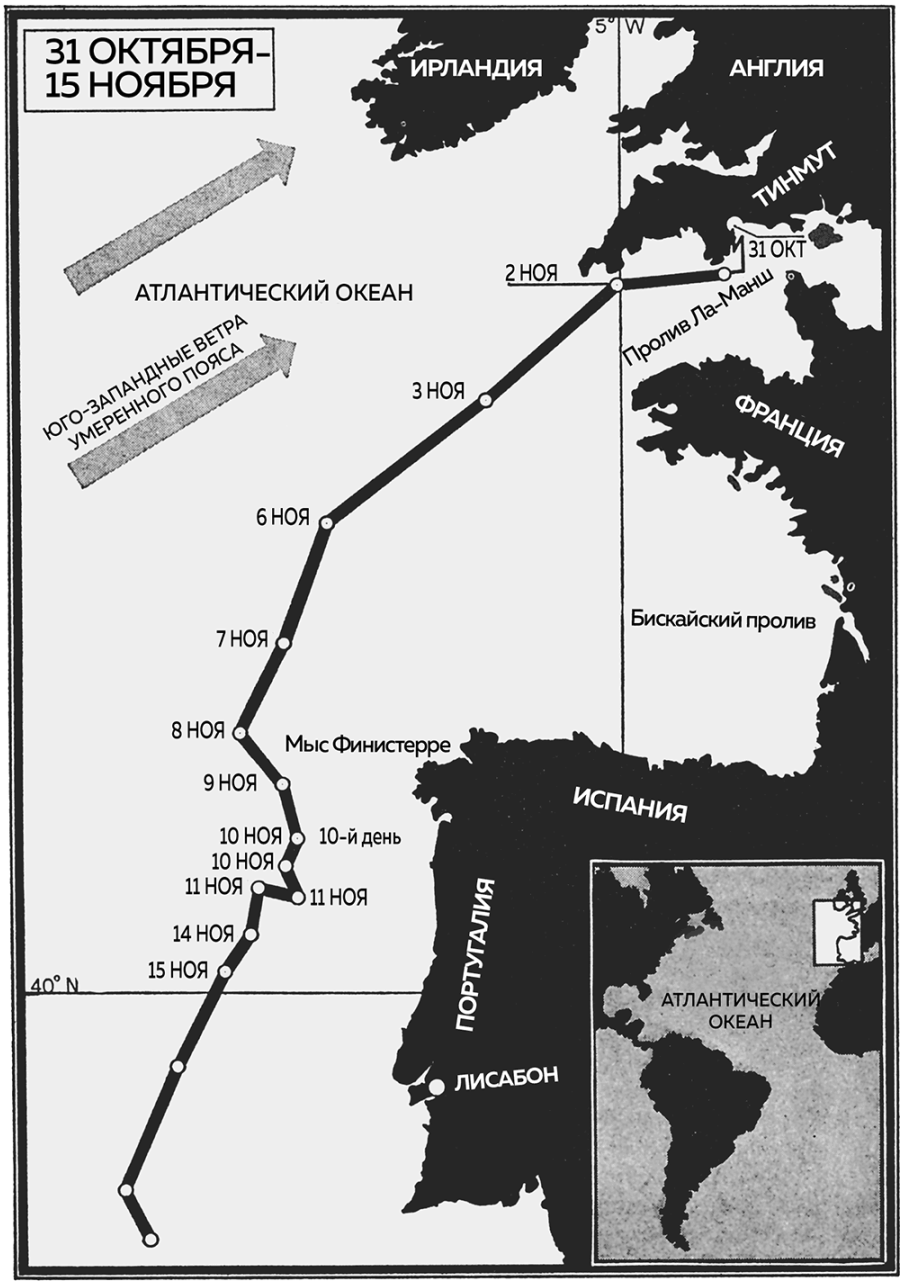
Бремя, которое ляжет на твои плечи, будет нелегким. Ты должна будешь стать и отцом, и матерью для детей, и финансовым менеджером всего семейного хозяйства. Выполняй свою работу прилежно ради меня, и она в достаточной мере вознаградит тебя, избавив от бессмысленного горя. Ничто не может нарушить или омрачить наше счастье – ни время, ни кратковременные горести будущего, ни то, что нам еще предстоит. Радости, что мы делили друг с другом, такие простые, безыскусные, яркие по силе, прошли. Они у нас в прошлом и запечатлены там навечно как подтверждение нашего супружеского партнерства.

Впереди одни лишь предположения. Не лей слез из-за того, что радость и счастье не длились дольше. Всем человеческим чувствам приходит конец, и это единственное, что можно утверждать наверняка. Итак, моя любовь, хотя я не знаю, навечно ли все это или же просто вспышка той слабой звезды, которая есть смертность, я должен уйти. Да покинет тебя боль. Да обретешь ты радость в детях. Пусть они растут, чествуя тебя. Пусть будут свидетельством нашей любви. И пусть согреют своей любовью, которую я теперь не в состоянии тебе дать, утешат и успокоят, укажут цель в жизни, как они делали это все те годы – те бессмертные, счастливые, наисчастливейшие годы, что мы с тобой провели вместе.

Да благословит тебя Господь, любовь моя.

7. Первые две недели в море

В три пополудни в четверг, 31 октября 1968 года – за девять часов до истечения конечного срока старта – яхту Дональда Кроухерста отбуксировали за отмель тинмутского порта, чтобы оттуда он начал свое путешествие. Было холодно, и моросил мелкий дождь. Кроухерста сопровождали три моторных катера, на борту находились около сорока человек: его друзья и съемочная группа «BBC». Еще примерно полсотни зрителей наблюдали за происходящим с берега. Последний пакет (с батарейками для фонарика) из закупавшихся в спешке запасов был заброшен на борт судна, когда яхтсмен готовился поднять паруса. И тут же сразу все пошло наперекосяк. Передние паруса не поднимались – днем ранее в страшной спешке вместе с поплавком безопасности к топу грот-мачты прикрепили и оба фала. Более того, Джон Эллиот по ошибке закрепил кливер и стаксель не на тех штагах и не в том порядке. Кроухерсту, конечно, ничего не стоило забраться на мачту и освободить фалы, но он не хотел беспокоить жену, наблюдавшую за происходящим. Он повернулся и крикнул своим друзьям в гневе: «Как я рад, что вскоре окажусь один в море подальше от вас, идиотов!», после чего попросил отбуксировать его обратно в порт. Затем он энергично подмигнул Клэр, ободряя ее. Да, может, все идет не так, но он счастлив наконец-то отправиться в путь.



После того как такелажник из «Morgan Giles» залез на мачту и освободил фалы из-под поплавка безопасности, Кроухерст переставил передние паруса, а дипломатичный Родни Холворт поднял на вершину мачты флажок тинмутского яхт-клуба «Corinthian Yacht Club», и тримаран снова отправился в путь. В этот момент скептический настрой местных жителей уже достиг апогея, и они стали открыто отпускать язвительные и

нелицеприятные комментарии. Кроухерст же благополучно поднял паруса и ровно в 4.51 пополудни (плюс-минус пять секунд) пересек линию старта за мысом Несс. Официальный хронометрист выстрелил из пистолета, чтобы обозначить момент старта. Кроухерст галсами вышел в залив Лайм, двигаясь в юго-восточном направлении против довольно сильного южного ветра. Примерно с милю за ним следовали моторные лодки, пока дождь и сумерки не поглотили их. Клэр Кроухерст не махала на прощание. Она просто стояла на носу переднего баркаса и смотрела, как ее муж на всех парусах уходит в море.

Через четыре часа контргалс привел «Teignmouth Electron» назад к Торки, а еще через два часа он снова повернул на юго-восток. Фалы передних парусов по-прежнему вызывали недовольство моряка. Они каким-то образом спутались в огромный клубок, напоминающий, по словам Кроухерста, двойной турецкий узел – чрезвычайно сложное плетение, которое моряки делают для украшения. Тогда же на яхтсмена снова напала морская болезнь – «думаю, все из-за нервов», но, несмотря на это, он взялся наводить порядок в каюте, загроможденной сваленными в беспорядке припасами. На койке было столько пакетов и свертков, что в ту ночь яхтсмену пришлось спать на полу, подложив под себя непромокаемый комбинезон вместо матраса.

Весь следующий день Кроухерст приводил в порядок каюту. Он отметил в журнале, что на грота-гике сломаны люверсы (они предназначались для фиксации галсового угла грота). «Эта поломка будет доставлять неудобства на протяжении всего путешествия», – записал он и решил соорудить какое-нибудь приспособление из веревки в качестве замены. Кроухерст постоянно находил разрозненные, но важные запчасти и детали оборудования (например, кресала для зажигалки «Variflame»), рассованные по разным контейнерам «Tupperware» в самых невообразимых сочетаниях, и соображал, куда бы прибрать их. К вечеру тошнота наконец прошла, на траверзе был плимутский маяк «Эддистоун», а каюта тримарана приобрела тот вид, какой будет иметь на протяжении всего плавания.

Каюте Тримарана «Teignmouth Electron», такой маленькой, что ее с натяжкой можно было назвать жилым помещением, в течение следующих восьми месяцев предстояло стать домом для Кроухерста. Всего девять футов в длину и восемь в ширину, она имела низкую и покатую крышу, способную выстоять под напором ветра и волн. Впрочем, она была не больше каюты яхты

«Suhaili» Робина Нокс-Джонстона, но казалась совсем уж крошечной по сравнению с царскими апартаментами, которые устроил Найджел Тетли на своем судне, тримаране типа «Victress». Трап, ведущий в центр, был два фута шириной. По правому борту находился длинный штурманский стол со шкалами анемометра, которые показывали направление и скорость ветра. К краю стола были привинчены тиски для проведения ремонтных работ, а впереди находился столик поменьше, устроенный специально для радиостанции «Marconi Kestrel». По левому борту располагались раковина и оборудование камбуза, тут же был встроенный маленький столик с мягким сиденьем, обитым красной материей. Здесь Дональд Кроухерст ел, думал и делал записи в судовые журналы.

Через носовую часть каюты тянулась переборка, на которой висел барометр Питера Биэрда, радиогромкоговоритель со связкой спутанных проводов для приемника Маркони. Здесь же находился радиопередатчик «Racal RA 6217» и приемник/передатчик «Shanon Mark 3» вместе со сваленными в беспорядке блоками питания, антеннами, микрофонами, наушниками, ключами для радиопередач и коммутационными панелями. Оборудование было под стать каморке, какую устраивают многие радиолюбители на чердаке дома. На самом деле любого, кто оказывался на борту «Teignmouth Electron», впечатляли провода, висевшие по всей каюте. Со стороны левого борта, исчезая за красными подушками сиденья, проходила толстая связка аккуратно скрепленных разноцветных проводов. Это был костяк той самой расхваленной Кроухерстом электронной системы яхты. Провода, выходя на палубу, расходились веером к мачтам, поплавкам и разным частям такелажа. Выглядело это очень впечатляюще и вроде бы оправдывало все лирические разговоры о «чуде электронной мысли», но после уборки в каюте Дональду Кроухерсту уже так не казалось. Каждый раз, приподнимая сиденье с красной обивкой, он видел, что провода обрывались прямо здесь, спутываясь в беспорядочный клубок. У него так и не нашлось времени, чтобы довести до ума свой волшебный «компьютер», хотя проделанная под скатом дыра предназначалась специально для установки этого устройства. Ничего замечательного не было и в том, что другие концы проводов, подходя к местам назначения, также свисали там, незачищенные и не присоединенные ни к чему.

В передней части каюты, за низкой аркой, где были установлены две диафрагменные помпы «Henderson», находилась единственная на тримаране койка. Она имела всего два фута в ширину и обоими концами упиралась в полки с заставленными в

два ряда контейнерами «Tupperware» – их Кроухерст постепенно и бессистемно заполнял разными запчастями, банками и пакетами со съестными припасами и прочим скарбом. Тут были сухие овощи, инструменты, такелажные блоки, кинокамера «BBC» и пленки к ней, банки с соусом карри, пакеты с мукой, сухим молоком, батарейки и сверх всего все прихваченные в дорогу запасные радиодетали. Радиодетали! Они присутствовали не просто в огромном, а в неимоверном количестве. Коробки, сотни коробок с транзисторами, конденсаторами, резисторами, герконовыми переключателями, клапанами, кабелями, печатными платами, теплоотводами, вилками и розетками – все это занимало по крайней мере десять контейнеров «Tupperware». Для чего так много? Наверное, любой человек, находящийся в замешательстве, с одержимостью убеждает себя в том, что дело, в котором он по-настоящему хорошо разбирается, всегда поможет ему выпутаться из беды.

Прочие предметы были раскиданы по койке и рассованы по каюте. За ступенями трапа виднелись два спасательных жилета, три страховочные обвязки для крепления к штормовым леерам, чтобы моряка не смыло за борт, и шесть нераспечатанных наборов сигнальных флагов M, I и K, выданных организаторами – газетой «Sunday Times». Они были свалены в кучу вместе с восемью контейнерами «Plysu» с питьевыми запасами, а под ними, внизу, располагался один из нескольких баков для воды, вделанных в корпус яхты.

Над штурманским столом висела книжная полка, на которой располагались справочники Адмиралтейства Британии – «Лоции» и «Морские пути», а также три из четырех инструкции по использованию радиоприемников. Здесь находились и навигационные карты с таблицами приливов и отливов, «Навигационный альманах» Рида за 1968 и 1969 годы, инструкции по эксплуатации генератора, автоматического рулевого устройства и радиооборудования. Для души Кроухерст взял всего несколько книг: «Шанти из семи морей», антологию произведений Стэна Хагилла, сочинение сэра Фрэнсиса Чичестера «На «Gipsy Moth» вокруг света», «Сервомеханизмы» П. Л. Тэйлора, «Математику технических систем» и «Специальную и общую теорию относительности» Альберта Эйнштейна. Ему не хотелось брать романы в дорогу, как он признался Клэр. Учебников по математике хватит за глаза, чтобы занять себя.

На верхней полке, обмотанное розовой ленточкой, лежало горлышко от бутылки шампанского, которую разбили о борт тримарана во время спуска на воду. Рассованные по разным выдвижным ящикам, лежали тарелки, ножи и вилки, личный

секстан Кроухерста, губная гармошка «Hohner», баночка с французской горчицей, аптечка, грелка, скрученное в свиток коллективное письмо «от владельцев отелей Тинмута», желавших ему, конечно, «удачного плавания», несколько банок пива и бутылка метилового спирта для растопки плиты.

Уже сейчас, всего на третий день нахождения в море, Кроухерст стал беспокоиться по поводу запасов спирта. Он высчитал необходимый объем на основе данных из книги Эрика Хискока «Путешествия под парусом». Хискоку понадобилось полгаллона спирта на двух человек для плавания, продолжавшегося 81 день. Кроухерст разделил потраченное ими количество надвое, забыв, что один человек готовит еду так же часто, как и два, поэтому ему требуются те же полгаллона. На борту же находилось всего полтора галлона спирта. «Их должно хватить, так как, по моим прикидкам, на весь путь уйдет 81 × 3 = 243 дня». (Этого действительно хватило. По жуткой иронии судьбы вояж Дональда Кроухерста продолжался точно 243 дня. К концу путешествия у него осталось менее пинты неиспользованного спирта.)

В тот же день он попробовал включить радиооборудование, но безуспешно. Яхтсмен еще поворчал на тот самый узел, который скрутился на фалах передних парусов: «Одна из самых жестоких морских шуток. Несколько часов уйдет на то, чтобы распутать этот клубок, и еще больше времени, чтобы провести все как нужно».

Именно в этот момент – в поле его зрения все еще находился мыс Лизард в виду Фалмута – начались настоящие проблемы. Первым устройством, вышедшим из строя, стал авторулевой Хаслера[6]. Несмотря на все модификации, произведенные в Тинмуте, из устройства выпало два винта, как записал капитан тримарана в судовом журнале. Кроухерст заменил их другими, сняв с менее значимого оборудования, но у него в буквальном смысле не было ни запасных винтов, ни болтов. Повторись это снова, и он потеряет контроль над судном, если только не будет постоянно стоять у штурвала. Занимаясь устранением неполадок в рулевой системе, Кроухерст обнаружил, что лаглинь (он тянулся в кильватере за кормой для измерения пройденного расстояния) намотался на перо руля, из-за чего заклинило его ротор. Он посмотрел на показания лага: судя по ним, было пройдено всего семь миль. Яхтсмен привязал лаглинь к румпелю, чтобы тот не попал еще куда-нибудь, и нашел новую веревку для снятия точных показаний скорости. Надвигались сумерки, и нужно было поднять металлический радиолокационный

отражатель повыше на мачте, но тот неудачно сорвался, и Кроухерст сильно порезал указательный палец на левой руке. «Повсюду кровь. Аптечка куда-то подевалась. Конечно, тут же просто идеальный порядок!»

Проблемы с авторулевым Хаслера, очевидно, вогнали Кроухерста в депрессию. Чтобы поднять себе настроение, он решил устроить на следующий день пир на завтрак и уселся, чтобы набросать цветистый отрывок о своих морских приключениях в судовом журнале. Он был подчеркнут как важный и, очевидно, предназначался специально для публикации.

> «*Сегодня днем приплыли морские свиньи, приветствуя меня. Их было около тридцати, и они плавали вокруг яхты, сопровождаемые стаей чаек. Иногда, выстраиваясь в шеренгу по шесть пар (им, похоже, нравится плавать парами), они прыгали со стороны правого борта и огибали нос – к левому. Они плавали вокруг и прыгали, исследуя меня! Я вспомнил старую пословицу: Когда рак на горе свистнет и свинья полетит… Но в море и небывалое бывает*».

В третью ночь своего путешествия Кроухерст был занят преимущественно тем, что изучал справочник Адмиралтейства, предназначенный для капитанов паровых и парусных судов и известный под названием «Морские пути», где приводились рекомендуемые навигационные маршруты. В этом томе, вобравшем в себя знания и опыт мореходов за многие столетия выхода в море, описывались наиболее благоприятные маршруты в различные места назначения в каждое из времен года, а также давалась информация о преобладающих ветрах в определенных широтах. Из-за переменчивости ветров капитанам любых парусных яхт, отправляющимся в путешествие по Атлантическому океану, рекомендовалось прокладывать курс по старому, известному навигационному маршруту – то есть сначала забрать на запад, после чего повернуть на юг, пройти мимо побережья Португалии и Мадейры, а потом, двигаясь по широкой дуге, повернуть на запад через Южную Атлантику. Кроухерсту, по всей видимости, было прекрасно известно об этом из прошлого читательского опыта, но по какой-то причине в ту ночь он посчитал необходимым освежить в памяти свои знания. В отличие от Чичестера, у него не было тщательно распланированного маршрута до отплытия: похоже, он намечал его по мере продвижения[7].

Воскресным утром Кроухерст приготовил обещанный себе накануне грандиозный завтрак. В его меню были «чай, каша,

яичница, тосты с джемом, еще чай». После чего он завалился спать. Слава богу, условия были идеальными: дул норд-ост со скоростью 15 узлов, и «Teignmouth Electron» несся по просторам Атлантики, обгоняя ветер. Тут выяснилось, что радиоприемник не работает. «От него теперь не больше пользы, чем от мертвого якоря. Надеюсь, его удастся починить», – написал Кроухерст. И снова в журнале появляется лирическое отступление – предназначенный специально для публикации отрывок, уравновешивающий тон повествования.

> *«Проштудировав «Морские пути», я решил сделать крюк к западу. Погода – просто чудо для капитана клипера… Внутренний голос продолжает шептать: «Кароццо идет по пятам», и это заставляет, подвигает меня срезать путь, пройдя у самого острова Уэссан. Если ветер продержится и дальше, я буду мчаться на своей яхте так же быстро, как на клипере. Может быть, это удлинит плавание на несколько дней, но такой путь намного безопаснее. Да и в любом случае я смогу наверстать упущенное время, если подует вест или зюйд-вест, что очень вероятно».*

(Как оказалось, внутреннему голосу, нашептывающему о приближении Кароццо, не стоило верить. Итальянский яхтсмен, также стартовавший в спешке, в отличие от Кроухерста выбрал другой подход. Чтобы соблюсти правила гонки, он поднял паруса 31 октября, но тут же бросил якорь недалеко от берега и целую неделю занимался укладкой снаряжения, налаживал оборудование и проверял, все ли работает нормально, прежде чем начать бороздить просторы Атлантики.)

Кроухерст же в этот момент в открытом океане в 200 милях от берега учился справляться с проблемами, вызванными изначальными недоработками. Он начал с тщательного осмотра сломанного радиоприемника «Racal». Потратив несколько часов, он разобрал приемник на части и, к своему стыду, обнаружил, что единственной неисправностью в нем был сгоревший предохранитель. Авторулевой Хаслера снова стал барахлить. За ночь ветер сменился на юго-восточный, и когда Кроухерст проснулся, «Teignmouth Electron» мчался в северном направлении. Яхтсмен воевал с механизмом почти все утро, пытаясь заставить его работать на новом галсе. В конечном счете ему пришлось убрать грот, чтобы яхта замедлила движение, так как удерживать судно на нужном курсе удавалось только на скорости 2–7 узлов. Он вернулся к бытовым делам и приготовил еды на три дня вперед: мясо с рисом под соусом карри. Снова стал беспокоить

нарыв на лбу, появившийся еще во время путешествия вдоль побережья, и отек распространился на левый глаз. Путешественник решил найти флакон с витаминами, затерявшийся где-то в одном из поплавков тримарана.

Во вторник 5 ноября Кроухерст обнаружил еще одну серьезную неполадку.

> «*Сегодня день рождения моей дочери. Поздравляю, Рэйчел! А между тем у меня выдалось то еще утречко. Подняв грот и прокладывая курс на юго-запад, я был доволен собой и тут заметил, что из-под крышки одного люка выходят пузыри, когда «Teignmouth Electron» качнуло на волне! Мои опасения подтвердились. Оказалось, что левый поплавок погружен в воду гораздо больше, чем положено при ходе левым галсом. Все указывает на то, что он заполнен водой.*
>
> *Чтобы снизить нагрузку на левый борт, я изменил курс на западный и отвернул барашковые гайки. Отделение действительно было заполнено водой до самого уровня палубы. Я вычерпал ее ведром, вытер все насухо шваброй и завернул винты, предварительно поставив фибергласовую прокладку «Syglas». Она должна предотвратить проблемы в дальнейшем. Работа была долгой и изнурительной. На вычерпывание такого объема воды у меня ушло три часа. Волны были футов пятнадцать высотой, а сила ветра баллов семь, так что, пока я вычерпывал воду, она наливалась обратно!*»

Затем у Кроухерста случился первый приступ отчаяния, недолгий, но вполне ощутимый.

> «*Я проклинал людей, которые по доброте душевной достаточно много помогали мне, покупая припасы для путешествия, и проклинал себя за свою глупость. Я клял свою игрушечную лодку, которая годилась разве что для плавания в озерах Норфолка или в пруду Эрлс-Корта. Но когда я наконец закончил работу, поел риса с мясом, сгрыз яблоко и выпил чаю, я испытал чувство огромного удовлетворения. Ведь со мной случилось нечто такое, чего я все время боялся, и мне удалось справиться. Теперь нужно было заняться оставшимися люками. Я заглянул в главный люк по левому борту, и там вроде бы все было нормально. Нашел витамины. Мимо прошло китобойное судно, испанское или французское, просигналило мне*».

Вспышка гнева против людей, помогавших с подготовкой тримарана к путешествию, вероятно, была вызвана предположением, что именно кто-то из них завернул гайки на люках недостаточно плотно. Но Кроухерст заранее допускал возможность возникновения течей, вызванных неполадками, которые не так легко будет устранить. И страшился этого. При этом может показаться странным, что он недостаточно внимательно отнесся к словам Клэр, сообщившей мужу о протекающем поплавке, и дважды проверил принадлежности для вычерпывания воды перед отправлением из Тинмута.

Тем вечером Кроухерст попытался вскрыть нарыв у себя на лбу, который оказался просто бездонным, и проглотил несколько пилюль, решив, что пенициллин и витамины помогут ране быстрее зажить. Он зарядил аккумуляторы и попробовал, хоть и безуспешно, соединиться с радиостанцией «Портисхед». Эта неудачная попытка радиосвязи, по всей вероятности, подействовала на него еще более угнетающе, чем все прочие проблемы. «Лег спать в большом расстройстве», – написал он в журнале.

На этом этапе путешествия Кроухерст решил узнать, насколько быстро продвигается вперед. Он произвел кое-какие расчеты в судовом журнале. Со 2 по 6 ноября тримаран преодолел 538 миль, то есть в среднем проходил примерно по 134 мили в день. На первый взгляд, казалось бы, наблюдался прогресс: такие же показатели были и у Чичестера. Впрочем, Кроухерст не отметил в журнале одну деталь: бóльшую часть указанного расстояния судно прошло, лавируя против ветра, который вот уже два дня стойко дул с юга. Неспособность тримарана выходить на ветер снова дала о себе знать. За четыре дня Кроухерст на самом деле преодолел всего лишь 290 миль по намеченному маршруту.

В ту же среду яхтсмен стал вычислять свои координаты по звездам (до этого он не спешил с определением точного местоположения судна за исключением одного случая крюйс-радиопеленга, взятого при помощи навикатора). Кроухерст продолжал придерживаться способа навигации, названного Питером Иденом «немного легкомысленным». При помощи секстана он фиксировал высоту Солнца в полдень и часто – утром или вечером, после чего, используя морской альманах, хронометр и таблицы, можно было довольно точно определить позицию судна в море. Он крайне редко вычислял высоту звезд и планет, а когда делал это (были спорадически попытки с Венерой), неизменно получал своеобразные результаты.

Большей частью Кроухерст использовал куда менее

надежный, хотя и более простой метод. Фиксируя время нахождения Солнца на максимальной высоте и сравнивая его с теми же показаниями для Гринвича, он вычислял широту и долготу. К сожалению, таким способом можно точно определить широту, но не долготу. Из-за этого возникала погрешность примерно в 40 миль или около того, а при неточности хронометра ее величина могла возрасти вдвое.

Первую попытку, предпринятую в ту среду, нельзя было назвать особо успешной. «Несколько раз измерил высоту Солнца для вычисления координат яхты, – написал Кроухерст в журнале. – Потом нашел ошибку в 3 минуты на хронометре. Я бы и не заметил ее, если бы не мои наручные часы «Rotary». Желание синхронизировать показания хронометра Гамильтона, палубных часов «Зенит» и наручных часов, должно быть, выливалось в многочасовую и кропотливую проверку данных, что позднее переросло в одержимость, манию.

По расчетам Кроухерста, в тот момент он находился примерно в 80 милях к западу от Британии. Ветер отошел на запад, и впервые тримаран стал двигаться строго на юг безо всяких отклонений от курса. Яхтсмену удалось связаться и с радиостанцией «Регби», чтобы договориться о радиотелефонной связи, и с навигационной береговой радиостанцией «Портисхед», чтобы отправить поздравительную телеграмму дочери. «Очень счастливый день», – написал он в журнале, снова пребывая в эйфории.

На следующий день, после недельного пребывания в море, снова дал о себе знать ветровой автопилот Хаслера. Из него выпали еще два винта. Настроение у Кроухерста резко испортилось, и он дал волю чувствам, изливая на страницы журнала эмоциональные комментарии.

> «*Выпало уже четыре винта. Я же не могу вечно вывинчивать их отовсюду. Это все равно что питаться собственной плотью. Вскоре вообще все развалится на части. Еще и проблемы с тросом. Пока налаживал авторулевой Хаслера, лаглинь обмотался вокруг рулевого пера и сервомеханизма привода флюгера! Эта штука на транце всем хороша, но из-за нее нужно вытаскивать лаглинь каждый раз при смене галса!!! Предполагаю, что решением может быть поворот через фордервинд. Попытался затянуть болты (занимаюсь этим каждое утро и вечер), но это все равно что ремонтировать работающую мясорубку. На большой скорости лопасть*

сервопривода находится под огромной нагрузкой и запросто может превратить мой палец в фарш».

Остаток дня Кроухерст занимался вычерпыванием воды из поплавков («каюта выглядит как гостиная семейки старьевщиков Стептоу»), затем попытался определить свое местоположение и высчитать пройденное за день расстояние. Его рана на лбу затягивалась, но в каюте появился неприятный запах, и яхтсмен озаботился наведением чистоты. Снова после полного неприятных событий дня появилась обязательная бравурная запись в журнале.

«*Достал хлеб и тостер и приготовил на ужин четыре сэндвича: два – с оставшимся соусом карри, а еще два – с джемом и маслом. Тостер замечательный. Ветер дул узлов 7–8 (на порывах достигал скорости 39 узлов, и я мчался вперед), поэтому совершенно невероятно, как 4 кусочка хлеба смогли удержаться в нем и не выпасть. Это напомнило мне о Клэр. Удивительно, но она могла работать в совершенно невыносимых условиях. Я бы сказал: он делает все, что от него требуется. Как я счастлив, что у меня есть такой замечательный тостер!*»

«Как я счастлив, что у меня есть такой замечательный тостер!» Тон этой фразы нарочито показушный, предназначенный специально для публикации, и он, этот тон, странным образом диссонирует с настроем всех остальных записей в журнале. В популярной литературе, посвященной одиночным океанским плаваниям, в запасе у авторов разные темы. Одна из них – дружба с морскими млекопитающими, птицами и прочими существами. Другая – воспоминания о грандиозных плаваниях различных мореходов. Еще одна – создание комфорта и налаживание быта, проявление изобретательности при выпечке хлеба, приготовлении завтрака из летучей рыбы и прочих блюд мужской кулинарии. За прошедшую неделю Дональд Кроухерст уже коснулся всех трех тем в своем судовом журнале. В его манере изложения безошибочно угадывалось подражание судовым журналам мореплавателей, читаемым ранее с таким вниманием и страстью. Эрик Хискок, сэр Алек Роуз и даже более утонченный сэр Фрэнсис Чичестер писали на такие соленые темы с грубовато-простодушной прямотой, совершенно естественной, неосознанной. Интеллектуалу Дональду Кроухерсту, с любовью к ролевым играм, этот стиль совершенно не шел.

Проблема, с которой неизбежно сталкивается всякий, интересующийся путешествием Кроухерста, состоит в

распутывании этих его ролевых игр и отделении воображаемого от действительных наблюдений. Похоже, и то и другое часто переплетается. Однако при более внимательном изучении можно отличить тон «для выступлений» Кроухерста-героя от естественного тона Дональда Кроухерста, реального и страдающего человека. Есть разница, например, между полными позерства и напыщенности посланиями к Фрэнку Карру или Стэнли Бесту и прощальным письмом моряка к своей жене Клэр. Яхтсмен никогда полностью не прекращает позерствовать (да и кто прекращает?), но контраст между этими двумя образцами эпистолярного жанра достаточно разителен, чтобы заставить задуматься о границе между искренностью и притворством. В судовых журналах Дональд Кроухерст порой геройствует, подделываясь под других авторов, как мы увидели на примере приведенных выше трех пассажей, сочиненных специально для публикации. В другие же моменты, когда моряк по-настоящему подавлен, он гораздо ближе к себе настоящему. Записывая пленки для «BBC», Кроухерст почти всегда играет роль хитрого и изворотливого персонажа. Клэр заметила это и впоследствии говорила, что ей очень не нравятся эти записи. «На них нет подлинного Дональда, – объясняла она. – Все эти записи такие банальные». Имитацию стиля других авторов в записях Кроухерста о путешествии трудно показать на конкретных примерах. Здесь скорее можно говорить о совокупном впечатлении, складывающемся после прочтения всех дневников. В какой-то момент, однако, эта подделка становится очевидной, и хотя яхтсмен начинает копировать стиль других на более поздних этапах плавания, стоит процитировать достойные упоминания выдержки прямо сейчас. Кроухерст записывал забавные, интересные репортажи на магнитофон. В самый разгар своей аудиосессии, осознавая, что «BBC», возможно, благосклоннее отнесется к рассказам героического, а не развлекательного плана, он собирает все силы и начинает играть. «Ну, так вот, как насчет небольшой порции бессмертной прозы? Кусок из старины Хемингуэя», – говорит он и, понижая голос, вещает высокопарным слогом:

> *«…парус вдруг перекинулся, и меня отбросило в сторону. Я ударился головой о стену рубки и тут вдруг понял, что ушиб еще и спину. С большой осторожностью пошевелил я сначала одной ступней, потом всей ногой, а затем проделал то же самое с другой ногой. Я лежал с минуту, сетуя на собственную неосторожность, а потом очень медленно сел. Я сидел без движения минуты три, а*

потом с большой осмотрительностью встал. Все вроде было нормально. Тогда я еще не знал, что пройдет три дня, прежде чем я смогу двигаться снова. Я собрался с силами и закончил свое дело – прикрепил трисель к гику, – после чего продолжил идти на восток».

Этот, несомненно, полный драматизма отрывок навеян вовсе не прозой Хемингуэя, а книгой Чичестера «На «Gipsy Moth» вокруг света», имевшейся на яхте. На странице 195 сэр Фрэнсис пишет:

«…меня швырнуло к дальнему концу рубки. Я лежал без движения там, где упал, размышляя, цела ли моя нога. Думая об этом, я расслабил все мышцы. Около минуты я пребывал без движения, а потом медленно выпрямился. К моему удивлению – и бесконечному облегчению, – все кости, похоже, были целы. Я собрал свои силы, собрался с мыслями и вернулся к работе с радиоприемником.

…Ночью и бедро, и лодыжка давали о себе знать, и я боялся потерять подвижность. …В тот вечер я уже входил в ревущие широты… Мне захотелось отпраздновать это событие, и я достал бутылку «Veuve Cliquot»[8]*, но пить в одиночестве не доставляло никакого удовольствия».*

Спустя девять дней пребывания в море Кроухерст вычислил свое приблизительное местоположение по навигационному радиобую Консоль в Луго, на севере Испании, и обнаружил, что его отнесло к западу на приличное расстояние от опасного мыса Финистерре. Поскольку яхтсмен придерживался курса зюйд-вест, он решил хорошенько выспаться и встал только в 11 часов следующего утра. Это было не очень мудрое решение, так как яхта находилась в районе судоходных трасс и существовала опасность столкнуться с каким-нибудь кораблем. Проснувшись, моряк высунулся из иллюминатора каюты и увидел по корме большой лайнер, идущий примерно тем же курсом, в направлении запад-юго-запад.

Кроухерст приготовил обильный завтрак и поднял грот. Собираясь поднять бизань, он обнаружил, что *скоба* на фале, к которой крепится парус, за ночь пропала, а сам фал болтается на высоте нескольких метров. Чтобы достать его, нужно было забраться на мачту. Первое, что предпринял Кроухерст – как зафиксировано в судовом журнале, – это бросил со стороны кормы плетеный канат толщиной полтора дюйма, чтобы в случае падения можно было ухватиться за него и подняться обратно на

борт. Падение за борт – предмет беспокойства всех одиночных мореплавателей, и судовой журнал Кроухерста предоставляет ясные доказательства того, что по крайней мере в этот раз путешественник принял самые тщательные меры предосторожности, чтобы не лишиться яхты. Впрочем, он успешно забрался на мачту, достал фал, заметив попутно, что поплавок безопасности по-прежнему держится на честном слове. Вся его нижняя половина свободно висела в воздухе, шланг для поступления воздуха не был прикреплен, а зеленый сигнальный фонарь на топе мачты мог вот-вот отвалиться. Весь вечер Кроухерст пытался поймать волну станции «Портисхед», но вместо навигационных предупреждений прослушал новый бюллетень о состоянии здоровья Йоко Оно, у которой недавно случился выкидыш. Также из сообщения Адмиралтейства путешественнику стало известно о «дрейфующем обломке носовой секции неизвестного судна», замеченном в том районе океана, что он только что покинул.

К счастью, Кроухерст не наткнулся на этот обломок. Или же так называемым дрейфующим обломком был тримаран «Teignmouth Electron», идущий под кливером, на который чуть было не напоролся большой пароход и принял яхту за останки какого-нибудь судна? В конце концов Кроухерст же видел утром лайнер у себя по корме. «Может быть, мы едва разминулись, а я об этом и не догадывался? – подумал моряк. – Если речь действительно идет о «Teignmouth Electron», мне не по душе слово «дрейфовать» применительно к движению моей яхты».

Затем последовал этап медленного продвижения вперед. Ветер постоянно менялся, перебрасывая гик, и тримаран шел не в том направлении. Каждый вечер Кроухерсту приходилось убирать грот, чтобы хоть как-то придерживаться нужного курса, но это серьезно замедляло движение яхты. В последующие три дня подавленное состояние путешественника усилилось, он разленился, стал медлительным и вялым. Кроухерст сам признавался, что чувствует сонливость, головокружение, и решил, что всему виной, должно быть, недостаток кислорода в каюте.

В субботу Кроухерст заметил, что из крепления краспицы на бизань-мачте выпал винт. «Эта чертова яхта просто разваливается на части. И все из-за того, что кто-то не должным образом спроектировал ее!!!» – написал он[9].

Между тем продвигаться вперед становилось все труднее. Каждый день, определяя свое положение, шкипер обнаруживал, что практически стоит на месте. «Либо я иду кругами, либо что-то не так с координатами, определяемыми по Солнцу», – записал

Кроухерст. На самом деле, похоже, имело место и то и другое. На этом этапе путешествия тримаран двигался беспорядочно, а при встречном ветре Кроухерсту потребовалась целая неделя, чтобы преодолеть какие-то 210 миль – от мыса Финистерре до побережья Испании и Португалии. Во вторник ничего не изменилось. В два ночи ветер поменялся, и «Teignmouth Electron» пошел прямо на север. «Я слишком устал, чтобы думать об этом», – написал Кроухерст, но утром пришло раскаяние.

> «*Снова встал поздно. Шел семь часов в северном направлении. Это никуда не годится. Я не должен позволять себе лениться. Правда, вчера весь день дул сильный ветер, и я был утомлен, но я ведь не на курорте и не на прогулочном выезде. Понадобится четыре часа, чтобы наверстать упущенное. В итоге я потеряю целых одиннадцать часов, а это полдня. Если так будет продолжаться и дальше, у меня уйдет больше года, чтобы дойти до финиша. Я НЕ ДОЛЖЕН ПОЗВОЛЯТЬ СЕБЕ ЛЕНИТЬСЯ*».

Главная пружина в хронометре Гамильтона погнулась, радиоприемник «Racal» снова вышел из строя, да к тому же оказалось, что Кроухерст прихватил не тот сборник радиопозывных.

> «*Я поверил Хискоку, писавшему, что сигналы времени во втором томе «Реестра радиосигналов» Адмиралтейства. На самом деле они в четвертом!*[10] *А у меня его нет! Я бы не очень расстраивался по этому поводу, если бы мог узнать правильное время, принимая сигналы радиостанции «WWV», но теперь у меня не работает и приемник. Черт бы побрал эту предстартовую суету. Список того, что нужно было проверить, но так и не было проверено, почти бесконечен. Всего можно было избежать, будь у меня в запасе хотя бы пара недель, – избавиться и от тягостного состояния, ужасного настроения и т. д. и т. п. Четырнадцать дней – и все было бы совсем по-другому, но это, конечно, невозможно было устроить*».

На следующий день, в среду, 13 ноября, Кроухерста постигла третья серьезная авария. У него уже были трудности с авторулевым, один из поплавков протекал, а теперь еще и электрогенератор «Onan» вышел из строя.

«13 ноября, среда. Я свободен от предрассудков по поводу сегодняшней даты. Я всегда говорил себе, что число «13» не несет для меня особо зловещего смысла. Сегодня же все вышло наоборот. Изо всех сил пытаюсь удержать яхту на западном курсе при усиливающемся южном штормовом ветре. Люк в кокпите все протекает, и вода затопила моторный отсек, электрооборудование и генератор. Если не удастся его починить, придется всерьез задуматься о возможности продолжать путешествие. Учитывая все неполадки на яхте, было бы, наверное, глупо или по крайней мере нереально двигаться дальше на таком судне. Попытаюсь запустить генератор и подумаю об альтернативах, которые у меня есть».

Это была настоящая катастрофа. Плохо работающий авторулевой или даже оставляющая желать лучшего плавучесть судна были для Кроухерста куда менее значимыми вопросами, чем отсутствие источника электроэнергии (пусть ее и предполагалось использовать для питания несуществующих приспособлений безопасности). Протекающий люк в рубке должен был удивлять его не больше чем все остальные неполадки на судне. Джон Иствуд предупреждал перед стартом, что конструкция яхты оставляет желать лучшего. У Кроухерста была возможность убедиться в сомнительных характеристиках «Teignmouth Electron» во время первого путешествия вдоль побережья Британии, а второй пробный выход в море только подтвердил, насколько далеко было судно от идеального. Но то обстоятельство, что он должен был быть готов к этому, не сделало удар менее тяжелым, не ослабило его. «Я подумаю об альтернативах, которые у меня есть», – написал яхтсмен. Впервые он позволил себе задуматься о возможности выхода из гонки. Дональд Кроухерст был все так же честен в этот момент. Когда он чувствовал страх, отчаяние или готов был сдаться, он писал об этом сразу же и без колебаний.

8. Два противоречивых свидетельства

Можно было ожидать, что в минуту полного отчаяния Дональд Кроухерст в силу своего характера напишет в журнале еще один цветистый абзац из разряда морских баек. Но такого абзаца в журнале нет. На самом деле мы подходим к самому длинному и искреннему эссе, где яхтсмен с беспощадной логикой анализирует свое безнадежное положение. Отсутствие жизнеутверждающего пассажа, однако, компенсируется первой магнитофонной записью, сделанной моряком на борту при помощи оборудования, предоставленного компанией «BBC». В это непростое время Кроухерст решил записать пленку № 1, и момент был выбран далеко не случайно. С этого дня он решил использовать для выступлений на публику магнитофонные записи – как средство поддержать силу духа и создать оптимистичный настрой.

Эта глава большей частью состоит из двух противоречивых заявлений Кроухерста. Они оба информативны и хорошо отображают его положение. Первая запись (расшифровка с пленки), сделанная от лица Кроухерста-героя, показывает яхтсмена на пике фальшивого оптимизма – таким он хотел бы выглядеть в глазах публики. Вторая, взятая из судового журнала, раскрывает его фактическое состояние. Любой, кто склонен недооценивать способности Дональда Кроухерста, должен принять во внимание, насколько более сильное впечатление производит второй текст.

Запись, надиктованная Дональдом Кроухерстом на магнитофон:

> *«Эта небольшая яхта называется «Teignmouth Electron». Я нахожусь в море вот уже 14 дней и направляюсь к мысу Горн на рандеву с бурлящими волнами ревущих широт. Причина, толкнувшая меня отправиться в плавание, если только кому-то интересно о ней узнать, проста: никто еще не предпринимал путешествия подобного рода… Может быть, у меня и нет шансов завоевать «Золотой глобус», но остается возможность получить приз, и это объясняет, почему вот уже полмесяца я рассекаю просторы Северной Атлантики на своей маленькой яхте и записываю на магнитофон эти репортажи. Но довольно о причинах.*

Каково это – бороздить просторы океана на яхте? Ну, если вам хоть что-то известно о маленьких лодках, вы можете представить, на что это похоже. Если же вы вообще ни разу не катались на яхте, скорее всего вам не удастся понять меня. Думаю, при слове «яхта» у большинства возникают ассоциации с теплыми солнечными днями в проливе Те-Солент и красивыми девушками в бикини, разгуливающими по палубе какой-нибудь большой шхуны, в то время как суровые ребята в строгих морских бушлатах стоят у штурвала с решительными лицами, сжимая зубами трубку, и тут же какая-нибудь птица парит над голубыми водами. Ну, возможно, для кого-то дело и обстоит таким образом, но, к сожалению, не для меня. Условия на маленьких яхтах настолько поражают воображение, что просто диву даешься, для чего люди вообще выходят в море на таких крошечных лодках. Здесь все постоянно мокрое. В прямом смысле мокрое, не влажное. Сырость повсюду. Капли воды конденсируются на потолке и затекают в ухо, когда вы пытаетесь заснуть. Каждое отверстие – источник потенциальной течи, а этот оглушающий шум, как вы, наверное, слышали, не утихает ни на секунду. Вам редко когда выпадает возможность хорошенько помыться. Купание, кроме как в море, исключено, а пищей служит то, что вы сумели добыть и приготовить. Надо признаться, что условия в одиночной гонке отличаются от тех, в которых вы оказываетесь, отправляясь в круиз с семьей или командой, когда все не так серьезно и экстремально.

Конечно, в гонке моряков-одиночек есть свои прелести. Независимо от того, какой степени сумасшествия вы достигли, вам трудно поссориться с командой, так как все они – отличные ребята, от капитана до юнги. На деле же это значит, что, пока юнга ведет судно, капитану приходится стирать носки. Однако пока вы сохраняете чувство меры, подобное неудобство не имеет особого значения. Все дело в том, что во время одиночного плавания человек подвергается довольно сильному стрессу, и в таких обстоятельствах все слабые стороны его характера проходят проверку на прочность, какой редко когда подвергаешься, находясь в других условиях. Если человек ленив, то, будучи предоставленным самому себе, он будет ленивее в два раза. Если он падает духом, плавание собьет с него всю

спесь за считанные часы. А если его легко напугать, то ему лучше вообще оставаться дома – я был бы не против прямо сейчас посидеть у теплого камина.

Ну а сейчас об этой гонке, а конкретнее, о моем участии в ней. Для справки: я отправился в плавание 31 октября, в четверг, в последний день старта, в соответствии с правилами регаты, и все началось с крутого пике. Никогда прежде я не отправлялся в море до такой степени не подготовленным. Я вышел, даже не попробовав поставить паруса, которые намеревался использовать, а в таком путешествии, как это, подобное поведение граничит с глупостью. Тем не менее по условиям гонки участники должны были отплыть не позже 31-го числа, и именно в этот день я и отправился в путь. Я сказал себе, что, если мне действительно не удастся решить все проблемы в первые несколько недель, по крайней мере я всегда смогу повернуть назад и вернуться домой. Это было бы непростым решением, но, полагаю, я принял бы его, если бы возникла необходимость. У меня до сих пор множество проблем с яхтой, но думаю… их можно устранить. А я обладаю достаточным опытом хождения по морю и в штили, и в шторма и собираюсь действительно хорошо подготовить яхту для испытания, которое ждет ее в великом Южном океане и в ревущих широтах, как и непосредственно в районе мыса Горн.

Я немного обеспокоен подходом к мысу Горн. Время идет, и я задержался уже на неделю из-за встречных ветров, а ожидаемые погодные условия, которые должны наблюдаться здесь, если верить маршрутным картам Адмиралтейства, так до сих пор и не наступили. Я все же твердо намереваюсь пройти к западу от Мадейры, потому как чувствую, что для яхты с такими навигационными характеристиками, как у моего тримарана, это единственный безопасный курс. И я буду придерживаться этого критерия на протяжении всего путешествия. Я буду вести свою яхту, как если бы она была клипером, и буду выбирать традиционные маршруты чайных клиперов. Даже если мне придется плыть на месяц дольше, именно так я и поступлю. Сейчас, конечно, есть огромный соблазн срезать путь, пройти к востоку от Мадейры, поближе к побережью Африки, но я удержусь от искушения.

Чего я не понимаю, так это откуда взялись ветра, дующие с юго-западного квадранта день за днем, каких не

должно было быть. Это демотивирует больше всего. А ветра сильные – большей частью 7, 8 и 9 баллов, кроме тех моментов, когда они ослабевают настолько, что становятся совершенно негодными для навигации. Впрочем, есть одна особенность, приятно удивившая меня: мой тримаран отлично ходит под парусами. Яхта феноменально остойчива и, похоже, может продолжать идти в таких условиях, в каких (я уверен) традиционная лодка той же длины по ватерлинии не смогла бы двигаться настолько же хорошо».

Учитывая проблемы Кроухерста с ветровым автопилотом Хаслера и парусами в целом, просто удивительно, что он хвалит свой тримаран в таких вычурных выражениях. Для сравнения приведем отрывок из судового журнала, где яхтсмен оценивает свое настоящее положение. Запись, сделанная при свете карманного фонарика, занимает девять страниц, исписанных мелким почерком, и поражает своей логичностью.

«Пятница, 15 ноября: …Мучаюсь от растущего осознания необходимости принять в скором времени решение относительно того, могу ли я продолжать путешествие вопреки текущему положению дел. Черт, какое ужасное решение – бросить все прямо сейчас, – в самом деле ужасное! Но если я все же продолжу плавание, это значит:

1. Я нарушу слово, данное Клэр. Я обещал ей идти вперед только при условии, если сам буду доволен всем и уверен в том, что дело обстоит так, как должно для безопасного завершения проекта. До тех пор пока мне не удастся починить электросистему яхты, я не могу с чистой душой признаться, что данное условие соблюдается. Более того, я ставлю Клэр в ужасное положение: у нее не будет никаких новостей обо мне на протяжении 7–9 месяцев, так как радиоприемник не работает.

2. Что касается яхты, не смог я бы вести ее при скорости свыше 4 узлов в 40-х широтах. Рулевой Хаслера швыряет меня в дикие брочинги, и это может привести к печальным последствиям при по-настоящему большом волнении, на бакштаге. Мне останется надеяться только на два передних паруса, поставленных по бортам, а они в буквальном смысле не опробованы в деле. В любом случае я не вижу реального способа быстро и гарантированно безопасно пройти через 40-е широты без работающего

авторулевого и функционирующего поплавка безопасности. В особенности нужно помнить о том, что я вышел поздно – 31 октября. Это имеет особую важность, так как означает, что я прибуду к мысу Горн гораздо позже ожидаемого срока: через 6 или 7 месяцев (в апреле/мае). С яхтой в ее текущем состоянии мои шансы на выживание, я думаю, будут не больше чем 50 на 50, что нельзя считать приемлемым.

«Яхта в ее текущем состоянии…» Что это значит? Я перечислю все неполадки.

1. Нет электричества:

(а) нет радиосвязи;

(б) нет рабочего поплавка безопасности;

(в) нет сигналов точного времени, а мой хронометр бесполезен;

(г) нет света (несущественно, как я полагаю).

(Без пунктов «а» и «г» можно обойтись. «Б» мешает двинуться к мысу Горн в апреле – мае, а то и вовсе исключает вхождение в область 40-х широт. Я мог бы сконструировать систему ручного управления поплавком и надеюсь, этим еще не поздно заняться. ***Для ее активации можно было бы предусмотреть выключатель как на палубе, так и в каюте.*** *Было бы неплохо знать, сколько времени на это потребуется. «В» – честно говоря, не очень серьезная поломка. Я мог бы попробовать приспособить навикатор к частотам 10 и 15 мГц, на которых радиостанция «WWV» передает сигналы времени. Но я не могу пользоваться паяльником, хотя у меня есть паяльная лампа.)*

2. Протекающие люки:

(а) Через люк в переднем отделении левого поплавка налилось около 120 галлонов воды за 5 дней, хоть я думаю, что устранил эту проблему.

(б) Через люк в рубке налилось 75 галлонов за ночь. Я не вижу другого способа, кроме как завернуть его наглухо, отрезав всю электрику. Если сделать это, будет невозможно устранить в отсеке течи, что создаст еще более опасную ситуацию. (Предположим, что проблему с люками можно решить. Можно завернуть люк в рубке болтами с прокладкой Sylglas, предварительно спилив края. Но в таком случае через них нельзя будет вычерпывать воду.)

3. Неправильно скроенные паруса: грот и бизань имеют столь полную форму, что при любых условиях,

кроме положения круто к ветру, начинают тереться о ванты.

4. Расположение вант и предотвращение трения неудовлетворительны. (Это доставляет много неудобств и делает невозможным плавание на большой скорости. Но терпимо и само по себе неопасно.)

5. Невозможно откачивать воду из поплавков через носовые и кормовые люки, из форлюка или кормового люка центрального корпуса без поднятия крышек, что потенциально представляет большую опасность, как и вычерпывание.

6. Нельзя откачивать воду из салона яхты, ее приходится вычерпывать. Невозможность откачки воды обусловлена тем, что шланга, который я просил купить, нет на борту, а имеющаяся на яхте помпа абсурдна до смехотворности. (Чрезвычайно важно. Если бы был шланг, возможно, я бы смог откачивать воду. Я не вижу выхода. Было бы сплошным безумием отправляться к 40-м широтам с тем оборудованием для откачки воды, которое имеется на данный момент в наличии.)

7. Конструкция люка в пайоле кокпита неправильная, в чем я больше чем убежден. Я буду счастлив только тогда, когда весь пол кокпита станет единым монолитом. Я могу устроить это, даже если придется проделать лаз в салоне или в кормовой переборке. (Упомянул об этом в п. 2 выше.)

8. Таранная переборка протекает. Доказательство – бурая вода на полу салона. Вода явно того же цвета, что и в машинном отделении. Я не вижу способа, как найти течь, будучи в море.

(Вызывает опасения, но терпимо – есть некоторый риск, если поврежден форштевень.)

9. Поплавок безопасности на топе мачты и механизмы управления шкотами не функционируют. Это моя ошибка. Крепления для поплавка плохо продуманы – тоже моя ошибка. (Уже упоминал об этом в п 1. Впрочем, привязь на топе мачты можно соорудить из подручных материалов.)

10. Нужно улучшить условия хранения припасов. Не представляю, как избежать плесени. В особенности меня беспокоят рис и мука. (Комментариев не нужно. Утрата этих продуктов, конечно же, не остановит меня, но причинит неудобства.)

11. Устройство Хаслера требует постоянного

контроля. Винты нужно проверять каждые несколько часов, а они все продолжают выпадать.

Эта проблема гораздо серьезнее остальных. Я пробовал накладывать лак и клей «Bostic». Не помогло ни то ни другое. Я мог бы просверлить в головке каждого винта отверстие диаметром 4BA (3,60 мм) и вложить туда маленькие запорные винты. Конструкция продержится день-два при условии, что я не сломаю головку винтов из-за рывков судна, так что этот вариант довольно реалистичный. Да все равно авторулевой – не очень надежный механизм для серьезного волнения, даже если бы он и работал как надо. Для этой цели нужно было бы использовать сдвоенные передние паруса. Самые маленькие из имеющихся в наличии – рабочие кливера, а двойных штормовых стакселей у меня нет. Это означает, что, когда подует действительно сильный ветер, у меня не останется альтернативы, кроме как выбросить плавучий якорь[11]*. Система не опробована, и у меня сомнения относительно (а) прочности швартовых уток, (б) возможности крепления троса вокруг авторулевого Хаслера без повреждения его. Без испытаний точно не обойтись, но я могу провести их в море прямо сейчас».*

Такой ясный, трезвый взгляд и смелость, позволяющая принять ситуацию, какой она была в действительности, сделали бы честь любому моряку. Впервые в жизни Дональд Кроухерст не пожалел ни себя, ни яхту и не попытался избежать стоящего перед ним испытания, переключаясь на новую тему. Если и было какое-то искажение фактов, оно заключалось в явном нежелании моряка признать, что в таких неполадках, как протекающий люк в полу кокпита, был виноват и он сам. В анализе Кроухерста также впервые упомянуто об отсутствии шланга «Heliflex» для откачки воды, который, как он думал, имелся на борту в соответствии с его распоряжениями.

Проанализировав все проблемы и прикинув возможные способы их решения, Кроухерст продолжил:

«*Все это выглядит как подбор отговорок для того, чтобы выйти из гонки. Но отказаться от борьбы и бросить все сейчас – нет, мне этого вовсе не хочется. Если я сдамся, то разочарую многих людей. В первую очередь Стэнли Беста, потом всех людей, работавших в проекте, Родни Холворта, парней из Тинмута, которые помогали мне готовиться к отплытию, и мою семью. Некоторые,*

конечно, будут смеяться надо мной, но это не важно. Я окажусь не в менее выгодной позиции, если начну все сначала в августе следующего года, потому что сейчас мой единственный шанс выиграть – надеяться, что все остальные сойдут с дистанции. Тогда у меня будет шанс выжить 50 на 50 – многие даже уменьшили бы это соотношение. Если удастся убедить Стэнли поддерживать проект до того времени, тогда уж точно я предприму удачную попытку побить рекорд, если меня не опередит кто-нибудь другой, или завоевать «Золотой глобус», который будет до сих пор ничьим, а может быть, даже смогу рассчитывать на денежную премию, если ее не присудят тому, кому удастся заплыть дальше всех».

Кроухерст уже начинает искать успокоение в одной из своих любимых навязчивых идей и, как обычно, обращается к логике. Он задумывается об участии в более масштабном проекте чуть позже – то есть кругосветном путешествии в следующем году, – чтобы тем самым сгладить нынешнюю неудачу. Изучив возможности, он приходит к выводу, что все варианты неприемлемы для него. К тому же остается нерешенной финансовая проблема, которая даже посреди просторов Северной Атлантики становилась все более острой.

«Но что, если мистер Бест откажется поддерживать меня в подготовке к кругосветному плаванию и прекратит финансирование «Electron Utilisation Ltd»? Тогда все будет совсем плохо, так как он может воспользоваться своим правом и потребовать от «E.U.» выкупить яхту. Если я достигну берегов Австралии, повлияет ли это принципиально на его решение в финансовом отношении? Все будет зависеть от того, насколько обоснованным покажется ему мое решение выйти из гонки, а без радио я не могу строить никаких предположений. Остаются лишь умозаключения, которые вывожу я сам. Если они логически правильные, будут иметь определенное влияние. Итак, что мне делать? Направиться в Австралию для того, чтобы, как говорится, «сделать приличный вид», и при этом потерять год? Будет ли это потерей времени? Все сводится к вопросу: покажется ли безостановочное кругосветное путешествие в следующем году настолько же интересным общественности, как путешествие с остановкой в этом году? Не думаю, что смогу завершить плавание в этом году, не беспокоясь о своей безопасности. Это означает

следующее: какое решение, вероятнее всего, принесет больше выгоды или повлечет меньше потерь? Что бы сделал я на месте Стэнли Беста? Полагаю, что все зависит от того, какую сумму издержек я смогу покрыть. Если 80 % или больше, я бы соблазнился на предложение. У Electron Utilisation нет таких денег. Но идет ли речь только о деньгах или же о чем-то большем? Не вклинился ли в финансовые дела вопрос личного вызова? Я думаю, что вклинился, и гораздо сильнее, чем можно предположить. Невозможно проанализировать, потеряет ли он интерес к предприятию полностью. Мне придется положиться на логику, а если присутствует личный интерес, это будет большим плюсом. Но я в самом деле полагаю, что такой интерес есть. Я почти уверен в этом. Так что логика – жизненно важная вещь и в конечном счете имеет влияние.

Какие варианты возможны? Либо я выхожу из игры и больше не пытаюсь обойти вокруг земного шара, либо продолжаю путь. Если я продолжу плавание, у меня равные шансы утонуть или успешно завершить его. Я могу выиграть либо 5000 фунтов, либо «Золотой глобус», если остальные участники сойдут с дистанции. С другой стороны, все эти перспективы очень сомнительны. Предположим, что все выбыли, стал бы в таком случае шанс 50 на 50 приемлемым? Равновесие находится между наградой, которую я получу в случае выигрыша, и страданиями, если игра не удастся. Клэр бы сочла, что риск неприемлем, а моя первоочередная обязанность – держать данное ей обещание. Хоть я и считаю финансовые перспективы очень соблазнительными, в целом путешествие нужно рассматривать как авантюру, неприемлемую для женатого человека, обремененного довольно большой семьей. Страдания, которые выпадут на долю Клэр, будут невыносимыми. Может быть, она даже не справится с ними».

Как и в Тинмуте, в океане Кроухерст также был неспособен признать, что сдался под влиянием эмоций. Он попытался переложить ответственность за собственную капитуляцию на жену.

«*Значимость этого аргумента основывается на оценке моих шансов завершить путешествие, а она 50 на 50. Насколько она точна? Откровенно говоря, я не знаю. Может быть, очень точна, а может, и нет. Но после*

всего, что я прочитал, мне кажется, я не преувеличиваю риск. Марсель Бардио переворачивался дважды в районе мыса Горн… На килевой яхте можно удачно пройти через такие перипетии. На тримаране скорее всего нет никаких шансов. Нет, чтобы было хоть что-то, ради чего стоило бы рискнуть. Судно должно быть остойчивым или самоспрямляющимся. К тому же у меня проблемы с откачкой воды. Нет, это просто неосуществимо».

Теперь Кроухерст спорил с собой – с характерной полемичностью, направленной на убеждение себя самого. Он подталкивал себя к неизбежному выводу: необходимо оставить попытку обойти вокруг света. Впоследствии его давнишняя склонность не признавать препятствий, встающих у него на пути, вновь подтверждается. Но все эти надежды не обладают большой силой убеждения. Настоящий аргумент и вывод из него остались нерушимыми.

Затем Кроухерст начал прорабатывать доступные ему возможности и варианты честного выхода из игры. Даже в случае неудачи он надеялся использовать ее как рекламную акцию, маркетинговый ход.

«*Итак, нужно найти какой-нибудь путь к спасению. Но какой самый эффективный?*

1) Отправиться в Австралию.

2) Сохранить лицо и отправиться в Кейптаун.

Это дальше, чем удалось дойти Риджуэю, и до этой же точки смогли добраться Кинг и Блайт, поэтому никакого позора тут нет. Но какая потеря драгоценного времени! В ЮАР нет рынка сбыта навикаторов и тримаранов, поэтому Австралия, с точки зрения логики, наиболее привлекательный пункт назначения. Континент обладает некой аурой и котируется как определенного рода достижение, но, по крайней мере двое уже добирались до его берегов без остановки, да и некоторые из участников гонки «Sunday Times» смогут, наверное, повторить их достижение. С моей точки зрения, Нокс-Джонстон, Тетли (если он вообще сможет зайти так далеко) и Фужерон – наиболее вероятные кандидаты на выбывание. Муатесье, может, еще и продержится, и если ему удастся, наверное, дойдет до финиша. Но существует большая вероятность, что никому так и не удастся завершить путешествие, и Австралия станет пунктом сбора неудачных участников гонки. Хорошей рекламы для фирмы и яхты в результате такого исхода не будет, но я

бы смог получить полезный опыт и, возможно, продать тримаран и несколько навикаторов…»

Здесь Кроухерст, похоже, перестал писать и некоторое время размышлял. Был ли хоть какой-то смысл идти до Австралии? Когда он возобновил запись, в руке у него был уже новый, отточенный карандаш и, очевидно, решение было принято не в пользу Австралии. Кроухерст закончил предложение еще одним «но»:

«…но это едва ли оправдывает такие большие временные и финансовые затраты.

Время и деньги. Если принимать во внимание только время, остается лишь повернуть назад и перестать двигаться в южном направлении. Но в таком случае что будет с деньгами? По сути дела, яхта очень дорогой ресурс гонки, но регату нельзя выиграть, то есть, я имею в виду, ее нельзя выиграть, если только все остальные не сойдут с дистанции, а мне не улыбнется большая удача и я, несмотря ни на что, пройду намеченный маршрут. Оценка здравая: без удачи мне не выиграть гонки. Тем не менее после моей капитуляции немедленно последует всплеск разочарования со стороны всех вовлеченных лиц, включая меня. И это разочарование, похоже, будет довольно острым, но особенно сильно мой отказ ударит по мистеру Бесту. Повернуть назад, вернуться в Британию и пристать в каком-нибудь порту со словами: «Привет, народ!» – это никуда не годится, потому что:

а) Клэр 14 дней будет напрасно беспокоиться.

б) Это ограничивает выбор дальнейших действий до некоторой степени – большой степени.

Так что, похоже, я должен пристать в каком-то определенном порту, где:

1) я смогу связаться с мистером Бестом;

2) откуда я смогу отправиться в Америку, Австралию, Южную Африку или вернуться в Британию;

3) будут выполнены все необходимые работы по починке судна, если я все же решусь продолжить плавание.

Деньги. Этот вопрос вызывает наибольшее беспокойство. Расходы возрастут, а шансы получить доход, похоже, сократятся. Если мне удастся заручиться поддержкой мистера Беста для осуществления второй попытки в следующем году, большинство проблем исчезнет. Или по крайней мере так можно будет решить самые серьезные из них».

В этом отрывке Кроухерст, похоже, снова уходит в свою фантазию под названием «давайте попробуем еще раз»: новая цель, новый вызов. Любая из альтернатив, возникающих при отказе от гонки, кажется ему неприемлемой, невыносимой. Тут яхтсмен еще раз делает перерыв в записях, а к тому времени, когда берется за карандаш, решение принято.

«Я продолжу плавание на юг и попытаюсь починить генератор, чтобы можно было поговорить с мистером Бестом до того, как я выберу какой-либо конкретный курс или выйду из гонки. Возможно, я просто откладываю принятие решения? Нет. Гораздо лучше, если он будет в курсе того, что я выбываю из проекта, до моего фактического выхода, да и мне будет полезно узнать, что он думает на этот счет. Если Бест больше не захочет поддерживать проект кругосветного плавания (отличный от регаты «Sunday Times»), то все на самом деле закончится плохо, но в этом случае я по крайней мере буду знать его позицию. В конечном счете при самом неудачном раскладе дело закончится так: «Electron Utilisation» признают банкротом, дом в Вудландсе придется продать, 10 лет работы – псу под хвост, а у меня останутся дети, Клэр и…

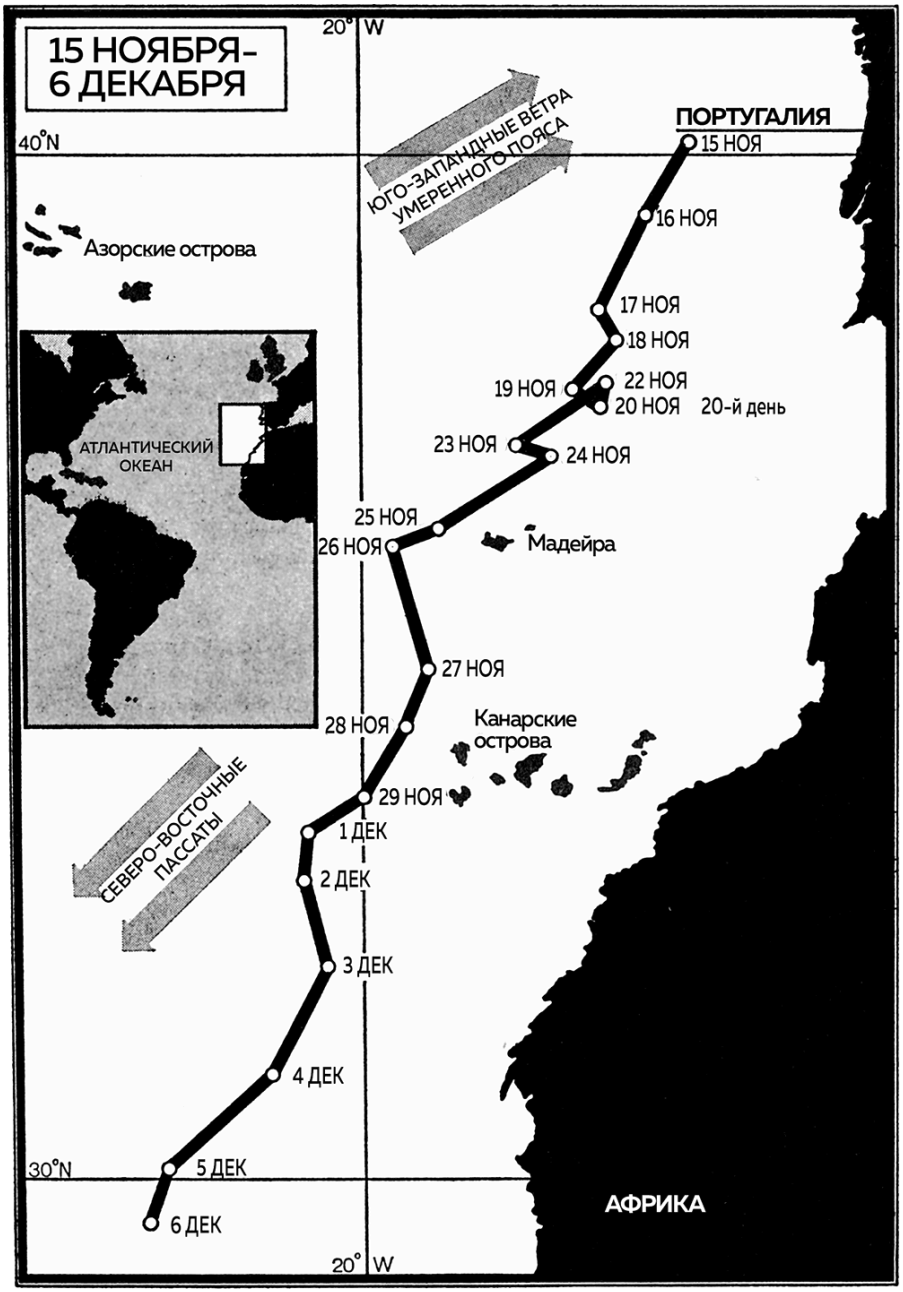
А можешь ты ошибок сотни сделать,
Поставить все на карту: злато, медь.
Все потерять и вновь начать сначала,
И никогда о той потере не скорбеть?

Неудача? Только если проект нельзя будет попытаться реализовать снова в следующем году. Четыре с половиной месяца после начала строительства – уже достижение само по себе, хотя, впрочем, и недостаточно весомое. Затея вполне себе стоящая, вот только ее исполнение не соответствует строгим требованиям, предъявляемым к такому трудному путешествию.

Оторванная от реальности оценка вероятности успеха или неудачи ничего не стоит. Что бы подумали члены нацистской партии, если бы им сказали о возможности поражения Гитлера в 1941 году? Что думали фарисеи о сыне плотника, когда тот висел на кресте, умирая, между двумя ворами? Успех сокрыт в наслаждении от завершения чего-то величайшего, я так думаю, в большей степени. Честно попытаться увидеть

лучший путь и затем следовать ему.

Однако философствование тут неуместно. Философствовать нужно прекратить. У меня ведь столько дел! К тому же это напрасный расход батареек».



9. Поддельные записи

Начиная с этого момента отчеты Дональда Кроухерста о путешествии перестают быть достоверными. Яхтсмен теперь не до конца честен в записях, а часто намеренно не переносит на бумагу наиболее важные мысли. И таким образом, рассказ о путешествии по морю из обыкновенного повествования, основанного на свидетельствах самого Кроухерста, превращается в детективную историю, а все записи шкипера становятся вещественными доказательствами (некоторым из них можно доверять, другим нет), при изучении которых можно воссоздать картину того, что действительно произошло. Наиболее важными уликами остаются судовые журналы, найденные на борту тримарана «Teignmouth Electron». Магнитофонные записи с пленок для «BBC» также содержат полезную информацию, но, как мы убедимся впоследствии, они редко когда отражают действительное положение вещей. Вдобавок есть еще и многочисленные бумаги, графики, записки и предметы, найденные в каюте яхты. Все эти улики были тщательным образом исследованы нами. Они свидетельствуют о том, что к окончанию третьей недели плавания Кроухерст сознательно ступил на тропу мошенничества и стал подделывать записи, относящиеся по крайней мере к одному аспекту путешествия.

После подробного анализа вариантов развития событий, проведенного 15 ноября, Кроухерст на протяжении почти что еще месяца продолжал регулярно делать записи в тот же журнал, который начал вести с момента отплытия. Мы будем называть его Журнал № 1. Он, как и все остальные журналы, представляет собой большую разлинованную тетрадь в синем переплете форматом 33,6 × 42 см, объемом 192 страницы[12].

Правая сторона разворота Журнала № 1 отведена навигационным записям. Сюда заносились данные измерений высоты Солнца и высчитанные географические координаты, а рядом, в две внешние колонки, записывались показания лага о пройденном расстоянии и курсе. На левой стороне разворота приводится соответствующий отчет о событиях каждого дня, подобный тем, что мы время от времени цитируем. Если запись оказывалась достаточно длинной, как, например, 15 ноября, Кроухерст использовал и правую сторону разворота, но затем при первой возможности снова возвращался к изначальному шаблону. По сравнению с предыдущими судовыми журналами этот велся с удивительной методичностью и точностью. По мере заполнения Кроухерст аккуратно отрывал верхний правый угол страницы,

чтобы можно было легко найти место предыдущей записи. Яхтсмен всегда писал карандашом. Временами ошибочное слово стиралось ластиком, но на этом этапе Кроухерст не особо увлекался своей любимой привычкой править собственные тексты. Однако причудливая орфография, частое использование очень твердого карандаша, который насквозь продирал бумагу, делают его заметки, даже на этой ранней стадии путешествия, сложными для расшифровки.

Другая тетрадь, украшенная яркой белой лентой на переплете, использовалась для ежедневного внесения радиотелеграфных сообщений. В ней аккуратными заглавными буквами записывались тексты депеш, которые Кроухерст набивал азбукой Морзе. Эти сообщения документировались с особой тщательностью на протяжении всего плавания: они в точности соответствуют тем, что были получены в Англии.

Местами встречаются упоминания о разговорах по радиотелефону, иногда сопровождающиеся заметками относительно их содержания. Но поскольку заметки всегда представлены в виде набросков, мы с меньшей уверенностью можем говорить о том, какая именно информация передавалась. Присутствует также множество явно не представляющих интерес сообщений, прошедших между передающими станциями и судами в различных частях света. Похоже, Кроухерст просто записывал их, чтобы потренироваться в азбуке Морзе. Однако, как мы увидим, некоторые из них имеют отношение к нашему рассказу.

А пока что Кроухерст был занят решением насущных проблем. К 15 ноября – шел уже 16-й день его путешествия в море – тримаран, по данным лага, покрыл расстояние в 1300 миль, но его маршрут был таким извилистым, что едва ли набиралось 800 миль по генеральному курсу (протяженность всего пути составляла 30 000 миль). При любом раскладе и методе подсчета Кроухерст показывал плохие результаты – хуже, чем у всех остальных участников гонки на данном этапе путешествия. Тримаран по-прежнему находился в виду побережья Португалии, в 120 милях к западу-северо-западу от Лиссабона. Сэру Фрэнсису Чичестеру потребовалось всего шесть дней, чтобы добраться до этой точки, а Кроухерст изначально намеревался преодолеть это расстояние за пять с половиной дней.

Его логически выстроенные и полные отчаяния записи, сделанные в журнале при свете карманного фонарика, доказывали, что яхтсмену не удастся обойти вокруг света. Однако Кроухерст осознал и другую вещь: все остальные варианты развития событий его не устраивают. Несмотря на приступ

киплинговского фатализма в конце письменных рассуждений (или, может быть, стихотворение тоже предназначалось для публикации?), он в конце концов отверг все оставшиеся альтернативы и продолжил двигаться на юг, все так же пребывая в нерешительности. Его отчаяние все возрастало. Кроухерст снова и снова прикидывал в уме различные возможности, но, как и раньше, неизменно приходил к одному и тому же заключению: приемлемого выхода из создавшейся ситуации нет.

Главной задачей на тот момент был запуск генератора. Тогда Кроухерст смог бы переговорить по радио со Стэнли Бестом и попросить совета. Запись в судовом журнале, сделанная в субботу 16 ноября, звучит бодро, но признаков радости в ней незаметно. Кроухерст наконец-то починил генератор, но теперь хронометр Гамильтона, совершенно необходимое устройство для точной навигации, снова стал давать сбои.

> «*Поставил генератор на 1300 оборотов. Какая борьба! Я устранил неисправность – предположим, в аккумуляторе больше нет соленой воды, – но причина ее появления не исчезла. Люк в кокпите так и пропускает воду. Приходится ложиться в дрейф при малейшей угрозе принять в кокпит воду. Зараз внутрь заливается по 20 галлонов. При таком люке никакую гонку не выиграть.*
>
> *Проверить электрооборудование: тестер залило – проверил с лампой – вроде бы в порядке. Включил радио. Работает! Какой приятный звук.*
>
> *Проверка времени. Хронометр по-прежнему никуда не годится. Хорошенько исследовал волосковую пружину. Похоже, она в порядке, так что я подзавел ее, и теперь все должно быть нормально. Будет ли он показывать правильное время? Обычно я не прибегаю к таким грубым методам, но здесь другого выхода нет: либо так, либо никак. Одной головной болью будет меньше, если удастся с его помощью снимать удовлетворительные показания*».

Позже этим же вечером благодаря работающему генератору Кроухерст смог послать Родни Холворту запоздалый пресс-отчет, где объяснял свое долгое радиомолчание. Хотя он находился менее чем в 200 милях от района, откуда была выслана предыдущая радиограмма (в ней говорилось, что он «направляется к Азорским островам»), теперь яхтсмен решил указать другое место назначения.

«МОЛЧАЛ ИЗ-ЗА ЗАТОПЛЕНИЯ МОТОРНОГО ОТДЕЛЕНИЯ ЯРОСТНЫЙ ШТОРМ ТЧК СНЯЛ МАГНЕТО ЗАМЕНИЛ КАТУШКИ

РАЗОБРАЛ И ВЫСУШИЛ ГЕНЕРАТОР ПОЧИНИЛ КОНТАКТНО-ЩЕТОЧНЫЙ АППАРАТ ТЧК ПРОДОЛЖАЮ ДВИГАТЬСЯ К МАДЕЙРЕ».

В этом сообщении, как и в большинстве других посланий, предназначенных для публикации, не содержится данных о положении яхты, а просто дается место назначения. В действительности тримаран по-прежнему находился в 100 милях и от Азорских островов, и от Мадейры. Холворт, в свою очередь, перед тем как передать данные на телевидение и в газеты, представил ситуацию в наиболее привлекательном свете. В окончательных пресс-релизах сообщалось, что Кроухерст находится «рядом с Мадейрой». В местной газете, выпускаемой в Эксетере Холвортом, говорилось, что яростные встречные ветра снизили скорость тримарана «менее чем до 100 миль в день» (точнее было бы сказать: до 50 миль в день), но тотчас же добавлялось, что его яхта «способна идти в два раза быстрее». Подобный способ подачи информации стал типичным для газетных отчетов о путешествии Кроухерста. Сочетание неясных (а позднее и вводящих в заблуждение) данных с оптимистичным толкованием Холворта в конечном счете привело к созданию нелепых и абсурдных ситуаций.

Отстучав сообщение для прессы, Кроухерст сделал последнюю за этот день запись в журнале. Здесь он вдруг осознал всю серьезность отсутствия на борту шланга для откачки воды, в то время как раньше о нем было упомянуто лишь мимоходом, в списке поломок.

> «*Хороший ужин – паэлья по-электронски. Радио играет, генератор работает, погода расслабляет. Райские условия, но боюсь, им не изменить моего пессимистичного настроя. Завтра хочу обыскать всю яхту от носа до кормы. Если шланг на борту, я его найду. Хотя до сего момента он ни разу не попадался мне на глаза, да и в списке закупок его нет. Я думал, он в барабане вместе с запасными обрезками такелажа. Какой удар! Я не осознавал в то время, насколько важен этот шланг*».

На следующий день Кроухерст тщательно обыскал всю лодку и кратко записал: «На борту шланга точно нет». Вскоре он пожалел о его отсутствии еще больше. В понедельник, открыв люк носового отсека правого поплавка, он обнаружил, что и тот тоже полон воды, как и носовой отсек левого поплавка в начале путешествия. И это несмотря на прокладку «Sylglas». В довершение всех бед оказалось, что именно в этом поплавке находились все запасы растворимого кофе.

«Поплавок на две трети заполнен кофе. Уйдет целая вечность, чтобы отмыть от него яхту. Как черпать – голым или в непромоканце? Решил раздеться. Выбрался оттуда весь коричневый и покрытый ошметками расползшегося в воде картона – чудовище из океанских глубин. Когда вычерпываешь воду в неспокойном море, заодно принимаешь хороший душ. Запечатал люк. Потом вычерпал 700 галлонов из носового люка». [Получается, центральный корпус тоже протекал.]

Запись, сделанная гораздо позже, содержит яркое описание процесса вычерпывания кофе.

«У меня теперь осталось только какао, потому что весь кофе я выпил. Половину потерял во время затопления поплавков… еще раньше. Половина запаса кофе находилась в мешочках, а пакет, где они лежали, залило водой, что привело к смешным последствиям. Вода в поплавке превратилась в кофе – холодный и соленый, – и пока я вычерпывал его, пролил на себя не один галлон… Я принялся за дело раздетым, так что кофейная вода придала моей коже оттенок, напоминающий этакий ранний загар. На самом деле все было ужасно: коричневые пятна и ошметки размякшего картона по всему телу. Когда я закончил, то выглядел так, будто заболел какой-то ужасной болезнью. Впрочем, этот «загар» вскоре смылся».

Кроухерст запланировал два разговора по радиотелефону на понедельник 18 ноября: один – с женой, а другой – со Стэнли Бестом. Во время подготовки к ним яхтсмен в течение еще двух дней анализировал возможные варианты дальнейших действий. Он начал с составления аккуратной таблицы, в которой отображалось, где ему пришлось бы выйти из гонки при различных показателях скорости. Свою скорость на этот раз он оценивал реально – 90 и даже 60 миль в день, что парадоксальным образом контрастировало с его первоначальными расчетами (220 миль в день), значащимися в таблице, лежащей на пианино в гостиной его дома в Вудландсе.

Миль в неделю	Миль в день	Средняя скорость	Мыс Доброй Надежды	Австралия	Мыс Горн	Англия	Выбывание	Англия
420	60	2,5	Февраль 1969 г.	Май (5)	Сентябрь (69)	Февраль (70)		Май
630	90	3,5	Январь	Март (7)	Июль	Октябрь	Авс.	Февраль (70)
840	120	5	Декабрь	Февраль (8)	Май	Август	Авс.	Февраль (70)
1050	150	6,25	Декабрь	Январь (9)	Апрель	Июнь (?)	Авс.	Февраль (70)
1400	200	8,3	Начало декабря	Январь	Февраль	Апрель		

Эта таблица позволяла прикинуть, удастся ли пройти мимо мыса Горн или оказаться у берегов Австралии до наступления зимы в Южном полушарии, т. е. до апреля или мая. При нынешних значениях скорости становилось ясно, что сделать это не получится. Кроухерст занес таблицу в свой журнал 17 ноября, а на следующий день продолжил:

> «*Сегодня вечером связь по радиотелефону. Подвожу итоги:*
>
> *1) Все люки протекают немилосердно, а мои усилия загерметизировать их не увенчались успехом: трудно удержаться на ногах в идущей на большой скорости яхте. За ночь натекло 150 галлонов.*
>
> *2) Вычерпывать воду при закрытых люках невозможно. Это значит, что если в течение нескольких дней будет стоять плохая погода, то яхта окажется под угрозой затопления. В текущих обстоятельствах мне удается удерживаться на плаву благодаря тому, что я не поворачиваю ее против ветра в шторм*[13].
>
> *Я был готов рискнуть и двинуться до Кейптауна. Если бы удалось каким-то образом решить проблему вычерпывания воды из поплавков, я бы, наверное, мог добраться и до Австралии, но точно не дальше, так как это означало бы пройти мимо мыса Горн зимой. Если мне удастся добраться до Кейптауна, я смогу вернуться в Британию в мае 1969 года. Если решу идти до Австралии, буду дома самое раннее в феврале 1970 года.*
>
> *Выводы:*
>
> *1) Продолжать идти дальше. Добраться до мыса Горн в июне или апреле. Шансы 50 на 50. (Шансы перевернуться 6 из 10?)*
>
> *2) Делать вид, будто продолжаю гонку. Причалить в Кейптауне и выбыть из регаты (в мае вернуться в*

Англию).

3) Пойти в Америку, где можно продать яхту по наиболее выгодной цене.

4) Вернуться в Англию и предпринять еще одну попытку побить рекорд».

Картина складывалась довольно безнадежная. И все же, когда Кроухерст разговаривал с Клэр по радиотелефону, он ничем не выдал своего отчаяния. Яхтсмен отметил все, о чем хотел поговорить, по пунктам в следующей записи журнала регистрации сеансов связи:

«1) Как дела?

2) Все в порядке.

3) Трудности с заказом механических деталей. Дэйв Бейкер сможет все уладить». [Это касательно проблемы с конструированием навикаторов.]

И это, как подтверждает Клэр, было все, о чем они говорили во время того звонка. Кроухерст также ничего не сказал и Стэнли Бесту о рассматриваемой им дилемме (продолжать или не продолжать путешествие), хотя именно этот вопрос был главной причиной выхода на связь. Понятно, что Кроухерст передумал. Содержание разговора не приведено в радиожурнале, но Бест записал его по памяти. Кроухерст сообщил, что чувствует себя хорошо, но разочарован достигнутыми на текущий момент показателями. Относительно своего местоположения он сказал (довольно оптимистично), что находится в нескольких сотнях миль от Мадейры. Однако разговор большей частью был сконцентрирован вокруг проблемы выкачивания воды. Кроухерст попросил Беста разузнать, оставляли ли на борту хоть какой-то шланг, и навести справки, что можно сделать с подобного рода неполадкой[14], а через три дня во время следующего радиотелефонного разговора сообщить о результатах.

В следующие выходные в «Sunday Times» появилась большая статья Мюррея Сейла под заголовком «Неделя, когда все случилось», в которой описывалось текущее положение участников на данном этапе гонки. Алекс Кароццо тащился в Лиссабон, выбыв из соревнований. Для него эмоциональное напряжение от поспешного старта вылилось не в проблемы с яхтой, а в физическое недомогание: у итальянца неожиданно открылась язва желудка. Яхта Билла Кинга «Galway Blazer» перевернулась вверх килем во время шторма в Атлантике, и на днях ее, со сломанной мачтой, отбуксировали в Кейптаун. Нокс-

Джонстон побил рекорд Чичестера, пройдя без остановки наибольшее расстояние. Он был в виду Новой Зеландии. И хотя лодка молодого яхтсмена была изрядно потрепана, ветровой автопилот разбит после переворота, а руль толком не работал, он отважно боролся с неисправностями, латал яхту и продолжал гонку.

Тетли побил рекорд самого продолжительного путешествия на многокорпусном судне и приближался к мысу Доброй Надежды. Что касается Муатесье, у него не было передатчика (француз пресек все попытки установить на борт яхты оборудование подобного рода, объяснив, что электронные приборы не только раздражают его, но и представляют опасность, так как отвлекают от серьезной навигации), но было известно, что романтик морей уже нагнал Нокс-Джонстона. В данный момент он, заполняя свой судовой журнал вычурными ругательствами в адрес цивилизованного мира, всей душой наслаждался пребыванием в ревущих сороковых. Его соотечественник, Лоик Фужерон, напротив, не получил никакого удовольствия от знакомства с районом сороковых: там его яхта перевернулась и растеряла бóльшую часть припасов. Он решил, что цивилизация в общем-то не такая уж и плохая штука, и в данный момент направлялся к долгожданной суше.

Единственным участником гонки, которого Сейл не удостоил внимания в статье, посчитав неинтересным, был Дональд Кроухерст. Между тем заголовок статьи «Неделя, когда все случилось» относился к нему в большей степени, чем к кому бы то ни было. Просто Кроухерст никому ничего не сказал об этом.

Новости о других участниках гонки, получаемые порциями по радио, должно быть, одновременно напугали и обнадежили капитана тримарана. Случившееся лишний раз подтверждало, насколько опасно находиться посреди океана в маленькой яхте. Но по мере сокращения числа участников у Кроухерста забрезжила надежда на то, что если он каким-то образом пройдет весь маршрут, то, возможно, станет единственным, кому удастся это сделать. Похоже, даже Нокс-Джонстон не сможет вернуться в Англию на своей потрепанной штормами яхте. Впрочем, услышав в новостях от 19 ноября о том, что молодому яхтсмену удалось пройти мимо Новой Зеландии, он сделал следующую полную восхищения запись: «А он неплохо идет. Удачи ему, скотине».

Парализованный нерешительностью, Кроухерст почти совсем остановился. Погода была отвратительной, и следующие три дня яхтсмен медленно кружил по океану к северу от Мадейры и за всю неделю продвинулся всего лишь на 180 миль к югу.

Есть свидетельства, что в эти дни он был очень близок к тому, чтобы пристать в ближайшем порту – в столице Мадейры Фуншале – и немедленно выйти из проекта. Помимо тетрадей, использовавшихся для ведения судовых журналов, у яхтсмена имелся еще и блокнот для случайных записей. Некоторые из сделанных им заметок сохранились. Так, на одном из листов Кроухерст нарисовал подробную карту Фуншала со всеми необходимыми данными для швартовки в тамошнем порту, включая информацию о приливах, высотные отметки и якорные стоянки. Также на борту тримарана находились все тома «Лоций» Адмиралтейства Британии, где описывались береговые линии материков и приводились опасности, подстерегающие мореходов во время швартовки в различных местах. Когда Кроухерст отчаливал, его «Лоции» были новыми и лежали в нераспечатанных пакетах. После путешествия страницы с данными по портам Мадейры были сильно захватаны пальцами и пестрели заметками.

В четверг 21 ноября яхтсмен провел второй сеанс радиосвязи со Стэнли Бестом. Тут поведение Кроухерста становится совершенно необъяснимым и загадочным. Мы знаем, что он хотел выложить спонсору свои соображения о затруднениях, касающихся времени и денег. Довольно жалостливый рассказ о проблемах, возможно, подвиг бы Беста предложить Кроухерсту выйти из проекта и, таким образом, позволил снять с него всякую вину за отказ от продолжения борьбы. Перед вторым радиотелефонным разговором моряк даже переписал различные варианты выхода из гонки из Судового журнала № 1 в радиожурнал, готовясь перечислить все аргументы один за другим. Но как говорит Стэнли Бест, вопрос о выходе из регаты опять не поднимался. Разговор продолжался семь-восемь минут и был посвящен, по словам Беста, технической стороне проблемы вычерпывания воды. Кроухерст также предупредил, что из-за неполадок с генератором в дальнейшем у него, возможно, будут перебои с радиосвязью.

Последняя реплика на самом деле представляет собой первый ключ к расшифровке истинных намерений Кроухерста. Объяснить неискренность яхтсмена можно тем, что он – как и во время разговора с Клэр в Тинмуте – в конечном счете не смог заставить себя сделать уничижительное признание в проигрыше. Однако есть и другое объяснение. Вероятно, в какой-то момент между планированием звонка и разговором с Бестом в голове у Кроухерста начал зреть и обретать форму совершенно иной план решения проблем, при помощи которого можно было бы сгладить

текущие неудачи, и эти новые намерения уже нельзя было обсуждать с Бестом.

Если это действительно *первый ключ* к разгадке мошеннических действий, последовавших позже, то для подтверждения своей догадки мы можем опираться лишь на фактические действия яхтсмена, так как с этого момента описательная часть журнала Кроухерста становится неинформативной. За два дня, 20 и 21 ноября, была сделана всего лишь одна краткая и малопонятная запись: «Штормит. Приходится дрейфовать. Расстроен из-за люков». Однако, судя по всему, шкипер наверняка уже пришел к определенному решению, потому что в его отношении к путешествию тотчас же появляется что-то новое, а обсуждение различных вариантов дальнейших действий в судовых журналах резко прекращается.

На следующее утро Кроухерст сразу же приступил к замене флюгера сервопривода авторулевого Хаслера, поврежденного во время шторма 20 ноября. Это была непростая задача, так как фиксирующая шпилька и зажим потерялись вместе с отломанной лопастью флюгера, и Кроухерсту пришлось импровизировать. Потом, когда погода улучшилась, он уверенно двинулся в юго-западном направлении. В субботу яхтсмен решил вскарабкаться на мачту, чтобы распутать двойной турецкий узел на фале стакселя, – работа, которую он откладывал с самого момента отплытия из Тинмута. После чего у него тотчас же поднялось настроение, и яхтсмен сел писать эссе о клиперах, как обычно, выдающее его склонность к рассуждениям вкупе с популярной математикой.

> «*Находясь на мачте, нужно держаться довольно крепко, черт возьми! Даже при сравнительно спокойном море (волны всего 7 футов) тут, наверху, довольно сильно качает. Интересно, каково это, стоять на марсе клипера? Хотя высота несколько меньше, но, полагаю, там испытываешь такие же острые ощущения ввиду того, что большое судно идет более легко. Фактически пройденное расстояние на клипере было бы гораздо больше, но ускорение такое же даже при самых плохих погодных условиях. Интересная проблема динамики. Однако в любом случае карабкаться на мачту – неплохое упражнение: я чувствую себя вымотавшимся. «Делаю свою ежедневную зарядку», – говорит он, исчезая на верхушке мачты дважды в день*».

Теперь, когда он в среднем проходил больше 100 миль в день, Кроухерст забрал на запад и сделал ненужный крюк, огибая

Мадейру (учитывая неисправный хронометр, его навигационным записям нельзя было особенно доверять). «Очевидно, я не увижу Мадейры, – написал путешественник с тоской. – Может, это и к лучшему. Фуншал – звучит прекрасно». И он набросал несколько воодушевляющих сообщений Родни Холворту, которые не смог отправить из-за плохих погодных условий. В каждом из них Кроухерст снова и снова твердил о проблемах с яхтой (чтобы объяснить, почему прошел так мало за неделю). Но он готовил и послание другого рода: «ИСПЫТАНИЯ ПО НАСТРОЙКЕ ОБОРУДОВАНИЯ ЗАВЕРШЕНЫ ГОНКА НАЧИНАЕТСЯ».

К тому моменту путешественник наконец достиг границ района с преобладающими западными ветрами. Перед ним лежала область, где господствовали северо-восточные пассаты – более тысячи миль плавания по прямой с попутным ветром. Здесь тримаран по крайней мере должен показать себя. Чтобы восстановить доверие к нему в этом путешествии, скоростные показатели яхты при пассатах должны быть впечатляющими.

Вторым ключом к разгадыванию новых намерений Кроухерста стала запись, сделанная 26 ноября. Без каких бы то ни было очевидных причин яхтсмен вдруг заявляет: «У меня, похоже, не хватит места в судовых журналах», и объявляет, что собирается писать в два раза убористее – по две строки в каждой линейке. Остальные записи в Журнале № 1 сделаны таким мелким почерком, что на одной странице умещается более тысячи слов. Это было странным решением: в Журнале № 1 оставалось 150 пустых страниц, и, как мы знаем, в запасе были еще две неначатые тетради (помимо журнала регистрации радиосообщений). Кроухерст явно не должен был испытывать дефицита бумаги для ведения судовых записей, если только он не собирался использовать чистые тетради для каких-то других целей.

В то же время Кроухерст отказался от своего формата записи: навигационные данные – справа, описательная часть – слева. Вместо этого он стал просто вставлять краткие комментарии между данными о навигации в море. Сами записи внезапно стали высокопарными, натянутыми и непоследовательными.

> *«Цыпленок по-неапольски очень неплох со свежим луком, порцией сушеного гороха и сыром.*
>
> *Попытался поставить кливер-«янки» на гике. Есть проблемы с гиком и парусом при подъеме.*

При определении высоты Солнца заметил объект сферической формы, ржавый, погружен на ⅔ в воду. Расстояние – 4 кабельтовых. По бортам лодки от него тянутся грязные полосы. Может быть, мусорная емкость? Диаметр, очевидно, 3 фута».

Еще одна примечательная деталь: записи в некоторой степени имеют неестественно аккуратный вид. Результаты навигационных расчетов нервно подчеркнуты двойной чертой. Периодически попадаются комментарии относительно навигационных данных: «Беспокоит положение Венеры», «Хронометр остановился…», «Перепроверить координаты утром», «Так вот куда меня, оказывается, занесло!». В какой-то момент – на развороте страницы – показания лага неожиданно уменьшаются на сотню миль. Конечно, Кроухерст мог просто напутать с данными, но в этом случае ошибка не повторилась бы в последующих записях. При анализе всех этих неточностей создается впечатление, что цифры переписали начисто с черновика. Как бы то ни было, мы полагаем, что вплоть до 5 декабря навигационные записи в Журнале № 1 в целом являются фактически верными. После этой даты они точно становятся сфальсифицированными.

Вывод о том, что ранние данные являются правильными, можно сделать только лишь на основе анализа обстоятельств, но результаты этого анализа довольно убедительны. Во-первых, у Кроухерста не было причин подделывать навигационные данные до 5 декабря, хотя, как мы увидим, у него была очень веская причина делать это впоследствии. Во-вторых, все расчеты Кроухерста были проверены нашим консультантом по морской навигации[15], и до 5 декабря в записях не встречается серьезных несоответствий. Есть также и в-третьих. Этот дополнительный доказательный довод относится не к записям в судовых журналах, а к информации из бумаг, найденных на яхте. Перед отправлением Кроухерсту вручили стопку форм городского совета Тинмута, составленных по следующему шаблону:

СООБЩЕНИЕ ОТПРАВЛЕНО ЯХТСМЕНОМ ДОНАЛЬДОМ КРОУХЕРСТОМ, СОВЕРШАЮЩИМ БЕЗОСТАНОВОЧНОЕ КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В ОДИНОЧКУ.

Бутылка, в которую помещено данное сообщение, была брошена в море в … 196… г. в … ч. Положение яхты:… данные лага … миль.

ПОДПИСЬ:

Человеку, нашедшему сообщение, будет выплачено

вознаграждение, если он перешлет данный документ мистеру Д. Х. Шарпу по адресу: Биттон-Хаус, Тинмут, Англия.

Предполагалось, что Кроухерст будет бросать бутылки с подобными сообщениями в океан каждые несколько дней в качестве рекламной акции. Как вы помните, Кроухерст пользовался очень твердым карандашом, поэтому каждый раз, когда он заполнял форму, лежащую сверху пачки, буквы выдавливались на бланке, находившемся внизу. На самом деле, изучив формы бланков, мы смогли различить выдавленные на одном из них символы от двух прошлых записей. Одно сообщение датировано 24 ноября, а другое – 1 декабря.

Из последующих событий нам известно, что во время сфальсифицированного этапа путешествия Кроухерст крайне неохотно сообщал точную информацию, правдивую или ложную, о своем местонахождении. И конечно же, он не стал бы добровольно кидать в море бутылки с формами с точным указанием времени, широты и долготы. Все это наводит на мысль, что до 1 декабря и, вероятно, еще несколько дней после этой даты яхтсмен записывал в свой судовой журнал правильные фактические данные. Также важно и то, что в начале декабря он резко прекратил бросать бутылки в море.

Переход к новому формату ведения судового журнала с 26 ноября, вероятно, связан с тем, что Кроухерст захотел поэкспериментировать с менее информативным стилем подачи информации, при помощи которого впоследствии было бы легче вносить поддельные записи о путешествии. Он дал себе на этот переход 10 дней. Затем, на второй неделе декабря, начиная с пятницы 6-го числа, Кроухерст уже полностью вознамерился вести искусно сфальсифицированные записи о навигации в море. Факты, доказывающие наличие такого намерения, вполне убедительны. Есть даже вероятность, что он сознательно сохранил их, зная, что записи найдут.

10 декабря, когда Кроухерст приближался к границе района пассатов, Родни Холворт в Эксетере получил телеграмму, составленную в цветистом стиле и содержащую данные о пройденном расстоянии за последние пять дней:

«ПРЕСС-РЕЛИЗ – АГЕНТСТВО DEVON NEWS ЭКСЕТЕР
МЧУСЬ НА ЮГ В ПЯТНИЦУ ПРОШЕЛ 172 МИЛИ СЛОМАЛСЯ СТАКСЕЛЬ-ГИК
СУББОТА 109 ВОСКРЕСЕНЬЕ 243 НОВЫЙ РЕКОРД

ОДИНОЧНОГО ПЛАВАНИЯ
ПОНЕДЕЛЬНИК 174 ВТОРНИК 145
ПОДОШЕЛ К ГРАНИЦЕ РАЙОНА СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ ПАССАТОВ».

Холворт, должно быть, пришел в восторг от такого сообщения. В радиограммах, принятых в течение последних двух недель, неизменно сообщалось об удовлетворительных результатах и «завтраке из летучей рыбы» на подходе к островам Зеленого Мыса. Но теперь его подопечный наконец-то стал исполнять свои обещания относительно рекордов. 11 декабря Холворт принял звонок по радиотелефону, во время которого Кроухерст сообщил новые подробности. Затем журналист с радостью бросился информировать газеты о триумфальном рекорде скорости яхты.

В газете «Daily Mirror» вышла типичная заметка.

«МОРЯК-ОДИНОЧКА ЗАЯВЛЯЕТ О НОВОМ РЕКОРДЕ
Яхтсмен Дональд Кроухерст, совершающий кругосветное путешествие, заявил о новом рекорде среди моряков-одиночек.
В прошлое воскресенье он прошел 243 мили и полагает, что это самое большое расстояние, которое когда-либо покрывал моряк-одиночка за 24 часа. Капитан Теренс Шоу, секретарь яхт-клуба «Royal Western Yacht Club», отметил вчера следующее: «Сомневаюсь, чтобы кому-либо удавалось пройти большее расстояние за сутки».

Заявленное расстояние было почти безусловным рекордом: наилучший предыдущий результат принадлежал Джеффри Уильямсу, участнику трансатлантической гонки, организованной еженедельником «Observer». Шестью месяцами ранее он преодолел за сутки 220 миль. Восторженные комментарии, озвученные Кроухерстом во время телефонного разговора с Холвортом, цитировались на страницах «Sunday Times» тремя днями позже. Впервые Кроухерст оказался не просто каким-то последним участником в кругосветке. Его имя теперь было впереди имен всех остальных моряков.

«МИРОВОЙ СКОРОСТНОЙ РЕКОРД КРОУХЕРСТА?
В прошлое воскресенье Дональд Кроухерст, последний участник кругосветной гонки яхтсменов-одиночек, организованной газетой

«Sunday Times», совершил захватывающий и, возможно, рекордный рывок, преодолев за сутки 243 мили на своем тримаране «Teignmouth Electron». Это достижение выглядит еще более удивительным на фоне тех показателей скорости, которые моряк демонстрировал на протяжении первых трех недель своего плавания. Для того чтобы добраться до островов Зеленого Мыса, ему потребовалось больше времени, чем всем остальным участникам.

В своем последнем радиосообщении Кроухерст поделился, что провел на ногах круглые сутки. «Это требовало большой выдержки. Никогда в жизни я не шел с такой скоростью, но смог выжать из яхты только 15 узлов, при том что волны были не выше 10 футов. Если мне выпадет новый шанс и волны будут больше, сомневаюсь, что пойду на такой риск. Это может быть слишком опасно…»

С точки зрения продвижения рекламы сообщение о рекордном переходе было блестящим ходом. Оно открывало новые возможности для нахождения спонсоров даже на этом этапе гонки. Учитывая, что в регате, помимо нашего героя, оставалось только три участника – Нокс-Джонстон, Муатесье и Тетли, – некоторые даже начали видеть в Кроухерсте возможного победителя. Стараниями пронырливого Холворта на следующей неделе на страницах «Sunday Times» появилось продолжение истории.

Надо признать, что в нежурналистской среде нашлись скептики. Сэр Фрэнсис Чичестер позвонил в «Sunday Times» и назвал Кроухерста «большим шутником», заявив, что его данные требуют тщательной проверки. Предложение Чичестера было отвергнуто ввиду очевидной невозможности провести такую проверку. А капитан Крейг Рич, выступавший советником по морской навигации при организации гонки, выразил немалое удивление. Он подсчитывал «коэффициент эффективности» всех участников, т. е. показатель, отражающий скорость каждой яхты в пропорции к скорости Чичестера на соответствующих этапах путешествия. Для всех остальных моряков этот показатель оставался удивительно постоянным, а тримаран Кроухерста продвигался вперед подобно игрушке йо-йо. Однако на страницах «Sunday Times» недоверие Рича проскальзывало лишь в первом

абзаце его отчета. Кроме того, нашелся один журналист – корреспондент «Observer» Фрэнк Пейдж, специализирующийся на статьях о яхтинге, – который выразил хоть какое-то сомнение, назвав сообщение о рекорде «типичной простодушной попыткой привлечь внимание к Дональду Кроухерсту, который на текущий момент является последним и самым слабым звеном из всех оставшихся участников гонки». В большинстве же своем Флит-стрит и сообщество яхтсменов проглотили историю Кроухерста.

Теперь давайте вернемся на яхту «Teignmouth Electron» и разберемся, что там происходило на самом деле. В первую неделю плавания в поясе пассатов, идя с попутным ветром, тримаран показывал неплохие результаты, но они были не такими уж и впечатляющими. Возможно, Кроухерст честно пытался установить рекорд расстояния, пройденного за 24 часа, но самая большая цифра находилась в пределах 160 миль в сутки. Путешественник знал, что пассаты скоро прекратятся, и если он хочет продемонстрировать результаты, впечатляющие и восстанавливающие доверие к нему, нужно это делать именно на данном этапе.

Затем с 7 по 11 декабря он начал записывать действительные показания лага в левом верхнем углу одной из маршрутных карт – они лежали стопкой на штурманском столе. Вычисления заносились в аккуратные колонки, как это делалось в судовом журнале, но записи содержали необычно много замеров высоты Солнца. Причина такого скрупулезного вычисления навигационных координат не была напрямую связана с намерением сфальсифицировать данные. Кроухерст делал это, потому что вот-вот должен был пройти в нескольких милях от островов Зеленого Мыса и не осмеливался полагаться на те ненадежные способы, которыми пользовался ранее. Создалась бы крайне некрасивая ситуация, если бы его заметили с земли, или того хуже – если бы тримаран сел на мель. Он все точно рассчитал, пройдя всего в 14 милях от кончика острова Санту-Антан. Эти истинные записи показывают, что Кроухерст действительно продвигался вперед с нормальной скоростью практически по прямому курсу в направлении зюйд-зюйд-вест и проходил приличное расстояние за сутки, но никаких рекордов не устанавливал.

Затем Кроухерст взял еще один лист миллиметровки и, положив оба листа перед собой, начал выдумывать набор поддельных навигационных данных. Эта подделка во многих отношениях является наиболее впечатляющим примером технического мастерства яхтсмена из всех продемонстрированных

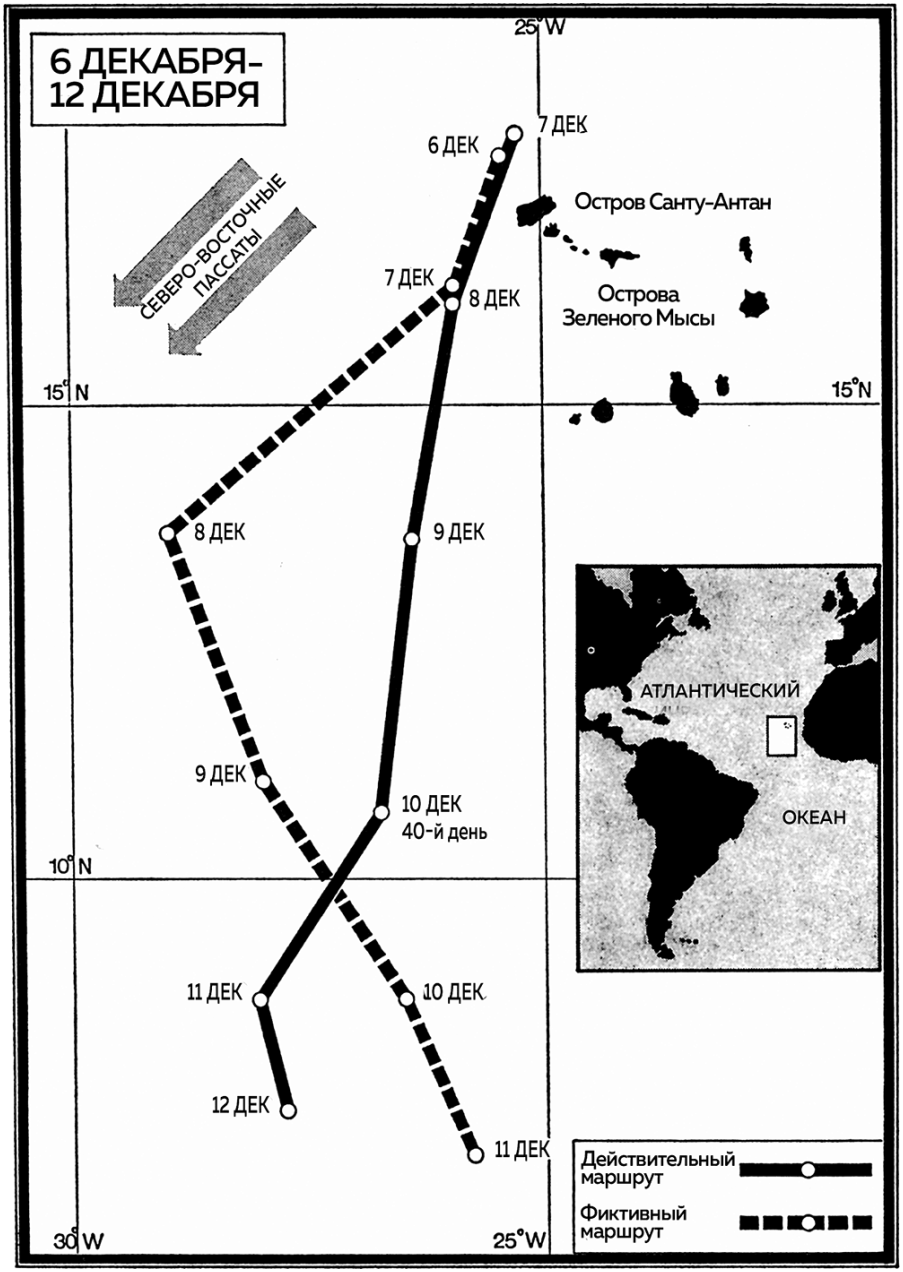
им за все путешествие. Для того чтобы вычислить в обратном порядке от воображаемого расстояния ряд ежедневных положений яхты, а потом на основе этих данных по астрономическим таблицам определить нужную высоту Солнца в каждой точке, нужно проделать гигантскую работу, не имеющую аналогов. И эта задача несоизмеримо труднее, чем навигация по всем правилам.

Кроухерсту были отлично известны результаты рекорда Уильямса – более 220 миль за день, – и он выбрал цифру, которая превышала это значение в разумных пределах, но не отрывалась от него слишком сильно: 243 мили. Он прикинул наиболее благоприятные условия для достижения нового рекорда (ветер ост-норд-ост силой 6 баллов и с порывами до 25 узлов, но с умеренной зыбью) и разработал методику определения местоположения по разновременным наблюдениям Солнца с получением поддельных, но безупречно выглядящих данных. Затем на первом листе появилась еще одна тщательно составленная таблица. В ней было две колонки. В правой колонке яхтсмен записывал фактическое расстояние, пройденное от полудня до полудня. В левой же цифры постоянно менялись (вносились и стирались), пока не получалось наиболее убедительное значение, которое и передавалось как «заявленное», якобы пройденное расстояние.

		Заявленное	**Фактическое**
Четверг	5	172	60
Пятница	6	109	110
Суббота	7	243	170
Воскресенье	8	174	170
Понедельник	9	145	177
Вторник	10	843	684

Для того чтобы поддельные цифры казались правдоподобными, Кроухерсту приходилось задействовать все свои способности и работать на пределе возможностей. Чтобы все выглядело убедительно, нужно было также периодически сообщать о каких-нибудь мелких неприятностях, поломках на судне. И в ночь с четверга на пятницу яхтсмен внес в таблицу напротив записи о пройденном расстоянии небольшой комментарий: «Сломался стаксель-гик». Позднее сходный

комментарий украсил и судовой журнал.



При переводе расстояния в географические координаты и значения высоты Солнца Кроухерст покрывал оба листа расчетами, навигационными графиками и сложными проверочными вычислениями. При этом нужно было опасаться двух ловушек. На этом этапе путешествия, когда вероятность быть

замеченным с какого-нибудь корабля оставалась еще очень высокой, он не хотел, чтобы его фальшивый путь слишком отличался от фактически пройденного маршрута. Избежать этого помогло изящное математическое решение. Кроухерст наметил фальшивый курс дальше на запад, а потом обратно, так что сумма двух сторон воображаемого треугольника давала ему бóльшую часть добавочных миль, которые он заносил в журнал. Также были приняты меры предосторожности, чтобы фальшивый курс, равно как и действительный маршрут, не проходил слишком близко к побережью островов Зеленого Мыса. Чтобы быть до конца уверенным в этом, Кроухерст заштриховал опасный участок на фальшивом листе маршрутной карты. В результате появилась аккуратная колонка – со значениями высоты Солнца, высчитанными координатами яхты и пройденными расстояниями по лагу, – которую можно было перенести в судовой журнал.

Мы обнаружили эти две маршрутные карты на борту «Teignmouth Electron», и теперь они находятся у нас. Из всех найденных бумаг эти две наиболее пожелтевшие, с загнутыми краями и исчерканные вдоль и поперек. Они лежали в каюте на видном месте, как будто их даже не собирались прятать.

У нас нет возможности логически вычислить, когда поддельная запись была скопирована в судовой журнал. Вероятно, к 20 декабря она все еще находилась в разработке, потому что на маршрутных листах есть упоминание об островах Сан-Паулу рядом с экватором, мимо которых тримаран прошел примерно в это время. Но в один из последующих дней Кроухерст внес данные в журнал. Перед этим ему пришлось стереть кое-какие записи за 6 декабря, очевидно, не состыковывавшиеся с поддельными данными. Он оставил пояснение: «Неточная высота Солнца. Похоже, задел зажим секстана, когда забирался в каюту». Некоторые незначительные несостыковки с показаниями лага Кроухерст игнорировал. Вероятно, это было не столь важно, потому что пройденное расстояние не фиксировалось с абсолютной точностью.

Когда Кроухерст переносил данные в судовой журнал, он не мог удержаться от соблазна добавить запись-другую для придания цифрам большего правдоподобия. Приведенное описание представляет собой хороший материал для исследования. Кроухерст пишет бодро и живо, но мы-то точно знаем, что он лжет.

«6 декабря, пятница
Наметил курс дальше на юг. Преодолел 69 миль за 24

часа, не очень-то и много, но зато спокойно и безопасно ночью – в большей или меньшей степени. Должно быть, стоит замахнуться и попробовать пройти 240 миль от полудня до полудня. Нужно подумать о методах определения координат с минимальной погрешностью. Скажу Родни, что прошел мимо островов Зеленого Мыса. Преодолел уже примерно 1800 миль. Оттяжка оборвалась, и стаксель-гик завернулся вокруг вант. ЧЕРТ!»

Слово «ЧЕРТ!» вписано позднее и выведено самым что ни на есть безупречно аккуратным почерком. Есть указания на то, что стаксель-гик на тримаране действительно сломался в какой-то момент. Интересно, однако, то, что одним из наиболее примечательных инцидентов, описанных в чичестеровской книге «На «Gipsy Moth» вокруг света», была поломка стаксель-гика.

«7 декабря, суббота

13:37 Замеры высоты, похоже, нормальные. Солнце – прямо по курсу.

13:40 Меняю курс. Поднял второй большой стаксель.

14:00 Иду очень хорошо. Ветер ост-норд-ост, 6 баллов с порывами до 25 узлов.

16:00 Отличная погода, устойчивый свежий ветер. Волна не выше 10 футов. 10,5 узла. [Здесь дан небольшой расчет, чтобы казалось, будто он вычисляет скорость на основе показаний лага.] Если такая погода продержится, у меня все получится, я уверен: есть еще приливное течение и выигрыш во времени при движении на запад. Великолепный сейлинг! Недавно видел любопытный плот площадью около 4 футов, погруженный в воду и плывущий на двух сферических поплавках, закрепленных по обе стороны и формирующих нечто похожее на ручки. Он промчался в 20 футах от меня. Это напомнило мне, что поверхность океана состоит не только из воды! Ветер, похоже, удерживается и установился надолго. Уильямс прошел 232 мили[16]*, так я думаю. Я должен довести свои показатели до 3210 миль, чтобы быть уверенным, что превзошел его результат (13.40 ч + 12 = 01.40 ч – 2994 мили). Стою на носу и наблюдаю восхитительный закат. Заметил, что вода приобрела отчетливый фиолетовый оттенок, когда красное небо отразилось в голубых волнах. К вечеру небо очистилось, но ветер продолжает дуть.*

8 декабря, воскресенье

01.10 Если ветер удержится, у меня все получится! Похоже на то, что он будет дуть вечно.

13.35 У меня получилось! Солнце все еще ползет вверх. Высота Солнца все возрастает. [Далее приводятся навигационные расчеты, чтобы «подтвердить» рекорд.]

16.38 Сегодня лягу спать рано. Приготовил огромную порцию говядины под соусом карри (виндалу) и паэлью в пиве. Все вышло отлично и закончилось огромной добавкой. Объелся и не могу двигаться, но спать должен хорошо, я думаю. Приор еще тут, рядом. Я зову его Питер Приор. Интересно, чем он обычно питается? И тот ли это самый? Должно быть, да, потому что я всегда вижу только одного. Если бы они меняли места дислокации, я бы видел и других, так ведь? Вот это жизнь! Похоже, ему не по душе вода, но полагаю, он должен уметь плавать.

9 декабря, понедельник

Судя по лагу, прошел сегодня 174 мили безо всяких усилий».

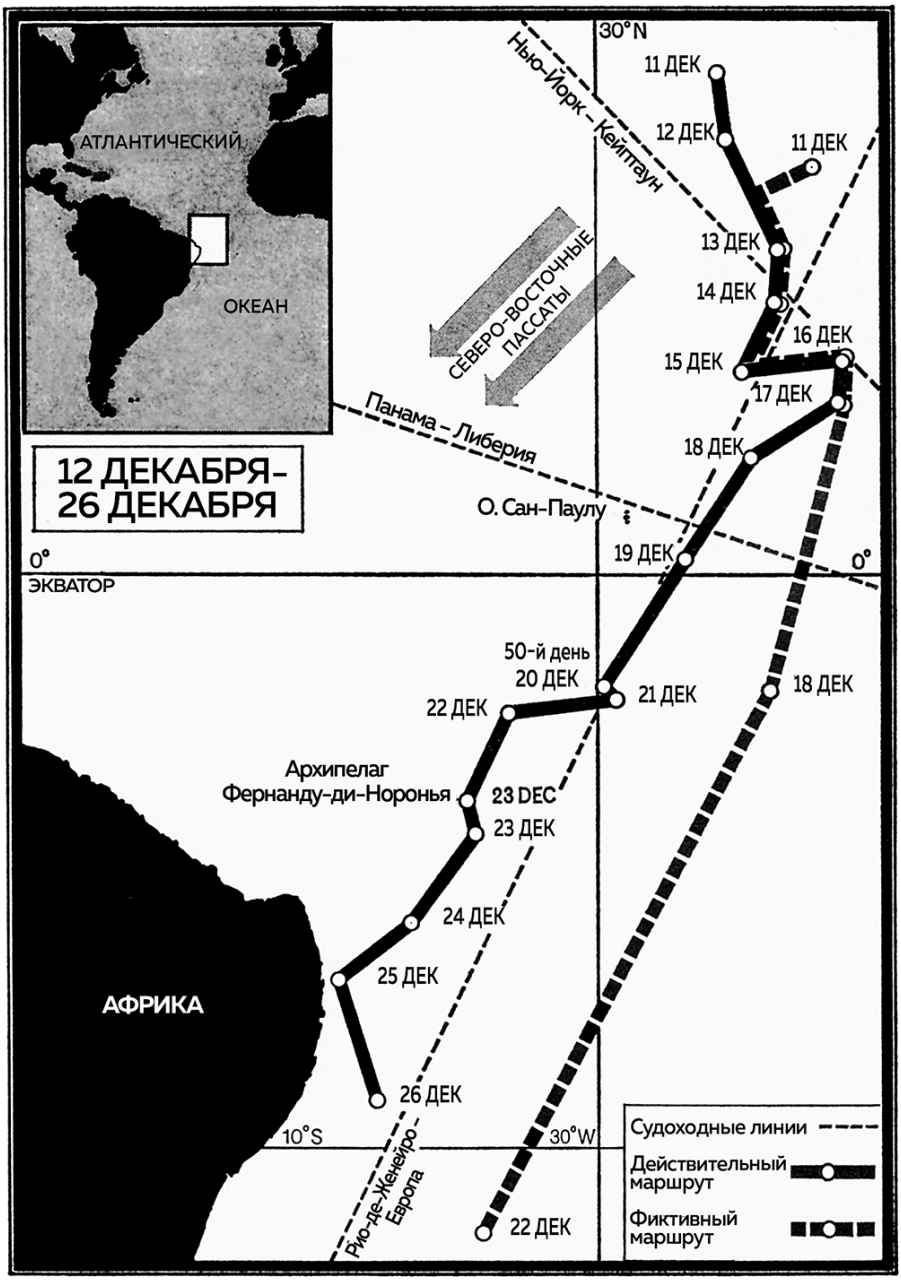
Если бы Кроухерст вернулся и с триумфом представил свои судовые журналы экспертам, поверили бы они его записям? Мы мимоходом можем ответить на этот вопрос. Изучая документацию, найденную на яхте Кроухерста, мы сначала не осознали важности двух миллиметровок с записями навигационной прокладки. При этом мы попросили капитана Рича исследовать судовые журналы на предмет несоответствий в навигационных записях, не предупредив его о том, что данные подделаны. На самом деле в то время мы считали, что Журнал № 1 совершенно безупречен и содержит верные сведения.

В записях, относящихся к рекордному пробегу, капитан Рич заметил одну-две небольшие странности, но не нашел ничего, что натолкнуло бы его на мысль, что значения высоты Солнца были сфальсифицированы.

Однако у него зародились сомнения относительно текстовых заметок. Он обратил внимание, что на протяжении всей недели они явно делались одним и тем же карандашом, степень заточенности которого не менялась, как не менялись ни стиль письма, ни скорость, чего можно было бы ожидать от человека, находящегося в такой стрессовой ситуации, какой является одиночное плавание. Также комментарии выглядят не очень-то правдоподобно.

Цитируемый фрагмент из судового журнала не заставил бы сомневающегося поверить в заявленные Кроухерстом значения.

Если бы возникли подозрения, для их подтверждения оказалось бы гораздо больше оснований. С другой стороны, не было и достаточно доказательств для кого бы то ни было, чтобы публично развенчать Кроухерста. И более чем вероятно, что он скорее всего вывернулся бы и вышел сухим из воды.



10. План

Подделать рекорд скорости совсем не то же самое, что сфальсифицировать целое кругосветное плавание. До четверга 12 декабря нет свидетельств, обстоятельно подтверждающих, что Кроухерст уже замахнулся на мошенничество в более крупных масштабах. Однако в этот день произошло событие, позволяющее нам с еще большей уверенностью говорить о наличии определенного плана, уже зревшего в голове яхтсмена. 12 декабря он взял вторую тетрадь в синей обложке и начал вести новый журнал. Мотив прост. Для навигации необходимо ежедневно фиксировать происходящие в действительности события. Такие фактические записи Кроухерст решил заносить в новую тетрадь – судовой Журнал № 2. Журнал № 1 между тем был отложен в сторону, но Кроухерст намеревался вернуться к нему позже и продолжать заносить туда выдуманные данные о прохождении мыса Доброй Надежды, Австралии, мыса Горн и возвращении в Атлантический океан, конечно, при условии, что он, несмотря на угрызения совести, все же решится продолжать подделывать записи и дальше.

Важно сделать одну оговорку. Все указывает на то, что Кроухерст приступил к реализации своего плана с тяжелым сердцем. Он, возможно, еще не продумал детали, но отдавал себе отчет, что выполнение даже самой простой задачи – сочинение правдоподобного письменного отчета о путешествии – будет непростым делом. Составление всего лишь одной страницы с поддельными записями, подтверждающими его «рекорд скорости», стоило ему многих часов кропотливого труда. Можно было облегчить подделывание навигационных данных, если не привязывать их к точно пройденным расстояниям по лагу, однако в процессе наверняка возникнет множество других ловушек и затруднений. Что, если судьи начнут проверять сводки погоды? Как он собирается описывать условия плавания в тех местах, где никогда не бывал? Не заметят ли в записях подражание стилю других мореходов – Чичестера, Роуза, Слокума и Дюма? И если уж на то пошло, что, если яхту заметят в другом месте и сообщат об истинном местонахождении моряка или же он попадет в трудную ситуацию и ему понадобится помощь? Раскрытие обмана навлечет на него несмываемый позор. А по возвращении еще предстоит выдержать самое трудное испытание: будут торжественная встреча героя в порту, пресс-конференция и интервью на телевидении, встречи с другими моряками, торжественные ужины с вручением наград и призов, подобные

тем, что устраивались в честь Чичестера…

Смог бы Кроухерст, даже с его актерским талантом, выдержать подобную проверку и убедительно сыграть свою роль до конца? Сам факт, что яхтсмен считал это возможным, говорит о том, что, находясь в безнадежной ситуации, причиняющей ему огромные душевные страдания, он начинал воспринимать происходящее в искаженном свете.

Начав новый журнал, Кроухерст тем не менее на протяжении какого-то времени все еще медлил с окончательным решением и не знал, как именно ему следует вести себя в дальнейшем. Было абсолютно необходимо, чтобы его радиограммы продолжали содержать данные, сообразные с кругосветным путешествием. Все выглядело так, как будто Кроухерст хотел сохранить за собой возможность сфальсифицировать путешествие, но не желал делать окончательный выбор в пользу того или иного варианта, не оставляя себе путей к отступлению. Однако нельзя было оттягивать принятие решения до бесконечности: даже его скрытные и двусмысленные радиограммы должны были содержать хоть какую-то информацию, подтверждающую продвижение тримарана вперед. Время шло, и с каждым днем возможность просто пристать в первом попавшемся порту и с честью выйти из гонки становилась все менее осуществимой. В конечном счете время решило за Кроухерста.

У нас есть все основания допускать, что Журнал № 2 представляет собой абсолютно честный отчет о фактическом путешествии. Во-первых, потому что у яхтсмена не было причин вносить туда поддельные данные (несомненно, он собирался уничтожить его перед возвращением), а во-вторых, все проверяемые детали полностью соответствуют истине. Содержащиеся в Журнале № 2 исчерпывающие навигационные записи очень похожи на последние из Журнала № 1, но при их изучении не возникает впечатления, будто они были переписаны начисто с черновика. Поясняющие комментарии, однако, встречаются редко, а потом и вовсе исчезают. Похоже, Кроухерст делал их преимущественно для себя, ограничиваясь краткими заметками и обходясь без литературных изысков. В конце концов Журнал № 2 не предназначался для посторонних глаз.

Как бы то ни было, собрав вместе данные из журнала радиосообщений, заметки самого Кроухерста (в дальнейшем их будет очень много), найденную на яхте документацию, магнитофонные записи пленок «BBC» и информацию, полученную в ходе расследования, проведенного нами уже после путешествия,

мы можем продолжить восстанавливать цепь событий во всех подробностях.

Утро 12 декабря (четверг) Кроухерст встретил на дрейфующей яхте при полном штиле в 7 градусах к северу от экватора и 3300 милях от мыса Лизард. Район северо-восточных пассатов остался позади, а судя по маршрутной карте Южной Атлантики из альбома Адмиралтейства, которую он начал изучать, впереди лежали «конские» широты с их штилями, перемежающимися ливневыми дождями с грозами, и район юго-восточных пассатов. В таких условиях, насколько он знал, тримаран не покажет хороших результатов. И все же Кроухерсту нужно было поднажать. Он не осмеливался допустить, чтобы траектория его воображаемого маршрута существенно отклонилась от фактического курса – слишком велик был риск оказаться замеченным. Он застрял именно в том районе, где меньше всего хотел находиться, – в оживленных водах международных судоходных путей. Судя по адмиралтейской маршрутной карте, он оказался прямо в центре той области Атлантического океана, которую можно смело назвать морским *Clapham Junction:* здесь пересекались маршруты судов, идущих из Северной Америки в Кейптаун, из Южной Америки в Европу и из Западной Африки к Панамскому каналу. На время Кроухерст решил воздержаться от заявлений о новых рекордах скорости.

По мере того как день разгорался, с востока прилетел шквал силой в 20 узлов, принеся с собой свежесть и прохладу. Однако буря привела к новым поломкам и очередной задержке. Кроухерст кратко записал в журнале:

> «*Отвалилась боковая панель рулевого Хаслера. Привязал румпель, чтобы идти на запад*».

На следующий день ветровой автопилот Хаслера по-прежнему не работал, а шквалы усилились, поэтому Кроухерст не мог идти быстрее 2 узлов под одним стакселем, а некоторое время и вовсе провел в дрейфе. Однако его новый план требовал демонстрации оптимистического настроя для публики. В ту ночь он послал Холворту радиограмму следующего содержания:

> «ВЧЕРА ШКВАЛ 45 УЗЛОВ СОРВАЛ ФЛЮГЕР И СЕРВОПРИВОД РУЛЕВОГО ХАСЛЕРА ДУМАЮ РЕМОНТ ВОЗМОЖЕН».

В субботу в течение четырех часов Кроухерст увидел три парохода, и вызванное этими событиями волнение заставило моряка отклониться от традиционного сухого стиля изложения

при ведении записей. Так появился цветистый литературный пассаж, рассчитанный на публику, единственный в Журнале № 2.

> «*22.05 Заметил пароход. Идет по корме курсом зюйд-вест. Передал сигнал MZUW MIK. Ответа не получил. Отправил · – · – · – и · – · – · – Сомнительная перспектива.*
>
> *01.30 (воскресенье) Прошли два парохода один за другим в полутора милях по корме! Оба шли противоположными курсами: один на восток, другой – на запад. Получается, что на тысячу миль водного пространства, когда в пределах видимости нет земли, приходится один пароход. Впрочем, рискну предположить, что у мыса Горн движение не такое оживленное*».

Упоминание о подаче знаков сигнальным фонарем представляет определенный интерес. «MZUW» – это позывной тримарана «Teignmouth Electron» азбукой Морзе, после которого следовал другой сигнал – «MIK», т. е. «сообщите о моем местоположении в компанию «Lloyd», Лондон». Если Кроухерст на самом деле подавал эти сигналы, то можно почти с абсолютной уверенностью сказать, что это было в последний раз за все путешествие. На протяжении всего плавания его местоположение фиксировалось и сообщалось в «Lloyd» только один раз: в ноябре, всего через несколько дней после отправления из Тинмута. Шесть комплектов сигнальных флажков «MIK» (этого достаточно, чтобы постоянно держать один поднятым на мачте), которые Кроухерст взял с собой для подачи сигналов в дневное время, практически не использовались. После плавания пять комплектов оставались нетронутыми, а на ткани флагов шестого до сих пор были видны складки, хотя едва заметные следы ржавчины на металлических зажимах свидетельствуют о кратковременном пребывании на морском воздухе. С этого момента Кроухерст засунет флажки в дальний угол и будет избегать пароходов, насколько это возможно.

На следующем отрезке маршрута – тримаран двигался в юго-восточном направлении к экватору и оттуда к побережью Бразилии – яхтсмена поджидала опасность быть замеченным с судов, идущих из Южной Америки. Кроухерст пошел на этот просчитанный риск, чтобы побыстрее проложить поддельный курс. На первых порах ему нужно было всего лишь немного приукрасить ситуацию.

Кроухерст принялся набрасывать план своего фальшивого плавания на маршрутных картах Адмиралтейства. Яхтсмен начал с того, что произвел кое-какие расчеты слева на полях: если в течение суток двигаться со скоростью 4 узла, то можно проходить

по 96 миль в день, а 96 миль в день – это 672 мили в неделю. Очевидно, достаточно реалистичные цифры показались ему не очень впечатляющими, и он стал намечать вымышленные положения яхты, судя по которым продвижение вперед было куда более быстрым.

В начале путешествия: Кроухерст поднимает паруса в неспокойном море. (Devon News/Sunday Times)

	Заявленное местонахождение	Действительное местонахождение
18 декабря	3 градуса к югу от экватора	2 градуса к северу
22 декабря	10 градусов к югу; в виду северо-восточного побережья Бразилии	2 градуса к югу
24 декабря	15 градусов к югу; к северо-востоку от Рио-де-Жанейро	6 градусов к югу
5 января	35 градусов к югу; между Буэнос-Айресом и Кейптауном	17 градусов к югу
15 января	42 градуса к югу; 12 градусов к западу; к юго-востоку от острова Гоф в ревущих широтах	22 градуса к югу, 33 градуса к западу

Поддельные цифры он передал поздно вечером 17 декабря в своей первой намеренно сфальсифицированной радиограмме Родни Холворту:

«ИДУ ЧЕРЕЗ КОНСКИЕ ШИРОТЫ ПЕРЕСЕК ЭКВАТОР СНОВА ДВИГАЮСЬ БЫСТРО».

В сообщении было три ложных утверждения. Кроухерст по-прежнему находился примерно в 180 милях к северу от экватора. За четыре дня он продвинулся всего на 150 миль к югу. И похоже, он заявлял о новом рекорде скорости в «конских» широтах. Впрочем, после всех предыдущих радиограмм о рекордных достижениях Родни Холворту и остальному миру едва ли приходилось ожидать от капитана «Teignmouth Electron» чего-то меньшего. Между тем сообщение едва удостоили внимания в прессе.

20 декабря Кроухерст передал следующую радиограмму с еще более впечатляющими цифрами. Перед тем как отправить ее, он переписал в журнал регистрации радиосообщений широту и долготу на 22 декабря из своей поддельной маршрутной карты. Таким образом, в радиограмме сообщалось о еще более значительном продвижении вперед, чем было запланировано им изначально.

«МИМО БРАЗИЛИИ ПРОХОЖУ В СРЕДНЕМ 170 МИЛЬ В ДЕНЬ С СИЛЬНЫМ ПОПУТНЫМ С ЮГО-ЗАПАДА ТЧК ПОЗДРАВЛЯЮ ТИНМУТЦЕВ С НОВЫМ ГОДОМ И РОЖДЕСТВОМ».

Из всех депеш с поддельными данными, высланных Кроухерстом для публикации в прессе, лишь в этой содержалась неточность, выдававшая ее недостоверность. Кроухерст назвал юго-восточные пассаты, дующие со стороны побережья Бразилии, юго-*западными*. Он вряд ли сделал бы такую ошибку, если бы действительно проходил через указанный район. Неточность, однако, прошла незамеченной. В любом случае восхищенные фанаты яхтсмена из Тинмута посчитали бы ее не стоящей внимания. К настоящему моменту у них было лишь смутное представление о местонахождении тримарана. Фраза «Мимо Бразилии» представляла собой классический пример двусмысленности. Судя по ней, яхта Кроухерста могла находиться практически в любом месте Центральной или Южной Атлантики.

Что касается заявленных 170 миль в сутки, по злой иронии судьбы, в эти дни Кроухерст начал демонстрировать самые медленные показатели скорости за все путешествие. Он проходил всего 13 миль от полудня до полудня. (Возможно, яхтсмен пытался починить ветровой автопилот Хаслера. Он об этом ничего не сообщает.) Впоследствии береговая радиостанция «Портисхед» провела плановую проверку: «Подтвердите переход 170 миль ежедневно». «Подтверждаю, – ответил Кроухерст морзянкой, – 170 миль».

Но несмотря на показную самоуверенность, Кроухерста по-прежнему терзали сомнения. Перед ним стояла все та же дилемма: честно продолжать гонку или же с честью выйти из нее. Есть два момента, подкрепляющих данное предположение.

Первый свидетельствует о том, что даже на этом этапе путешествия яхтсмен не полностью отказался от мысли привести свою яхту в нормальное состояние, чтобы иметь возможность продолжить кругосветную гонку. Хотя умом он понимал, что это невозможно. В конце Журнала № 1 приведен список задач, которые необходимо было выполнить. Под ним не стоит даты, но, похоже, он был составлен между 12 и 21 декабря[17]. Список выглядит следующим образом:

1. Проверить прокладки люков. Подсоединить погружные пластины.
2. Сделать изоляцию наружной антенны.
3. Подготовить аварийный комплект первой необходимости и составить список немедленных действий при крушении.
4. Организовать откачку морской воды.
5. Закрепить поплавок безопасности. Подсоединить зеленый огонь на топе мачты. Присоединить шланг к поплавку.
6. Найти провода, идущие к погружным пластинам.

7. Сделать маркированную панель управления.
8. Модифицировать радиотелефон Шеннона.
9. Уложить инвентарь в каюте.
10. Починить стаксель-гик.
11. Настроить механизм отдачи шкотов.
12. Настроить механизм наполнения поплавка воздухом.
13. Перебрать генератор.
14. Переделать блок управления генератором.
15. Переделать проводку бизань-шкота.
16. Починить авторулевой Хаслера.

Как можно видеть, в список включены все задачи, входившие в первоначальный план модификации яхты. Кроухерст задумывается о налаживании системы самоспрямления судна, по его мнению, жизненно необходимой при прохождении через Антарктический океан. Сюда же относятся подсоединение погружных пластин, сборка панели управления (в лучшие времена он называл ее «компьютером»), налаживание механизма наполнения поплавка безопасности углекислым газом, шланга для него и фиксирующих элементов. В довершение всего Кроухерст пишет о починке автоматического механизма отдачи шкотов, регулирующего настройку парусов в случае, если яхте грозит опрокидывание. Другие пункты, такие как устройство дополнительной изоляции наружной антенны (для защиты от брызг в открытом море) и подготовка аварийного комплекта первой необходимости (в случае крушения яхты), свидетельствуют о том, что Кроухерст всерьез подумывал о плавании в районе с суровыми погодными условиями. 21 декабря, вскоре после составления списка, Кроухерст сделал краткую запись о новой проблеме в Журнале № 2: «Обнаружил отслоение обшивки на корпусе правого поплавка. Нахожусь в дрейфе». Это открытие взбудоражило его разум необычайно. Возможно, именно из-за отслоения обшивки в душе яхтсмена угасла всякая надежда на совершение подлинного путешествия вокруг света. В любом случае он едва приступил к выполнению работ, обозначенных в списке. Последующий осмотр тримарана показал, что на судне производился грубый ремонт авторулевого Хаслера, перебирался генератор, была значительно модифицирована конструкция радиотелефона «Shannon». Но до всех остальных задач из списка у яхтсмена руки так и не дошли.

Еще одна улика – аккуратно свернутый обрывок коричневой упаковочной бумаги, найденный в чемодане, где Кроухерст хранил все документы. На нем содержатся заметки, формулы с вычислениями и электрическая схема нового переключающего

механизма для радиопередатчика. Дату этих записей можно определить точно по нескольким сообщениям азбукой Морзе, которые яхтсмен записывал здесь же. Большей частью это поздравительные телеграммы с Рождеством, полученные другими судами, находившимися в непосредственной близости к яхте Кроухерста.

На этом обрывке Кроухерст решил подвести итоги гонки. Он написал имена Кинга, Риджуэя, Блайта и Фужерона, после чего перечеркнул их. Напротив имени Тетли он поставил вопросительный знак, а имена Муатесье и Нокс-Джонстона – лидеров регаты – заключил в квадраты. Затем он начертил таблицу с колонками «Австралия» и «Продолжительность до мыса Горн и обратно», куда были внесены данные предыдущих путешествий вокруг света, совершенных Дюма, Чичестером и Роузом. Потом, оставив эту работу, нарисовал рядом с таблицей лоцманскую карту захода в порт Рио-де-Жанейро, как уже делал шестью неделями раньше на подходе к Фуншалу, Мадейра. На рисунке содержалась вся информация из маршрутных карт и лоций с указанием маяков, расстояний, ориентиров и основных опасностей на подходе к порту.

Пристать в таком большом порту, как Рио-де-Жанейро, означало немедленно раскрыть себя, что влекло за собой автоматическое выбывание из гонки. Есть единственное предположение, объясняющее, для чего Кроухерст мог начертить эту карту: за два дня до Рождества яхтсмен всерьез задумывался о выходе из соревнования.

Поразмыслив над решением и прикинув, какое из зол было наименьшим – неудача и банкротство, обман и возможное раскрытие или же продолжение гонки с риском для жизни, – Кроухерст снова нашел утешение в высоком слоге и морской романтике.

Он начал с того, что выслал Родни Холворту еще одну восторженную радиограмму. На этот раз путешественник намекнул о своем местоположении, назвав местом назначения остров Тринидад, расположенный в 350 милях к югу от точки, которую он нанес на маршрутные карты 24 декабря. К несчастью, к тому времени, когда телеграмма была получена агентством «Devon News», из названия острова исчезла последняя буква, потерявшаяся во время передачи[18].

«ПОЛУЧИЛ НАСЛАЖДЕНИЕ ПРЯМО У МЫСА ГОРН ИДУ К ТРИНИДАД ПОСЛЕДНИЕ ЮГО-ВОСТОЧНЫЕ ПАССАТЫ И

Холворт тут же сообразил, что слова «прямо у мыса Горн» означают «прямо *как возле* мыса Горн», и решил, что Кроухерст не мог иметь в виду, что направляется к острову Тринидад, расположенному в Вест-Индии. Почему-то в объяснениях, появлявшихся в различных газетах на протяжении последующей недели, говорилось, что Кроухерст приближается (а вскоре и будто прошел) к архипелагу Тристан-да-Кунья. Но яхтсмен никогда не упоминал эти острова в своих радиограммах, так что можно предположить, что из-за нахлынувшей эйфории, чувства оптимизма и простодушной неосведомленности Холворт выбрал наиболее правдоподобный, с его точки зрения, вариант корректировки слова «Тринидад».

Нужно объяснить, что архипелаг Тристан-да-Кунья лежал на маршрутах чайных клиперов, но от острова Тринидад, который подразумевал Кроухерст в своем сообщении, его отделяли 1800 миль. В свою очередь, Тринидад находился в 350 милях севернее точки, отмеченной Кроухерстом на поддельной маршрутной карте, а она, соответственно, отстояла на 550 миль от фактического положения тримарана.

Начиная с этого момента освещение путешествия в прессе стало носить абсурдный характер. Единственный журналист, который выступил хоть с каким-то предположением, был Фрэнк Пэйдж, специалист по яхтингу. Он, очевидно, сбитый с толку противоречивыми сообщениями в прессе, предположил, что Кроухерст, должно быть, находится где-то в Южной Атлантике. (Тут он был прав: всего пять дней назад тримаран «Teignmouth Electron» пересек экватор и действительно вошел в южный район Атлантического океана.)

А в сочельник Кроухерст достал магнитофон, выданный корпорацией «BBC», как делал это ранее в моменты кризиса, и стал наговаривать в микрофон свои мысли.

11. Рождество

«Мы находимся на моей славной яхте «Teignmouth Electron». По календарю на моих часах 24 декабря, а до полуночи осталось всего 11 минут. Другими словами, сегодня канун Рождества, и я могу сказать точно, что мне еще никогда в жизни не приходилось отмечать этот праздник в таком узком кругу. Я нахожусь в одиночном плавании почти два месяца. За это время я даже мельком не видел берега, хотя однажды и заметил какой-то одинокий огонек, проходя мимо архипелага Фернанду-ди-Норонья, находящегося у побережья Бразилии, южнее экватора. Из лоций я узнал, что здесь расположена колония-поселение, и я надеюсь, что осужденные весело отмечают праздник.

Ну а я? Чем занимаюсь я в канун Рождества? Ну, просто удивительно, сколько всего нужно сделать, когда замахнулся на такой грандиозный проект. Список задач, которые нужно решить, постоянно растет, и каждый день приносит все новые проблемы или создает обстоятельства, требующие твоего внимания. Тут поломки и износ, перетирание парусов и снастей для настройки. Все нужно проверить, а многое – заменить.

Нет смысла развивать бурную деятельность в тропиках в середине дня, потому что через пару часов напряженной работы выдыхаешься и все оставшееся время чувствуешь себя усталым и ни на что не годным. Лучше отложить все дела до позднего вечера, а если необходимо, работать и ночью. При таком режиме можно сделать намного больше, а силы тратить гораздо эффективнее.

Конечно, наиважнейшая задача моряка – продвигаться вперед с нужной скоростью, поэтому все заточено на то, чтобы свести задержки к минимуму. Так, например, очень часто бывает, что, если дашь слабину и потеряешь хотя бы пару часов, это может привести к отставанию на полдня».

Эту речь Дональд Кроухерст надиктовал на пленку в Рождество. В очередной раз почувствовав необходимость выступить на публику, чтобы поднять бодрость духа, он обратился за помощью к магнитофону, выданному ему в «BBC». Хотя яхтсмен и не преминул отметить в своей речи, насколько важно выдерживать ритм гонки и следить за скоростью, на самом

деле теперь он уже не был настолько сильно обеспокоен задержками в пути. Единственная реальная проблема, тяготившая его, имела психологическую природу: моряк пытался решить, стоит ли ему отказаться от борьбы или же нужно продолжать сфальсифицированное путешествие и дальше. Это состояние стресса, в котором пребывал Кроухерст, ощущается даже в записях. Например, после исполнения рождественского гимна «Тихая ночь» на губной гармошке.

> «*О да, это прекрасный и грустный рождественский хорал, и хотя он сыгран не ахти как хорошо, есть что-то такое в этом любительском исполнении… такая непрофессиональная, дилетантская игра на губной гармошке во многих отношениях навеивает мысли об одиночестве и опасности, которые в умах большинства людей, несомненно, ассоциируются с этим инструментом. Губная гармошка – тот самый инструмент, на котором непременно играют во время артобстрела или при авианалете в бомбоубежище или в других ситуациях, подобных этим, в которых человеческий дух подвергается суровому испытанию. Так что нельзя сказать, что она совсем уж не к месту в моем положении.*
>
> *Не то чтобы я находился в состоянии большого стресса, но в этой части Атлантического океана царит атмосфера такой тоски и заброшенности, что она каким-то образом совпадает с моим умонастроением: и неспроста я почувствовал желание сыграть на губной гармошке именно сейчас, в канун Рождества.*
>
> *Не то чтобы я так уж сильно был угнетен, подавлен или жалел себя, ни в коем случае, но в этом месте и в этот час есть что-то такое – может быть, дух Рождества, – что на самом деле навевает тоску и грусть. Начинаешь думать о друзьях и семье, зная, что они тоже думают о тебе, и от этого чувство разлуки и одиночества только усиливается… усиливается одиночеством этого места и в какой-то мере теми звуками, которые я только что извлекал и которые во многих отношениях отражают суть, настроение этого праздника. Ну да ладно, довольно об этом. Давайте лучше немного повеселимся*».

Тут Кроухерст опять берет свою губную гармошку и наяривает «Пусть Бог хранит вас, господа». Здесь уже чувствуется, что отношения между Кроухерстом-героем и Кроухерстом-человеком становятся все более натянутыми. Яхтсмен пока еще

играет роль смельчака, находящегося в трудной ситуации, но уже начинает терять контроль над собой. Интонация его голоса вслед за настроением меняется почти в каждой фразе. Он как будто просит о снисхождении, взывает к милосердию, жалости, но одновременно отрицает свою потребность в них. Удивительно, но его показные чувства все больше превращаются в действительные личные переживания.

Из-за того что теперь Кроухерсту никуда не нужно было торопиться, в его распоряжении оказалась уйма времени. Нестихающие юго-восточные пассаты, в районе которых двигался тримаран, обеспечивали стабильное продвижение вперед, но при этом не требовалось особо следить за парусами. Как случается со многими людьми, у которых неожиданно появляется куча свободного времени, Кроухерст нашел успокоение в дилетантских занятиях – литературном творчестве и математических задачах. Он также начал читать книги, которые прихватил с собой в плавание. Вероятно, примерно в это время яхтсмен взялся изучать «Теорию относительности» Альберта Эйнштейна, где великий физик пытается объяснить основные положения доступным языком.

В тот момент Кроухерст пожалел о скудности своей библиотеки и о том, что не захватил с собой других книг, кроме технических инструкций и учебников по математике.

Как-то он записал отрывки из оратории «Мессия» Джорджа Генделя, поймав в эфире радиотрансляцию по одному из каналов: «О ты, кто приносит добрые вести Граду Давидову…», «Да снизойдет благословление Господне на тебя…», «И они обитали на земле в тени смерти…». В этот же период яхтсмен занялся стихосложением. Готовые строфы он записал в конце Журнала № 1, вставляя кое-где отредактированные фразы.

Первое стихотворение, вероятно, созданное где-то в районе экватора, было самым образным, самым возвышенным и как по тону, так и по географии, абсолютно неискренним. Когда Кроухерст сочинял его, он находился более чем в 2000 милях от Южного океана.

Законы
Песнь Южному океану

За параллелью тридцатой лежит
Южный океан – пустыня вод,
И если душа твоя к морю летит,
Он непременно тебя позовет.

Пусть весь мир отправляется в ад,
Но мать-природа свое возьмет.
Если кто ленив, глуп, стар или слаб,
Окажется там, где море ревет.

Не ищи тут буев, маяков, народ,
Когда под тобой пять тысяч сажен.
И лайнер тебя не возьмет на борт,
К стихии ты попадешь в плен.

Так повелось после молнии вспышки,
Давшей жизнь белковым телам:
Покой глубин, шум, громкий слишком,
Людям награда всегда одна.

Учись простому морскому закону –
Это простой непреложный свод.
Он вечный и будет таким все годы,
Пока человек в океан не зайдет.

Людские законы – тлен для моря,
Морской закон понятен и прост:
Море зря не приносит горя,
Но все отжившее – на погост.

Тут обо всем сможешь подумать,
О чем раньше помыслить не мог.
Все предрассудки, выгода, злоба
Покинут тебя на долгий срок.

Вспоминая давно прошедшее детство
И день, когда научился ты в нем
Видеть цель свою ясно и точно

И пошел к ней нелегким путем.

При всей претенциозности стихотворения и нарушении размера в нем можно заметить две искренние страсти Кроухерста: поэтичную псевдонаучность, отраженную в строфе о рождении белковых тел после вспышки молнии, и обретение детской непосредственности благодаря одиночеству в просторах моря. Эти мысли уже давно восхищали яхтсмена и надолго остались предметом его раздумий. Он также предпринял попытку сотворить нечто вроде элегии, лирического стихотворения о розе, которое, если в нем вообще содержится какой-то подтекст, можно назвать любовным посланием – свидетельством того, что в плавании он вспоминал об одном из своих юношеских увлечений. Возможно, об Эниде.

Бутон Розы

На тонком стебле
Едва-едва
Благоухает она,
Прекрасна –
Словами не скажешь.

Зачем ей склоняться
(такой прекрасной)
Прямо ко мне,
К измученной
Душе?

Тихо, неслышно.
Грусть и томления,
Их так много,
А смех твой
Так редок.

Звезды отдал бы,
Сияние солнц всех,
Но могу лишь
Две вещи
В дар ей отдать.

Так сначала
Прими же тайно
Сердце мое
И все мои мысли
Навечно.

Я откажусь
Печально
От розы бутона.
Пусть цветет она
в совершенстве.

Пусть провидение
Всегда
Хранит тебя
И счастье твое

Вечно.

Тут было бы интересно сравнить литературные творения Кроухерста с произведениями другого мыслителя и моряка-одиночки, его соперника по гонке Бернара Муатесье. Хоть его путешествие было куда более трудным, чем плавание Кроухерста, в реакции двух яхтсменов на одиночество прослеживаются сходные моменты. Муатесье также был склонен впадать в возвышенные настроения.

> *«О мысе Доброй Надежды нельзя говорить просто языком цифр – координат широты и долготы. Этот мыс обладает душой, в которой сокрыты мрак и свет, которая очень ранима и чрезвычайно неистова. Душа эта нежна, как сердце ребенка, и сурова, как взгляд убийцы. Поэтому я и направляюсь туда, но не из-за денег и не ради славы. А исключительно из любви к жизни».*

Впрочем, с другой стороны, в словах Муатесье отчетливо ощущаются открытость и прямота, доказывающие, что в его опыте нет ничего поддельного или воображаемого.

> *«Боже, как же великолепно жить как животное, чувствовать щекой нежное дуновение прохладного и легкого ветерка! Как здорово смотреть на Южный Крест, который с каждой ночью все больше клонится к горизонту! И спать как последний пьянчуга, набивать брюхо разной едой и с удовольствием рыгать, валяться на солнцепеке до одурения. Я уже больше не боюсь встретить людей. Я спокоен и умиротворен».*

Даже в его высокопарных и более мистических пассажах нет ни капли фальши.

> *«Когда на протяжении многих месяцев слышишь только гул ветра и моря, когда так долго внимаешь звуку вечности, то непременно побоишься снова оказаться в окружении людей. Будешь бояться того, что однажды тебя грубо втолкнут в компанию незнакомцев, где придется часами слушать пустые разговоры и сплетни. Я вовсе не хочу сказать, будто стал лучше остальных. Я просто стал другим в определенном плане, в некотором отношении. Все, что прежде имело для меня смысл, теперь не так важно и даже вообще не принимается в*

расчет. А другие вещи, прежде не игравшие большой роли, теперь значат многое. Теперь я меряю время и материальные ценности иначе, чем до отправления в плавание. Когда ты достаточно глубоко погружаешься в себя, когда охватываешь широкие горизонты, простирающиеся дальше звезд, ты возвращаешься, глядя на мир другими глазами, начинаешь больше думать и воспринимать окружающее чувствами, а не разумом. Разум все искажает и подделывает. Он нужен только тогда, когда целуешь своих родных. А чувства помогают определить истинные размеры материальных объектов и увидеть точные границы всего сущего, распознать настоящие тени и цвета предметов. Именно так я воспринимаю мир сейчас: кожей и желудком».

Робина Нокс-Джонстона, находящегося в тот момент у берегов Новой Зеландии, тоже посетило вдохновение: в канун Рождества его потянуло на философские мысли. Вряд ли можно найти моряка, который бы настолько сильно отличался от двух своих коллег, интеллектуалов-одиночек – Кроухерста и Муатесье. Он выражался просто и естественно. Этот грубовато-простодушный тон моряка с таким рвением пытался имитировать Кроухерст.

«В 3 часа пополудни по местному времени я осушил свой бокал за здоровье королевы. Жалею, что не поднялся раньше и не смог услышать речь ее величества, которую передавали в 6 утра по моему времени. Все-таки, когда слушаешь подобные выступления вместе со всеми, это придает определенное очарование такому празднику, как Рождество… Вечером прослушал сообщение о запуске корабля «Аполлон-8» и команде астронавтов, находящейся на его борту. Это первые люди, которые совершают полет вокруг Луны, что дало мне определенную пищу для размышлений. Вот, думал я, эти трое ребят рискуют своей жизнью ради науки, ради расширения границ наших возможностей, которые до этого удерживали нас в пределах нашей планеты. Разница между их удивительным подвигом и моим путешествием просто огромна… Правда, когда Чичестер и Роуз своим примером доказали, что кругосветное путешествие возможно, я не мог допустить, чтобы первым человеком, осмелившимся на подобный подвиг, стал кто-то другой, кроме британца. И мне захотелось стать этим британцем. И тем не менее, на мой взгляд, в таком желании присутствовала

известная доля эгоизма.

Когда перед отъездом я спросил мать, что она думает о моем путешествии, она сказала, что я поступаю «совершенно безответственно», и сегодня, в это Рождество, я начинаю склоняться к тому, что она была права. Я отправился в кругосветное путешествие потому, что, черт возьми, просто хотел обойти вокруг земного шара. И я осознал, что мне неимоверно нравится то, чем я занимаюсь»[19].

Этот временной отрезок до и после Рождества был тяжелым периодом для Кроухерста. Он погряз в самокопании, его снедали сомнения. Яхтсмен даже позволил себе внести в свой, на тот момент исключительно навигационный судовой журнал следующую фразу: «Этот праздник, Рождество, сильное эмоциональное потрясение для всего организма!» Большинство серьезных опасений было записано на коричневой оберточной бумаге, на которую моряк перечертил карту Рио-де-Жанейро. Кроухерст прослушал зарубежные новости «BBC» и попытался разобрать слова некоторых песен «Британской двадцатки» (одна «Дженнифер Эклз», а другая «Розовая Лили» от Скаффолда). Как и Нокс-Джонстон, Кроухерст прослушал сообщение о приводнении «Аполлона-8» в Тихом океане.

В сочельник Кроухерст связался по радиотелефону с женой, но разговор с ней только усилил его подавленное настроение. Клэр тотчас же спросила мужа о точном местоположении яхты, чего так требовал Родни Холворт. Странным резким тоном Дональд отказался дать вразумительный ответ. У него еще не было возможности произвести замеры, сказал он. Затем что-то, должно быть, сильно встревожило яхтсмена. Впервые он выдал такую несусветную ложь, что она разом перечеркнула все предыдущие сообщения, превратила в пыль все тщательно сфальсифицированные рекорды и наверняка сбила бы с толку всякого, кто попытался бы найти в ней смысл. «Я нахожусь где-то в районе Кейптауна», – сказал он. Должно быть, сразу же после произнесения этой фразы Кроухерст осознал, что этой своей ложью он еще больше припер себя к стенке. Теперь, выдав такое невообразимое заявление о своем положении, яхтсмен уже больше не мог пристать в порту Рио-де-Жанейро, не потеряв при этом лицо: ведь Кейптаун находился в 3000 миль к востоку от бразильской столицы.

Оба супруга прекрасно понимали, что радиооператоры прослушивают разговор, и даже рождественские милования не

могли быть гарантией абсолютной приватности. Несмотря на это, Кроухерст еще раз предпринял попытку обратиться к жене с завуалированной просьбой заставить его сдаться. «Как ты там, дома? У тебя все в порядке? – спросил он. – Ты уверена, что справишься со всеми трудностями самостоятельно?» Клэр, не осознавая, в каком состоянии находится Кроухерст, посчитала за обязанность успокоить супруга. «Все в порядке, – сказала она. – Я справлюсь с любыми трудностями».

Все утро после Рождества яхтсмен провел у радиоприемника в ожидании сообщений от друзей. Сам он уже давно отправил поздравления Родни Холворту, Стэнли Бесту, своей семье и даже членам городского совета Бриджуотера, но не получил ни одной весточки. (Все ответы придут через два дня.) В эти ранние часы он выписал на лист бумаги несколько молчащих станций:

«04.30 Ничего GKL
04.35 Ничего GKT4
04.40 Ничего GKL
04.50 Ничего GKH».

Это ввергло его в такую депрессию, что через полчаса он написал:

«05.27 Слышны какие-то вздохи».

Возможно, это были всего лишь радиопомехи в эфире. Но важно то, что Кроухерст, отчаянно жаждавший человеческого общения, принял их за вздохи. Он плыл в полном одиночестве, монотонно двигаясь по морю день за днем, в его жизни происходило так мало событий, которые могли бы занять, оживить его воображение, а сам он находился в том настроении (со временем оно будет накатывать на него все чаще), когда любое событие раздувается до космических масштабов.

Не получив на Рождество ни одного поздравления, Кроухерст решил развлечь себя сам при помощи подручных средств: еды, имевшейся на судне, математических упражнений и радиосообщений о событиях в республике Биафра. Пойманные на частоте 15.402 мегагерц, они тут же были сопоставлены с его собственным бедственным положением. На листе коричневой бумаги Кроухерст сотворил рождественское стихотворение, жалкую смесь из электроники, математики и беспокойства за детей Биафры.

Слежу за парусами яхты ночью
Один.

Мой такелаж вздыхает от космической тоски,
Он по птенцам грустит, что завтра умертвят
На 12.7×10^5 ветвях оливковых дерев.
Вздох наполняет душу грустью и тоскою.
Волна! Так унеси же прочь мою печаль,
Мой стул – мешок, набитый рисом (10 фунтов),
К северо-востоку 2.5×10^3 кабельтовых,
250×10^3 детей в мучениях умрут.
(Углеводов дефицит, так это назовут.
По частоте 15.402 мегагерц.)
Пусть Ирод всех младенцев умертвит,
Но Санта-Клаус населенье обновит.

Похоже, что отчаяние никак не улучшило ни ритм, ни рифму стихов, но разница между «Песнью Южному океану» и этим творением заключается в несоизмеримом контрасте между искренней болью и напускной «смелостью».

В Рождество Кроухерст находился менее чем в 20 милях от побережья Бразилии. Возможно, он даже мог видеть ее берега. После разговора с женой он направился в сторону суши, повинуясь импульсивному желанию хотя бы издалека узреть твердую почву и свободную жизнь. Потом яхтсмен снова повернул обратно. Возможно, у него стало легче на душе. Спустя много страниц – и вероятно, много месяцев – в Журнале № 1 появятся следующие слова:

> «*Рождество у берегов Рио-де-Жанейро. Везде огни, и по всему городу происходят странные вещи. Что ни говори, а поэзия – забавный язык*».

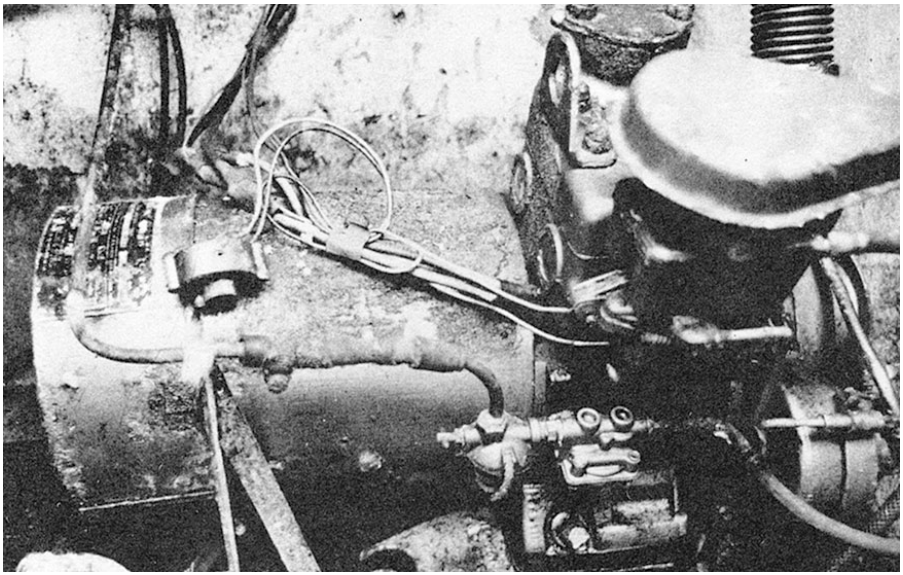
Это просто невообразимая запись. Насколько мы знаем, тримаран и близко не подходил к Рио-де-Жанейро, а находился у побережья в тысяче миль к северу от столицы Бразилии. На берегу, напротив того места, где мог проходить тримаран, лежал всего лишь маленький городок, столица провинции Жуан-Песоа. Если Кроухерст вообще видел хоть какие-то огни, как он утверждает, то они, очевидно, принадлежали этому городу.

Как бы то ни было, его воображаемое положение было в виду Рио-де-Жанейро. Кроухерст осторожно нанес его на маршрутную карту Адмиралтейства.

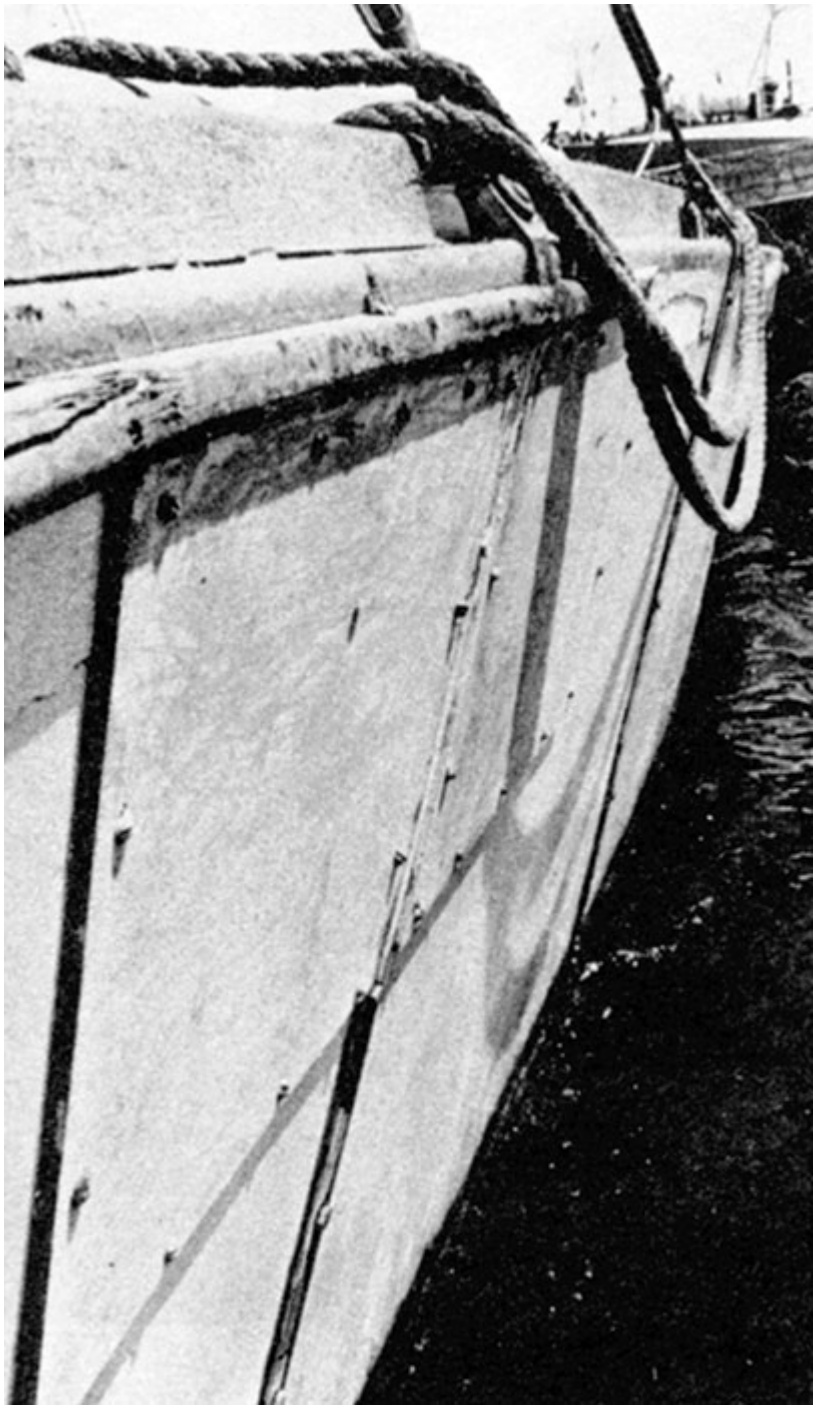
Когда впоследствии Кроухерст писал эти странные слова, у него не было никакого резона фальсифицировать наблюдения подобного рода. Заявление об огнях Рио, вероятно, является первым признаком того, что моряк, пребывавший в состоянии неимоверного напряжения, начал бредить, а его иллюзии стали

заменять сознательно сфальсифицированные им события. Кроухерст так отчетливо видел в уме свое воображаемое положение и вымышленный курс, что поверил, будто и в самом деле находился там. После молчащих радиостанций, воображаемых вздохов, катарсиса литературных сочинений об умирающих детях, написанных «странным языком», бредовые идеи могли овладеть его разумом и стать для него реальностью.

Клэр Кроухерст и Эвелин Тетли встретились в январе 1969 года. Их мужья позднее схлестнулись в соревновании, идя ноздря в ноздрю

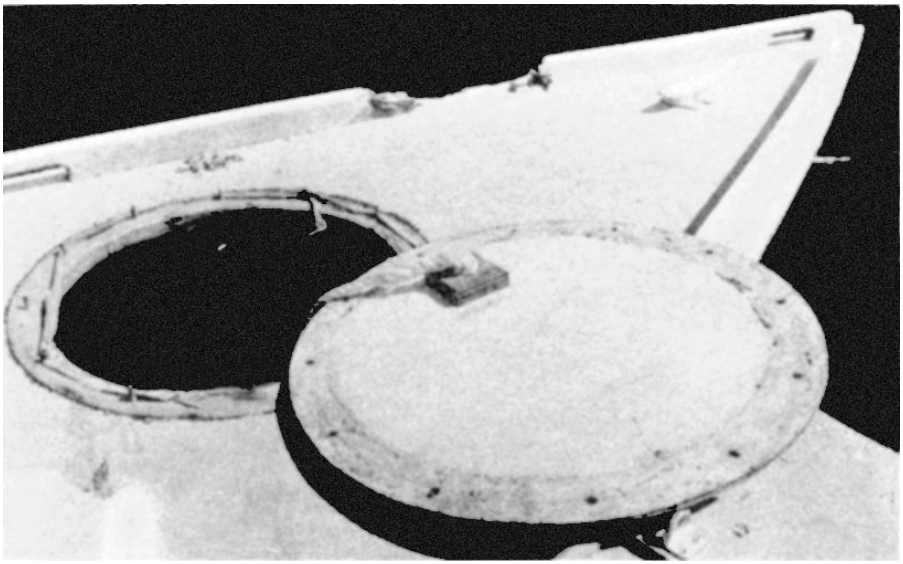


Электрогенератор «Onan» (снят после путешествия), заржавевший от соленой воды, заливающейся через люк в кокпите. Кроухерст использовал поломку генератора для объяснения своего 11 недельного радиомолчания. (Рон Холл/ Sunday Times)



Две заплатки, привинченные к корпусу во время тайной остановки в порту Рио-Саладо. (Рон Холл/Sunday Times)

Поплавок безопасности, так и не присоединенный к шлангу и неправильно прикрепленный к мачте (в конце путешествия). (Рон Холл/Sunday Times)



Тот самый протекающий люк левого поплавка. Видны попытки наложить герметик Sylglas. (Рон Холл/Sunday Times)

Когда рассвело, Кроухерст прослушал по радио песню Джоан Сазерленд «Остролист и плющ» и пошел взглянуть, не оставил ли кто ему подарков и поздравительных открыток к Рождеству. Единственные карточки, которые он нашел, были от Питера и Пэт Биэрдов. На открытке от Питера он прочитал следующее:

> «*Поздравляю тебя с Рождеством, Дон!*
>
> *Надеюсь, у тебя все в порядке. По моим прогнозам, ты должен находиться где-то в районе Канарских островов. Насколько я прав? Мы все шлем тебе искренние поздравления и горячие приветы. Не беспокойся о Клэр и детях. Пэт и я присмотрим за ними. Предполагаю, к настоящему моменту ты уже стал опытным моряком и разбираешься в прихотях и причудах нашего старого приятеля – МОРЯ. Даже на этом этапе ты должен ощущать, что уже достиг чего-то.*
>
> *Всего тебе хорошего, Дон.*
>
> *Увидимся через 7 месяцев*».

На открытке Пэт было следующее:

> «*Со всей любовью и наилучшими пожеланиями. Жаль, что меня нет рядом с тобой!!!*»

Кроухерст описал в Журнале № 2 свой рождественский ужин из яиц, отварной маринованной солонины под соусом виндалу

(карри), апельсина (это был последний), бразильских орехов и темного эля. Озвучив процесс приготовления и поедания блюд на магнитофон, он сделал в журнале грустную запись:

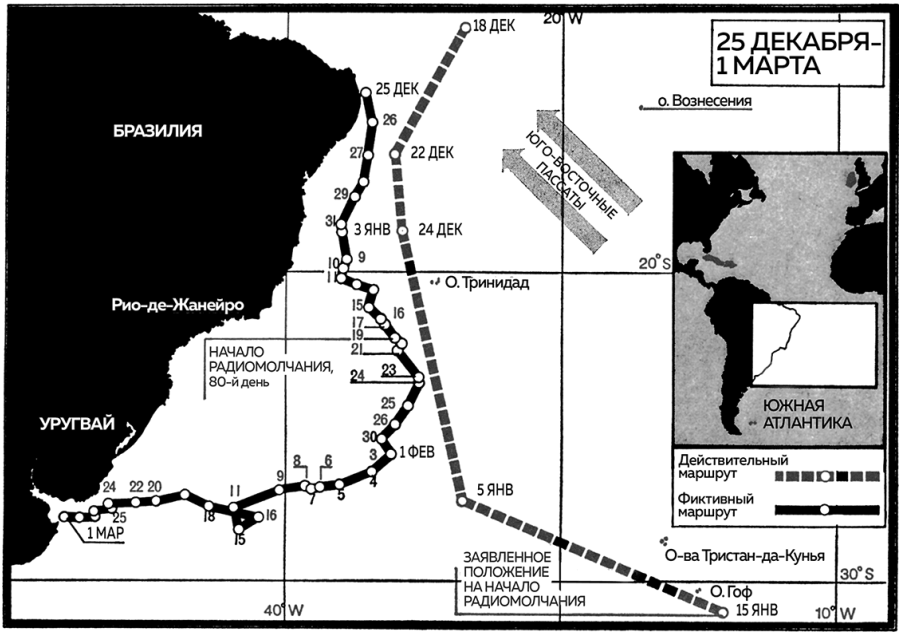
> «*Питер и Пэт единственные, кто прислал мне открытки на Рождество. Нужно ли делать на основе этого какие-то выводы? Можно утверждать только то, что мотивация редко оценивается точно!*»

Рождественский подарок, приготовленный Клэр Кроухерст для мужа, – та самая кукла с длинными золотистыми волосами, засунутая в сумку, которую кто-то снес на берег, был вручен дочери яхтсмена, Рэйчел. После того как кукла невероятным мистическим образом оказалось вне пределов «Teignmouth Electron», миссис Кроухерст решила, что такая ценная вещь не должна пропасть. Она удалила набивку из куклы, пришила ей застежку-молнию спереди, в результате чего получился футляр для ночной рубашки. Кукла была вручена дочери за рождественским ланчем в Вудландсе вместе с подарками для других детей.

Празднества в Бриджуотере едва ли прошли более весело, чем Рождество в Южной Атлантике. Третий сын Кроухерста, Роджер, жаловался на кошмары, в которых ему являлся отец, стоявший в дверном проеме детской и пристально смотревший на него. Старший сын, Джеймс, был молчалив и подавлен. Только Саймон пребывал в веселом настроении. Ему представлялось, что обойти вокруг света было плевым делом, и он сам собирался совершить подобное путешествие, когда вырастет. Биэрды, исполняя данное на Рождество обещание «присматривать» за Клэр, приехали в Вудландс, прихватив с собой утку. Однако на столе у Кроухерстов уже была индейка собственного приготовления. Обед был вкусным и обильным, но не повысил настроения никому из присутствующих.

За два дня до Рождества в конюшне Вудландса случился пожар. Никто не знал, как он начался, но огонь уничтожил бóльшую часть мастерской Кроухерста вместе с парусами и такелажем яхты «Pot of Gold». Компания «Electron Utilisation» доставляла все больше неприятностей. Проблемы с управлением фирмой означали, что Клэр не могла устроиться в другое место и зарабатывать деньги. Фирма же не приносила ожидаемый доход в 10 фунтов в неделю, а Стэнли Бест все больше разочаровывался в ней. Через три месяца Клэр начала жить на «добавочные выплаты». Это было одно из выражений, которые в то время употребляли британцы вместо официального термина «пособие

по безработице».



12. Молчание и одиночество

На протяжении следующего месяца на борту «Teignmouth Electron» не происходило ничего примечательного. Кроухерст петлял зигзагами то в южном, то в восточном направлении, не имея четкой цели. Единственный смысл этого бесцельного кружения заключался в том, чтобы увести яхту в открытый океан, подальше от оживленных берегов Южной Америки. Теперь ему не нужно было проходить большие расстояния, он собирался всего лишь потянуть время. К тому же в этом районе Атлантики, где обычно не ходили суда и не бушевали яростные шторма, от моряка не требовалось больших усилий при навигации.

Помимо этого, Кроухерсту нужно было беречь поврежденную яхту. Наутро после Рождества, 26 декабря, он открыл правый поплавок, чтобы тщательно осмотреть новое повреждение, обнаруженное шестью днями ранее, – трещину в борту. Яхтсмен записал, что фанера, из которой был изготовлен корпус, отошла от внутреннего деревянного набора поплавка. В обшивке образовалась довольно большая трещина, идущая до половины длины поплавка, вдоль металлических вант-путенсов, которые располагались под ней и служили для крепления топ-вант. Там, где стеклоткань, которой был оклеен поплавок, состыковывалась с двойным слоем фанеры на палубе (ее установили в «Eastwood»), появилось расслоение длиной в три фута, что, похоже, оправдывало все его сомнения и вспышку гнева во время первой ссоры с судостроителями. Кроухерст абсолютно точно и достоверно описал характер повреждений в судовом журнале[20] (хотя после прочтения радиограмм моряка, отправленных в Лондон, создавалось совершенно другое впечатление).

Кроме того, не стоило забывать и о протекающем люке в кокпите, из-за которого был затоплен и вышел из строя генератор. Все эти «болевые точки» судна помогают понять, почему яхта шла зигзагами, а ее скорость была такой непостоянной. Чтобы предотвратить захлестывание щелей в корпусе волнами и чтобы через люк внутрь попадало меньше воды, Кроухерст по мере возможности старался идти в крутой бейдевинд правым галсом, благодаря чему снижалась нагрузка на поврежденный поплавок.

На карте, приведенной на с. 236, содержится вся необходимая информация о продвижении тримарана в этот период. Перед тем как покинуть район юго-восточных пассатов, Кроухерст пережил двухдневный шторм под голым рангоутом, провел один день в дрейфе из-за приступа подагры, сломал второй (и последний)

флюгер сервопривода автопилота Хаслера, поэкспериментировал с системой авторулевого, используя стаксель, попробовал наладить точную работу лага и исследовал содержимое баков для воды:

> «*Теперь в них находится питательная коричневая жижа, состоящая из разнообразных и очень интересных представителей класса членистоногих Норфолка, где попадаются также волокна стеклоткани и кусочки краски*».

За исключением этих малозначимых подробностей в Журнале № 2 за данный период не найдено ни одной записи, представляющей интерес с точки зрения морской навигации.

Между тем в радиожурнале можно найти интересные факты, проливающие свет на многие загадки. В первую неделю января Кроухерст целыми днями прослушивал и записывал радиосообщения различных судов – радиограммы, новостные отчеты и прежде всего метеосводки. К моменту окончания путешествия объем подобных записей в журнале – всех этих наскоро набросанных на бумаге мелкими символами азбуки Морзе фраз – в общей сложности составил примерно 100 000 слов.

На первый взгляд они выглядят бессистемными заметками, сделанными для того, чтобы убить время, или же указывающими на одержимость яхтсмена кодом Морзе. Но при более тщательном изучении во все этих точках и тире прослеживается определенный смысл. Очевидно, Кроухерст намеревался как можно подробнее зафиксировать погодные условия и сообщения о происшествиях, якобы сопутствовавших его «кругосветному» путешествию. Разобраться во всем этом изобилии информации довольно сложно, но все-таки можно понять, что внимание яхтсмена было приковано к южному району Атлантики и дальше – к Индийскому океану. Данные из метеорологических отчетов вполне исчерпывающие, и предположительно именно они были основной целью титанических усилий яхтсмена.

На протяжении января и февраля Кроухерст чаще всего записывал передачи с радиостанции Кейптауна, которая регулярно передавала прогнозы погоды для восточной части Атлантики и южных районов Индийского океана, а также ретранслировала сводки погоды метеостанции о. Маврикий. Кроухерст фиксировал все подряд без разбора, но когда какая-либо из сводок точно относилась к одному из метеорайонов, пролегавших вдоль судоходных путей сороковой параллели (она проходила через архипелаг Тристан-да-Кунья, о. Гоф, острова

Принс-Эдуард, гайот Метеор и острова Крозе), моряк аккуратно подчеркивал ее. В марте было записано меньше метеосводок, предположительно из-за трудностей с приемом радиопередач со станций Сиднея и Веллингтона, расположенных в Австралии и Новой Зеландии, где должна была находиться в тот момент яхта Кроухерста. Тем не менее иногда прием проходил успешно, и снова тексты метеосводок, относящихся к нужным районам, аккуратно подчеркивались. Представление о том, насколько систематически Кроухерст упражнялся в таком нелегком деле, можно составить, изучив один из справочников, найденных на борту «Teignmouth Electron». Речь идет о «Реестре радиопозывных», т. III, выпущенном Адмиралтейством Великобритании, где содержится информация по метеосводкам, передаваемым различными радиостанциями по всему миру. Все карты метеорайонов, через которые проходили судоходные маршруты, были аккуратно помечены, а на некоторых из них остались комментарии. Другие страницы в справочнике не использовались вообще.

Занимаясь этой кропотливой и утомительной работой, Кроухерст все больше беспокоился по поводу радиограмм, отправляемых в Британию. С каждой высланной радиограммой с данными о мнимом местонахождении, все сильнее отличавшемся от фактического, яхтсмен лишь усугублял свое положение. С каждым днем его странная прихоть – нежелание сообщать свои точные координаты – выглядела все более эксцентричной, а риск быть замеченным в совершенно другом месте возрастал. Как бы сложно ни было береговым радиостанциям определить область, откуда приходят сообщения, сигналы с «Teignmouth Electron» вскоре станут настолько несообразными по интенсивности для противоположной стороны земного шара, что у моряка точно возникнут неприятности. Логичным решением было выдумать причину для продолжительного молчания в эфире и сохранять его на протяжении какого-то времени, что и произошло, судя по результатам изучения последующих страниц журнала регистрации радиосообщений.

Кроухерст уже предупредил жену и друзей, что из-за проблем с генератором, возможно, на какое-то время с ним прервется связь, а 29 декабря отправил Родни Холворту депешу, где развил эту тему. Это было первое сообщение, посланное через радиостанцию Кейптауна, что должно было создать впечатление, будто тримаран приближается к берегам Африки. Первоначальный текст радиограммы был таким:

«НАХОЖУСЬ РЯДОМ С ОСТРОВОМ ТРИНИДАД

НАПРАВЛЯЮСЬ К СОРОКОВЫМ».

Поразмыслив, Кроухерст зачеркнул написанное. В сообщении указывались слишком точные координаты, что свело бы на нет все предыдущие туманные депеши, создававшие оптимистичный настрой. Кроухерст переделал текст, изложив послание в идеально расплывчатых фразах и добавив в него намек на плохо работающий генератор:

«ВСЕ ХОРОШО НАПРАВЛЯЮСЬ НА ЮГ К СОРОКОВЫМ ГДЕ НАЧНЕТСЯ НАСТОЯЩАЯ РАБОТА ТЧК НЕОБХОДИМО ЗАГЕРМЕТИЗИРОВАТЬ ОТСЕК ГЕНЕРАТОРА».

Из-за осторожничанья, неуверенности и проблем с работой радиоприемника отправка сообщения задержалась, и Кроухерст выслал его несколько позже, но уже с измененной текстовкой.

3 января он отправил короткое сервисное сообщение на радиостанцию Кейптауна, информируя операторов, что направляется в район 2а с радиосвязью на длинных волнах, который охватывает всю юго-западную часть Атлантики и простирается дальше, вдоль побережья Южной Америки. Эти данные согласовывались с фальшивыми положениями яхты, которые он отметил на маршрутной карте, но шли вразрез с представлениями, создавшимися у читателей в Британии, которые думали, что яхтсмен оставил позади острова Тристан-да-Кунья и теперь находится на пути к мысу Доброй Надежды. Однако отследить это несоответствие было слишком трудно, поэтому никто не обратил на него внимания. 8 января Холворт получил еще одну искусно составленную и совершенно неинформативную радиограмму:

«СРАЖЕН ПОДАГРОЙ ПОСЛЕ НОВОГОДНЕЙ КОКТЕЙЛЬНОЙ ВЕЧЕРИНКИ ТЕПЕРЬ БЕЗ НОГ КАК РУСАЛКА ТЧК НА ГРАНИЦЕ СОРОКОВЫХ ШИРОТ».

В ответ пришли два сообщения. В одном говорилось о положении других участников гонки:

«РОБИН ОБГОНЯЕТ БЕРНАРА ПРОШЛИ ТАСМАНИЮ ТЕТЛИ В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ИНДИЙСКОГО ОКЕАНА ТВОЯ СРЕДНЯЯ СКОРОСТЬ НА 30 МИЛЬ БОЛЬШЕ SUNDAY TIMES РАССЧИТЫВАЮТ НА ПРИБЫТИЕ ПОБЕДИТЕЛЯ 9 АПРЕЛЯ НАСТРАИВАЙСЯ НА ЭТУ ДАТУ».

(Чтобы вернуться в Британию к означенному в радиограмме сроку, Кроухерсту пришлось бы проходить по 300 миль ежедневно, т. е. двигаться в два раза быстрее, чем клипер «Cutty Sark».)

Вторая радиограмма содержала просьбу Холворта, желавшего получать хоть какие-нибудь новости от своего клиента. Текст этого сообщения можно назвать маленькой одой журналистской неудовлетворенности.

«ПРОШУ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО СООБЩАТЬ КООРДИНАТЫ ЯХТЫ С ПРОЙДЕННЫМ РАССТОЯНИЕМ ПРИВЕТ РОДНИ».

Действительно важные сообщения Кроухерста, после которых сеансы радиосвязи прекратились на 11 недель, были написаны 15 января и успешно отправлены 19 января. Первое представляло собой переделанное сообщение для Холворта:

«100 МИЛЯХ ЮГО ВОСТОКУ ГОФ 1086 ЗАГЕРМЕТИЗИРОВАЛ ЛЮК ОТДЕЛЕНИЯ ГЕНЕРАТОРА ВЫЙДУ НА СВЯЗЬ КОГДА СМОГУ ДОЛГОТА МЕЖДУ 80 ВОСТОЧНОГО 140 ЗАПАДНОГО».

В этой радиограмме Кроухерст сделал три вещи. Во-первых, он услышал просьбу пресс-агента и, сжалившись над ним, предоставил точные (но неверные) координаты своего местоположения: 100 миль к юго-востоку от острова Гоф в ревущих широтах. (Ложное положение яхты, которое было запланировано на эту дату, в связи с чем и отмечено на маршрутной карте Адмиралтейства.) Во-вторых, четко дал понять, что в ближайшем будущем перестанет высылать радиограммы. В-третьих, направил внимание по ложному следу, попросив береговые радиостанции ловить его сигнал в тех районах, где он вскоре должен будет находиться: между 80-м меридианом Восточного полушария (проходящим через центральную часть Индийского океана) и 140-м меридианом Западного (лежащим на полпути между Новой Зеландией и мысом Горн).

Другая радиограмма, предназначенная для Стэнли Беста, была продумана еще более тщательно. В журнале есть несколько черновиков этого сообщения, где главным образом описаны поломки на яхте, серьезность которых преувеличена.

«К СОЖАЛЕНИЮ НАБОР ПОПЛАВКА СЛОМАН ОБШИВКА ОТОШЛА ПАЛУБНЫЕ СТЫКИ ТРЕЩАТ РЕМОНТ НЕ ВЫДЕРЖИВАЕТ СКОРОСТИ МЫС ГОРН ТОЛЬКО ОСЕНЬЮ

ПЛОХО ОСНАЩЕНА ЯХТА ТЧК ЕСЛИ ГОТОВ УБРАТЬ СТАТЬЮ О БЕЗОГОВОРОЧНОЙ ПОКУПКЕ СУДНА БУДУ ПРОДОЛЖАТЬ ЕСЛИ НЕТ ПРЕДЛАГАЮ ПЕРЕСМОТРЕТЬ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ГАЗЕТЫ ЕСТЬ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ В ЗАПАСЕ».

Это двусмысленное сообщение восхитило бы даже самого искушенного в крючкотворстве юриста. В прямом смысле в нем не содержится ни капли лжи, но при этом у читателя создается впечатление, что повреждения на яхте гораздо серьезнее, чем они были в действительности. Например, при упоминании о расходящихся палубных стыках рисуется ужасная картина: балки и палуба отходят от поплавков, в то время как повреждение представляет собой всего лишь небольшие трещины между слоем стекловолокна и фанеры. Кроухерст намеренно раздувал масштабы своих героических усилий с целью вырвать из Беста признание в том, насколько несправедливым было включение в контракт статьи, принуждающей «Electron Utilisation» выкупить гору разваливающихся дров в случае выбытия Кроухерста из гонки. Была также надежда, что Бест, возможно, *прикажет* ему выйти из соревнования.

В этот день Кроухерст записал в Журнале № 2: «Отправил три депеши!», что показывает, насколько важными были для него эти три сообщения. С третьей радиограммой произошла загадочная история. В радиожурнале на странице с двумя приведенными радиограммами есть еще один текст для Стэнли Беста, где предпринята явная попытка установить код для передачи зашифрованных сообщений. Он звучит следующим образом:

«ЭЮЯАБ ЯВЯ ГДЕЖ ЗИКЛЕЖ МНОПРСТЭЕЖ УСФХЛ ЦО ЧШЩЯЕ ЪЯ ЫОЬ

ТЕЛЕГРАФИСТ НЕ ОБЪЕЛСЯ ФРАНЦУЗСКИХ БУЛОК ПРОШУ ПОДТВЕРДИТЬ ДЕШИФРОВКУ СКОРЕЕ».

На первый взгляд в этом наборе букв нет никакого смысла, но любой специалист по кодированию наверняка догадается, о чем идет речь. Сразу видно, что в послании содержится намек на шифр подстановки. Слова «нет французских булок» – тонкий намек адресату на известную панграмму: «Съешь еще этих мягких французских булок, да выпей же чаю». Ее следует написать рядом с группами букв кода, которые идут в алфавитном порядке друг за другом, цепочка начинается не с «а», а с «э», перемежаясь случайно повторяющимися литерами. При совмещении двух фраз код становится ясен:

ЭЮЯАБ ЯВЯ ГДЕЖ ЗИКЛЕЖ МНОПРСТЭЕЖ УСФХЛ ЦО ЧШЩЯЕ ЪЯ ЫОЬ

СЪЕШЬ ЕЩЕ ЭТИХ МЯГКИХ ФРАНЦУЗСКИХ БУЛОК ДА ВЫПЕЙ ЖЕ ЧАЮ

Кроухерст и для себя подготовил листы для кодировки и раскодировки сообщений на основе составленного им шифра подстановки, который был обнаружен на следующей странице журнала регистрации радиосообщений. Человек, располагающий таким ключом, смог бы сразу же прочитать фразу, написанную замененными буквами. Можно предположить, что, если бы Бест подтвердил расшифровку кода, Кроухерст, вероятно, осмелился бы рассказать ему о своих истинных проблемах и попросил у своего спонсора совета, в котором так отчаянно нуждался. И тогда Бест, возможно, сам предложил бы ему выйти из гонки.

Было ли это сообщение третьей радиограммой, посланной Кроухерстом? И знал ли Бест об этом коде? Все указывает на то, что Кроухерст передумал, да так и не отправил сообщение. Два других текста он обвел карандашом и написал рядом: «Отправлено 19 января». Однако текст депеши с кодом не содержит подобных пометок. В радиожурнале нет пометок об ответе, да и сам Стэнли Бест подтверждает, что никогда не получал подобного сообщения. Более того, двумя страницами ранее в журнале радиосеансов есть пометка в ответ на одну из депеш Холворта, рядом с которой также присутствует запись: «Отослано 19 января», что, возможно, указывает на то, что именно она и была таинственной третьей телеграммой.

В любом случае последний сеанс связи прошел вполне удачно. В своих сообщениях, изложенных сухим и кратким телеграфным стилем, гениальный, искусный во лжи Кроухерст просил других принять решение за него. В депешах также ярко проявлялось умонастроение Кроухерста – состояние человека, раздавленного грузом обстоятельств.

В течение следующих дней Кроухерст продолжил игру, составив еще несколько сообщений, сочиненных в том же бравурно-героическом тоне и предназначенных для публикации.

«НАДЕЮСЬ КАК НЕЛЬСОН НЕПОКОЛЕБИМ КАК ХОРНБЛАУЭР УСТРАНИЛ ОБЕ СЕРЬЕЗНЫЕ НЕИСПРАВНОСТИ РЕМОНТ ВЫГЛЯДИТ МНОГООБЕЩАЮЩЕ».

Кроухерст даже начал набрасывать убедительное прощальное послание для жены и детей, но решил, что будет благоразумнее остановиться на этом. На протяжении следующих неполных трех

месяцев он больше не ответит ни на одно из сообщений, которые будет регулярно принимать в наилучшем виде. Он получит даже великодушное согласие Стэнли Беста на исключение самого спорного пункта из договора:

«СООБЩЕНИЕ ПОЛУЧЕНО РЕШЕНИЕ ЗА ТОБОЙ БЕЗУСЛОВНАЯ ПОКУПКА ЯХТЫ НЕ ТРЕБУЕТСЯ УДАЧИ».

Кроухерст также получил полное любви послание от свояченицы Хелен:

«ХОРОШЕГО ПЛАВАНИЯ НЕ ПАДАЙ ДУХОМ».

Эти сообщения снова и снова передавались радиостанцией Кейптауна, но, очевидно, уходили в пустоту. Дональд Кроухерст каждый раз принимал их, но ни разу не осмелился подтвердить получение. Они, как эхо, постоянно дублируются на следующих страницах радиожурнала.

Тем временем в Британии, в агентстве «Devon News» Родни Холворт изнывал под грузом проблем. Чтобы придумывать кричащие заголовки, ему нужны были рекордные показатели скорости, подтверждаемые точными координатами яхты. Когда в последний раз читатели получали известия от Кроухерста, он то ли приближался к островам Тристан-да-Кунья, то ли уже прошел их. Вдохновленный рождественским отчетом миссис Кроухерст, Холворт, должно быть, надеялся, что теперь его подопечный находится по меньшей мере рядом с Кейптауном, но все, что он получил, – лишь загадочное послание:

«СРАЖЕН ПОДАГРОЙ ПОСЛЕ НОВОГОДНЕЙ КОКТЕЙЛЬНОЙ ВЕЧЕРИНКИ ТЕПЕРЬ БЕЗ НОГ КАК РУСАЛКА ТЧК НА ГРАНИЦЕ СОРОКОВЫХ ШИРОТ».

Что, черт возьми, он должен был делать со всей этой галиматьей? Редакторы, уже давно не получавшие нормальных координат с широтой, долготой, градусами и минутами, были сыты по горло байками про завтраки из летучей рыбы. Если теперь им к тому же рассказать о коктейльной вечеринке на тримаране, они в лучшем случае поднимут его на смех. Было очевидно, что максимум через пару дней обещаниям Кроухерста пора бы уже наконец исполниться, а его достижения должны быть подкреплены твердыми фактами. Таким образом, фраза «остановился на границе сороковых широт» превратилась в «уже в ревущих широтах», и вокруг этого Холворт начал плести

поэтические тенета, сотканные из преувеличенных надежд и ожиданий:

> «*Яхтсмен Дональд Кроухерст достиг ревущих широт и в конце этой недели намеревается обогнуть мыс Доброй Надежды. Еще через месяц он достигнет берегов Австралии. Радиограмма, полученная от моряка, свидетельствует о том, что он находится в прекрасном расположении духа. «Сражен подагрой после новогодней коктейльной вечеринки. Впервые [так в оригинале] на равных правах с сиренами. Нахожусь в ревущих широтах». Новый год Кроухерст, можно сказать, встретил в компании близких людей. Он получил несколько сообщений с поздравлениями и открыл бочонок с шерри, подаренный ему специально для такого случая Джорджем Милфордом, хозяином одной из эксетеровских гостиниц*».

В «Sunday Times» благоразумно решили не публиковать подобную статью. Вместо этого редакторы еженедельника пошли еще дальше в сочинительстве, назвав «последние известные координаты» Кроухерста: 36˚ 30´ ю. ш., 15˚ в. д. (точка как раз на судоходном маршруте прямо на подходе к мысу Доброй Надежды) и фантазируя дальше на основе своих же предположений, объявили:

> «*К этому моменту Дональд Кроухерст, должно быть, уже вошел в Индийский океан*».

Скачок журналистского воображения занес Кроухерста еще на 300 миль дальше его фактического местонахождения.

На протяжении следующей недели комедия абсурда постепенно превращалась в фарс. Теперь у Холворта было две радиограммы от 19 января, на основе которых можно было сочинять статьи. Как окажется, это будут последние сообщения и впереди месяцы тишины, так что несколько слов из двух радиограмм – вот и вся информация, которой располагал Холворт. В связи с этим пресс-агент решил совместить сообщение о герметизации люка в отсеке генератора с отчетом о преувеличенных разрушениях, где художественно переплетались разные данные. Наличие таких серьезных повреждений на яхте требовало указания на их причину, и Холворт немедленно назвал ее:

> «*Тримаран «Teignmouth Electron», на котором мистер Кроухерст совершает кругосветное плавание, попал в*

шторм посреди Индийского океана. Огромная волна, захлестнувшая корму судна, повредила кокпит и окружающую его палубную надстройку…»

(Тут Холворт даже изменил конструкцию яхты, поскольку на тримаране никогда не было никаких палубных надстроек вокруг кокпита.)

«*Во время экстренного ремонта Дональд Кроухерст был вынужден спустить паруса на три дня. Он полностью загерметизировал кормовой отсек кокпита, где находится генератор. Чтобы предотвратить дальнейшие разрушения, ему пришлось значительно снизить скорость, и сейчас он находится в 700 милях от побережья Африки. Поскольку к генератору теперь нет доступа, Кроухерсту придется законсервировать аккумуляторы. Он обещает еще дважды связаться по радио с домом*».

Теперь между правдой и вымыслом пролегало уже 4000 миль, но Холворт неудачно расшифровал сообщение. Если помните, Кроухерст назвал точное местоположение яхты и указал расстояние, пройденное за неделю: «100 МИЛЬ ЮГО ВОСТОКУ ГОФ, 1086». Увы, этот текст исказился при передаче и дошел до адресата в следующем виде: «100 ЮГО ВОСТОКУ НОВ 1086». Естественно, Холворт заключил, что у Кроухерста новые неприятности, но он уже обходит вокруг Кейптауна. Если бы до агентства дошел правильный текст, он вызвал бы некоторое замешательство у журналистов, потому что, несмотря на усилия Кроухерста раздвинуть границы правды, его бы отбросило назад более чем на 1500 миль. Но в этом случае подобные новости, по крайней мере, охладили бы пыл публики и снизили ее ожидания.

Поскольку с этого момента от Кроухерста перестали приходить сообщения, на основе которых можно было бы вычислить его местонахождение, благодаря смелым предположениям и прогнозам тримаран все дальше и дальше уносился в Индийский океан, а расстояние между мнимым и действительным положением яхты все увеличивалось (именно это и нужно было Кроухерсту). Учитывая, что предварительные оценки строились на данных о скорости и пройденных расстояниях, предоставленных ранее самим яхтсменом, такие прогнозы можно было назвать обоснованными. Эти смелые прогнозы вызвали скептическое отношение у сэра Фрэнсиса Чичестера, читавшего лекцию в Королевском институте, и обрисовали яхтсмена в невыгодном свете. Текст лекции был опубликован в номере «Sunday Times» от 2 февраля 1969 года.

Между тем сэр Чичестер хотел сказать лишь следующее:

> «*Последний участник гонки, Дональд Кроухерст, заявил о нескольких рекордах скорости, включая мировой рекорд прохождения наибольшего расстояния за суточный переход. Однако его средняя скорость никогда не была высокой – всего 101 миля в день, – а при последней регистрации его положения 10 января, когда яхтсмен находился к югу от мыса Доброй Надежды, он отставал от Муатесье примерно на 8800 миль. В связи с чем Кроухерста вряд ли можно считать кандидатом в победители*».

Позже в своей статье сэр Фрэнсис выразил еще бóльшие сомнения:

> «*В последнее время стало появляться много неподтвержденных заявлений о рекордах относительно пройденных расстояний и необычайных скоростей. В связи с чем я надеюсь, что организаторы гонки должным образом проверят и подтвердят подлинность подобных заявлений, как это делают Королевский аэроклуб и Международная федерация аэронавтики, когда речь идет о каких-либо достижениях в сфере воздушных полетов и воздухоплавания*».

Но сэр Фрэнсис даже не догадывался, какой весомый повод для проведения такой проверки подавал Дональд Кроухерст, бороздивший в это время просторы Южной Атлантики.

На этом этапе путешествия Кроухерста обуяло очарование птицами и рыбами, встречавшимися ему по пути. В его судовом журнале постоянно встречаются упоминания о подобных случаях. Некоторых из странных рыб он зарисовывал, а каждую птицу описывал в мельчайших подробностях. Для него эти существа были больше чем представители фауны, которых школьники изучают на уроке естествознания. Ему нужны были друзья. Сильно нужны. По тому, как он пишет о них, становится понятно, насколько важными стали эти животные для моряка. Описания тварей забавные, но без вычурных изысков, точные, но не напыщенные, живые, но без копирования других авторов.

Первым приятелем яхтсмена, упоминание о котором встречается в одной из радиограмм Родни Холворту, стал Питер Приор, похожая на чайку птица, неотступно следовавшая за яхтой и питавшаяся летучей рыбой, выпрыгивающей на палубу. В

поддельной части Журнала № 1 Кроухерст написал: «Похоже, ей не очень нравится вода, но, полагаю, она должна уметь плавать». 13 декабря он отметил, что птица все так же сопровождает его, а на последней странице первого судового журнала описал свою пернатую спутницу:

> «*Снизу она почти белоснежная. Сверху окрашена в неоднородный светло-серый цвет. На концах крыльев у нее рисунок в виде буквы V. Хвост как у ласточки, клюв длинный, и все это завершается изящными черными отметинами с обеих сторон головы за глазами*».

Кроухерст давал имена и другим морским обитателям. Одной из его любимцев была рыбка дорадо по имени Десмонд, которую, как грустно отметил Кроухерст в своем журнале, съела акула. 29 января моряк в первый и единственный раз нарушил обет молчания и доверил сокровенные мысли бумаге. В журнале появилась запись: «Прошлой ночью лежал на палубе, смотрел на луну и думал о с…» Следующее слово написано неразборчиво, и его можно прочитать как «семья», «судьба» или «совесть». Размышлял ли он о собственной смерти, обдумывал ли текущее затруднительное положение или вспоминал об оставленной в далекой Британии семье – в тот момент моряк, очевидно, испытывал очень сильные эмоции.

Подавленное настроение и наблюдения за рыбами и птицами подвигли Кроухерста сочинить басню, где отражалось его психологическое состояние. Героями в ней были птица (собирательный образ всех птиц, которых он видел) и рыба-лоцман. Птица уже не являлась просто элементом окружения, придававшим произведению правдоподобие. Обреченная на одиночество и скитания, грязная и бесприютная, не нашедшая места в этом мире, для Кроухерста она стала мощным символом его внутреннего состояния и возможного саморазрушения.

> «*ИЗГНАННИК*
>
> *Я, должно быть, испугал ее, когда неожиданно вышел из-под козырька. Я мочился, стоя на корме, совершая обычный утренний ритуал – вносил свою лепту в пополнение объема воды в океане, и вдруг ощутил сильное колебание воздуха от взмахов крыльев, характерное для многих наземных птиц. Из всех пригодных для посадки мест птица выбрала шлюпку. Внешним видом она напоминала филина размером около восьми дюймов от кончика клюва до хвоста. У птицы было коричневое оперение с темно-желтыми пятнами, а по краям крыльев*

с верхней стороны виднелись два светлых участка. К ней невозможно было подойти, как и к любому изгнаннику. Птица улетела, как только я попытался приблизиться к ней, и опустилась на краспицу бизань-мачты, где и висела, отчаянно цепляясь за качающиеся штаги не предназначенными для этого когтями. Она была грязной, взъерошенной и дрожащей, а в ее полуприкрытых глазах читалась неимоверная усталость. Птица все время втягивала голову, распушала перья, тщетно пытаясь защититься от ледяного ветра, и время от времени нервно хлопала крыльями, готовясь подняться в воздух немедленно, если вдруг сорвется с мачты.

И тут серая унылая завеса в сплошном горизонте разорвалась, вдалеке сверкнула яркая вспышка, и птица сорвалась с места, улетела. Но в тот же миг горизонт заволокло серостью, птица вернулась, снова села на бизань-гик, отчаянно цепляясь за бизань-шкот. Я поднял дополнительные паруса, и моей спутнице пришлось туго, когда она попробовала посоревноваться с яхтой в скорости. Еще труднее было ей усесться на облюбованную жердочку.

Бедный изгнанник – огромный альбатрос, черт его побери! Его крылья, распахнувшиеся во всю неимоверную ширь, рассекают воздух как два больших ятагана, и каждый взмах стоит ему неимоверных усилий, когда он кружит у лодки в тщетной попытке выжить.

Я не могу сбавить скорость, чтобы облегчить жизнь этому изгнаннику. Я уже заметил далеко на горизонте свой просвет. Наконец «филин» покинул свой ненадежный насест, поднялся в воздух, храбро летя против ветра, и вскоре исчез из виду. Мне стало тяжело на сердце, и на глаза навернулись слезы. Жизнь этой птицы была так похожа на мою: она тоже отправилась навстречу солнечному свету, на восток, прямо на восток, летя против ветра туда, где в 4000 миль лежала земля. Легкий путь на попутных пассатах до суши, лежащей всего в нескольких сотнях миль – в Южной Америке, – это не для нее. Птица скрылась за горизонтом, который тотчас стал серым. Она решила отправиться на восток.

И снова я почувствовал соблазн сбавить обороты, чтобы птица могла найти на моей яхте место для отдыха, если ей опять станет невмоготу. Я чувствовал, нас сближает что-то, но в то же время каким-то образом догадывался, знал, что она больше не вернется.

Нас обоих поразил один и тот же недуг. Жертвы этой болезни привыкают к ограниченным пространствам и выучиваются довольствоваться малым, удовлетворяясь лишь тем, что им удается найти по случаю. Из своих собственных ресурсов они черпают силы, стараясь во что бы то ни стало отсрочить момент неизбежного низвержения в ледяные воды смерти. Была ли она самым слабым звеном, выброшенным из перелетающей в другие края стаи, или же этот «филин» был самым сильным из всех и отправился в одиночное путешествие, чтобы посмотреть, что находится за теми опасными водами, от которых предостерегали старейшины? Насколько я знаю, филины не принадлежат к перелетным птицам. Мне хотелось бы думать, что эта пернатая тварь была одной из тех, кто решился воспользоваться шансом исследовать новые земли. В любом случае «филин» был изгнанником, обреченным, по всей вероятности, умереть в безвестности и одиночестве, как умерли души многих его собратьев по несчастью из числа людей, забытых своими соплеменниками. И все же они признавали, что есть один шанс на миллион познать неизведанное, увидеть что-то новое, постичь невероятное.

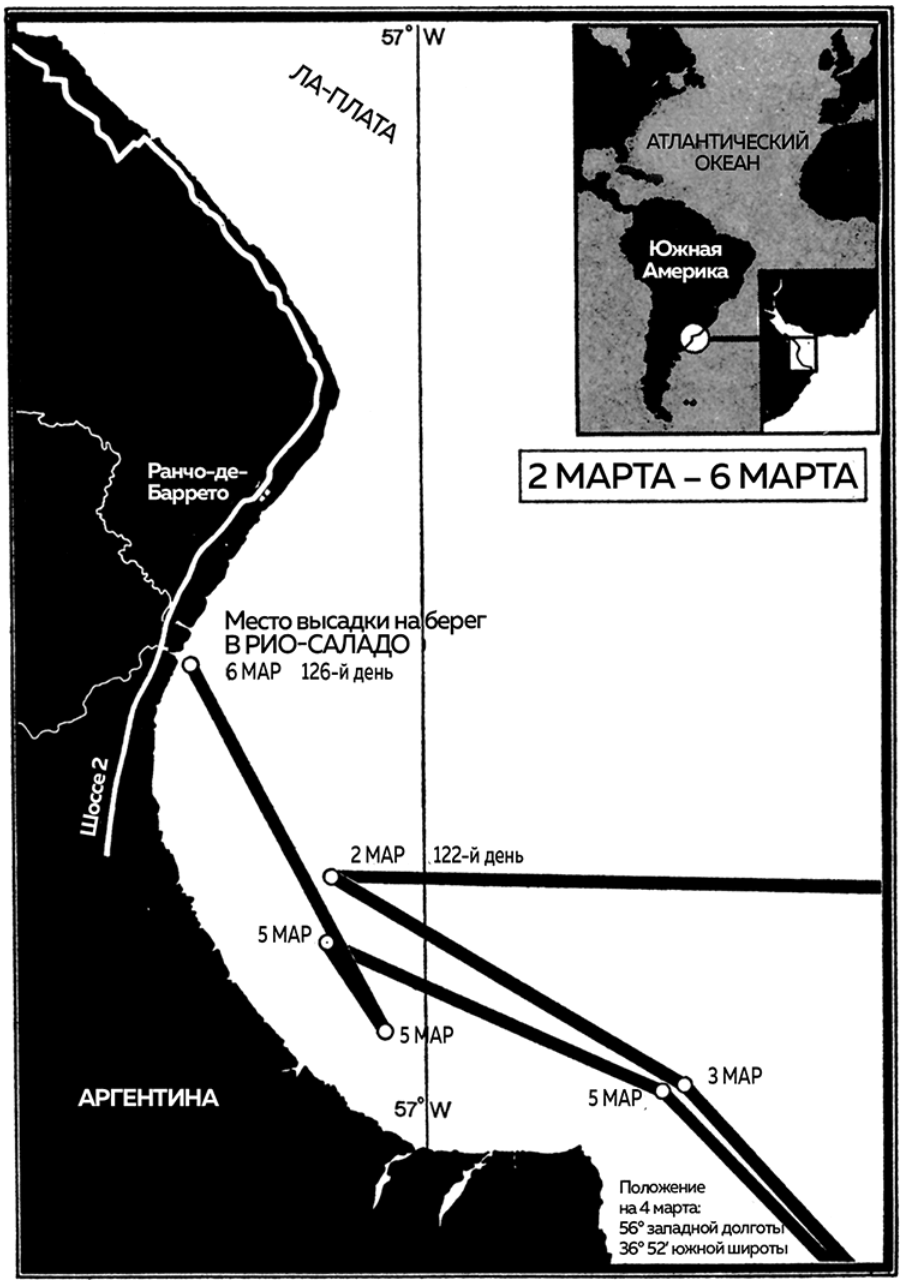
Я вспомнил о маленькой рыбке-лоцмане, которая у меня на глазах подплыла к десятифутовой акуле и посмотрела ей прямо в глаза, увернувшись, пока акула делала круг, чтобы проглотить ее. Возможно, это была единственная рыбка-лоцман во всем океане, которая знала, как выглядит пасть акулы при близком рассмотрении, если она оказалась настолько удачливой, что сохранила память».

Рядом с текстом Кроухерст написал небольшое стихотворение на эту же тему:

Проявите к изгнаннику милость, с сердцем израненным он
Безрассудно, без всякой цели все летит и летит вперед.
Пожалейте его, поймите. Но больше жалейте того,
Кто слеп и не может видеть изгоя высокий полет.

«Изгоя» можно назвать наиболее сильной и грамотно написанной вещью из всех, что создал Кроухерст. В то же время в стихотворении отражено состояние яхтсмена: он бежал от трудностей своего положения, прячась от проблем за очередной

актерской маской. Ранее он видел себя героем, превознесенным обществом. Теперь же чувство вины за подделывание судовых журналов и потенциально фальшивое путешествие слишком тяготили его, поэтому он больше не мог оставаться собой. Прибегая к классическому приему романтизма и вживаясь в роль бунтаря, артиста и преступника, Кроухерст примерил на себя роль героя, отвергнутого обществом. Он стал изгнанником.



13. Тайная высадка

Дональд Кроухерст понимал, что важнейшей задачей на текущий момент остается починка правого поплавка, на котором отошла обшивка. Трещина в корпусе становилась все больше, а попытки предотвратить попадание в нее воды приводили к тому, что яхту уже невозможно было вести разумным, управляемым курсом. Яхтсмен также понимал, что из-за суматохи в Тинмуте на борт не были принесены нужные для ремонта материалы, в связи с чем все острее вставала необходимость пристать к берегу, где можно было бы раздобыть фанеру и винты с шурупами. Однако высадиться на сушу означало пойти на риск выдать себя с последующим разоблачением и дисквалификацией. Тогда всему миру станет известно, что яхтсмен и близко не подходил к тому месту, где, как он утверждал, находится тримаран.

К концу января Кроухерст так и не определился, в каком направлении двигаться дальше. На протяжении недели яхта петляла зигзагами на юго-запад параллельно береговой линии Южной Америки, а потом около суток шла непонятно зачем на юго-восток. После чего моряк медленно, но уверенно повел судно к заливу Ла-Плата. Судя по всему, однодневный шторм и дождь заставили Кроухерста поспешить с окончательным выбором: 2 февраля он весь день провел со спущенными парусами, а потом двинулся прямо к берегу. Местом его назначения был не Буэнос-Айрес, Монтевидео или другой крупный город, находившийся поблизости. В голове яхтсмена зрел новый план. Раскрыв первый том «Лоций» Адмиралтейства с данными по Южной Америке (всего на борту было 11 томов справочника), Кроухерст стал изучать очертания береговой линии в поисках подходящего места высадки. Какого-нибудь небольшого поселения на берегу, достаточно крупного, чтобы там можно было достать фанеру и болты, но в то же время маленького, чтобы сохранить высадку на сушу в тайне.

Несмотря на сильное эмоциональное напряжение, во время поиска нужного места моряк продемонстрировал присущую ему способность мгновенно схватывать детали и грамотно анализировать ситуацию. Выпадающие из «Лоций» страницы, захватанные пальцами, ясно показывают, какие области на карте он изучал, а отметки карандашом напротив некоторых абзацев помогают понять, что именно искал моряк. Кроухерст исследовал отрезок береговой линии, начинающийся у эстуария Ла-Плата и идущий до залива Сан-Матиас, расположенного примерно в 600 милях к югу. В течение какого-то времени он, должно быть,

рассматривал и его как место возможной высадки на берег. Моряк провел карандашом линию напротив входа в залив:

> «*Рядом с заливом возвышаются холмы Каррос-дос-Эрманас, а на берегу стоит несколько домов. Суда могут бросить якорь в заливе Роз, где достаточная глубина*».

Здесь, рядом с небольшим поселением, имелось хорошее место для якорной стоянки, идеально подходившее яхтсмену для осуществления его плана. Но путь на юг был неблизким, поэтому Кроухерст нашел другой населенный пункт, расположенный прямо в эстуарии Ла-Плата и выглядевший даже еще более привлекательным.

> «*Береговая линия залива Самборомбон тянется на север около 13½ мили до дельты Рио-Саладо (35° 41´ ю. ш., 57° 21´ з. д.) и постепенно поднимается… На южном берегу Рио-Саладо расположены ангары и здания, являющиеся прекрасным ориентиром. На отмели Рио-Саладо глубина достигает всего 1 фута, но внутри бухты глубины больше… Наилучшее место для якорной стоянки в заливе Самборомбон расположено в 5 милях от берега, между входом в Канал 9 и Рио-Саладо, где глубина составляет 18 футов, а дно – глина с песком – хорошо держит якорь».*

Поселение Рио-Саладо в заливе Самборомбон обладало рядом преимуществ. Оно находилось недалеко от Буэнос-Айреса и других больших городов, поэтому в случае раскрытия места тайной высадки яхтсмена и его дисквалификации у людей не возникло бы вопросов, почему моряк выбрал такой странный район для остановки.

Таким образом, весь февраль Кроухерст двигался по направлению к берегу. Он особо никуда не торопился, поэтому курс тримарана был еще более беспорядочным, чем обычно. Погода, как он пишет в судовом журнале, была «сырой и теплой, моросил дождь, так что было ужасно». На протяжении шести дней Кроухерст ходил кругами, а два дня из них провел под одним рангоутом из-за сильных ветров. К концу месяца, уже на подходе к берегу, он почти остановился, а 27 февраля весь день находился в свободном дрейфе из-за штиля, двигаясь со скоростью всего 3 мили в час. Все эти задержки частично были обусловлены изменчивой погодой и нерешительностью моряка, но он наверняка просчитал, что нужно оттягивать момент высадки как можно дольше на случай раскрытия. Если Кроухерсту придется

выйти из гонки, то возвращение с о. Гоф (именно его он упоминал в своей последней радиограмме) будет выглядеть тем правдоподобнее, чем позже он пристанет к берегу.

2 марта он увидел двойные огни маяка мыса Сан-Антонио, расположенного на южной оконечности залива Самборомбон, и повернул к ним в поисках берега. В судовом журнале появилась запись:

«1: Установил визуальный контакт с берегом (увидел каботажное судно, маяк Сан-Антонио, курорт).

2: Ремонт поплавка – нет нужных материалов: большой лист фанеры – бруски – винты – клей. Требуются также денатурат, овсянка, рис, соус карри».

Потом в какой-то момент Кроухерста обуяла паника. Он развернул тримаран и снова направил его в открытое море на юго-восток, отгоняя на слишком большое расстояние от берега, чтобы оттуда можно было выбрать место стоянки. Через два дня он опять развернулся и направился обратно к мысу Сан-Антонио. Этот маневр позволил ему подойти к суше с юга. Ведь именно с этой стороны он *должен был бы* появиться, если бы действительно незадолго до того обогнул мыс Горн. Когда на траверзе появился курортный городок Сан-Клементе-дель-Тую, отмеченный в его списке, Кроухерст спустил паруса и положил яхту в дрейф. Он замерил глубину лотом и обнаружил, что до дна всего 6 футов. Тримаран в очередной раз развернулся, направляясь теперь к Рио-Саладо. Кроухерст прикинул примерное время прибытия – 6 марта в 5 часов утра – и выписал временные интервалы приливов. Как обычно, яхтсмен переоценил свои возможности и не угадал. Он бросил якорь в виду Рио-Саладо в 8.30 утра, когда уровень воды находился на отметке 3 фута, а отлив все продолжался. Вскоре тримаран оказался на осушке.

Нельсон Мессина почти всю свою жизнь – 55 лет – провел в хижине на правом берегу Саладо, всего в 100 ярдах от того места, где река впадает в залив Самборомбон. Он на память знал очертания всех судов, ходящих в дельту Ла-Плата, поэтому несказанно удивился, увидев странное плавсредство с широкой плоской палубой, двумя похожими на обрубки мачтами и оранжевым днищем, которое появилось однажды утром в водах залива. Сначала Нельсон подумал, что власти пригнали какой-то земснаряд для проведения работ по углублению дна в заливе. «Но это было лишь первое впечатление, – скажет он впоследствии. – Вскоре я осознал свою ошибку. Ведь однажды я уже видел тримаран». Нельсон также понял, что, несмотря на якорную цепь,

свисавшую с носа судна, оно прочно сидело на мели, поэтому капитану, судя по всему, требовалась помощь. Нельсон побежал к своему соседу Сантьяго Франчесси за советом. Такие вопросы были как раз в компетенции Франчесси, который был главным старшиной и отвечал за работу местной станции береговой охраны, расположенной в нескольких ярдах вверх по реке.

Кроухерст неудачно выбрал Рио-Саладо в качестве стоянки. В «Лоциях» Адмиралтейства не упоминалось, что среди «ангаров и зданий, являющихся прекрасным ориентиром» была четырехкомнатная хибара, в которой размещался Отряд Национальной морской префектуры, или пост береговой охраны Аргентины. В штате префектуры значилось всего три человека (плюс бело-коричневая собака породы колли), в обязанности которых входило наблюдать за судами, входящими и покидающими пределы эстуария Ла-Плата. С другой стороны, Кроухерсту не найти было лучшего места. Поселение Рио-Саладо располагалось в ста милях от Буэнос-Айреса, но при этом здесь не было ни телефона, ни железной дороги, ни развитой инфраструктуры. С цивилизацией его связывала только узкая грунтовая дорога, идущая вдоль побережья. В низменном ландшафте преобладали деревья и высокая трава, слишком жесткая для скармливания скоту, который пасся в более плодородных районах аргентинской пампы. Лагуны, расположенные вдоль побережья, регулярно затапливались во время наводнений. Плотность населения здесь была достаточно низкой, поэтому страусы, олени и дикие кабаны облюбовали местечко в качестве своей вотчины, что сделало район популярным среди охотников. Туристы не заезжали сюда, поэтому пляжи почти безраздельно принадлежали крабам.

Ввиду всего вышесказанного вряд ли кого удивит тот факт, что работники специального подразделения службы береговой охраны Рио-Саладо выполняли свои обязанности не слишком рьяно. В их распоряжении не было даже достаточно мощной моторной лодки, чтобы снять «Teignmouth Electron» с мели, поэтому Нельсон Мессина сел в свой рыбацкий катер «*Favorito de Cambaceras*», прихватив Франчесси и молодого новобранца береговой охраны Рубена Данте Колли, и вышел в залив Самборомбон.

Аргентинцы прибыли к тримарану примерно в 10.45 утра. К их удивлению, на палубе судна находился только один человек. Это был неимоверно худой, моложавый мужчина, одетый в брюки цвета хаки и бордовую рубашку, с мягкой, похожей на пух бородой. Франчесси поприветствовал моряка на местном диалекте испанского языка, но в ответ получил лишь

беспомощные улыбки и робкие фразы, произнесенные сначала на английском, а потом на французском языке. Наконец, незнакомец прибег к языку знаков. Указывая на дыру в правом поплавке, он стал имитировать энергичные движения жокея, подскакивающего на спине лошади и погоняющего ее кнутом. Франчесси понял, что пытается сказать незнакомец: он участвует в какой-то гонке, а к берегу пристал потому, что ему нужно было произвести ремонт тримарана.

Чтобы привязать буксировочный трос Мессины к поврежденной яхте, Франчесси нужно было перейти с катера на поплавок тримарана. Он сделал всего лишь один-единственный маленький шаг. Если перефразировать одно из новейших ходовых крылатых выражений, использующихся для подчеркивания значимости, весомости героического события, это был маленький шажок для него, но гигантский – для Дональда Кроухерста. Вплоть до этого момента его путешествие было вполне обычным плаванием, но только до тех пор, пока нога главного старшины Сантьяго Франчесси не ступила на палубу тримарана «Teignmouth Electron». Ведь ранее яхтсмен фактически не нарушил ни одного правила кругосветной гонки. Для катера «*Favorito de Cambaceras*» не составило труда снять яхту с мели и отбуксировать к причалу станции береговой охраны в Рио-Саладо. Кроухерст сделал следующую запись в судовом журнале:

> «*11.00 – тримаран отбуксирован в Рио-Саладо, на береговую станцию Национальной морской префектуры*».

Когда они прибыли к причалу, третий сотрудник станции береговой охраны, младший старшина Кристобаль Дюпьюи, сделал запись в *свой* журнал регистрации:

> «*6 марта, 14.30. В порт прибыла яхта под названием «Teignmouth Electron» с британским флагом на мачте и поврежденным корпусом. На борту один член экипажа по имени Чарльз Альфред, англичанин. Номер паспорта: 842697*».

Вследствие забавной языковой путаницы Дональд Чарльз Альфред Кроухерст превратился в мистера Чарльза Альфреда. Дюпьюи наверняка подумал, что «Дональд» – это какой-то британский титул, что-то вроде испанского «дон». На фамилию моряка, указанную в следующей строчке, Дюпьюи не обратил внимания, но верно переписал номер паспорта.

Кроухерст с полчаса пытался объяснить служащим береговой

охраны, что ему нужен лист фанеры, винты и бруски для ремонта поплавка, но даже самая выразительная жестикуляция с мимикой не помогла ему преодолеть языковой барьер. Моряк также рассчитывал на предоставление кое-какого электроинструмента и нарисовал в Журнале № 2 ротор электромотора или генератора. Он полагал, что такой ротор можно взять от игрушечной машины, работающей под напряжением 12В. На этот раз, глядя на рисунок, аргентинцы, похоже, поняли, что хотел сказать гость, а один из них написал рядом адрес магазина в Буэнос-Айресе. В конечном счете хозяева решили взять имевшийся в их распоряжении джип и отвезти Кроухерста на 17 миль к северу по прибрежной трассе, чтобы найти кого-нибудь, кто умел объясняться по-французски. Попутно можно было воспользоваться возможностью найти телефон и сообщить об инциденте начальству. Дюпьюи записал в журнале:

> «*6 марта, 15.00. Ответственный сотрудник поехал на Ранчо-Баррето на автомобиле Джип-415, чтобы связаться по телефону с командованием*».

Ранчо-Баррето, несмотря на громкое название, представляло собой всего лишь переоборудованный курятник, стоявший рядом с прибрежной дорогой, трассой 2. Там проживали Гектор Сальвати, его жена Роуз и их дочь Мари. У супругов было небольшое предприятие: они торговали джемом, медом, пивом и соленьями, которые охотно покупали проезжающие мимо водители, заворачивающие иногда в заведение пообедать. Гектор Сальвати, полусонный отставной сержант французской армии, целиком отдал бразды правления бизнесом жене и дочери еще с тех пор, как они эмигрировали в Аргентину в 1950 году.

Семья Сальвати пришла в восторг, увидев джип с эмблемой береговой охраны Аргентины, и еще больше заинтересовалась странным пассажиром автомобиля. Позднее, рассматривая фотографию чисто выбритого, крепкого Кроухерста, сделанную перед отправлением в плавание, Роуз Сальвати с трудом поверила, что это был тот самый человек, который приезжал к ним на ранчо. «Мужчина выглядел здоровым, но был ужасно худым. Он настолько отощал, что ему то и дело приходилось поддергивать соскальзывающие брюки. Он сказал, что штаны ему были как раз по размеру, когда он покидал Англию. И конечно же, он не брился по крайней мере с месяц».

За стойкой заведения Ранчо-Баррето Кроухерст на прекрасном французском сообщил Сальвати, что отплыл из Англии четыре месяца назад, чтобы принять участие в «кругосветной регате», что обошел вокруг мыса Горн, а теперь

намеревается вернуться в Британию и стать победителем гонки. На все про все у него месяц, да и то при условии, что он починит яхту и немедленно поднимет паруса. Для этого, как он сообщил, ему нужны фанера, гвозди, несколько винтов и пиломатериалы.

Гектор Сальвати, переводивший для Франчесси, спросил Кроухерста из чисто обывательского любопытства, как тот может доказать, что на самом деле обошел вокруг мыса Горн. Кроухерст, должно быть, испугался, но тут же ответил, громко смеясь и размахивая руками, что на островах рядом с мысом Горн есть специальный аппарат, который регистрирует и идентифицирует все проходящие мимо суда. Он также упомянул о каком-то фильме, который снял в районе мыса Горн.

Затем на куске оберточной бумаги Кроухерст сделал три наброска. На одном был изображен маршрут гонки «Золотой глобус», от которого рядом с южной оконечностью Южной Америки отходила линия, идущая до Рио-Саладо. На другом рисунке был тримаран, вид сбоку и сверху, с указанием размеров яхты в метрах. Рядом с этим рисунком моряк написал: 31 октября 1968 г. – дата, когда он отплыл из Тинмута.

Третий рисунок представляет наибольший интерес. На нем изображен совершенно другой маршрут, идущий из Англии к острову Гоф, расположенному на некотором расстоянии от побережья Южной Африки, затем через Атлантический океан до Южной Америки и – тут линия становится гораздо бледнее – обратно в Англию. Этот рисунок напоминает набросок, сделанный в шутку в блокноте Питера Биэрда пять месяцев назад во время плавания из Ярмута в Тинмут. Ни Франчесси, ни Сальвати не могли впоследствии вспомнить, что именно говорил яхтсмен по поводу последнего рисунка. Он, конечно же, не вязался с его первоначальными объяснениями. Гость все шутил и улыбался, пока рисовал карту, сообщили они, а бóльшую часть времени говорил громко и бессвязно.

Франчесси принес Кроухерсту бутылку пива и извинился, собираясь уходить. Через переводчиков он объяснил, что ему нужно позвонить в префектуру Ла-Платы, находящуюся в 60 милях отсюда, чтобы запросить инструкции у начальства. Услышав об этом, Кроухерст пришел в заметное возбуждение. «Если узнают, что я здесь, меня дисквалифицируют и исключат из числа участников регаты!» – кричал он в лицо Гектору Сальвати. Впрочем, яхтсмен тут же успокоился и, похоже, стал относиться к своему положению по-философски. (Из-за таких быстрых перепадов настроения, энергичной жестикуляции и богатой мимики аргентинцы назвали яхтсмена самой переменчивой личностью, какую им когда-либо доводилось видеть.) «Ну да

ладно… – говорил между тем Кроухерст. – Если меня дисквалифицируют, я доберусь до Буэнос-Айреса и хорошенько оттянусь там, а потом поеду в Рио-де-Жанейро». Он, впрочем, не объяснил, как собирается осуществить свои планы: ведь моряк уже сообщил окружающим, что не имеет ни пенни в карманах.

Одно из объяснений, для чего Кроухерст нарисовал третью карту, с островом Гоф, – он сделал это из страха быть разоблаченным. Если бы его раскрыли в Рио-Саладо, яхтсмен всегда мог бы показать на рисунок и сказать, что это и есть его реальный маршрут: он добрался до острова Гоф, а потом был вынужден направиться к Южной Америке, потому что у него повредился поплавок. Прочие неудобные факты, в том числе будто он «собирается стать победителем гонки», моряк мог бы объяснить недопониманием, произошедшим из-за неточного перевода. А на другой карте, сказал бы он, изображен традиционный маршрут гонки.

Нарисовав эту третью карту, Кроухерст отрезал себе все пути к отступлению: теперь уже он не мог выйти из гонки с честью, без риска быть разоблаченным в попытке подделать данные.

Однако ему повезло. Главному старшине Франчесси удалось связаться из будки телефона-автомата в Ранчо-Баррето с дежурным по префектуре Ла-Плата – главным мичманом. Это был самый низший офицерский чин, наделенный полномочиями принимать рапорты подобного рода и выносить решения по ним. Мичман сказал, что ему ничего не известно о гонке. Выслушав описание путешественника, он велел Франчесси дать англичанину все, что тому было нужно, после чего позволить отплыть, куда ему заблагорассудится. Для мичмана было очевидно, что дело не стоит внимания. Он даже не сообщил об инциденте своему начальству, в штаб-квартиру префектуры Ла-Плата в Буэнос-Айресе.

Ожидая результатов разговора Франчесси, Кроухерст сказал Роуз Сальвати: «Il faut vivre la vie». Он повторил эти слова несколько раз, оживленно и возбужденно, как будто бы фраза «Жизнь нужна для того, чтобы проживать ее» была неким откровением, большой истиной. Часто он приходил в такое возбуждение, что его речь становилась бессвязной, в ней нельзя было ничего разобрать. Роуз помнит, что Кроухерст упомянул о каком-то «транзисторном аппарате», который испытывал во время плавания. Впоследствии Роуз Сальвати отзывалась о необычном госте с большой симпатией. «Он так много и часто хохотал, что создавалось впечатление, будто он смеется над нами. Мы думали, с ним что-то не так. Решили, что он может быть

контрабандистом».

Пообщавшись с Сальвати, Кроухерст укатил обратно к станции с Франчесси и Колли, где ему тотчас же выдали все, что было нужно для ремонта яхты. В ту ночь он спал на тримаране, а на следующее утро приступил к ремонту поплавка. К вечеру моряк привернул к корпусу две заплатки размером 18 дюймов и покрасил все белой краской. Дюпьюи и Колли пригласили яхтсмена поужинать жареными бифштексами. Оба сотрудника станции береговой охраны были не женаты и остались ночевать на станции. Здесь Кроухерст церемониально сбрил бороду и присоединился к двум спасателям на кухне караульной. За ужином он выпил стакан вина, смешанного с содовой, а все остальное время сидел в компании своих новых друзей, отхлебывая маленькими глотками кофе. Ужин прошел почти в полном молчании. За столом не велось длинных, откровенных разговоров, которые могли бы оживить трапезу. Кроухерст пару раз пошутил, помогая себе мимикой, но большей частью ел и пил в молчании. Вторую ночь он также провел на тримаране, пришвартованном у причала поста.

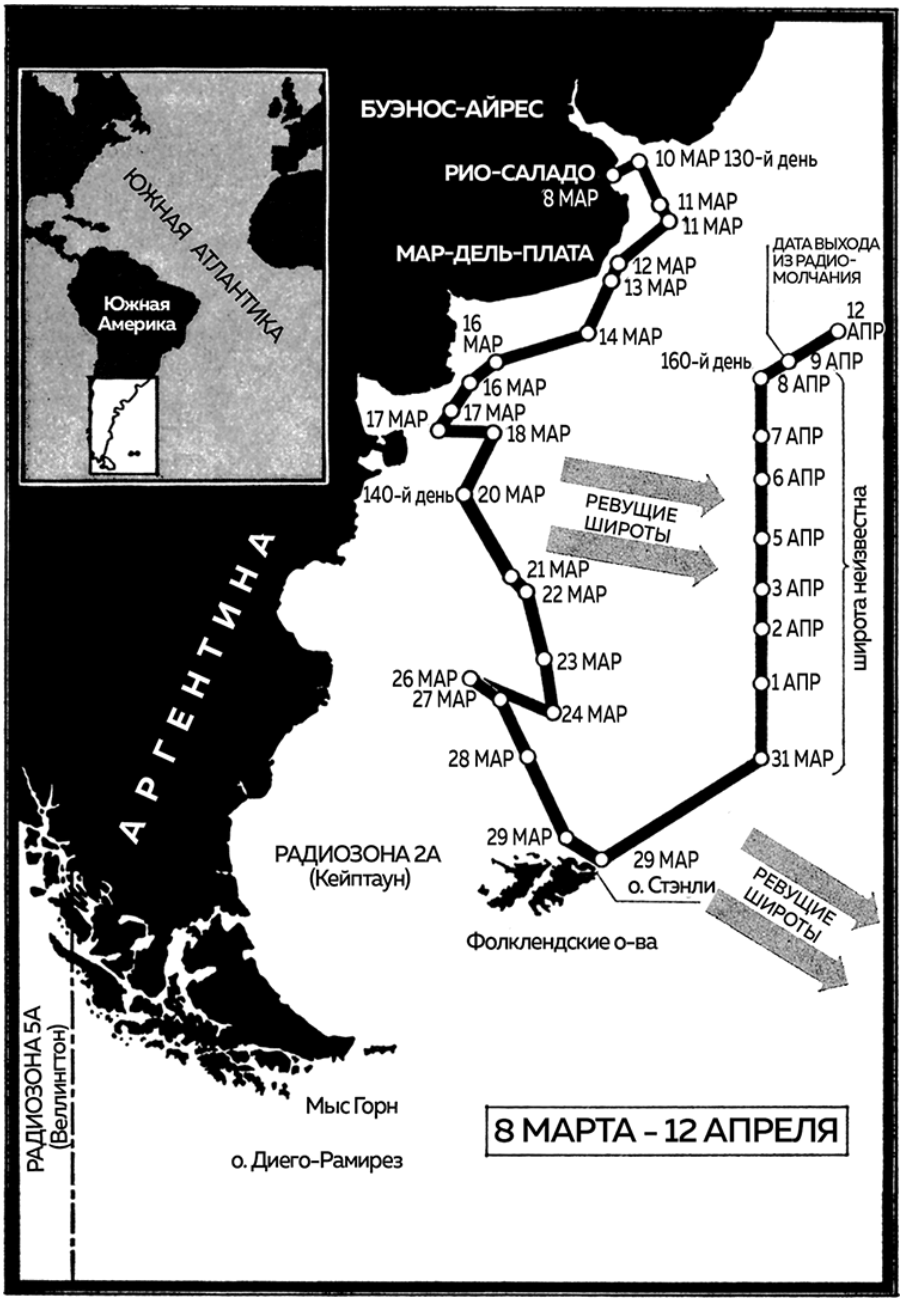
На следующий день вызвали Мессину, рыбака. Англичанин хочет отплыть, и его нужно отбуксировать вниз по Саладо в залив Самборомбон, сказали ему. В оставшиеся минуты перед отправлением Кроухерст и Франчесси пообщались в последний раз. Несмотря на языковой барьер, им понравилось находиться в обществе друг друга. Франчесси и Рубен Данте Колли записали свои имена в Журнал № 2, а Франчесси добавил еще и адрес:

> «Округ Рио-Саладо
> Пипина
> Республика Аргентина».

Впечатление, создавшееся у главного старшины о неожиданном госте, значительно отличалось от того, что осталось у Роуз Сальвати. «Ему тут понравилось. Я бы сказал, что он был в прекрасном расположении духа и абсолютно нормален».

В журнал поста береговой охраны Рио-Саладо напоследок внесли запись о тримаране Кроухерста:

> «8 марта, 14.00. Яхта под названием «Teignmouth Electron» вышла в море».


ЮЖНАЯ АТЛАНТИКА
Южная Америка
БУЭНОС-АЙРЕС
РИО-САЛАДО
8 МАР
МАР-ДЕЛЬ-ПЛАТА
10 МАР 130-й день
11 МАР
11 МАР
12 МАР
13 МАР
14 МАР
16 МАР
16 МАР
17 МАР
17 МАР
18 МАР
140-й день
20 МАР
21 МАР
22 МАР
23 МАР
24 МАР
26 МАР
27 МАР
28 МАР
29 МАР
29 МАР
о. Стэнли
Фолклендские о-ва
РЕВУЩИЕ ШИРОТЫ
РЕВУЩИЕ ШИРОТЫ
ДАТА ВЫХОДА ИЗ РАДИО-МОЛЧАНИЯ
12 АПР
9 АПР
160-й день
8 АПР
7 АПР
6 АПР
5 АПР
3 АПР
2 АПР
1 АПР
31 МАР
широта неизвестна
АРГЕНТИНА
РАДИОЗОНА 2А (Кейптаун)
РАДИОЗОНА 5А (Веллингтон)
Мыс Горн
о. Диего-Рамирез
8 МАРТА – 12 АПРЕЛЯ

14. «Иду к Диггер Рамрез»

Сэр Фрэнсис Чичестер признавался впоследствии, что наиболее трудным и стрессовым в его путешествии был период, последовавший сразу после остановки в Австралии. Встреча с людьми после долгого перерыва лишь усилила чувство одиночества. Моряку пришлось снова приучать себя к жесткому режиму жизни на яхте и свыкаться с мыслью о том, что вторая половина путешествия будет не менее длинной и трудной. Позже Чичестер и Робин Нокс-Джонстон вместе размышляли над вопросом, на самом ли деле остановка благоприятно сказывается на плавании яхтсмена-одиночки. Они пришли к выводу, что лодке остановка действительно идет на пользу (ее ремонтируют), однако для моряка, его психологического состояния последствия перерыва в плавании скорее негативные.

Чичестер, отплыв из Австралии уже героем и на профессионально отремонтированной яхте, столкнулся с реальными, но вполне решаемыми проблемами. Кроухерст же, выдвинувшись из Рио-Саладо запутавшимся в сетях обмана и на кое-как залатанной, чуть ли не разваливающейся яхте, должно быть, пребывал в куда более подавленном состоянии. К тому же перед ним стояла непростая мореходная задача. На тот момент яхтсмен находился в 7500 милях от родных берегов, и хотя ему предстояло пройти расстояние в два раза меньшее, чем до Австралии, для такой небольшой яхты это все же был длинный и непростой путь. В довершение всего муки совести из-за обмана досаждали ему гораздо сильнее всех прочих неприятностей. Не выдадут ли его аргентинцы, не расскажут ли о тайной высадке на берег? И если все же не станут молчать, как в таком случае объяснить свое странное поведение? К тому же в связи с обманом возникали проблемы вполне практического плана. На протяжении следующих нескольких недель Кроухерсту нужно было лишь выждать время до того момента, пока воображаемый маршрут, огибающий Южный океан, не совпадет с местом реальной дислокации яхты в Атлантическом океане. Но где именно? В каком районе Атлантики это должно произойти? Как и когда ему следует нарушить радиомолчание? Все эти задачи требовалось решать с должным мастерством, с хитростями: ведь достоверность его данных уже была поставлена под сомнение.

Перед отправкой из Рио-Саладо Кроухерст уже решил двигаться дальше на юг. И не просто в силу привычки: были и другие важные причины, объяснявшие его выбор. Нужно было найти наиболее удобное место для приема метеосводок с

радиостанции Веллингтона (Новая Зеландия) и, возможно, также для отправки сообщений в Веллингтон. Было бы слишком рискованно производить передачу с другой стороны Южной Америки, но если пройти дальше на юг, то можно снизить вероятность раскрытия обмана. К тому же Кроухерсту самому требовалось составить представление – пусть вскользь и ненадолго, – что собой представляют ревущие широты. В журнал необходимо было занести описание нужного района из первых рук, кроме того, яхтсмен осознавал, что несколько минут съемки вздымающихся волн с пенными гребнями добавят его истории правдоподобия. Было еще одно опасение: до сих пор Кроухерсту удавалось благополучно избегать встреч с другими судами, но нельзя было рассчитывать на такое везение и в дальнейшем. Он будет в большей безопасности в пустынных водах Южного океана. Курс тримарана после отправления из Рио-Саладо, тщательно задокументированный в Журнале № 2, показывает, как работала мысль моряка. Оказавшись в эстуарии Ла-Плата, Кроухерст тотчас же направил нос яхты на северо-восток, как будто действительно намеревался двинуться домой, в Англию. Это было необходимо, чтобы подтвердить достоверность истории для аргентинских служащих поста береговой охраны. Уделяя пристальное внимание деталям своей аферы, он не стал полагаться на волю случая и не осмелился рисковать. Только через 40 часов, когда береговая линия скрылась за горизонтом, яхтсмен резко повернул на юг.

В первый день после выхода из эстуария Ла-Плата в журнале зафиксирован только один незначительный инцидент: «Сплавал за куском доски». Похоже, даже после пребывания на берегу Кроухерст испытывал настолько большой недостаток в пиломатериалах для ремонта яхты, что посчитал нужным прыгнуть за борт и подобрать проплывавший мимо кусок древесины. (И снова яхтсмен, должно быть, проклял спешку перед отплытием, из-за которой на борт не занесли необходимых материалов.) Затем на протяжении нескольких дней ему пришлось рассчитывать время своего «появления», выхода из режима радиомолчания.

Расстояние от острова Гоф, который он миновал бы 15 января 1969 года, если бы двигался обычным маршрутом клиперов – мимо мыса Доброй Надежды, Австралии и Новой Зеландии, – до мыса Горн составляет почти 13 000 миль. В январе и феврале (в Южном полушарии в это время лето) можно немного сократить его, отклоняясь дальше на юг, хотя в таком случае яхта подвергается еще большей опасности – слишком часты здесь шторма и слишком велика вероятность натолкнуться на айсберг.

Перед отплытием Кроухерст хвастался перед друзьями, что мог бы двинуться по южному маршруту для экономии времени. Но сейчас моряк просчитал, что должен оставить себе резерв времени, по крайней мере в три месяца на путь от острова Гоф до мыса Горн. В любом случае речь шла о рекорде, так как его средняя скорость была бы выше, чем у Чичестера, – около 140 миль в день. После довольно медленного хода в начале путешествия в Британии могут не поверить таким показателям, но если отвести себе больше времени, тогда, возможно, вообще не удастся выиграть гонку, даже подделывая данные в судовых журналах.

Между тем на 15 апреля 1969 года была назначена предполагаемая дата прохождения мыса Горн. Было начало марта, и это означало, что Кроухерсту нужно выждать еще шесть недель, прежде чем появиться в эфире.

Другие участники гонки были важным фактором, который следовало принимать во внимание при проведении расчетов, хоть Кроухерст и не поддерживал контактов с Лондоном и изнывал по новостям о своих соперниках. Между тем в рядах яхтсменов, соревнующихся за «Золотой глобус», начали происходить странные события.

Муатесье, продолжая свой роман с волнами ревущих широт, к тому времени уже прошел мыс Горн, но не смог заставить себя повернуть домой, в сторону Европы. Вместо того чтобы вернуться, яхтсмен решился на второй заход и вознамерился обойти вокруг света еще раз! Жена морехода, едва узнав о решении супруга, поставила ему скоропалительный диагноз: очевидно, после семи месяцев пребывания в одиночестве моряка постигло временное умопомрачение. Муатесье знал, что его примут за безумца. Француз подготовил длинное письмо для своего издателя, которое передал через проходящий мимо корабль, когда находился у мыса Доброй Надежды во второй раз. В сообщении говорилось следующее:

> «*Вы спросите меня, не падал ли я, случайно, с мачты и не ударялся ли головой о палубу. Могу заверить вас, что не падал и не ударялся. Мне сложно растолковать вам, почему я принял такое решение. Некоторые вещи не поддаются объяснению, потому что они слишком просты…*»

Муатесье тем не менее попытался предоставить подробное объяснение:

«У меня нет никакого желания возвращаться в Европу с ее фальшивыми богами. От них просто нет спасения. Они пожирают твою печень, высасывают спинной мозг и в конечном счете могут замучить тебя до смерти… Нет никакого смысла уезжать из Европы, а потом вновь возвращаться туда. Это все равно что уехать из никуда и вернуться в никуда. Когда-нибудь я обязательно приеду в Европу, но уже в качестве туриста и не для того, чтобы жить там… Я знаю, что жизнь – это борьба, но в современной Европе эта борьба – сплошной идиотизм.

Делай деньги, делай деньги, – говорят все. Но для чего? Чтобы купить новую машину, хотя старая бегает вполне сносно, чтобы одеваться «прилично» – не могу удержаться от смеха, когда слышу это слово, – чтобы выплачивать непомерную ренту, покупать себе право бросить якорь в порту по цене аренды комнаты для прислуги в Париже и для того, чтобы когда-нибудь купить телевизор – вот на что толкают нас, к чему принуждают и что приказывают нам эти фальшивые боги… Я направляюсь в те края, где можно пришвартоваться в любом месте, где за солнечный свет не нужно платить, как не нужно платить за воздух, которым дышишь, и за море, в котором плаваешь, где можно загорать прямо на коралловом рифе…»

Дальше было еще больше лирики:

«Почему я выкидываю такие штуки? Представьте, что вы находитесь в джунглях Амазонии, куда отправились на поиски чего-то нового, просто потому что давно хотели увидеть нетронутую землю, деревья, природу. И вдруг вы натыкаетесь на небольшой древний храм, построенный затерянной цивилизацией. Вы же не развернетесь и не отправитесь назад со словами: «Ну вот, я нашел храм и останки никому не известной цивилизации». Нет, вы останетесь там, попытаетесь исследовать древние развалины, расшифровать письмена на камнях… А потом вы обнаруживаете километров через сто еще один храм, только он еще больше и еще значительнее первого. Вы бы вернулись домой после всего этого?»

Сошел ли Муатесье с ума? Или, может быть, просто нашел новую, своеобразную форму здравомыслия?

Если французский яхтсмен и в самом деле помешался, то его безумие отличалось от расстройства, которое понемногу овладевало умом Кроухерста. Оба яхтсмена использовали сходные слова в своих эпистолярных работах. (Муатесье написал в своем журнале несколько позже: «В море время приобретает просто космическое измерение… Здесь у вас может возникнуть чувство, будто вы находитесь в пути уже тысячу лет».) Однако содержание их записей отличается, как и герои для подражания, и мотивация, толкавшая яхтсменов вперед. Муатесье не испытывал никаких сомнений:

> «*Не думайте, что я не в себе. Но у меня создается впечатление, что есть что-то такое, что выглядит не как третье, а как четвертое измерение. Повторяю: не думайте, что я сошел с ума. Я нахожусь в прекрасном душевном здравии*».

Получалось, что Муатесье, у которого были все шансы выиграть оба приза, не говоря уже об ордене Почетного легиона, который (судя по слухам) ожидал его во Франции, в сущности, выбыл из гонки. В итоге теперь за призы «Sunday Times» продолжали состязаться трое яхтсменов: Нокс-Джонстон, Тетли и, как полагали во всем мире, Кроухерст.

Какое-то время фаворитом был Тетли, поскольку Нокс-Джонстон со своей видавшей виды яхты и со своим маломощным передатчиком не выходил на связь вот уже больше четырех месяцев с того самого момента, когда его видели по пути из Новой Зеландии к мысу Горн. В «Sunday Mirror», выступавшей спонсором яхтсмена, уже опубликовали печальную статью, выглядевшую плохо замаскированным некрологом. На самом же деле Нокс-Джонстон обогнул мыс Горн, а теперь одинокий флаг Британии реял на мачте его яхты над просторами Атлантики. Через несколько дней он снова достиг широт летающих рыб и сделал в судовом журнале подходящую моменту запись:

> «*11 марта: приготовил блюдо, которое, на мой взгляд, представляет собой отличный пирог из летучей рыбы, найденной сегодня утром на палубе (наконец-то я выучился искусству готовить великолепный сырный соус*)».

Помимо этого, в свободное время Нокс-Джонстон занимался тем, что читал сборник «Золотая сокровищница английской поэзии», пытался запечатлеть морскую свинью в момент прыжка из воды, как это сделал герцог Эдинбургский, строчил злые

замечания в адрес де Голля, который осмелился оскорбить британского посла, и вспоминал о своем военном детстве (тогда ему было 5 лет).

> *«Специально проснулся в 02.00, чтобы послушать новости. Умер Айк*[21]*. Ну да он же долго болел и постепенно угасал, но у меня такое чувство, будто я потерял близкого родственника или друга. До сих пор помню, какое волнение царило во Франции, когда мы вернулись туда в 1944 году. И хотя, конечно, там был «наш парень» Монти*[22]*, ему пришлось разделить почести с Айком. Любая гордая нация чувствует себя ущемленной, если ей приходится признать, что она больше не обладает самой большой мощью, и если она к тому же позволяет командовать своими войсками лидеру другой страны».*

6 апреля Нокс-Джонстона наконец заметили с проходящего мимо танкера, после чего в Британии немедленно начались приготовления к триумфальной встрече победителя. Теперь не оставалось сомнений, что именно молодой яхтсмен выиграет главный приз – «Золотой глобус». Однако яхта Нокс-Джонстона двигалась так медленно (в среднем проходила 96,5 мили в день), что два оставшихся участника, оба на тримаранах, могли обойти победителя по времени и побороться за денежное вознаграждение – 5000 фунтов. Тем временем к 20 марта Тетли благополучно обогнул мыс Горн и уже выходил в Атлантический океан. Его тримаран прошел всего в 150 милях от «Teignmouth Electron», который медленно тащился к югу от Фолклендских островов. Кроухерсту по-прежнему не оставалось ничего другого, кроме как ждать.

Как же Кроухерст убивал время? Есть одно занятие, которому он мог предаваться чаще всего, по нашим предположениям. Мы знаем, что в Тинмуте он купил четыре тетради для записей. Однако на яхте было обнаружено только три: Журнал № 1, Журнал № 2 и радиожурнал. Есть вероятность, что Кроухерст уничтожил четвертую тетрадь на каком-то этапе своего путешествия. И конечно, в этом не было бы необходимости, если бы тетрадь не использовалась. Но для чего?

Кроухерст, конечно, мог выделить последнюю тетрадь для записи стихов, изливавшихся из него рекой, сочинения историй и эссе, но мы думаем, что это маловероятно. Последние страницы Журналов № 1 и № 2 были специально отведены для литературных экзерсисов подобного рода, и в них оставалось достаточно свободного места. Также многое указывает на то, что, став героем, яхтсмен намеревался опубликовать эти сочинения,

поэтому маловероятно, что он решился выбросить свои труды в море.

Вторая гипотеза: он использовал тетрадь для навигационных расчетов, радиосообщений и прочих заметок подобного рода. Но и это нам кажется сомнительным. После окончания путешествия яхта была усеяна обрывками бумаги с заметками, листами миллиметровки, страницами из радиожурнала и техническими инструкциями. Все указывает на то, что у Кроухерста не было специальной тетради для ведения систематических заметок.

Есть и третье предположение. Четвертая тетрадь, возможно, использовалась для составления черновиков судового журнала поддельного путешествия. К тому моменту Кроухерст почти перестал делать даже краткие заметки о навигации в Журнале № 2. Если только путешественник не собирался целиком и полностью полагаться на память и выдумывать правдоподобные детали, он должен был обязательно день за днем фиксировать события, относящиеся к его сфальсифицированному плаванию. Мы полагаем, что такое объяснение правдоподобно. Существует даже вероятность, что Кроухерст вел отдельный судовой журнал, где содержалась вся информация по путешествию, поскольку, как мы уже убедились, в Журнале № 1 присутствовали подозрительно резкие переходы от одного стиля к другому, что, должно быть, беспокоило яхтсмена. Есть и другие доказательства, запечатленные на пленку, которые подкрепляют предположение, что Журнал № 4 существовал и использовался. Его наличие помогло бы объяснить практически полное отсутствие тщательных и точных черновиков со сфальсифицированными данными, какие Кроухерст создавал при подделывании других, менее значительных событий.

Среди бумаг, которые оставил после себя яхтсмен, есть только два отрывка, два литературных творения, которые, по всей вероятности, предназначались для включения в поддельный судовой журнал. (Стихотворение «Песнь Южному океану» насквозь лживо, но с таким же успехом его можно рассматривать и как мечту об исполнении желания.) Два значимых произведения находятся в конце Журнала № 1, и, судя по нумерации страниц, они были написаны примерно в одно и то же время. Одно из них представляет собой преисполненные сознания собственного долга вирши, которые Кроухерст, вжившийся в роль поэта и одновременно будущего героя Тинмута, написал, почувствовав желание сотворить нечто героическое:

В Тинмуте-граде, Тинмуте-граде

Люди умеют друг с другом ладить,
Здесь никогда не будешь внакладе:
Ведь местный закон грустить запрещает.
В Тинмуте-граде, Тинмуте-граде,
Когда ж буду снова я в Тинмуте-граде.

Похоже, автора беспокоила (и небезосновательно) четвертая строка, которая несколько раз стиралась и переписывалась. Другой «поддельный» черновик, на соседней странице, представляет больший интерес. Очевидно, он задумывался как часть отчета о прохождении мыса Горн, поэтому обладает всеми признаками, характерными для стиля Кроухерста до того, как он начал лгать и подделывать данные: напыщенный, нервный и полный скользких отговорок, объясняющих отсутствие «доказательств» (предполагалось, что тут камера сломается). Здесь яхтсмен также вводит свое второе «я», некую личность по имени Мак, известного инструктора «BBC» по киносъемке.

«*Как только в пределах видимости появился мыс Горн, я вытащил камеру, зарядил кассету и начал снимать. Отмоталось примерно 50 футов пленки, а потом камера заскрипела и остановилась. Мне пришлось разобрать ее. (Мак говорит: «С минуты на минуту, парниша, пружина с 38 зубьями ударит в крышу».) Но найдя неисправность, я устранил ее, сдвинув фрикционную крестовину из фосфористой бронзы на привод катушки, после чего вытер излишки масла. Затем, исторгнув несколько комментариев насчет людей, которые выдают подержанные камеры, я вернулся к съемке. После проведения полуденных астрономических наблюдений я повернул на северо-восток*!»

Есть аргумент, свидетельствующий не в пользу нашей теории о поддельном судовом журнале. Если у яхтсмена еще оставались силы для самокритики, он едва ли удовлетворился бы детскими стишками и лживыми историями. Возможно, предприняв две неуклюжие попытки, он отложил задание, но потом пришел к выводу, что не сможет выполнить его.

Тем временем Кроухерст весь март находился в тысяче миль от Фолклендских островов. Поскольку к югу от Буэнос-Айреса суда ходят редко, яхтсмен мог держаться в сотне миль от побережья Южной Америки. Это облегчало навигацию (он мог использовать свой навикатор, наводя его на прибрежные

радиобуи), а также защищало его от необычайно плохих погодных условий. Однако Кроухерст был осторожен и избегал показываться в виду суши за исключением одного случая, когда он прошел в 17 милях от городка Мар-дель-Плата. Но риск был невелик, так как здесь располагался один из самых фешенебельных курортов Аргентины, и появление странной яхты не вызвало бы удивления. На подходе к заливу Сан-Матиас (одно из мест, которое он изначально рассматривал в качестве стоянки, – и думал ли он снова о выходе из регаты?) Кроухерст резко повернул на юго-восток, к Фолклендским островам.

Яхтсмен просиживал многие часы у радиоприемника, слушая писк морзянки. Большей частью он ловил радиограммы станций Кейптауна и Буэнос-Айреса. Потом, начиная с 21 марта, когда зона отсутствия приема, создаваемая южноамериканским материком, уменьшилась, он наконец-то смог принимать передачи из Веллингтона, Новая Зеландия. В журнале регистрации радиосеансов появился ряд метеосводок по южной части Тихого океана. Однако качество приема было не очень хорошим, и отчеты часто прерывались сообщением «QRM» – международный сигнал Q-кода[23] для обозначения атмосферных помех.

Кроухерст долго размышлял, стоит ли ему попробовать передать радиограмму в Австралию или Новую Зеландию. Его поддельный курс должен был проходить через меридиан 140° Восточного полушария. В своем последнем сообщении до радиомолчания он упомянул, что попытается выйти на связь, когда яхта будет в этом районе. Целых два дня яхтсмен составлял и переписывал текст депеши на обрывке оберточной бумаги. Основная задача, стоявшая перед ним, заключалась в том, чтобы выяснить, не видел ли его кто-нибудь, однако не сообщать при этом координат своей яхты было нельзя – это показалось бы слишком странным. Данный аспект сильно беспокоил Кроухерста, и он набросал несколько различных текстовок. Он также размышлял о том, куда именно следует отсылать сообщение: в Веллингтон или Сидней. В конце концов он подстраховался и адресовал послание сразу обеим станциям, вставив перед ним текст на Q-коде: «QSP [передадите ли вы безвозмездно сообщение в…] ZLW [Веллингтон] VIS [… или Сидней]». Кроухерст надеялся, что если кто-нибудь примет радиограмму, то тут же перешлет ее в Британию, но только уже по правильным каналам. Далее шел текст депеши:

«ДЛЯ ПРЕСС АГЕНТСТВА DEVON NEWS ЭКСЕТЕР
КУРС НА МЫС ГОРН В СЕРЕДИНЕ АПРЕЛЯ ДОЛЖЕН

ЗНАТЬ ПОЛОЖЕНИЕ ДРУГИХ СООБЩИТЕ ЕСЛИ МЕНЯ ВИДЕЛИ БЕСПОКОЮСЬ РЕДКО ВЫХОЖУ НА СВЯЗЬ ВВИДУ ПРОБЛЕМ С ГЕНЕРАТОРОМ».

В строгом смысле в тексте сообщения не содержалось никакой лживой информации. В тот момент Кроухерст, двигаясь вдоль побережья Южной Америки, действительно шел курсом на мыс Горн.

Яхтсмен всего лишь не упомянул о том, что «направляется» к мысу Горн с другой стороны южноамериканского материка. Если бы в ответ на свои двусмысленные зондирующие вопросы моряк узнал, что его видели, ему было бы нелегко выпутаться из сетей собственной лжи, но тем не менее он смог бы предоставить хоть какие-то объяснения. Есть признаки того, что Кроухерст пытался отправить депешу несколько раз, так как дата и время, которые он указывал перед Q-кодом в телеграммах, исправлялись неоднократно в черновике, начиная с 23 марта и заканчивая 25 марта. Как бы то ни было, он, очевидно, не смог добиться желаемого. Обрывок бумаги с записями сохранился, но в журнале регистрации нет пометки об отправлении депеши.

Вечером 25 марта яхтсмен поймал слабый, затухающий сигнал с навигационной радиостанции «Портисхед» и записал в журнал:

«MZUW [Teignmouth Electron…] DE GKG […из «Портисхед»

…] QRU? […есть ли у вас что-нибудь для нас?..] $_{0200}$Z $_{12}$ MCS […

Будем слушать в 02.00 по гринвичскому времени на частоте 12 мГц]».

Зачем его вызывали? Значило ли это, что его заметили по пути из Рио-Саладо и теперь на родине думают, будто он приближается к берегам Англии? Или же это был обычный вызов – просто в надежде связаться с ним, где бы он ни находился? В любом случае Кроухерст не мог ничего сделать. В его намерения не входило связываться с кем-либо, кроме радиостанций Австралии и Новой Зеландии, к тому же мощности его передатчика все равно бы не хватило, чтобы отправить сообщение в Англию. Яхтсмен решил, что выход из радиомолчания нужно отложить на более поздний срок.

Теперь уже Кроухерст стал постигать всю прелесть погодных условий в ревущих широтах. Он уверенно продвигался к Фолклендским островам, и, похоже, у него в запасе было еще два

дня плавания до того, как в пределах видимости появится суша. Затем на него неожиданно обрушился шторм и сбил с курса, отнеся в сторону на более чем 100 миль. Описывая изворотливые ходы и уловки Кроухерста, легко забыть о том, какой силы духа и смелости требует плавание в этой области южных морей. На тот момент тримаран находился чуть дальше 500 миль от мыса Горн, а в этом районе – как находит большинство моряков – погодные условия могут быть такими же суровыми, как и у самого мыса.

Одной из задач Кроухерста была съемка фильма для «BBC». Во время своего путешествия он отснял несколько сцен через окно каюты, запечатлевая, как волны обрушиваются на палубу тримарана. На коробках с пленками нет дат, но некоторые из кадров могли быть сняты примерно в это время. Возможно, Кроухерст также надеялся сделать несколько фото в героическом стиле на фоне пейзажей из серии «как будто у мыса Горн». Если это действительно так, то его ждало разочарование. Когда 29 марта тримаран прибыл в район – тремя днями позже, чем он ожидал, – шторм стих, а вместо волн на поверхности океана трепетала лишь легкая зыбь, что было очень нехарактерно для этих широт. Ему ничего не оставалось, кроме как дрейфовать в нескольких милях от берега к северу от порта Стэнли, снимая невпечатляющие виды заката. Пленка с отснятым материалом для «BBC» была найдена на яхте. На заднем плане можно увидеть очертания Фолклендских островов, возвышающихся на горизонте.

Это была самая южная точка, до которой дошел Кроухерст. Закончив снимать, он приготовился провести свою 150-ю ночь на борту тримарана «Teignmouth Electron». Утром он резко развернул судно и, хотя у него в запасе еще было время, направился в сторону Англии, находящейся в 8000 миль от него. На протяжении двух дней яхтсмен резво мчался вперед, обгоняя пассаты ревущих широт, возможно, просто для того чтобы распробовать, что они собой представляют. Потом он сбавил скорость и повернул на север, возвращаясь в более спокойные воды.

Теперь Кроухерста все больше беспокоила проблема передачи радиосообщений. Судя по всему, он чувствовал, что для придания достоверности важно было выйти на связь до того, как идущий по мнимому курсу тримаран «достигнет» мыса Горн. Если этого не сделать, всем сразу станет ясно, что яхтсмен на протяжении всего плавания высылал радиограммы из одного и того же района Атлантического океана. Если через Веллингтон (Новая Зеландия) нельзя было послать домой простое, ясное сообщение, тогда нужно было каким-нибудь образом напустить правдоподобного

тумана с целью запутать людей.

Сначала его осенила мысль подтвердить (пусть и с опозданием) получение двух радиограмм, пришедших еще в январе, сразу после того как он начал игру в радиомолчанку: сообщение от Стэнли Беста, в котором тот освобождал яхтсмена от «безусловной покупки яхты», и «приободряющее» послание от свояченицы Хелен. Кроухерст посмотрел на контрольные номера обеих радиограмм и набросал «принятое» сообщение, добавив, что на текущий момент находится в зоне приема 5а, к *западу* от Южной Америки. Депешу он адресовал радиостанции Кейптауна, но отправил ее через Веллингтон. Маловероятно, что в Веллингтоне смогут принять его радиограмму (и Кроухерст знал об этом), но возможно, он надеялся, что подтверждение каким-то образом все же дойдет до Кейптауна с инструкциями радиостанции Веллингтона. Впрочем, после нескольких попыток набросать черновик такого сообщения в журнале он в конце концов перечеркнул его и сделал приписку: «Это может вызвать беспокойство в Кейптауне. Не буду посылать его».

Затем он составил сообщение, известное в сфере радиокоммуникации под названием «TR-запрос». Сообщения подобного рода должны регулярно отсылаться всеми судами в радиотелеграфную службу дальнего действия и содержать информацию о положении и месте назначения, чтобы телеграммы можно было переправлять по нужному адресу. TR-сообщение Кроухерста представляло собой ряд сложных инструкций, написанных Q-кодом, где было указано все, за исключением самого главного – того, что обязательно должно содержаться в депеше: географических координат яхты. Оно означало, что яхтсмен будет находиться в зоне 5а (район к западу от Южной Америки, обслуживаемый радиостанцией Веллингтона) до 15 апреля, а вслед за этим перейдет в зону 2а (район к востоку от Южной Америки, обслуживаемый радиостанцией Кейптауна). Если перевести это с сухого языка телекоммуникаций, то получается, что Кроухерст планировал обойти вокруг мыса Горн 15 апреля (интересно, что в более поздних черновиках TR-сообщений Кроухерст изменил дату на 18 апреля – то есть решил оттянуть момент своего воображаемого прохождения через мыс Горн на три дня). Кроухерст также указал время приема входящих сообщений, но добавил: «ЕСЛИ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ НЕ ПОЛУЧЕНО, ПРОСЬБА СЧИТАТЬ СООБЩЕНИЕ ПРИНЯТЫМ». Совершенно ясно, что он не собирался возобновлять радиосеансы на постоянной основе.

Кроухерст отправил TR-сообщение 7 апреля. Сначала в

Веллингтон (Новая Зеландия), потом на радиостанцию «Портисхед» (Англия) и, наконец, в Кейптаун (его радиостанция обслуживала район, где фактически находился тримаран в тот момент). Очевидно, ни одна из станций не ответила. Что произошло потом, не вполне ясно, но 9 апреля Кроухерст неожиданно зафиксировал в радиожурнале оживленную беседу морзянкой с радиостанцией «General Pacheco Radio» (Буэнос-Айрес). Эта станция не принадлежит к обычной сети, которой пользуются британские суда, однако она была ближайшей передающей точкой к тому месту, где фактически находился тримаран. В журнале нет отметок о том, вызывал ли Кроухерст Буэнос-Айрес сам или же аргентинские операторы связались с моряком первыми (возможно, они услышали его безуспешные попытки достучаться до Веллингтона). Однако судя по обрывкам разговора, записанным Кроухерстом (они представляют собой смесь из Q-кодов и фраз на испанско-английском), операторы «General Pacheco Radio» были весьма озадачены непонятливостью яхтсмена. Снова и снова они высылали запросы: «QTH?» (сообщите свою широту и долготу) и «QRU?» (есть ли у вас что-нибудь для нас?). Хотя Кроухерст не записывал текст своих передач, можно заключить, что он явно уклонялся от точных ответов. В конечном счете его убедили послать телеграмму через станцию Буэнос-Айреса. Ее текст был умышленно запутанным:

«В DEVON NEWS ЭКСЕТЕР=ИДУ К ДИГГЕР РАМРЕЗ ЛАГ СЛОМАН 28 ЧИСЛО 17697 МИЛЬ ЧТО НОВОГО ЮЖНООКЕАНСКИХ БАШИБУЗ».

Родни Холворт вот уже которую неделю пребывал в состоянии беспокойства. С того дня, когда 11 недель назад от яхтсмена пришла тревожная телеграмма, он больше не получил ни слова от будущего героя Тинмута. Радиопозывные Кроухерста, которые тот обещал передавать, прекратились, а в «Lloyd's» ни разу не сообщали, что видели его где-либо в море. И хотя газеты на какое-то время удовлетворились описаниями «шторма в Индийском океане», даже Холворт по истечении такого длительного промежутка времени исчерпал все свои ресурсы изобретательности. Ему нечего было сказать читателям, кроме как поведать о своих осторожных предположениях: он-де верит, что Кроухерст, возможно, в данный момент проходит вдоль берегов Австралии. В Тинмуте, в холле гостиницы «Ship Inn», где висела карта, на которой отображалось расстояние, пройденное Кроухерстом за день, отмечаемое на основе отчетов Холворта, черная линия курса тримарана зловеще остановилась в середине Индийского океана, и некоторые уже начали всерьез опасаться за

жизнь яхтсмена.

10 апреля Холворт брился в ванной, когда зазвонил телефон. Подняв трубку, он услышал краткое сообщение от Кроухерста, зачитанное оператором. Даже не смыв мыльной пены с щек, Холворт позвонил Клэр и сообщил ей радостную весть. Затем на досуге он расшифровал таинственные письмена яхтсмена. Фраза «Диггер Рамрез», как он понял, должна означать «Диего-Рамирес», группу небольших островов к юго-западу от мыса Горн. Пресс-агент отметил, что лаглинь оборвался 28 марта, после того как яхта прошла 17 696 миль, и что Кроухерсту очень хотелось знать о других участниках – башибузуках южных морей. Какой прекрасный сдержанный юмор, подумал Холворт.

Он тотчас же осознал, что, если яхтсмен и дальше будет идти с той же скоростью, у него появятся все шансы показать самое короткое время и выиграть призовые деньги. В сообщении была только одна деталь, вызывавшая досаду: Кроухерст снова напускал туману. Похоже, он не понимал, что прохождение мыса Горн было экстраординарным по важности событием, поэтому необходимо было указать конкретное время и дату, когда оно произошло. Между тем Холворт умел читать между строк и вычислил, что подразумевал Кроухерст. Видимо, он находится в 300 милях от мыса Горн, стало быть, достигнет этой точки к моменту выхода следующего утреннего выпуска. В результате половина газет с Флит-Стрит провела яхту «Teignmouth Electron» мимо мыса Горн уже 11 апреля, то есть на неделю раньше, чем предполагалось в соответствии с тщательно выверенными планами Кроухерста.

В итоге получалось, что яхта Кроухерста двигалась подозрительно быстро, и это впечатление подкреплялось путаной статистикой отчетов агентства «Devon News», в соответствии с которыми «Teignmouth Electron» в среднем проходил по 188,6 мили в день на протяжении этапа в 13 000 миль. (Хоть и рассчитанная до десятичных разрядов, эта цифра была на 30 миль больше, даже если предположить, что Кроухерст находился у мыса Горн.) Удивительно, но через неделю, 18 апреля, несколько изданий снова объявили о том, что Кроухерст «только что прошел мыс Горн». На этот раз сообщения основывались на информации, предоставленной Холвортом, но сам бюллетень с данными был выпущен организаторами гонки. Очевидно, сообщение базировалось на сведениях, полученных операторами радиостанций при контактах с Кроухерстом. Конечно, ни Холворт, ни организаторы гонки не могли знать правды, но это второе сообщение создавало неправильную картину, отличную от

той, которую хотел нарисовать Кроухерст.

К тому же был еще один странный факт: сообщение пришло не из Веллингтона, а из Буэнос-Айреса. Но похоже, что Кроухерст зря волновался, так как эта странность прошла не замеченной для всех. Единственная причина, объясняющая почти полное отсутствие недоверия людей к таким несуразностям, возможно, состоит в следующем: в то время газеты находились в ожидании свершения другого события – неизбежного прибытия яхты Нокс-Джонстона, поэтому волнующие истории о его скором финише принизили значимость сообщений о более скромных достижениях Кроухерста. Как обычно, против яхтсмена из Бриджуотера был поднят только один голос. К тому времени сэр Фрэнсис Чичестер уже был убежден, что в регате происходит что-то странное, и в Фалмуте, куда должен был прибыть Нокс-Джонстон, он в открытую выразил свои сомнения официальным представителям гонки.

15. Полуночные работы

Между тем по мере наступления зимы в Южном полушарии дни становились все короче, и Кроухерст решил изготовить керосиновую лампу для экономии электроэнергии. Он взял пустую жестянку из-под сухого молока, припаял к ней трубку, на которой укрепил самодельный фитиль, и наполнил ее керосином. Возможно, из-за небольших запасов топлива яхтсмен сделал только одну лампу. Она излучала мерцающий свет и источала неимоверную вонь, но благодаря ей Кроухерст до поздней ночи мог заниматься своими делами. Он слушал радио, паял и лудил, чинил оборудование, корпел над составлением поддельных записей, ел, пил и много писал.

Как и прежде, выходившие из-под его пера тексты были полны банальных и хвастливых мыслей, замкнутых и меланхоличных настроений. В записях того периода отражены две стороны его личности, четко проявлявшиеся на протяжении всей взрослой жизни моряка: хвастун, балабол, веселый гуляка и в то же время одинокий, преданный своему делу, башковитый ученый-технарь; душа и центр офицерской компании и потрепанный интеллектуал-провинциал. Только теперь пропасть между ними была несравнимо больше.

Его стихотворения, с умеренной долей непристойности, регулярно пополняющие сборник на последних страницах Журнала № 2, были до невозможности банальны. Даже образцы его творчества, выполненные в таком безыскусном жанре, как лимерик, не выдерживают никакой критики. Объяснения ради в начале сборника Кроухерст приводит оправдательное слово:

Несясь в регате «Sunday Times»,
Я сублимировал не раз,
Как клипер, волны рассекая,
Стишки похабные кропал.

Чтобы не утомлять читателя, мы процитируем только два сочинения из сборника лимериков:

Сказала мне девчонка с Гибралтара,
Что голышом на Мальту уплывала,
Будто волны за ней
Так бурлили, ей-ей,
Что насильника вдрызг напугали.

В конце Кроухерст добавил: «Я подумал «Ха-ха!», надевая акваланг». Похоже, эта тема весьма занимала его, так как он написал еще несколько лимериков о преследовании в очках и с аквалангом некой девчонки, которая обычно плавала без купальника. Еще одной повторяющейся темой были рассказы о некоем парне по имени Сидни, который обманом выиграл в какой-то регате (Кроухерст скромно изменил ее название на Трансатлантическую гонку «Observer»).

Сказал нам яхтсмен по имени Сидни,
Что заныкал билеты на лайнер (наивный!):
«А я сплавал в Нью-Йорк,
Просто шторм был высок,
Из-за волн меня не было видно».

Пребывая в таком же приподнятом настроении и одержимый самоиронией, Кроухерст однажды вечером при свете лампы напился и записал длинную речь на магнитофон «BBC»[24]. Он нашел в своих запасах бутылку «Моёт et Chandon», которую ему презентовал Джон Норман до отправления, и прикончил ее в один присест, как, по его мнению, и нужно было пить шампанское. Опьянение вовсе не вызвало у него наплыва сентиментальности и алкоголических слез, как можно было ожидать. Шампанское превратило яхтсмена в того старого доброго кабацкого клоуна и хвастуна, который наслаждался ролью пьянчуги, как и ее реализмом. Вот стенограмма одного отрывка из сделанной им записи:

«*У меня зуб.*

У меня зуб на тебя. Это ведь ты, дружище, презентовал мне целую бутыль шампусика? Это ты дал мне целую чертову бутыль, мать ее, и она не сохранилась, так ведь? Ты, злодей. Почему ты не дал мне полбутылки? Потому что я перепью тебя. Слышишь ты, глупый, старый мерзавец. Теперь ты тоже пьян, как только может быть пьян капитан дальнего плавания. [Смех]

Эй, вот что я тебе скажу, чисто по-приятельски. Я записал самую несусветную чушь, какую тебе когда-либо приходилось слышать, приятель… Как бы то ни было, глядя, как я тут си… ой! Смотри не упади, парень… доведешь себя до ручки, когда уже нельзя будет вернуться в прежнее состояние. Старый добрый гистерезис или как

его там… [Вздох]

Не расширяй петлю гистерезиса.

Не доводи себя до ручки.

Не расширяй петлю гистерезиса.

Как тебе мое пение?

Что ты хочешь знать, дружище? Рассказать тебе, где я сейчас нахожусь и что делаю? Ну, я скажу тебе вот что: точно не помню, для чего, Джон, ты дал мне эту бутыль шампанского. Чтобы я выпил ее после прохождения мыса Горн? Или на Рождество? Или по какому-то другому случаю? Ну, не важно… Я решил приберечь ее до момента, пока не пересеку границы старого летнего пояса, то есть на обратном пути. Ну вот я и сделал это [Смех], я уже сделал это. Я пересек этот ужасный рубеж, который проходит на 36-й параллели Южного полушария … и теперь я выдохся. Я, братишка, просто совершенно и полностью вымотался. После всех этих громких заявлений о невероятных рекордах скорости теперь я позорно ползу вперед… делаю 3–4 узла. Поднял все паруса, до которых у меня только дошли руки. И если вдруг случится так, что вечером налетит ураган, дружище, то мое кругосветное путешествие закончится печально, вот что я тебе скажу. Потому что я теперь не в состоянии справиться с чем-либо, и тебе придется за многое ответить, когда ты найдешь на моей яхте контейнеры «Tupperware» с этими пленками, если я все же сыграю в рундук Дэви Джонса и переброшусь за борт. Единственная запись, на которой будет запечатлен момент моего падения за борт, – запись на этой пленке. И я хочу, чтобы весь мир знал, кто в этом виноват: Джон Норман, эсквайр из корпорации «BBC». Так-то, дружище. Боже ж ты мой, мы, должно быть, делаем все 3 узла. Послушай плеск великой Атлантики, дружище…

Как же тут страшно, ты не представляешь себе. Волны достигают 18 дюймов в высоту и нависают над тобой как горы, а вверху плывут ужасные черные тучи. Эти волны накатывают одна за другой, тучи клубятся, и всему этому нет конца и края. Море и небо простираются до самого горизонта, уходят вдаль, покуда хватит взгляда. Ну-ка посмотрим, что у нас там на ветромере… Боже мой – скорость 6 узлов… Ну, во время этого путешествия мне приходилось попадать в довольно напряжные места, но здесь, приятель, просто дьявольски

напряжно. Тут так напряжно, что напряжнее быть не может. Тут просто чертовски напряжно. Я не буду напрягать слушателей рассказом о том, насколько тут все ужасно напряжно. [Смех]

Ну вот что ты хочешь знать? С какими ужасными трудностями мне приходится сталкиваться? Ладно, я расскажу тебе о них. Эти трудности довольно ужасны, братишка, на самом деле ужасны. Например… Ну вот тебе пример… Единственный источник света тут, не скрывающий унылого антуража моей каюты, – самодельная керосиновая лампа, которую я изладил сам из старой жестянки, где раньше было сухое молоко. [Ухмылка] Это единственный источник освещения у меня, кроме старой люминесцентной лампы, которую я могу включить, только если заряжу аккумуляторы.

Теперь поговорим о том, какие невероятные трудности испытывает человек… погоди-ка, у меня чегой-то в горле пересохло. [Пауза] Вот я сижу тут и попиваю пиво «Золотой ярлык» – крепкий английский эль – и чувствую себя превосходно. А все благодаря этому божественному напитку, я так полагаю… Ага, а пленка-то уже почти домоталась, и все эти маленькие эрстеды прилежно записывают мой бред навечно. От этой мысли я даже немного протрезвел, братишка. Мой безумный бред теперь навечно сохранен на пленке. Если тебе только не придет в голову мысль стереть все, но это будет большой ошибкой, потому что бред такой грандиозной бредовости очень, очень трудно найти. Я рискну предположить, что во всех архивах «BBC» нет больше примеров такого бреда, какой выбреживаю я сейчас. Этот бред прямо как нос Сирано де Бержерака. Памятник бреду, а не просто бред. Не плебейский банальный бред, но аристократический, всем бредам бред. Король бреда. Наивысший образец бредового искусства.

Не стирай его. Не стирай. Сохрани его для потомков. Сохрани его для будущих поколений, которые еще не родились.

Так, ну что… Черт, черт, черт. Похоже, пленка заканчивается. Дьявольски жалко… Вообще-то, дружище, я тебе вот что скажу, братишка. У меня еще столько катушек с пленками для записи. И у меня нет ни малейшего понятия, чем я собираюсь заполнить их, но, если я и дальше буду городить разную чушь, меня точно кто-нибудь пристрелит. Я думаю, генеральный директор

вашей корпорации «BBC» в этот самый момент, наверное, засыпает горсть дроби в свое помповое ружьишко. Ну, я не стану беспокоиться сильно о том: ведь это Дональд Керр. На Дональда Керра многие точат нож. [Хихиканье] Он совершил большую ошибку: дал этому придурку Кроухерсту магнитофон. Это ужасно, но я думаю, что просто еще немножко глотну из этой бутылки [Пьет]».

Сделав запись, моряк открыл еще и бутылку рома и напился основательно. Но даже в таком состоянии он продолжал держаться так, будто в самом деле переплыл Южный океан, и не выдал себя ничем: говорил четко, складно и полностью владел собой. (В какой-то момент Кроухерст даже прочитал специалистам из «BBC» лекцию о технике удаления пленки, что было вполне обосновано с технической точки зрения.) Насколько можно судить по фактам, во время путешествия яхтсмен не слишком увлекался алкоголем и не впадал в тяжелые запои, несмотря на то что на борту имелись значительные запасы спиртного (преимущественно пиво, шерри и крепкий английский эль).

В конце журнала № 2 были найдены и записи, сильно отличавшиеся от веселых лимериков и разгульных лекций, запечатленных на пленках. Они рисуют портрет совсем другого человека – одинокого, подавленного, ищущего новых впечатлений и в их поиске исследующего различные сферы своего разума. Мысли, которые Кроухерст записывал в это время, становились все причудливее и фантастичнее.

Одна из упаднических идей, выраженная в математических символах, была не к месту записана напротив лимериков и занимала всю страницу. Кроухерст назвал ее «Космическим интегралом»:

$$\int_{+\infty}^{-\infty} \textbf{человек} = [\text{o}] - [\text{o}]$$

Смысл формулы таков: в итоге все достижения человека от минус бесконечности до плюс бесконечности сводятся к нулю, или, если выразить эту мысль в более общем виде, человечество на протяжении всего своего существования стремится к небытию.

В то же время Кроухерст вспоминал свои детские годы, проведенные в Индии, и выводил унылые умозаключения о

природе человека и Бога. Яхтсмен заносил свои мысли в раздел, озаглавленный «Воспоминания», который шел сразу после лимериков.

Две притчи из детства, записанные в этом разделе, показывают, что Кроухерст очень расстраивался из-за собственного мошенничества и обмана. В то время им уже овладела мысль о том, что его разум и Вселенная представляют собой что-то вроде двух соперничающих компьютеров. Он начал раздел с воспоминаний о своих детских религиозных представлениях.

> *«Когда мне было пять лет, я знал о Боге все. Мне было известно, что Бог создал весь мир. Так сказали мне родители, а они знали все. Бог представлялся мне древним стариком с длинной седой бородой, и он любил меня, но не наказывал, если я был непослушным, как это часто делал папа. (Это без труда можно вычислить!) Я также знал все и о его Сыне, Иисусе Христе, а к тому моменту, когда мне исполнилось семь лет, я каждый раз плакал, когда думал о праведной жизни Сына Божьего и о его ужасной смерти. (В действительности такие вещи невозможно было просчитать, но Бог, несомненно, был осведомлен лучше меня.)*
>
> *Однажды ночью, когда я с соседской девчонкой смотрел на звезды и думал о Боге, мне вдруг показалось, что в рисунке звездного неба проявляется узор, похожий на голову Христа с терновым венком на ней. Я повернулся к своей подружке и попытался показать ей этот узор, но она не смогла увидеть голову Христа, а потом я и сам потерял изображение. Я вырос на рассказах о чудесах и решил, что произошедшее также было чудом, просчитанным определенным образом.*
>
> *Вскоре после этого я увидел в кладовке свое любимое лакомство – вкусный фруктовый пирог. Я тотчас же побежал к матери, чтобы поблагодарить ее за то, что она купила мою любимую сладость. «Но я не покупала фруктового пирога», – сказала мне мать. – «Конечно же, купила!» – «Да ничего я не покупала», – отпиралась она. Я пришел в замешательство. Чем можно было объяснить такое странное поведение матери? Видите ли, мне никогда не приходило в голову, что мать может солгать мне. И тогда я воскликнул: «Но я только что видел этот пирог в кладовой!» – «Ах, вот оно что, – вздохнула*

мама. – Я просто хотела сделать тебе сюрприз». Невероятно, думал я, мать действительно солгала мне! Я был вне себя от потрясения, но недолго пребывал в таком состоянии. Разве ложь не была оправдана тем, что мама хотела сделать мне приятное, удивить меня? Это можно было просчитать».

Итак, Кроухерст решил, что во лжи не было ничего предосудительного, при условии что она шла на пользу людям. Доставило бы его мнимое кругосветное путешествие радость другим? Возможно, да.

Но потом Кроухерст привел другой случай из своего детства, напоминавший ему о гневе Господнем, который обрушивался на головы людей, ведущих себя нечестно.

«*Вскоре после этого на переезде под колесами поезда погиб человек. Как любого мальчишку, меня тянуло к железной дороге. Как-то раз, придя туда, я заметил толпу, собравшуюся вокруг мертвого тела. Человек угодил прямо под колеса, и они рассекли его грудную клетку пополам. Левая рука несчастного, плоская, безжизненная, лежала вдоль рельсов. Голова человека, правая рука и часть груди находились с одной стороны железнодорожного полотна, а остальное тело – по другую сторону. Я рассмотрел лицо погибшего: он носил бороду, а черты лица выдавали смелую и волевую личность.*

Я начал вычислять, что произошло. Человек был хорошо одет и, судя по одежде, был магометанином – я испытывал к ним большой интерес. Вероятно, ему не хотелось платить за проезд, и он попытался спрыгнуть с поезда до того, как тот подъедет к станции. Теперь я знал, что это был неправильный поступок. Но я также понимал и то, что Бог зашел слишком далеко в стремлении наказать человека. И вот еще что… Я вдруг на самом деле увидел, что погибший человек когда-то обладал тем, что принято называть душой. Но поскольку эта душа гнездилась глубоко в его сердце и после смерти должна была воспарить вверх, осознание того обстоятельства, что тонкая механика этого искупительного процесса была нарушена вмешательством колес железнодорожного состава, заставило меня испугаться за его душу, которой, должно быть, пришлось покидать тело очень быстро. Мой мозг, этот орган вычисления, был перегружен вопросами, которые никак не

хотели просчитываться! Я столкнулся с проблемами, которые терзали человечество уже многие тысячелетия».

Если действия Бога нельзя было логически просчитать, то, должно быть, в мироздании имелся какой-то изъян. Должно быть, Бог был враждебным или по крайней мере равнодушным к страданиям человека существом. Если это правда, то необходимо было разработать другую концепцию Бога.

Молодой Кроухерст продолжил ломать голову над проблемой по мере того, как «все больше информации загружалось в его компьютер» из окружающего мира.

«К тому времени, когда мне исполнилось двадцать, у меня сформировалось понимание, что, по всей вероятности, у человека нет никаких причин ожидать какой-либо помощи от Бога (если он вообще существовал). Не имея никаких оснований, кроме того самого «чувства», которое испытал, глядя на звезды много лет назад, я просто не мог отрицать возможность существования Бога, но при этом все же был вынужден с сожалением признать, что Господь на самом деле не настолько уж сильно интересовался нашей жизнью, если привел Третий рейх к власти и позволил нацистам устроить на земле Освенцим. Я решил, что человек увиливает от ответственности, постоянно обращаясь к Богу за помощью, и стал относиться очень враждебно к зависимости моей матери от Бога. Сначала я спорил с ней вежливо, укорял за эту зависимость, но чем больше я спорил, тем сильнее убеждался в том, что я был прав, а она ошибалась. По мере того как наши дискуссии приобретали все больший накал, мои нападки на нее становились все более саркастичными и жестокими. Однажды, после жесткой критики ее отношения к Свидетелям Иеговы, моя мать выдала следующий аргумент. Глядя на меня с любовью, она просто сказала: «Ну ладно. Пусть будет так, если ты этого хочешь». Я был поражен, потому что каким-то образом знал, что она была права, а я ошибался. Получается, она выиграла, сдавшись!

Мой компьютер сбросил всю информацию, которую я загружал в него все это время. Я вернулся в начальную точку! Я проанализировал неоспоримые факты и подвел резюме. Я был рожден в какой-то момент времени, был живым существом, и мне было суждено умереть в будущем. Это можно было просчитать, логически

вывести. Что бы ни лежало за пределами этих двух событий, оно было нематериальным, непостижимым для вещественного мира. Если я хотел изменить события здесь, в реальности, в мире вещей, мне бы следовало поторопиться! Но каким образом можно было изменить существующий порядок вещей? Как можно измерить прогресс? Я спрашивал себя. Самым простым решением было бы «добиться успеха», разбогатеть, начать делать деньги. Я задумался о том, чтобы стать богатым. В этом не так уж много предосудительного, подумал я и двинулся в нужном направлении».

Продолжая записи уже на полях и в разных других свободных местах на страницах журнала, Кроухерст продолжал объяснять, что он теперь полностью понимает «игру между экономическими системами, политическими системами и инертными, но могущественными религиозными системами». Развив дальше эту тему в необычайно бессодержательных записях, он обнаружил, что у него закончилась бумага, поэтому эссе обрывается на полуфразе.

Кроухерст также делал заметки и выполнял упражнения из двух учебников по инженерному делу. Похоже, он не испытывал большого удовольствия от этого занятия, так как прошел всего лишь пару глав. В любом случае, на текущий момент перед ним стояло достаточно много прикладных инженерных задач, требовавших решения, чтобы не тратить время на освоение новой теории. Большинство математических задач, которые он выполнял во время плавания, имели прямое отношение к модификации радиооборудования и попыткам сконструировать новый авторулевой.

А вот «Теория относительности» Эйнштейна пришлась ему больше по вкусу. Вообще-то данную работу великого физика нельзя отнести к мистическим произведениям, но в понимании Кроухерста, регулярно читавшего и перечитывавшего ее, она понемногу приобрела черты трактата о чем-то потустороннем, тайном. Эйнштейн написал книгу с целью доступно, по мере возможности, донести суть своей теории до людей «с обычным образованием, соответствующим уровню вступительных экзаменов в университет», поэтому она не предполагала больших познаний в математике. Хотя, возможно, Эйнштейн немного преувеличил уровень интеллекта, который требовался для поступления в вуз, и в самом деле допустил, что читателю нужно будет проявить «достаточно большое терпение и силу воли». У Кроухерста они, конечно, были. Он делал пометки на полях и

писал критические отзывы в Журнале № 2, имея целью, очевидно, продемонстрировать, что общая теория относительности вовсе не является таковой. Не стоит забывать, что из всего, имевшегося на борту «Teignmouth Electron», эта книга была одним из немногих средств, способных занять ум. Кроухерст сделал «Теорию» своим евангелием. Так читают семейную Библию до посещения общественных библиотек и лавочек с дешевыми изданиями в мягкой обложке. И как религиозный фундаменталист старой формации цепляется за некоторые выборочные пассажи из Библии, вырывая из контекста и вкладывая смысл, не содержащийся в них, так Кроухерст стал находить в тексте Эйнштейна глубокие мысли, преисполненные космического откровения. Особенно сильное впечатление на него произвел один отрывок, где Эйнштейн писал:

> «*Пучок света проходит расстояние от точки А до точки М за то же время, что и расстояние от точки В до точки М, что в действительности есть не предположение, не гипотеза о физической природе света, а всего лишь оговорка, которую я могу сделать по своей свободной воле, чтобы вывести определение одновременности*».

На самом деле Эйнштейн всего лишь говорил о том, что слово «одновременность» временно будет употребляться в особом смысле, чтобы каждый ясно понял, в каком значении оно используется. Однако Кроухерст углядел в эйнштейновской фразе заявление, почти что равное завету Бога. Вот, подумал он, существо высшего порядка, которое может приказывать природе небес «по своей воле»! Он загнул уголок страницы и перечитывал это место снова и снова. В своих эссе он называл Эйнштейна не иначе как Мастер. Он увидел в уравнении $E = mc^2$ космическое откровение, эквивалентное христианской заповеди «Бог есть любовь».

В последующих эссе Кроухерст описал свое обращение в новую веру. По его словам, впервые прочитав определение Эйнштейна об одновременности, он подумал, что физик просто дурит людей.

> «*Я сказал вслух с раздражением: «Ты не можешь так поступать!» Я подумал: «Ах ты, жулик». Затем я взглянул на фотографию автора в поздние годы и ощутил укол совести. Я перечитал отрывок несколько раз, пытаясь понять, как мыслил человек, написавший эти строки. Математик, сидевший во мне, не смог увидеть*

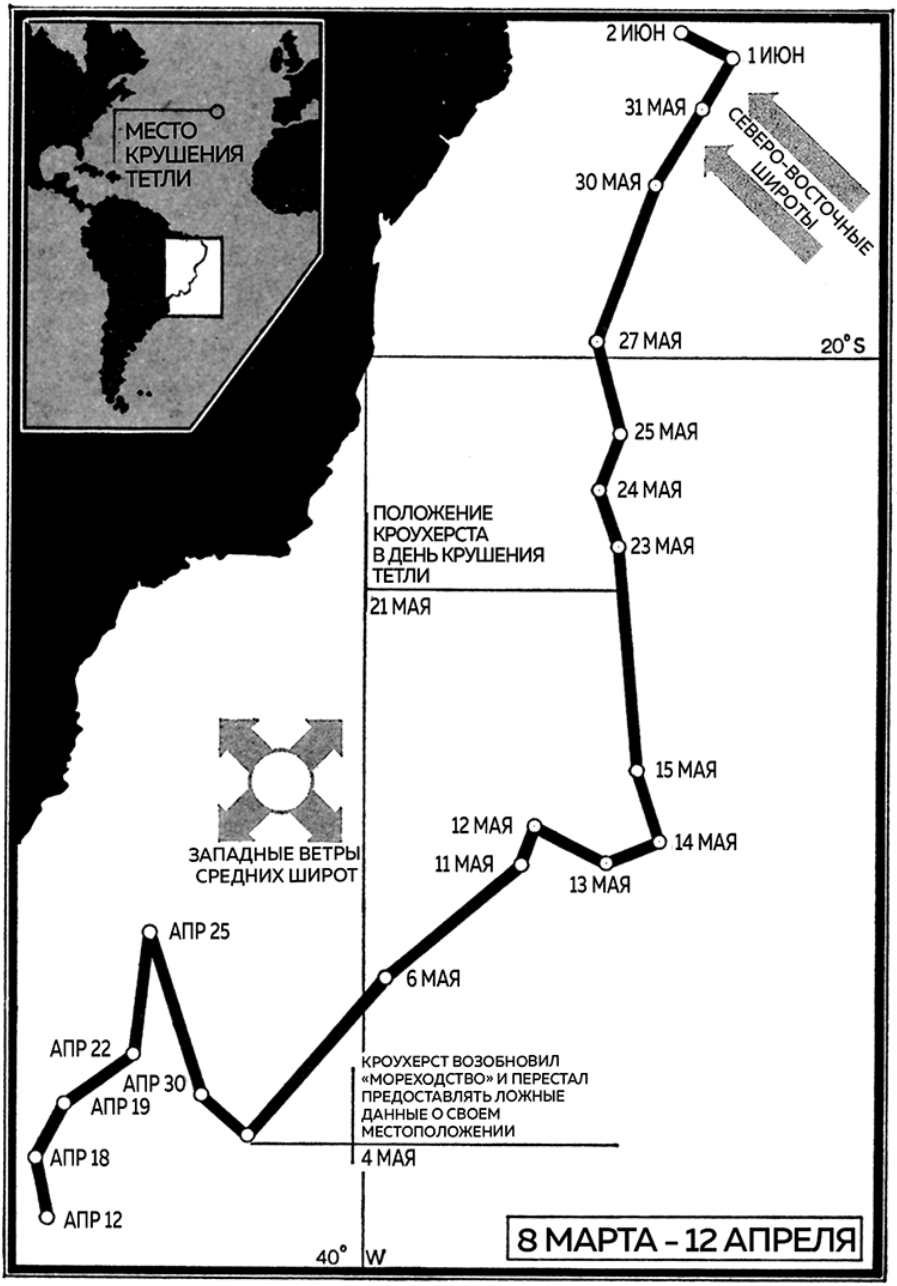
ничего нового, что позволило бы принизить значимость оскорбительных постулатов. Но поэт во мне смог в конечном счете прочитать послание, скрытое между строк, и различить следующее: «И тем не менее я сделал это. Давайте исследуем последствия».

Это был исключительно религиозный подход к пониманию теории Эйнштейна. Кроухерст готов был отказаться от библейского фундаментализма секты Свидетелей Иеговы, сторонницей которой была его мать, но моряку нужно было другое евангелие, чтобы заполнить образовавшийся вакуум. Его теории, построенные вокруг книги Эйнштейна, сыграют впоследствии важную роль в развитии бредовых состояний и прогрессировании психического расстройства яхтсмена.

16. Победил или проиграл?

Мы оставили участников гонки века в тот момент, когда Нокс-Джонстон (теперь уже несомненный призер главной награды регаты – «Золотого глобуса», предназначавшейся первому вернувшемуся яхтсмену) вышел на финишную прямую в Атлантике, а два тримарана вступили в борьбу за 5000 фунтов, обещанных моряку, показавшему самое короткое время. Фанаты Тетли, который, казалось бы, являлся несомненным фаворитом, претендовавшим на премию, были шокированы чудесным появлением Кроухерста. Хотя лодка Тетли была порядком потрепана, моряка побуждали и убеждали делать ставку на высокую скорость и поддерживать темп.

В «Sunday Times» в спешном порядке произвели новые подсчеты. Судя по прогнозам газетчиков, наметивших приблизительную дату прибытия Кроухерста, в характере продвижения «Teignmouth Electron» прослеживалась странная система. На ранних стадиях гонки его ожидали дома не ранее ноября 1969 года или даже отодвигали финиш на более позднее время. Но после грандиозного «скоростного рекорда» новая дата прибытия сдвинулась ближе – на 30 сентября, а потом еще дважды менялась: на 8 сентября (после отчета о «подходе» к островам Тристан-да-Кунья) и на 19 августа (после сообщения о том, что яхтсмен находится в Индийском океане). Теперь масштабные линейки показывали, что Кроухерст должен вернуться в Тинмут «самое позднее 8 июля».



Общее время, затраченное Кроухерстом на путь до мыса Горн, как все думали, было на две недели меньше, чем у Тетли. И хотя последний с тех пор достаточно уверенно продвигался вперед по Атлантике, все ожидали, что новый «возрожденный» Кроухерст не отстанет от него и будет демонстрировать схожие показатели. Ни одна живая душа, за исключением жалкой горстки циников, не думала, что Кроухерст может проиграть, и Родни Холворт –

человек, который на протяжении всего времени верил в моряка из Бриджуотера, – был переполнен радостью и сиял от гордости за своего подопечного. «У Дональда есть все шансы стать одним из самых великих яхтсменов нашего времени», – говорил он.

На такие слова его вдохновила туманная радиограмма о каком-то «Диггере Рамрезе», полученная 9 апреля, после которой Кроухерст больше не передал о себе ни слова. Как и раньше, события в Англии развивались гораздо быстрее, чем того хотелось бы Кроухерсту. Давайте же вернемся на «Teignmouth Electron» и посмотрим, что происходило на борту тримарана 9 апреля, а также взглянем на гонку глазами Дональда Кроухерста.

После передачи депеши о «Диггере Рамрезе» Кроухерст три дня подряд сидел у радиоприемника, вертя ручки настроек, в ожидании ответа. Ему хотелось знать, не выдали ли его люди из Рио-Саладо и не был ли он замечен с борта какого-нибудь судна. Когда же ответ наконец пришел, яхтсмен облегченно вздохнул.

> «ОТСТАЕШЬ ОТ ТЕТЛИ ВСЕГО НА ДВЕ НЕДЕЛИ ИЗ ФОТОФИНИША ПОЛУЧИТСЯ ОТЛИЧНАЯ НОВОСТНАЯ СТАТЬЯ РОБИНА ОЖИДАЮТ ЧЕРЕЗ ОДНУ ДВЕ НЕДЕЛИ = РОДНИ».

Было ясно, что его афера прошла незамеченной. Но с другой стороны, в депеше было мало информации. Означало ли это, что он отставал от Тетли по его действительной дате достижения мыса Горн или же по «общему затраченному времени»?[25] И что случилось с Муатесье? Кроухерст не мог выяснить все это немедленно. На несколько следующих дней он решил возобновить радиомолчание и даже не стал отправлять подтверждение о получении сообщения Родни.

18 апреля (на эту дату он запланировал свое предполагаемое прохождение через мыс Горн) яхтсмен ненадолго прервал радиомолчание, чтобы ответить на вызов, пришедший напрямую с радиостанции «Портисхед», из Англии. Операторы решились на вызов в надежде выяснить, дошло ли сообщение Холворта до адресата. Должно быть, в «Портисхед» посчитали странным то обстоятельство, что Кроухерст может напрямую общаться с Англией. Ведь предполагалось, что в этот момент он сражается с силами стихии у берегов Южной Америки. Однако это несоответствие снова прошло незамеченным. Скорее всего Кроухерст рискнул ответить в надежде получить больше информации об остальных участниках гонки. В ходе обмена сообщениями на морзянке яхтсмен узнал о самоотводе Муатесье и выяснил точное местонахождение яхты Тетли. Располагая

такими сведениями, он уже мог строить точные планы на будущее.

Все это время Кроухерст уверенно двигался по Атлантическому океану на север и теперь находился на одной широте с Буэнос-Айресом. На данный момент перед ним стояла задача распределить якобы пройденное тримараном расстояние на равные отрезки с таким расчетом, чтобы его поддельный путь пришел в точку его текущего местоположения в нужную дату. Эту встречу реального и воображаемого маршрутов Кроухерсту нужно было просчитать до того, как он вернется в районы интенсивного судоходства.

Затем последовал период странных колебаний. Кроухерст знал, что после публикации его следующей радиограммы в Англии на него неизбежно падут подозрения в мошенничестве, и тогда последняя призрачная надежда выпутаться из сетей обмана рассеется. Похоже, эта мысль снова ввергла яхтсмена в состояние нерешительности. Однако на этот раз у нас нет прямых данных о том, какие варианты он просчитывал, поэтому мы можем лишь строить предположения, интерпретируя его действия.

Координаты места соединения воображаемого и реального маршрутов проистекали из курса, которым он шел. Эта точка была расположена примерно в 1000 миль к северо-востоку от Фолклендских островов и в 700 милях строго к востоку от Буэнос-Айреса. Это был осторожный выбор, поскольку яхтсмен запросто мог бы увести свой фальшивый маршрут еще на тысячу миль дальше по Атлантике, не особо рискуя быть обнаруженным. Но получилось так, что Кроухерсту снова пришлось провести несколько дней в утомительном ожидании, бесцельно петляя по пустынным просторам океана к востоку от Буэнос-Айреса, пока поддельный маршрут не воссоединился с реальным.

Между тем нахождение в этой области имело одно неоспоримое преимущество. В течение двух недель пребывания здесь у яхтсмена была возможность вести разговоры по радиотелефону через радиостанцию Буэнос-Айреса. Похоже, в то время Кроухерста вдруг обуяло сильное желание позвонить домой и срочно поговорить с Клэр. Он хотел пообщаться с ней напрямую, а не через рубленый слог корявого языка радиодепеш, ограничивающего возможности. После 21 апреля он несколько раз связывался с радиостанцией Буэнос-Айреса по коду Морзе, прося операторов устроить прямой телефонный разговор с Бриджуотером, а одновременно набрасывал тексты телеграмм для Клэр, где давал инструкции, когда именно ей нужно ожидать его звонка. Все попытки закончились неудачей: хоть операторы из Буэнос-Айреса и могли принимать хороший сигнал с «Teignmouth

Electron», им так и не удалось организовать связь с Англией через Нью-Йорк по наземной телефонной линии.

Почему вдруг звонок домой именно сейчас приобрел такую значимость для Кроухерста? Очевидно, после долгого молчания он жаждал человеческого общения, пусть оно и сводилось к нескольким неразборчивым фразам по трещащему телефону. И все же за его действиями скрывалось нечто большее. Значимость телефонного звонка затмила все остальные вопросы, и в течение девяти дней, пока яхтсмен пытался организовать разговор с женой, он даже изменил курс и снова пошел на юг, чтобы оставаться в пределах зоны покрытия сигнала с радиостанции Буэнос-Айреса. К тому же, как мы увидим впоследствии, на поздних этапах его путешествия желание поговорить с супругой стало перерастать во все бóльшую одержимость. Возможно, как это было во время предыдущих трудных периодов, он надеялся, что Клэр почувствует тяжесть его положения и разговор с ней придаст ему сил или позволит придумать отговорку для выхода из соревнований.

Одновременно Кроухерст готовил исключительный по содержанию пресс-релиз для Холворта, где должно было быть точно сказано, что яхтсмен обогнул мыс Горн и теперь дышит в затылок Тетли, догоняя его на просторах Атлантического океана. Между тем текст релиза после нескольких правок превратился в еще один шедевр изворотливости и двусмысленности. В нем было много непоследовательных данных и полуправды, а единственными истинными фактами, которые можно было проверить немедленно, оказались тщательные выжимки из метеосводок, которые Кроухерст прилежно и терпеливо записывал в свой журнал регистрации радиосеансов на протяжении недель. В довершение всего отчет носил характерные признаки стиля сообщений Чичестера, который также проходил мыс Горн в сравнительно спокойную погоду, но попал в шторм вскоре после этого.

> «201 ДЕНЬ В ПУТИ[26] НАХОЖУСЬ У ФОЛКЛЕНДСКИХ ОСТРОВОВ В ПЕРВЫЙ РАЗ УВИДЕЛ СУШУ СО ДНЯ ОТХОДА ОТ МЫСА ЛИЗАРД ПРОВЕЛ В ДРЕЙФЕ ПОЧТИ ЧАС НАБЛЮДАЯ ЗАКАТ У МЫСА КЭРИСФОРТ ТУМАННЫЙ ОСЕННИЙ ВЕЧЕР ДЫМ ОТ КОСТРА НАД ВОДОЙ ЗАТЕМ ВСЯКОЕ ДЛЯ БЕЗОПАСНОГО ПЛАВАНИЯ В ЮЖНОЙ АТЛАНТИКЕ У МЫСА ГОРН ХОРОШАЯ ПОГОДА НО ЮГО-ВОСТОЧНЕЕ НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ ПОПАЛ В ШТОРМ С ДОЖДЕМ ВО ВТОРНИК».

Кроухерст правил и переписывал текст больше недели, не

оставляя при этом попыток устроить телефонный разговор с Клэр. 30 апреля он наконец прервал трехнедельное радиомолчание, связался с домом и объявил о своем возвращении в гонку. В этот день он перво-наперво послал радиосообщение о Фолклендских островах. (Холворт решил, что фраза «Дым от костра над водой» может стать неплохим заголовком для будущей книги Кроухерста, о чем не преминул сообщить.) Затем яхтсмен отослал другое сообщение – в Лондон, в отдел новостей «BBC». Кроухерст сделал это под тем предлогом, что он якобы хочет поздравить Нокс-Джонстона с благополучным возвращением. На самом деле основной задачей было сообщить следующее: пусть «Золотой глобус» и достался другому, у него по-прежнему были неплохие шансы победить по «общему затраченному времени».

> «В ОТДЕЛ НОВОСТЕЙ BBC = УЯЗВЛЕН КАК ВОЛК ПОДДЕТЫЙ НАГЕЛЕМ[27] УСПЕХОВ НОКС-ДЖОНСТОНУ НО ПОКОРНЕЙШЕ ПРОШУ ЗАМЕТИТЬ ЧТО ОН ЕЩЕ НЕ ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ПОБЕДИТЕЛЬ ГОНКИ ПРЕДЛАГАЮ БЫТЬ ТОЧНЫМ ТРЕБУЮ РАЗГРАНИЧИВАТЬ ПОБЕДУ НА ПРИЗ «ЗОЛОТОЙ ГЛОБУС» И ПОБЕДУ В САМОЙ ГОНКЕ = ИЗ ЯРОСТНОЙ ЮЖНОЙ АТЛАНТИКИ С ДРУГОЙ СТОРОНЫ ЭКВАТОРА КРОУХЕРСТ».

Теперь, после отсылки этих двух сообщений, Кроухерст бесповоротно вернулся в гонку. Он уже находился на выбранной позиции, где можно было соединить поддельный маршрут с фактическим, и тогда же яхтсмен временно прекратил попытки связаться с Клэр. Между тем наблюдается еще одно необъяснимое обстоятельство: на протяжении следующих четырех дней тримаран практически стоял на одном месте, но на самом деле продолжал медленно двигаться на юг, подобно призраку. Все выглядело так, будто Кроухерст намеренно пытался сократить полученное обманным путем преимущество над Тетли. Мучился ли он чувством вины и поэтому поступал так? Или же он буквально воспринял слова Холворта о том, что фотофиниш будет хорошим поводом для новостной статьи? Может быть, он просто ошибся в навигационных данных или арифметических расчетах? А может ли быть так, что он сознательно или бессознательно *хотел* проиграть Тетли? Это последнее предположение весьма интересно для объяснения беспорядочного движения тримарана по Атлантическому океану.

Проиграть означало потерять 5000 фунтов. Но вместе с тем проигрыш вызывал привлекательные во всех отношениях последствия: если он уже не будет претендовать на приз, *отпадет необходимость проверять его судовые журналы*. В то же время

финиш с небольшим отставанием обеспечит Кроухерсту хорошую рекламу в прессе, и он в любом случае станет героем со всеми вытекающими бонусами, которые влечет за собой этот престижный статус. Мы знаем, что Кроухерст всегда был склонен оставлять пути к отступлению и избегать окончательного выбора, и если он чувствовал беспокойство относительно мошеннического судового журнала, то можно с большой долей вероятности утверждать, что он рассматривал этот вариант как способ сорваться с крючка. Его хаотические действия предполагают, что он так и не принял окончательного решения. Он продолжил идти по маршруту гонки, иногда с настойчивостью, иногда без особого энтузиазма, как будто метался от одного варианта к другому. Следует не забывать еще об одной характерной особенности Кроухерста: он усердно искал пути выхода из затруднения, после чего отказывался выбирать какой-то определенный путь.

Только после 4 мая Кроухерст наконец решил, что пришло время стабильно идти курсом на север. Начиная с этой даты яхтсмен на самом деле включился в гонку с Тетли, и, независимо от того, намеревался он выиграть или проиграть, ему пришлось подойти к исполнению своего намерения со всей решительностью и непоколебимостью. Как будто для того чтобы отпраздновать возвращение яхтсмена к честному образу жизни, в первый же день тримаран показал исключительные результаты.

В ходе подготовки к написанию книги мы проверили все расчеты Кроухерста. По нашим сведениям получается, что за сутки (4–5 мая) фактически пройденное расстояние, определенное по географическим координатам, высчитанным при помощи измерения высоты Солнца секстаном, было очень близко к заявленному ранее «рекорду» – 243 мили. В соответствии с метеосводками из Буэнос-Айреса погодные условия в эти дни были великолепные, дул устойчивый, сильный попутный ветер, но даже при всем этом такой чудесный скачок скорости просто удивителен. Как мы видим, когда все шло как надо, ничего такого уж плохого не происходило ни с тримараном, ни с его рулевым. По злой иронии судьбы этот морской подвиг не был отражен в судовых журналах Кроухерста[28].

В любом случае на данный момент более важным было не расстояние, пройденное за день, а вопрос, сможет ли он выдерживать тот же темп на протяжении оставшихся двух месяцев. Кроухерста в действительности не хватило надолго. Через неделю он попал в район встречных ветров, и здесь снова проявились все слабые стороны тримарана. Будучи не в состоянии продвигаться на север, яхтсмен на протяжении трех

дней плыл на восток, надеясь попасть в более благоприятный район, где дуют юго-восточные пассаты.

Именно в этот период у Кроухерста возник спор со своими фанатами дома. Холворт пришел в такой восторг по поводу выхода моряка из радиомолчания, что был уверен: его клиент не только покажет лучшее время, чем у Тетли, но, возможно, даже обгонит его фактически на подходе к Британии. Мысля категориями черного и белого, присущими популярным новостям, он знал, что победа по «наименьшему затраченному времени» была сама по себе очень неплохим результатом, но ожидал гораздо большего от общественного резонанса. На свете не было ничего лучше, чем правдивый портрет победителя, идущего через просторы океана по финишной прямой домой. И поэтому журналист начал подбадривать яхтсмена, уговаривая приложить еще больше усилий. Уверенность Родни Холворта в силах и способностях Кроухерста была настолько велика, что он решил, будто единственным, что могло задержать его в пути, была поломка, полученная во время атаки той самой пятитонной волны, которая накрыла «Teignmouth Electron» в океане и ослабила «штаги».

В связи с этим он отправил Кроухерсту депешу:

> «...ЭЛЛИОТ ГОВОРИТ ЧТО НАТЯЖЕНИЕ ШТАГОВ НУЖНО ОСЛАБИТЬ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЯХТЫ ПРОШУ ПРИЛОЖИТЬ ВСЕ УСИЛИЯ ДЛЯ ОБГОНА ТЕТЛИ ОН УЖЕ ПОДХОДИТ К ЭКВАТОРУ».

В ответ Кроухерст высокомерно поправил Холворта насчет использования морских терминов и, отвесив нелицеприятный комментарий в адрес Джона Эллиота, ударился в сомнительную критику конструкции своей яхты:

> «МНЕ ИЗВЕСТНО ЧТО ПРИ РАЗРАБОТКЕ ЯХТЫ БЫЛА ВЫБРАНА НЕВЕРНАЯ КОНЦЕПЦИЯ КАСАТЕЛЬНО БЕЗОПАСНОСТИ КРЕПЛЕНИЕ КРАСПИЦ НЕ ВЫДЕРЖИВАЕТ ЕСЛИ ПОД ШТАГАМИ ПОДРАЗУМЕВАЮТСЯ КРАСПИЦЫ НО БЛАГОДАРЯ МОИМ СПЕЦИФИКАЦИЯМ И ТЩАТЕЛЬНОЙ СБОРКЕ ТАМ ПРОБЛЕМ НЕТ ПОЛОМКА ВОЗНИКЛА ТАМ ГДЕ ВСЕ БЫЛО СДЕЛАНО ПО СТАНДАРТНОМУ ПРОЕКТУ НА ТЕКУЩИЙ МОМЕНТ НАБОР СЛОМАН В ШЕСТИ МЕСТАХ ВДОЛЬ БОРТА ПРАВОГО ПОПЛАВКА СВЕРХУ ТРЕЩИНА В ДВА ФУТА НЕ СТОИТ КАНИТЕЛИТЬСЯ С ЦИФРАМИ ЭЛЛИОТА И СОВЕТАМИ ДРУГИХ ДИЛЕТАНТОВ ОТНОСИТЕЛЬНО ВЗГЛЯДОВ НА БЕЗОПАСНОСТЬ НАХОЖУСЬ 31 ЮЖНОЙ ШИРОТЫ 34 ЗАПАДНОЙ ДОЛГОТЫ

ПОТЕРЯЛ ЧЕТЫРЕ ДНЯ ИЗ-ЗА НЕОБЫЧНО СИЛЬНОГО СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ШТОРМА ОБГОНЮ ТЕТЛИ ТОЛЬКО ПРИ БЛАГОПРИЯТНОМ СТЕЧЕНИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ».

Понадобилось два сообщения, чтобы сгладить вспыхнувший накал страстей. Холворт уныло ответил: «Я всего лишь пытаюсь помочь…», и Кроухерст в конечном счете великодушно простил его. («Хорошо понимаю ваши мотивы, любые советы приветствуются».) Однако действительной причиной вспышки гнева, похоже, было желание скрыть неожиданное противоречие, к которому он сам же и привлек внимание. Кроухерст вдруг осознал, что четыре месяца назад описывал, насколько сильно была изуродована яхта в штормах, а вскоре он окажется дома, и все увидят, каковы на самом деле повреждения. «Расхождения палубных стыков», как он выразился в своей радиодепеше от 14 января, теперь резко уменьшились и превратились всего лишь в «трещину размером в два фута».

Кроухерст постоянно беспокоился о мелких несоответствиях в своем сфальсифицированном путешествии, поэтому пытался, где было возможно, объяснить их. Еще один пример: общение напрямую с Англией в тот момент, когда он должен был находиться в районе мыса Горн (что выглядело странным). Через три недели после необычного радиосеанса Кроухерст послал депешу операторам станции «Портисхед», в которой объяснял, что их «прямой контакт произошел по счастливой случайности» и что он вообще-то обычно связывался с Британией через радиостанцию Кейптауна. Также наблюдались несоответствия касательно погоды в районе Фолклендских островов. В метеосводке, относящейся к периоду, когда Кроухерст должен был находиться там, значатся сильные ветра и дожди. Это не вяжется с умиротворенным закатом, который моряк снял во время фактического пребывания в упомянутой зоне. В связи с этим яхтсмен выдумал байку, которую надиктовал на одну из магнитофонных пленок «BBC», вспоминая, как он «снимал восхитительный закат с закрытым объективом». Эта байка послужит хорошим объяснением, если запись окажется случайно испорченной. На другой пленке (запись сделана 16 мая) Кроухерст долго и нудно рассказывает о попытках послать депеши в Южном океане.

«Поток радиосообщений перенаправляется с «Портисхед» на радиостанции по всему миру, обеспечивая связь по всей планете через станции в Кейптауне, Сиднее и Веллингтоне. Конечно, есть и другие станции в Канаде, Ванкувере и пр., но те, которые я упомянул в первую

очередь, были наиболее интересны для меня… Мне бы скорее хотелось обмениваться сообщениями с радиостанциями всего мира по мере следования своим курсом. Я в общем-то общался и с Сиднеем – ну, возможно, я неправильно выразился, говоря, что общался с ними, но по крайней мере меня слышали в Сиднее и Веллингтоне, поэтому ничего плохого о них сказать не могу. Но мне бы хотелось, чтобы мои сообщения ретранслировались радиостанциями Сиднея и Веллингтона. К сожалению, не получилось. Мои сигналы были слишком слабы, а аккумулятор садился, и, как я уже сказал, мне не хотелось возиться с крышкой люка, закрытой наглухо и загерметизированной. Ну, вообще-то это был не чисто вопрос нежелания, потому что открывать люк в тех условиях было просто опасно. Погода стояла достаточно суровая, и в кокпит попадало много воды, так что я решил, что не стоит рисковать и держать люк открытым в течение нескольких часов. И в довершение всего стоял, конечно, главный вопрос: будет ли генератор вообще работать? Оказавшись в спокойном районе примерно в 1500 милях от мыса Горн, я открыл люк. Погода устаканилась, и барометр показывал высокое давление. Я открыл люк, но, конечно, не смог запустить двигатель, что неудивительно. Он долгое время не работал и даже не включался, простояв без дела в ужасных условиях. В него все же попало какое-то количество воды через один из вентиляторов, который не удалось загерметизировать, но который был закрыт старым брезентовым мешком. Это тот самый мешок, что я случайно прихватил в Тинмуте, и теперь очень рад этому. Я приобрел его вместе с маленькой яхтой «Pot of Gold».

Эти постановочные записи, сделанные Кроухерстом на пленку, показывают, каким он был хитрым и изворотливым лжецом, но все его выступления не слишком убедительны. Даже на бумаге текст этих записей сильно контрастирует с искренними сочинениями моряка – несвязными, беспокойными, слишком энергичными, чтобы обезоруживать, и изобилующими такими словами, как «в общем», «конечно» и «на самом деле». Производя эти тщательные приготовления для своей сочиненной истории, яхтсмен, должно быть, довольно сильно беспокоился о том, сможет ли он и дальше отстаивать свою версию. Если фальшивые речи, надиктованные в спокойной обстановке, в сосредоточенном

состоянии один на один с магнитофоном, были лучшим, на что его хватало, как же он тогда собирался держаться на пресс-конференции и светских приемах по возвращении? Возможно, его часто посещала мысль о том, что всю оставшуюся жизнь ему придется обсуждать свои подвиги, находясь в этой неудобной позиции оправдывающегося. Вероятно, именно на данном этапе путешествия Кроухерст начал серьезно сомневаться в своей способности справиться с этой задачей.

К тому же вызывал беспокойство нарастающий шквал депеш, приходящих на «Teignmouth Electron», с первыми упоминаниями о торжественной встрече, уготовленной ему в Британии, что наводило на определенные размышления. Тут были не только восторженные личные признания жены («горжусь тобой») и Пэт Биэрд («ты чудо!»), но также и впечатляющая своим размахом и мощью общественная шумиха, помпа, с которой тинмутцы, «BBC» и «Sunday Times» готовились к театральному, постановочному приему яхтсмена на финише. Холворт писал:

> «ТИНМУТ СГОРАЕТ ОТ ЛЮБОПЫТСТВА И ЖДЕТ ТВОЕГО ЧУДЕСНОГО ВОЗВРАЩЕНИЯ ВЕСЬ ГОРОД ПЛАНИРУЕТ ГРАНДИОЗНУЮ ТОРЖЕСТВЕННУЮ ВСТРЕЧУ – РОДНИ».

У Кроухерста оставался только один, последний вариант: проиграть Тетли. Это бы не решило всех его проблем, связанных с фальсификацией путешествия, но по крайней мере так можно было значительно упростить их. Как будто в подтверждение его намерений тримаран резко снизил скорость: во второй половине мая среднее проходимое за день расстояние едва превышало 70 миль. Аналитики «Sunday Times» уже прибавили неделю к ожидаемому времени возвращения Кроухерста из-за странных показателей скорости.

О мучительной неуверенности Кроухерста позволяют заключить пленки, записанные в середине мая. У него было любимое словечко «навигаторство» для обозначения серьезных мореходных дел: обеспечения правильной настройки парусов, поддержания оптимального курса и наведения порядка на яхте. Он всегда говорил об этом как о каких-то случайных, бытовых делах, не требовавших полной отдачи, подобных починке радиоприемника или передаче сообщений. Очевидно, в начале мая у Кроухерста ненадолго проснулся вкус к навигаторству, но начиная со второй половины месяца, судя по записям, его снова стали чрезвычайно занимать второстепенные задачи. 16 мая Кроухерст связался со своими фанатами из Англии, очевидно, желая подготовить их к вероятному развитию событий и

сообщить, что ему, возможно, не удастся выиграть.

> «В АГЕНТСТВО DEVON NEWS ЭКСЕТЕР… НАХОЖУСЬ 27° ЮЖНОЙ ШИРОТЫ 30° ВОСТОЧНОЙ ДОЛГОТЫ ИДУ НЕПЛОХО УЧИТЫВАЯ УСЛОВИЯ В ДАННОМ РАЙОНЕ ВОЗМОЖНОСТИ ОБОГНАТЬ ТЕТЛИ В НАСТОЯЩИЙ МОМЕНТ НЕТ ВОЗМОЖНО НЕБОЛЬШОЕ ОТСТАВАНИЕ».

Через четверо с половиной суток произошло самое необычайное по ироничности событие в этой и без того богатой различными происшествиями гонке.

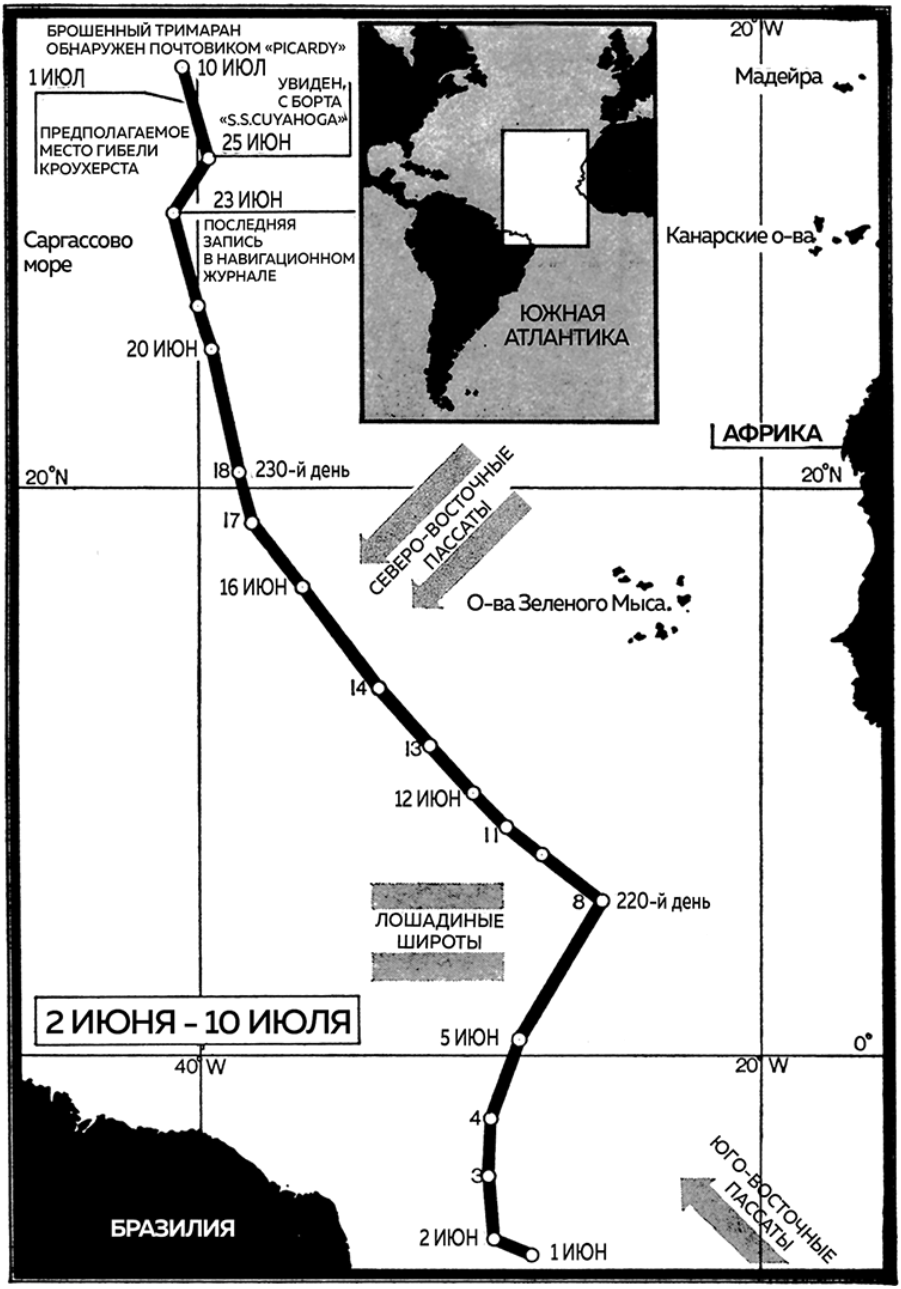
Капитан-лейтенант Королевских ВМС Найджел Тетли сорока пяти лет посвятил свою жизнь «навигаторству» еще до того, как поступил в военно-морской колледж Британии в Дартмуре. Моряку пришлось несладко во время путешествия, он постарел за те несколько месяцев нахождения в море, а его тримаран «Victress» подвергся куда более серьезным испытаниям, чем судно Кроухерста. Тем не менее, стоически сохраняя дух отважного морехода, Тетли только сильнее сжимал зубы и продолжал двигаться вперед. К чести моряка, в его послужном списке уже значилось несколько достижений. Он стал первым, кто обогнул мыс Горн на многокорпусном судне, а когда по возвращении его тримаран попал в точку пересечения маршрутов к северу от экватора, капитан (по одному определению), по сути дела, стал первым, кто совершил кругосветное путешествие на многокорпусном судне. Неожиданное появление Кроухерста за мысом Горн удивило его, но заставило только сильнее сжать зубы и поднажать еще крепче.

Как и у Кроухерста, на тримаране Тетли протекали поплавки, но поломки на яхте «Victress» были гораздо серьезнее. Капитану даже пришлось просверлить отверстия в носовых отсеках поплавков, чтобы вода *вытекала* из них. Тетли попал в серьезный шторм к северу от Бразилии и, стараясь выиграть у Кроухерста несколько часов, так усердно гнал лодку вперед, что она начала разваливаться на части. В нескольких местах палуба отошла, целые секции набора поплавков и корпуса были сломаны. Кроухерста беспокоили небольшие трещины в стекловолоконной оболочке судна, а на тримаране Тетли полностью содрало всю стеклоткань с левого поплавка. Моряк по-прежнему двигался вперед и наверняка дошел бы до финиша, если бы не стремился так сильно побить своего мошенничавшего соперника. И когда до дома оставалось 1200 миль из 30 000 миль всего маршрута, Тетли снова попал в шторм у Азорских островов и снова переусердствовал. 21 мая, вскоре после полуночи, нос левого

поплавка окончательно отломился, врезался в центральный корпус тримарана, и вся яхта стала наполняться водой. Пересев на надувной спасательный плот, Тетли наблюдал, как его «Victress» медленно исчезает, погружаясь в воды Северной Атлантики.

17. Неизбежный триумф

Теперь Кроухерст окончательно запутался в сетях обмана, которые сам же и сплел. Узлы затянулись так сильно, что их уже невозможно было распутать. Ирония его положения была настолько утонченной, что можно было заподозрить богов во вкусе к дешевым мелодрамам. Кроухерст, должно быть, и сам видел всю логическую цепочку событий, загнавших его в ловушку. Если бы он не сфальсифицировал свое кругосветное путешествие, Тетли бы не перегрузил свою яхту и благополучно прибыл к финишу, после чего получил заслуженные 5000 фунтов. Если бы яхта Тетли не потонула, сам Кроухерст смог бы без проблем добраться до родных берегов целым и невредимым, где достойно принял бы аплодисменты и восторги, причитающиеся отважному, пусть и не вполне благонадежному герою. Теперь же всю оставшуюся часть пути пристальное внимание общественности целиком и полностью будет направлено на него, а потом и на его судовые журналы. Хотел он того или нет, теперь уже было не избежать победы. Чтобы показать большее время, чем у Нокс-Джонстона, ему пришлось бы потерять еще два месяца, что превзошло бы все границы приемлемости и здравого смысла. Таким образом, ложь Кроухерста не только потопила тримаран Тетли, но и убила последнюю надежду яхтсмена на спасение. По крайней мере он лишился последнего шанса на рациональный выход из ситуации. Но ровно через месяц после сообщения о катастрофе Тетли Кроухерст нашел другой выход, другой вариант решения своих проблем – совершенно иного порядка. Он полностью отказался от «навигаторства» и погрузился в свой мир, где единственным значимым для него занятием было изложение откровений философского плана, мало-помалу созревавших в его голове.



О происходившем на борту тримарана в течение этого месяца можно узнать от самого Кроухерста, из его магнитофонных записей и радиосообщений, отправление которых занимало невероятно много времени. Наиболее удивительным является то, что они адекватные и вполне понятные. До самой последней пленки, записанной за день до того, как моряк засел за свои великие откровения, за поверхностным, наносным настроением,

за игрой на публику не проглядывает ни малейшего намека на глубокие, тяжелые мысли, обуревавшие яхтсмена в тот момент. Последний перелом, когда он наконец случился, был ужасен в своей неожиданности.

Кроухерст узнал о катастрофе Тетли 23 мая из радиограммы от Клэр. Жена сообщила яхтсмену, что спасательная операция прошла успешно, и посоветовала выразить соболезнования бывшему сопернику. Кроухерст так и сделал, пусть в несколько более живом тоне, чем того требовали приличия.

«ЭВЕЛИН ТЕТЛИ – СОБОЛЕЗНУЮ ИЗ-ЗА МЕРЗКОЙ КАВЕРЗЫ КОТОРУЮ СЫГРАЛ ДЭВИ ДЖОНС РАДУЮСЬ СПАСЕНИЮ КАПИТАНА».

Однако об истинных чувствах яхтсмена свидетельствует необычно пессимистичная радиограмма (пресс-релиз), высланная в тот же день Родни Холворту.

«ПРОХОЖУ В СРЕДНЕМ 23 МИЛИ В ДЕНЬ ЗАПАСОВ СПИРТА И ГОРЮЧЕГО МАЛО МУКА И РИС ЗАПЛЕСНЕВЕЛИ ВОДА ПРОТУХЛА СЫР ПРИОБРЕЛ ИНТЕРЕСНЫЙ ЦВЕТ».

В течение следующих двух недель Кроухерст двигался вдоль северо-восточного побережья Бразилии, возвращаясь в тропики. Становилось все жарче, и он проводил бóльшую часть дня полностью раздетым, оставляя на себе одни только наручные часы. Он сильно похудел, но, загорев, выглядел вполне здоровым, пусть и не очень чистым.

Насколько позволяли обстоятельства, Кроухерст предоставлял яхте идти, как ей вздумается, и на протяжении целых отрезков пути даже не утруждал себя поднятием грота. Однако его плавание не было увеселительной прогулкой по морю. Все старые неполадки плохо сконструированной яхты продолжали доставлять ему неприятности. Даже с уменьшенной парусностью, на скорости 2–3 узла, что позволяло сохранять палубу в общем-то сухой, моряку все же приходилось регулярно вычерпывать воду из поплавков. К тому времени ветровой автопилот полностью вышел из строя. На магнитофонной записи Кроухерст поделился своими соображениями относительно того, почему сломался рулевой Хаслера, и объяснил, как обходится без него.

«…Маятниковый сервопривод на самом деле не такое

уж и мощное устройство. По крайней мере не на тех скоростях, которые может развивать любая из многокорпусных яхт. Система в целом нестабильна… из-за чего приходится чересчур часто корректировать курс и частоту колебаний. Это означает следующее: когда вы идете в бакштаг [то есть по ветру], вы отклоняетесь от курса на 45° в одном направлении, корректируете курс и на этот раз снова отклоняетесь ровно на 45° уже в другую сторону – на попутном курсе двигаетесь буквально огромными зигзагами с полными поворотами под 90°.

…Помимо всего прочего, при таком управлении яхта подвергается ненужным нагрузкам: чем дольше не корректировать курс, тем сильнее силы, действующие на руль и на все элементы конструкции…

Только что сломался основной механизм. Неоднократный ремонт и работы по укреплению тут и там только продлили его агонию, но сейчас все уже позади, авторулевой целиком и полностью разбит… Поэтому пришлось изобретать что-то новое, и в большинство придуманных мной конструкций входят резиновые элементы. Однако подобные самодельные изобретения не гарантируют такого уж качественного подруливания при переменных ветрах, потому что каждый раз, когда меняется сила ветра, всю систему нужно перенастраивать. Это означает, что каждый раз вам приходится буквально передвигать элементы конструкции на доли дюйма. Вся хитрость, конечно, состоит в том, чтобы попытаться обеспечить сбалансированный ход яхты при помощи парусов, сводя коррекцию курса посредством руля к минимуму… Ради этого стоит потратить час или два, сделать все как нужно, чтобы потом забыть обо всем».

Устранение проблем с ветровым автопилотом долгое время занимало изобретательный ум Кроухерста, стимулируя его хотя бы на разработку теорий, если не на практическое воплощение идей. Он произвел несколько математических расчетов с целью подавления «колебаний». Яхтсмен описал и другие интересные эксперименты – такие как установка парусов на вантах, – но, как показывают записи на пленках, в конечном счете вернулся к традиционному способу, полагаясь преимущественно на слаженно работающие обычные паруса. Поломка ветрового автопилота была совершенно обычным делом на яхте моряка-одиночки, отправлявшегося в плавание на большие расстояния. И

Чичестер, и Нокс-Джонстон также столкнулись с этой проблемой и справились с ней аналогичным способом.

Самодельные приспособления для подруливания требовали постоянного контроля, из-за чего Кроухерст теперь спал урывками и обычно не дольше четырех часов. Обыкновенно он работал ночами, не ложась до рассвета, так как ходовые огни на яхте не работали, и он боялся, что в темноте его раздавит какой-нибудь большой пароход. Один из навигационных огней болтался на мачте вот уже несколько месяцев – до него не доходили руки, но главным образом Кроухерст не использовал их, потому что экономил электричество. Ночной образ жизни, долгое пребывание в замусоренной, заваленной различным хламом, плохо освещенной кают-е – все это усугубляло чувство одиночества, оторванности и стимулировало яхтсмена к рефлексии и самоанализу.

Как уже сообщалось в его последнем пресс-релизе, Кроухерст беспокоился по поводу заканчивающихся запасов пищи и расходных материалов. Он уже открыл последнюю литровую бутылку с метиловым спиртом и зажигал кухонную плиту только на короткое время. Он пытался свести количество расходуемого спирта к минимуму, но если наливал слишком мало топлива, приходилось ждать, пока не остынет горелка, прежде чем снова развести огонь. На магнитофонной записи Кроухерст говорит: «С подобным сталкиваешься постоянно, когда вещи становятся важнее времени. Но даже если на разведение огня будет уходить час, я все равно буду использовать тот установленный минимум горючего, не добавляя к нему ни капли, пусть это и позволило бы сократить время готовки». Все это превращало даже такой простой процесс, как заваривание чая, в сложное интеллектуальное упражнение. А с чаем была и другая проблема.

> «*Чаю конец. С ним случилось что-то странное. Думаю, на нем выросла плесень или еще какой-то грибок, но мне от этой штуки нехорошо, если я выпиваю хоть чашку. У меня много чая, наверное, около 14 фунтов, но я не могу его использовать*».

Между тем Кроухерст продолжил пить чай, как можно заключить по нескольким последующим записям. Позднее он приводит более детальное описание.

> «*Я уже говорил, что у меня не осталось чая… Но я тут провел небольшой эксперимент. У меня было такое чувство, что всему виной, возможно, какое-то загрязнение. Может, в чайнике выросла плесень. Мне не*

понравилось, как она выглядит. Я попробовал бросить пару ложек чая прямо в чашку, плеснул туда кипятка, и на этот раз все вышло отлично… Я предполагаю, что дело в психологии: я все ближе подплываю к Англии, а перспектива стать британцем, который не пьет чая, – это выше моих сил. Поэтому пришлось закалить свой характер и вернуться к старой привычке».

Прочие съестные припасы тоже стали покрываться плесенью, но у Кроухерста все же оставалось достаточное количество нетронутой грибком еды, чтобы можно было, при условии экономии и рационального использования, сидя на сбалансированной (можно даже сказать однообразной) диете, протянуть достаточно долго. Яхтсмен также урезал дозу витаминов – больших коричневых таблеток. Одним из основных продуктов питания, составлявших его рацион, была плохо пропеченная масса, которую он называл бисквитным (галетным) хлебом.

«*Мне он нравится, этот хлебец, хоть и начинает понемногу надоедать. Я питаюсь им уже в течение двух месяцев, но, несмотря на это, он все же хорош, и сейчас я расскажу вам, как готовлю его. Кладем яичный порошок с овсянкой и мукой в одну посуду, перемешиваем массу до однообразной консистенции, следя за тем, чтобы она не получилась слишком густой. Выкладываем ее в сковороду, смазанную маслом, предварительно кинув щепотку соли. Она нужна для того, чтобы не дать пригореть хлебу, ну и как приправа тоже сгодится. Хлеб печется с обеих сторон и поливается сверху медом… Не думаю, чтобы какой-нибудь диетолог нашел в нем что-то опасное… Тут сахар, крахмал, протеины – все отличного качества*».

Запасы алкоголя на тримаране почти подошли к концу. У яхтсмена остались бутылка рома и 18 бутылок крепкого английского эля. Кроухерсту пришлось урезать квоту спиртного и баловать себя бутылочкой только после того, как он выполнит какое-нибудь неприятное занятие, что являлось хоть каким-то стимулом для моряка с его безалаберным «навигаторством». В общем-то недостаток этой жидкости беспокоил его куда меньше, чем быстро тающие запасы топлива. 29 мая Кроухерст выслал радиограмму Эллиоту, спрашивая, можно ли использовать для работы генератора смесь из керосина и бензина, чтобы протянуть подольше. Так он сам выдал еще одно несоответствие в его предполагаемом путешествии, и оно опять прошло

незамеченным. Если он так долго не пользовался генератором, на что же тогда был израсходован весь бензин?

В тот же день, когда была отослана радиограмма, Кроухерст сообщил на большую землю о новой проблеме, которая, с его точки зрения, нивелировала все остальные затруднения до уровня незначительных. Передатчик «Marconi Kestrel» стал давать сбои. Преобразователь, обеспечивавший подачу высокого напряжения, понемногу выходил из строя. Яхтсмену удалось отослать телеграмму на завод «Marconi Kestrel», и он спрашивал у тамошних специалистов совета. Ему сказали, что следует ограничить использование радиопередатчика и применять его только для отсылки депеш, а также, по мере возможности, обходиться без телефонных звонков. Его предупредили, что даже в таком случае прибор будет работать недолго.

Это был тяжелый удар для Кроухерста. Он мог продолжать принимать радиограммы при помощи приемника «Racal», однако телефонный разговор с женой оказался теперь под вопросом, и больше нельзя было развлекать себя регулярной отправкой радиограмм. Через несколько дней передатчик окончательно вышел из строя. В результате моряк стал еще более отрезанным от мира, еще более одиноким и еще менее способным контролировать события по мере того, как он приближался к финальной точке своего путешествия. В этот непростой период плавания его единственная связь с большим миром и внешней реальностью была разорвана.

Теперь все остальные проблемы отошли на второй план, и самой главной задачей стало скорейшее возвращение в эфир. Последние две недели, во время которых Кроухерст пребывал в нормальном психическом состоянии, он провел за своим крошечным столиком, работая по 16 часов в день. Раздевшись догола из-за тропической жары, яхтсмен одержимо паял, собирая из имеющихся в наличии деталей модуль, благодаря которому, как он надеялся, передатчик заработает снова. Было еще одно занятие, которому он предавался время от времени. На протяжении многих часов он надиктовывал на магнитофон длинные монологи, как будто старался уберечь себя как личность и сохранить хоть какое-то ощущение связи с другими людьми. Эти разговоры велись неизменно спокойным тоном, хотя было ясно, что Кроухерст играет на публику, находясь перед микрофоном. Благодаря этим записям последний этап плавания яхтсмена задокументирован лучше остальных, пусть и поверхностно. На них Кроухерст предстает перед зрителями смельчаком, несмотря на все трудности, отважившимся на

дерзкое предприятие, интеллектуалом, обладающим даром наблюдать. Что же действительно происходило у него в голове, что пряталось за этим образом – об этом можно только догадываться.

Как и раньше в моменты одиночества и стресса, яхтсмен искал хоть какое-то успокоение в дружбе с морскими обитателями. 9 июля он оторвался от паяльных работ, оставил электронные приборы и попытался записать звуки, которые издавали морские свиньи, резвящиеся около яхты. Оказалось, это не так просто сделать, что немало озадачило Кроухерста. Человеческое ухо обладает способностью выделять звуки определенной частоты, отсекая шум снастей и плеск моря, в то время как микрофон не улавливал писк морских млекопитающих. Яхтсмен описал озорную игру с морскими свиньями, в которую он включился, очевидно пытаясь добиться внимания и расположения животных.

> «*Они резвятся вокруг яхты. Они думают, что взяли ее в оборот. Я устраиваюсь на носу, и как только кто-нибудь из них решает прыгнуть, разгоняется до такой скорости, что уже не может остановиться, включаю фонарик и направляю луч прямо на животное. Вероятно, для них это жестокая шутка. Я уверен, на какое-то время это ввергает их в панику… Они крутятся в воздухе, снова падают в воду и разгоняются до неимоверной скорости, вихляя зигзагами и пытаясь уйти от луча, который я направляю прямо на них. За 2–3 секунды они проплывают до 150 ярдов. Скорость, которую они развивают, поразительна. А потом они постепенно возвращаются, чтобы посмотреть на странное существо, интересуясь, что оно может вытворить на этот раз. Так что эти животные достаточно смелые, хоть иногда и пугаются. Они всегда возвращаются, чтобы исследовать заинтересовавший их предмет*».

Кроухерст готовился пересечь экватор и шел через «конские» широты к району северо-восточных пассатов. Это означало, что теперь он мог направить «Teignmouth Electron» прямо на северо-запад и идти под стакселем и бизанью, медленно продвигаясь к заросшему водорослями Саргассовому морю, где обрели свой последний приют многие суда. Он мог теперь не уделять особого внимания яхте, а сидеть внизу и спокойно заниматься ремонтом передатчика. Низкая скорость не беспокоила его, как не волновал и тот факт, что его сносит на запад, в результате чего яхта отклоняется от желаемого курса. Он был так поглощен

паяльными работами, что иногда терял ощущение времени и забывал произвести астрономические замеры в полдень. Теперь уже было не важно, потеряет ли он или наверстает два-три дня, отнесет ли его на несколько миль в сторону от нужного курса: никаких последствий за собой это не влекло.

Кроухерст поставил перед собой невероятную задачу – наладить передатчик «Marconi Kestrel». Сперва он разобрал прибор, но не смог его отремонтировать, поэтому замахнулся на большее. На борту яхты имелся небольшой радиотелефон «Shannon», который предназначался для работы на средних волнах и имел малый радиус действия. Кроухерст решил модифицировать его, чтобы можно было передавать сообщения по коду Морзе на большие расстояния. То есть, другими словами, он вознамерился полностью изменить суть устройства. Ему предстояло переконструировать и переделать все ступени электрической цепи, используя одновременно транзисторы с электролампами, пьезоэлементы и детали из передатчика «Kestrel». И хотя у Кроухерста было множество запчастей на борту, но нужных учебников, инструкций или тестовых приборов для разработки основ необходимого устройства все же не имелось. Прежде чем приступать к собственно сборке, нужно было подготовить несколько специальных тестовых приборов и разработать теорию на базе основных принципов. Это была грандиозная задумка, трудно осуществимая в любых, даже лабораторных условиях, не говоря уже о том, что приходилось этим заниматься в тесной каюте яхты, раскачивающейся на волнах. Это обстоятельство, как упомянул Кроухерст, само по себе создавало опасность.

> «*Когда все вокруг качается, можно нанести себе, мягко выражаясь, серьезную травму. Может сильно ударить током, и никто не окажет тебе первой помощи и не выпутает из проводов. Этого, естественно, я хочу избежать в первую очередь. И все же у меня большой практический опыт, я много раз имел дело с различными приборами, работающими под высоким напряжением. В юные годы я был одержим высоковольтными передатчиками, и хотя ничего приятного в этом нет, когда тебя бьет током, у меня, возможно, развилась устойчивость к нему или что-то вроде этого. Но, как я уже сказал, если ты один, это уже немножко другое дело*».

Через несколько дней в каюте был создан настоящий бедлам. Именно такой вид она и сохранила до самого конца путешествия.

17 июня Кроухерст привел красочное описание антуража своих апартаментов на пленке.

> «*Тут у меня образовался маленький хаос… Пять контейнеров с деталями, что-то сложено внутри их, а что-то лежит на столе. Остатки завтрака, несколько банок, которые я вытащил из отсека в поплавке, когда вычерпывал накануне воду, 12 банок с бифштексами, 24 банки молока, 12 фунтов сыра – все это валяется на полу. Койка усеяна радиодеталями, не говоря уже о спальном мешке и одежде. Внутренности двух передатчиков разложены на столе. Транзисторный преобразователь, извлеченный из «Marconi Kestrel», лежит с одной стороны, а детали передатчика «Shannon» повсюду на рабочих стендах. Одно за другим, одна мелочь к другой – так и создается первозданный старый добрый хаос*».

В каюте было жарко. «Teignmouth Electron» находился почти рядом с тропиком Рака, а поскольку приближался день летнего солнцестояния, в полдень светило находилось прямо над головой. Кроухерст поставил парус над люком как дефлектор, чтобы тот направлял поток воздуха в каюту, благодаря чему удалось понизить температуру со 100˚F до 80˚F. Это сделало условия работы сносными, хотя ему доставляла много неприятностей боль в неприличном месте…

> «*Я уже говорил о том, как здорово работать полностью раздетым… Все тело наслаждается, кроме одного места. Недавно, когда я садился, паяльник упал прямо на сиденье, и я обжег себе зад. Если я начинаю потеть, это раздражает. Кроме того, я работаю за обеденным столом, и здесь меня подстерегает другая опасность. Всегда есть вероятность, что капли расплавленного припоя упадут на колени, что не очень приятно! После нескольких таких случаев становишься очень осторожным и следишь за тем, куда капает расплавленный металл*».

Представьте себе голого, потного человека с обожженным задом, сидящего посреди хаоса в замусоренной и заваленной всяким хламом каюте. Едва ли фанаты из Англии, редакторы «Sunday Times» и члены городского совета Тинмута, готовясь к триумфальной встрече, рисовали себе будущего героя таким.

Приступая к работе, Кроухерст ставил рядом радиоприемник. Так он мог слушать трансляцию различных отборочных матчей и принимать входящие радиосообщения (отвечать на них он, естественно, не мог). 18 июня, когда яхтсмен производил запись очередной речи на пленку, пришла радиограмма следующего содержания:

> «ПОЗДРАВЛЯЮ С УСПЕХАМИ В ПЛАВАНИИ ЗАБРОНИРОВАЛ ВРЕМЯ ДЛЯ ТРАНСЛЯЦИИ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ТЕЛЕВИДЕНИЮ В ДЕНЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ СЕМЬЯ ТОЖЕ ДОЛЖНА НЕПРЕМЕННО ПРИСУТСТВОВАТЬ НУЖНО ПРИГОТОВИТЬ ОТСНЯТЫЕ КИНОПЛЕНКИ И МАГНИТОФОННЫЕ ЗАПИСИ ЛЮБЫЕ ДРУГИЕ ИДЕИ ТАКЖЕ ПРИВЕТСТВУЮТСЯ ПРОСЬБА СООБЩИТЬ О НИХ ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ ЗА ЧЕТЫРЕ ДНЯ ДО ПРИБЫТИЯ В ТИНМУТ МОГУ ОРГАНИЗОВАТЬ ВСТРЕЧУ НА КАТЕРЕ ИЛИ ВЕРТОЛЕТЕ НА ПОДХОДЕ К АЗОРАМ БРЕТАНИ ИЛИ ОСТРОВАМ СИЛЛИ ОТВЕЧАЙ КАК МОЖНО СКОРЕЕ = ДОНАЛЬД КЕРР».

Даже если до этого Кроухерст не осознавал, какой грандиозный прием ему готовят дома, теперь-то до него наверняка дошло, что его ожидает: встреча на катерах и вертолетах, специальные телепрограммы по национальной сети Британии и прочее, и прочее… Но даже если яхтсмен и был встревожен, это никак не проявляется в его записях. Он просто воскликнул: «Ну как вам это нравится!» – и снова вернулся к работе над передатчиком, чтобы выслать ответ. На протяжении следующих трех дней пришло еще несколько телеграмм от «BBC» с просьбами, которые раз за разом становились все настойчивее. Дональд Керр, не получив ни одной вести от будущего героя, теперь предлагал встретить яхтсмена у острова Сан-Мигель (Азоры), который располагался южнее того района, до которого намеревался дойти Кроухерст.

Кроухерст вслух порассуждал об этом, записывая речь на магнитофон. Он также выразил озабоченность относительно письма из «Sunday Times» (этот отрывок предназначался для публики), в котором шла речь о строгих правилах гонки. Учитывая, что он нарушил их все до единого, его заявление звучало до безобразия неискренне.

> «*Ну конечно, дорогой Дональд, тебе, должно быть, хочется узнать, получил ли я твои депеши… Ни в коем случае не хочу сказать, что не желаю встречаться у острова Сан-Мигель, если это как-то утешит тебя…*

Только, по моему мнению, совершенно необходимо, чтобы все встречи проходили под надзором организаторов гонки – «Sunday Times». Им следует разместить наблюдателя, но я не могу сказать наверняка, будет ли он там. Более чем вероятно, что они не примут предложения, и уж конечно, вам следовало бы дать слово, что вы не оказывали мне никакой помощи. Для меня же было бы предпочтительнее, если бы наблюдатели все же присутствовали в указанном районе».

Дональд Кроухерст наговорил эти слова на пленку в полночь 21 июня, всего за 60 часов до того, как засел за написание философских откровений в конце последнего этапа своего фактического участия в гонке. Почти до самого финала он продолжал выдумывать конструктивные планы для придания достоверности своим записям, имитирующим кругосветное путешествие.

Возможно, также для ответа на радиограммы «BBC» ранее этим же днем он решил еще раз заснять себя на кинопленку. Перед тем как включить камеру, ему пришлось одеться, как он выразился, из уважения к наиболее чувствительным зрителям.

«Я раскопал в горе вещей веселенький кусок ткани, из которой шьют полотенца, и соорудил себе саронг. Помнится, Билл Хауэлл [Таити Билл] был большим любителем подобного рода одеяний при путешествиях в тропиках. Теперь я выгляжу вполне нарядно, просто как райская птица. Не знаю, как мое одеяние будет смотреться на пленке, но с того ракурса, откуда вижу его я, оно довольно зрелищно. Полотенце не очень широкое. Сначала я попробовал обмотать его вокруг тела спиралями. Но, во-первых, спираль соскальзывала все ниже, защищая саму себя, а во-вторых, очень ограничивала движения в коленях. Теперь я превратил его в мини-саронг, самый маленький, который когда-либо существовал на свете. Однако он хорошо выполняет свою функцию».

Перед камерой Кроухерст разыграл сцену снятия астрономических замеров, а потом отснял собственный завтрак. Конечно, на столе присутствовали пиво и летучая рыба. «Я в общем-то не ем рыбу, ну вы знаете», – признался яхтсмен. Когда он доставал пиво из поплавка через люк, этот его самодельный саронг чуть было не привел к трагедии.

«*Крышка люка упала мне на голову, и теперь там синяк и небольшая рана. Думаю, я слегка одурел от удара и утратил координацию движений, потому что, выбравшись на палубу, чуть было не свалился за борт. Вероятно, все из-за двойного воздействия: тесного саронга вокруг ног и удара крышкой по голове*».

Яхтсмен тут же привел объяснение, почему он не очень-то беспокоится по этому поводу:

«*Чтобы подстраховаться от неожиданностей подобного рода в достаточно спокойных условиях, когда надевать страховочную привязь просто нецелесообразно, я бросаю длинный линь на корме, по которому можно забраться на борт, если все же упадешь в воду, а яхта будет двигаться со скоростью узлов пять. Думаю, от него больше пользы, чем от страховочной привязи*».

Кроухерст упоминал этот линь ранее в своих судовых журналах и снова говорит о нем на пленке. Похоже, бросать такой линь за борт в качестве меры предосторожности вошло у него в привычку.

После съемки Кроухерст описал, как ведет учет отснятых записей.

«*Мне нужно вытащить пленку из камеры, засунуть ее в картонную коробку, заклеить коробку, занести содержание заснятого в судовой журнал, чтобы материал был зафиксирован два раза: одна этикетка на жестяной коробке, а другая – в журнале. Таким образом, если одна потеряется, другая сохранится*».

Это еще одно доказательство того, что Кроухерст вел четвертый журнал. Ни в одном из сохранившихся судовых журналов – ни в первом, ни во втором, ни в радиожурнале – нет перечня материалов, содержащихся на отснятых пленках. Он аккуратно вел список магнитофонных записей в конце Журнала № 1, но подобного же списка отснятого на киноленту материала не имеется. Если Кроухерст действительно вел регистрацию кинороликов в Журнале № 4, это неудивительно, потому что мы знаем: чаще всего яхтсмен проводил съемки в течение тайного периода своего путешествия.

Рано утром 22 июня Кроухерст наконец закончил работу. Передатчик теперь функционировал, и яхтсмен связался по азбуке

Морзе со станцией «Портисхед». Он отослал радиосообщения в редакцию «BBC», Родни Холворту и своей жене. После чего впал в эйфорию и всю ночь оставался в этом состоянии удовлетворения самим собой, а затем надиктовал на пленку пламенную речь, как и полагалось герою.

> «*Думаю, именно эти моменты делают плавание на маленьких яхтах таким привлекательным занятием, приносящим удовлетворение и радость. Именно поэтому люди выходят в море на парусных судах. При яхтинге сталкиваешься с множеством проблем, и они, по сути, не такие уж и сложные. Некоторые из них находятся за пределами твоих возможностей. Так уж вышло: я умею чинить передатчики, что не каждому дано, но поломка радиооборудования – достаточно типичная проблема. Это яркий пример, позволяющий понять, почему люди плавают. Просто они знают, что в море с ними будут приключаться различные вещи и придется проявить всю свою находчивость. Но возможность преодолевать трудности и справляться с новыми задачами, конечно, приносит чувство удовлетворения. Я очень доволен собой на данный момент*».

Слог Кроухерста становился все более напыщенным. Он рассуждал о физиологических удовольствиях пребывания в море – довольно необычная тема для него, – о том, как приятно лежать в тихую летнюю ночь на палубе, когда температура не опускается ниже 70° F.

> «*Да, чудесная ночь. За тремя корпусами яхты тянется фосфоресцирующая дорожка. Брошенный за корму линь оставляет за собой длинный след, светящийся как хвост кометы… Думаю, Канары или Азоры – идеальное место для жизни, но на какое-то время для меня сойдет и старая добрая Англия…*»

Спасательный линь, заметьте, все еще был привязан на корме. Кроухерст также пообещал поднажать, чтобы вернуться в старую добрую Англию.

> «*Теперь, когда больше не нужно ковыряться с приемником, я смогу кучу времени уделять «навигаторству», добавить скорости, снова действовать быстро и решительно, поднять грот и мчаться на всех парусах*».

На самом деле Кроухерст так и не вернулся к «навигаторству». Утром 22 июня от его эйфории не осталось и следа. Проснувшись, он вдруг осознал, что возможность отсылать сообщения домой азбукой Морзе не решит всех его проблем. Моряк провел бóльшую часть дня у радиоприемника, устраивая встречу с представителями «BBC» (что снова напомнило ему о предстоящем испытании) и отсылая сообщения для Родни Холворта о синдикационных контрактах (он продолжал беспокоиться о деньгах). Он по-прежнему мог общаться только с помощью точек и тире, и его безумное желание переговорить с Клэр так и не было удовлетворено.

Между тем Кроухерст снова разобрал свой маленький передатчик «Shannon» и начал работать над новой задачей: передачей голосовых сообщений на большие расстояния на высокой частоте. Как обычно, он трудился ночью, а утром 23 июня попытался связаться с радиотелефонной станцией в Балдоке. Попытка закончилась неудачей. В голосе яхтсмена были раздражение и злоба, когда он изливал на пленку признания и жаловался на неудачный день.

> «*Не так уж и быстро я продвигаюсь. Даже если немножко заняться «навигаторством», это ни к чему не приведет. К тому же после всего, что случилось сегодня, у меня нет никакого желания возиться с парусами. Я ковырялся с этим чертовым передатчиком. Работа увлекательная… Мне так и не удалось добиться… В общем, ничего хорошего*».

Но нужно снова отметить: речь шла о радиоэлектронике, его любимом занятии, о той сфере, в которой он разбирался лучше всего, которая его занимала, когда все остальное шло из рук вон плохо.

Кроухерст выслал радиограмму Клэр, где сообщал, что пытался позвонить ей, но оказалось, что это невозможно. Охваченный отчаянием, он выслал запрос в «Sunday Times», интересуясь, можно ли немного обойти правила и позволить ребятам из «BBC» забросить ему на борт кое-какие запчасти для приемника «Marconi». Фактически это никоим образом не повлияет на конечный результат путешествия, убеждал он себя, зато упростит многое. Из «Sunday Times» ответили отказом. Правила были нерушимы.

Скорость яхты Кроухерста снизилась еще больше. Он вышел из района северо-восточных пассатов и теперь входил в полосу капризных ветров «конских» широт. Длинные гирлянды

водорослей, через которые приходилось пробираться «Teignmouth Electron», наводили на мысль о приближении к мрачному и зловещему Саргассову морю. Чувство отчужденности и одиночества только усилилось с появлением испанского пассажирского лайнера: его команда специально изменила курс, чтобы взглянуть на моряка вблизи.

> «*Я мог различить людей, стоящих на капитанском мостике. Пассажиры вышли, чтобы поглазеть на любопытное морское животное, пересекающее океан. Я мог слышать голоса толпы, доносящиеся до моей яхты. Они, наверное, говорили: «Посмотрите, справа по борту сумасшедший англичанин на лодке. Если подойти к перилам, можно посмотреть на него совершенно бесплатно». Ну или что-то вроде этого на испанском*».

В саргассовых водорослях яхтсмен нашел себе нового товарища, еще одну морскую тварь. На этот раз не веселую морскую свинью, а миниатюрного монстра из океанских глубин. В записи, сделанной 23 июля – последний день, когда он находился в здравом уме, – Кроухерст вкратце описал своего товарища. Он говорил напряженным голосом, через силу, и в интонациях уже проявлялось его истинное эмоциональное состояние.

> «*Я выловил из воды одного из этих маленьких монстров… У них четыре рудиментарных конечности, но на конце каждой находятся восемь отростков, то есть всего у них 32 конечности, которые складываются на спине и, очевидно, приспособлены для хватания. Существо похоже на маленькую ящерицу с самой нежной и необычной окраской, где преобладают голубые и серебристые тона. Со спины существо бледно-розовое, а его живот представляет собой маленькое твердое образование. Я посадил его в пластиковый контейнер. Я думал сделать его своим домашним животным. К сожалению, я оставил своего питомца на солнцепеке, и контейнер сильно нагрелся… Очевидно, он себя почувствовал плохо. Я понял, что наделал, ведь, по сути дела, я чуть не убил его. Я быстро поменял воду в контейнере, и мой приятель немного ожил, но на следующий день умер. Но вот что занятно: он почти полностью исчез, за исключением туловища. В контейнере плавал маленький розовый шарик, но от всего остального не осталось и следа.*
>
> *Можно сказать, это существо обладает всеми*

качествами монстра из какого-нибудь научно-фантастического фильма. Если увеличить его в 300 раз, он смог бы пугать людей в лучших традициях Герберта Уэллса… Типа Кракена – кто написал «Кракен пробуждается»? Не могу сказать точно, но мне бы не хотелось, чтобы люди увлекались историями подобного рода, ну вы знаете, о море. Лежишь, бывало, ночью в каюте, а к тебе приходят всякие глубинные подсознательные страхи о том, что в этот момент что-то неизвестное подбирается к тебе, чтобы возвестить о своем прибытии – Кракен! Какие ужасные вещи таятся в безднах и поджидают Кроухерста и его тримаран! Конечно, это смешно. Ха-ха-ха! Но смех не прогонит это темное тревожное чувство в глубине души».

В конце пленки Кроухерст произнес свои последние слова, обращаясь к миру. Это было заявление о его физическом самочувствии, прозвучавшее несколько резко и надрывно.

«Я нахожусь в неимоверно отличной форме… У меня такое чувство, будто я могу осуществить все свои стремления и желания, которые вынашивал в детстве – например, сыграть в сборной Великобритании по крикету. Я чувствую себя на вершине мира и неимоверно бодр, здоров и свеж. Мои рефлексы просто поразительны. У меня такая реакция, вы просто не поверите. Я ловлю предметы еще до того, как они начинают падать. Я настолько доволен этим, просто очень доволен. Я нахожусь в отличной физической форме.

Думаю о тех обрюзгших мужиках – бюрократах в серых фланелевых костюмах с Мэдисон-авеню… Ведь это чистая правда. Меня беспокоит опасность, скрывающаяся в том сидячем образе жизни, что мы ведем. Получается, мы, проводя весь день в кресле, убиваем себя, да к тому же еще попусту тревожимся о разных мелочах. Беспокоимся о ближайшем конкуренте на своем уровне пирамиды. Крысиная гонка! Все это плюс неимоверно нездоровый образ жизни. Я уверен, что мы подвергаем себя большой опасности, живя так. И нет лучшего средства избавиться от этого яда, чем отправиться в море. Перефразируя доктора Стрейнджлава – того странного полковника Стрейнджлава, – ты должен избавиться от ядов в своем теле. Я не знаю, что они собой представляют, но от них нужно избавиться. И вот вам способ, как это можно сделать: уйти в кругосветное плавание. Я нахожусь в

отличной форме. Никогда еще не чувствовал себя так…»

На этой двусмысленной фразе, которая несет в себе в каком-то смысле роковое пророчество, пленка на катушке заканчивается. Пройдет еще 24 часа, и Кроухерст прекратит существовать как личность и вести себя рационально и адекватно. 23 июня он в последний раз занес в судовой журнал данные астрономических замеров и после этого уже больше не занимался навигацией систематически. Он оставил все попытки управлять яхтой и предоставил ей свободно дрейфовать через Саргассово море. Заботы, страдания и суета реального мира больше не волновали его. Он просто самоустранился.

Мы не можем сказать точно, что вызвало безумие Кроухерста. Случилось ли это по физиологическим причинам? Может быть, всему виной были лекарства или алкоголь? Может, недостаток витаминов или чай с плесенью? Мы изучили все гипотезы, но результаты свидетельствуют не в пользу отравления какими-либо веществами[29]. Вероятно, причиной всему стресс, накопившийся в результате критических ситуаций – одиночества, враждебного окружения, осознания собственной лжи и настойчивых напоминаний о том, что через две недели его ожидают дома, чтобы обрушить на его голову неуемное внимание общества и увенчать лавровым венком, как и полагалось поступать с национальным героем. Другого выхода, кроме как уйти из реальности, не было.

В течение последних часов перед тем, как его настигло безумие, моряк испытал разочарование: ему не удалось переговорить с Клэр по телефону, а поток запросов от «BBC» не прекращался. Но это были лишь последние соломинки: они не изменили сути затруднительного положения Кроухерста. В довершение всего, должно быть, моряк все больше убеждался в том, что обман не сойдет ему с рук. По сути дела, буквально каждое действие моряка на заключительном этапе путешествия было направлено на убеждение себя самого в правдивости своей истории. На превращение желаемого в действительное. Изощренные выдумки Кроухерста свидетельствуют о том, насколько сильно он был обеспокоен. Но его ложь была неубедительной и лишь расшатывала его и без того неустойчивое положение.

Если Кроухерст и чувствовал, что не сможет просто так выпутаться из сетей обмана, то он почти на сто процентов был прав. Подозрения, давно закравшиеся в душу сэра Фрэнсиса Чичестера, не давали ему покоя. Отправившись в отпуск в Португалию, он решил, что пришла пора приступить к

тщательному дознанию. Как председатель судейского комитета он написал письмо Роберту Риделлу, секретарю гонки «Sunday Times», в котором просил инициировать расследование.

18. В темный тоннель

24 июня 1969 года, в день летнего солнцестояния, Дональд Кроухерст сел за написание новой работы – необычайных по силе и значимости откровений, где он излагал истину, недавно открывшуюся ему. Движимый непреодолимым желанием, он открыл Журнал № 2, где и начал монументальный философский труд, и за следующую неделю сотворил что-то вроде завещания объемом в 25 000 слов. Он писал размашисто и небрежно, с явным азартом и большим удовольствием, порой быстро, легко и свободно, а случалось, на него накатывали чувства, обуревали страсти, и он выводил целые абзацы заглавными буквами, тесня их друг к другу на протяжении всей страницы. Каждое слово имело огромную значимость. Кроухерсту нужно было донести миру важное послание, и он чувствовал, что у него только семь дней, чтобы закончить свою работу. Даже в самом начале, когда моряк только приступил к записям, его психическое состояние вряд ли можно было назвать нормальным, и с каждой написанной страницей он все больше терял контроль над собой, своей личностью, а к тому моменту, когда закончил свой монументальный труд, потерял всякую связь с реальностью.

Двигаясь по Саргассову морю в окружении странных водорослей и населяющих его существ, как будто порожденных галлюцинациями больного разума, Кроухерст пребывал в состоянии полного спокойствия и умиротворения. Весь день светило горячее летнее солнце, а ночью Кроухерст обходился тусклой лампой накаливания или зажигал свою самодельную мерцающую керосинку. В тесной каюте, где проходил незатейливый и неряшливый быт одинокого мужчины, вот уже восемь месяцев толком не убирались, и здесь появился запах. Воняло так, будто грязное белье облили овощным соком, оставили на какое-то время, а потом засунули в духовку[30]. Скопившаяся за несколько дней посуда – тарелки, блюдца, чашки с остатками испорченного соуса карри – все горой было свалено в раковине. Постель источала тяжелый запах. Полуторалитровая бутылка с остатками метилового спирта стояла рядом с раковиной. Спасательный жилет и страховочная привязь, которыми не пользовались вот уже многие недели, были свалены в отсеке на корме. Судовые журналы лежали на маленьком столике, до сих пор заваленном радиодеталями и инструментами, которые яхтсмен использовал, пытаясь переконструировать радиотелефонный передатчик. Слева, поперек жестяной банки из-под сухого молока примостился паяльник, а вокруг были

раскиданы транзисторы, наушники и мотки медных проводов. Если не получилось переконструировать передатчик, может быть, удастся сделать что-нибудь с судовыми журналами? Но что? К Журналу № 1 он не притрагивался с декабря прошлого года. Радиожурнал содержал подлинную информацию, но эти сводки, принятые с различных радиостанций, и одна-две радиограммы со странными текстами, несомненно, вызовут подозрения. Журнал № 2, полностью разоблачающий поддельное путешествие, содержал набор данных о плавании за последние пять месяцев. Журнал № 4, если наша теория верна, представлял все совершенно в другом свете.

Кроухерст уселся за столик и принялся пролистывать журналы один за другим. Даже в своем теперешнем нестабильном состоянии моряк осознавал скрытый в них смысл и все больше убеждался в простой истине: ему нельзя было возвращаться в Тинмут. Вообще. Он просматривал журналы до тех пор, пока не наткнулся на ту единственную запись, которая хоть как-то могла успокоить его истерзанную душу. На одной из страниц он нашел свои критические заметки на «Теорию относительности» Эйнштейна.

Эти записи принесли Кроухерсту больше чем успокоение. Они несли в себе откровение. Эйнштейн предлагал идеальный способ совладать с его кошмаром! Когда физик сталкивался с неразрешимой математической задачей и заходил в тупик, он просто «оговаривал условие свободной воли», благодаря которому затруднение должно было исчезнуть.

Если Эйнштейн мог заставить произойти какое-либо событие просто потому, что *хотел* этого, то и Кроухерсту это было по силам. Он обладал свободной волей, чтобы вообразить все, что ему хочется! А в настоящий момент он желал только одного: сбежать из тесной каюты и выйти из затруднительного положения. Поэтому яхтсмен перевернул страницу в Журнале № 2 и вывел вверху заголовок новой работы, призванной утвердить силу разума над материей. После чего начал излагать свои рассуждения, имея целью показать всем, какие чудеса он в состоянии совершить. Подобно рычагу, при помощи которого можно поднимать невообразимо огромные и тяжелые предметы, если приложить к нему усилие с умом, Кроухерст также при определенных обстоятельствах мог творить невообразимое.

«*ФИЛОСОФИЯ*

Человек – это рычаг, который сам определяет длину своего плеча и пределы своей силы. Намерения и цели

человека, его способности определяют месторасположение точки опоры.

Человек с чисто математическим складом ума поместит точку опоры рядом с точкой приложения усилия. Его деятельность большей частью будет носить умственный характер, а не физический. С ее помощью можно поднять некий «груз» – претворить в жизнь идеи, для чего на протяжении всего процесса потребуется только лишь его собственный разум и разум людей, подобных ему. Страшное откровение, заключенное в формуле $E=mc^2$, – великолепный пример наивысшего достижения такого вида деятельности.

Экстраверт, например политик, расположит точку опоры ближе к весу, так как его задача – сдвинуть политико-экономическую систему страны или даже всего мира. И в том и в другом случае на ход истории человечества оказывается огромное влияние. Великолепный и душераздирающий пример – первое использование идеи из формулы $E=mc^2$ на практике. Я имею в виду бомбардировку Хиросимы».

Рассуждения выглядят вполне рационально и изложены почти научным языком. Но как только Кроухерст внес их в журнал, его разум поплыл, а новые записи стали бессвязными и бессмысленными.

«*Эйнштейн – еврей – лицо Бога, или Христос – мессия? Царь, который несет евреям спасение? Ядерную энергию! Тайны пророчества!*

Прогресс разума. Этапы развития человека на примере системы образования: начальное, среднее, высшее. Полная классификация невозможна, пока не достигнута наивысшая стадия. Для закосневшего разума текущий этап всегда кажется продвинутым. Для свободного разума состояние здесь и сейчас всегда будет начальной стадией».

Это типичный отрывок из сочинения в 25 000 слов, с прямолинейными, систематически организованными доводами под стать научным, которые под действием фантазий Кроухерста неожиданно превращаются в бессвязные дикие фразы. Он уже выписал в форме тезисов основные положения своей новой теории: ум некоторых людей, включая его собственный, развился настолько, что теперь его обладатели освободились от обычных ограничений материального мира, поэтому могут обрести

спасение и дар пророчества. Остальные люди, ум которых несвободен и закоснел, по-прежнему думают о ветрах и приливах, о кругосветных путешествиях, поэтому они просто не могут постичь новые чудесные возможности разума, не понимают великого чуда.

Затем Кроухерст пустился в путаный рассказ о математической загадке – квадратный корень из минус одного. В этой задаче, рассуждал он, заключена великая тайна. Точно так, как формула $\sqrt{-1} = i$ может превращать обычные цифры в «мнимые», непостижимые для закосневших умов, и его идея способна трансформировать обычное мышление и перевести его в новые, неведомые доселе формы.

> «*Я ввожу эту идею $\sqrt{-1} = i$ потому, что она уводит нас прямо в темный тоннель пространственно-временного континуума, и когда технология выйдет из этого тоннеля, наступит так называемый конец света (я полагаю, это произойдет в 2000 году, как любят предсказывать многие пророки), в том смысле, что мы обретем возможность существовать бестелесно, что сделает жизнь в материальном, физическом мире ненужной.*
>
> *Как только это произойдет, «способность к ясновидению» и «дар пророчества» станут обычными характеристиками любого разума, и, вероятно, этими свойствами будут обладать все разумные существа. Именно наличие разума позволит использовать эти механизмы произвольно, по желанию, так как они станут избыточными побочными продуктами разума*».

Если ясновидение и дар пророчества являются единственными побочными продуктами интеллекта новой ступени, какой важный вывод следует из этого? Используя язык математики, искусно переплетенный с провидческими фразами, граничащими с откровениями безумца, Кроухерст доказывает, что обладает умением освободить свой разум от оков физического, материального существования – проще говоря, от тела – и может это сделать в любой момент по своему желанию. Он может покинуть пределы яхты «Teignmouth Electron» в состоянии разума, освободившегося от тела! Разве можно придумать более удачный выход из создавшейся ситуации?

Тут Кроухерст сделал перерыв в записях. Он нацарапал шутливый заголовок: «Мысли председателя Ja Ac’ Tarr» вверху страницы и пошел отдохнуть.

День только набирал силу. Кроухерст строчил свои заметки, рядом стоял включенный радиоприемник. В какой-то момент моряк оторвался от записей: что-то привлекло его внимание, и он тотчас решил зафиксировать пришедшую в голову мысль. Сначала он записал: «14.30 по гринвичскому времени». Затем занес в журнал название радиостанции – «Радио Волна Европа» (американская радиостанция, транслировавшая пропагандистские передачи на Польшу). В 14.35 Кроухерст услышал в эфире «истерический смех» и тотчас сделал отметку об этом в журнале. Эта необычная иллюзия странным образом напоминала более ранний инцидент – вздохи, которые почудились моряку в эфире на Рождество. В тот раз его разум находился в подобном же состоянии, в лапах фантазий. Еще через два часа яхтсмен обнаружил, что сидит перед радиоприемником и слушает «Голос Америки». Он записал имя комментатора – Эдвард В. Кросби – и тему передачи, которую тот вел: черные американцы. Радом с этой фразой он отметил: «Частная запись», что было явным указанием на намерение опубликовать свои философские записи.

Мы связались с радиостанцией «Голос Америки», где нам сказали, что 24 июня Эдвард В. Кросби действительно вел передачу о неграх в Америке. Она была посвящена расовым проблемам и отношению черных к своей расе. Ее название, «Ниггер и Нарцисс», представляло собой каламбур, отсылку к роману Джозефа Конрада о трагедии в море. Этот момент важен для нас, потому что, как уже случалось ранее со многими другими изолированными раздражителями, передача заставила ум Кроухерста работать, и он время от времени включал в свои записи рассуждения о черных американцах, которые не имели отношения к сути его эссе. Данный инцидент также служит главным доказательством того, что яхтсмен начал создавать свои безумные записи 24 июня 1969 года.

Через несколько часов Кроухерст предпринял новую попытку изложить свою мысль. Теперь его почерк изменился, а грифель карандаша был куда толще. Он вдруг решил, что простого эссе будет недостаточно. На этот раз он замахнулся на объемную рукопись, возможно, намереваясь подготовить ее для публикации в виде небольшой книги. Кроухерст снова овладел собой и мог писать тоном «на публику», научным жаргоном. Он назвал свою новую работу «Узел».

«УЗЕЛ

Эту дисциплину мы называем математикой. Она есть венец и суть основ мышления. С ее помощью можно

управлять различными идеями. Если ими манипулировать, придерживаясь набора верных правил, то можно получить новые результаты, которые отчетливо выявят аспекты оригинальной концепции, пусть она при всей ее действенности тем не менее все же не сформулирована с достаточной ясностью.

В концепции, рассматривающей математику как язык Бога, содержится, однако, больше поэзии, чем абстрактной логики. Ее нужно пересмотреть, так как математика, вероятно, есть единственная бесспорная общая платформа, которую СЕГОДНЯ человек занимает в царстве божьем.

Разве кто-то станет отрицать тот факт, что математика открывает наикратчайший путь к «истине», обеспечивая «достоверность», ПРИЕМЛЕМУЮ ДЛЯ ВСЕХ?.. Что язык математики наверняка есть истинный язык царства божьего и приемлем для всех, кто допускает возможность существования такого царства, и в этом отношении мне неизвестна другая наука, которая могла бы соперничать с математикой.

Мне кажется, что прогресс, развитие есть наиболее ценная награда для человечества… Но в каком направлении мы должны развиваться? А вот в каком: мы должны стремиться, конечно же, к слиянию с космическим разумом. А вы думаете, куда мы идем? Как я узнал об этом? Об этом я и собираюсь рассказать вам сейчас».

Преамбула в мрачных тонах была закончена, и в то время как Кроухерст готовился поделиться с читателями личными откровениями, его психологическое напряжение вылилось в нелепые, бессмысленные фразы:

«Антихрист? Заповедь «Возлюби ближнего своего как самого себя» в те времена, когда физическое существование висит на волоске. Возлюби мысли ближнего как свои собственные – это высказывание проведет нас через тоннель».

Темный тоннель, космический разум, царство божие, конец физического существования – фразы и образы становились все апокалиптичнее и повторялись все чаще, по мере того как Кроухерст пытался объяснить, что он подразумевает под «развитием, направленным на слияние с космосом».

«Теория развития», представляющая собой откровения

моряка, занимает бóльшую часть оставшихся страниц в Журнале № 2 и содержит 12 000 слов. В ней слишком много математики, поэтому ее нельзя приводить вот так сразу, без пояснения. К тому же она часто бессвязна из-за постоянных отступлений. По мере того как душевные страдания все усиливались, методичность уменьшалась, а душевное расстройство прогрессировало.

Между тем суть самой теории сравнительно проста. Она уже излагалась ранее в форме грубых предварительных набросков в безумных «Мыслях председателя Ja Ac' Tarr». Эта теория базируется на убеждениях, которых Кроухерст придерживался многие годы и которыми часто делился с друзьями во время полуночных бесед: теперь человек эволюционировал до такого состояния, что его разум способен покинуть тело, а при помощи целенаправленных тренировок можно по своему желанию заставить это случиться.

Вначале, как полагал Кроухерст, существовала одна лишь пустота без физической материи. Потом в результате внезапного изменения появилась материя, что привело к дестабилизации всей системы, которая благополучно существовала на протяжении миллиардов лет. Потом появилась жизнь, а после жизни – разум. На каждом витке развития во Вселенной происходили бурные изменения, которые выводили из состояния равновесия предыдущую, кажущуюся стабильной систему. Система всегда сопротивляется всему новому. Иногда она подавляет новые процессы, но в конечном счете проигрывает новизне. На протяжении последних столетий ум человека постоянно совершенствовался и развивался благодаря дерзким поступкам первых мыслителей, таких как Христос, Галилей и Эйнштейн. Каждый из них в свое время осмеливался выдвинуть новую идею, которая дестабилизировала статичную систему человеческого общества. Благодаря их усилиям прогресс развития человечества шел все интенсивнее. К настоящему моменту благодаря накопленным знаниям сила человеческого ума уже достигла того предела, когда дóлжно произвести изменения для очередной дестабилизации всей системы и выхода на новую стадию. Таковой будет освобождение духа от физической оболочки и переход в форму абстрактного (нематериального), т. е. бестелесного существования.

Кроухерст считал, что уже настал момент совершить этот грандиозный прыжок разума из текущей биологической системы и перейти на следующую ступень. Человеком, который собирался поведать миру о том, как это можно сделать в лучших традициях Христа, Галилео и Эйнштейна, был сам Кроухерст. Когда он

донесет свое послание до мира, все тотчас же поймут его истинность, что заставит людей всех как один руководствуясь собственной свободной волей, предпринять нужные усилия, необходимые для перехода в нематериальные сферы бытия.

Более того, каждый, кто совершит такой скачок на следующую ступень развития, уподобится Богу. Вероятно, слово «Бог» – единственное понятие, при помощи которого в прошлом можно было охарактеризовать разум, перешедший на более высокий уровень. При наличии очень развитого интеллекта, что также подразумевает любовь к нашим ближним (это было послание Кроухерста к чернокожим американцам), мы бы все могли стать богами. Чтобы обеспечить любовь людей друг к другу, нам нужно относиться к жизни как к большой игре, в которую играют с бесконечным пониманием, но без враждебности.

Подобные рассуждения были облечены в форму жаргонного языка различных наук. Например, каждую новую фазу развития Кроухерст называет изменением от «дифференциала первого порядка» к «дифференциалу второго порядка» – терминами, позаимствованными им из математики. В какой-то момент он меняет набор образов и описывает все с точки зрения биологии, используя аналогию паразита и хозяина.

> «*Появление любого паразита приводит к ускорению развития, вызывая дифференциалы первого порядка внутри хозяина и дифференциалы второго порядка внутри хозяина хозяина, и т. д., и т. д.*
>
> *До настоящего времени в роли хозяина для нашей физической вселенной выступала пустота, а физическая вселенная была хозяином для нашей интеллектуальной вселенной. Куда же суждено прийти системе? К той точке, где произойдут фундаментальные изменения в темпе событий, протекающих в организме хозяина*».

По сути, мы имеем дело всего лишь со старым трюком Кроухерста, который любил ослеплять слушателей наукообразным языком, желая придать своим мыслям больше оригинальности. Однако в том нестабильном психическом состоянии эта мысль значила для него очень много, так как он сначала защищал свою теорию в классической манере психопата («Я единственный, кто понимает»), а потом вдруг взорвался рядом откровенных восклицательных предложений:

> «*Едва ли стоит удивляться тому, что мои утверждения на первый взгляд покажутся*

бессмысленными, поскольку, если бы мы в полной мере постигли их смысл, мы бы уже находились на том уровне, переход на который я предвещаю человечеству.

И все же, все же… Если творческая абстракция разума должна выступать в качестве средства создания новой формы бытия и выхода из прежнего стабильного состояния, значит, в пределах сил творческой абстракции вызвать это явление!!!!!!!!!!!!!!!!!! Мы можем осуществить его при помощи творческой абстракции!»

Безумное возбуждение говорит о том, что Кроухерст вернулся к сути своей теории: он может покинуть тело и стать божественным существом в любой момент времени по собственному усмотрению. Неудивительно, что на этой странице столько восклицательных знаков. Кроухерст строил теории, желая найти выход из неразрешимой, трудной ситуации. Похоже, он снова мог отбросить старую, недостигнутую цель и выбрать новую, более трудную и престижную. Как прежде он ушел из BBC, чтобы поступить в Кембридж, как покинул «Mullards», чтобы организовать собственное предприятие, и как отказался от него в пользу героического путешествия вокруг света. Теперь же он мог отказаться от гонки, яхты и всей трагедии неудавшегося, сфальсифицированного путешествия ради новой формы бытия, где нет места мелочным вопросам денег, нет ветров, протекающих поплавков или поддельных журналов, которые могли бы ему помешать наконец-то довести дело до конца и достичь желаемого триумфа. Он мог стать Богом.

Как будто в ответ на его решение приготовления в Англии к возвращению яхтсмена достигли поистине масштабов религиозного поклонения. В Тинмуте члены городского совета, учредившие комитет «Добро пожаловать домой, Дональд!», собрались в полном составе и утвердили следующую программу. Когда яхту героя проводит морской минный тральщик, а из пушки тинмутского яхт-клуба будет произведен выстрел, тримаран Кроухерста отбуксируют вдоль набережной к пирсу и обратно, чтобы все собравшиеся смогли посмотреть на судно вблизи, после чего лодку пустят в эстуарий реки. Все это время над тримараном будут барражировать вертолеты «BBC» и «ITN». Когда яхтсмен прибудет в гребной шлюпке к берегу, на береговой полосе его встретит миссис Ирен Арнот, председатель городского совета, которая и произнесет официальную торжественную речь. Кроухерст произнесет свою. Затем его вместе с семьей отвезут в отель «Royal Hotel», где он сможет недолго отдохнуть перед пресс-конференцией, запланированной в «Carlton Theatre». Вход

туда будет осуществляться только по специальным приглашениям. На следующий день после прибытия комитет «Назовем-яхту-Тинмут» устроит вторую встречу в «London Hotel»… И так далее. Баннер с надписью «Тинмут приветствует Кроухерста» будет вывешен на набережной, чтобы попасть в объективы камер и аппаратов. В качестве особой уступки на городские теннисные корты будут допущены нефтяные танкеры и пожарные автомобили.

Родни Холворт, в течение длительного и странного радиомолчания своего клиента подвергавшийся насмешкам, теперь превратился в светского льва Тинмута. В пабе «Ship Inn» ликовали, в «Lifeboat» выражали недовольство и восхищение одновременно. Каждый считал долгом подойти к Родни и сообщить, что всегда верил в успех Кроухерста и не разделял скептического настроя циников. Различные фирмы слали ему письма с напоминанием, что их продукция находилась на борту яхты. Поскольку, писали они, благодаря этому путешествие было успешно завершено, нельзя ли устроить фотографии? Некий скульптор предложил изваять специальный приз – миниатюрную яхту с «символическим корпусом, произведенным методом экструзии из алюминиевого сплава, и с прозрачным акриловым парусом». Пришел запрос: Кроухерсту предлагали присутствовать на соревнованиях на приз герцога Эдинбургского в западных графствах от лица принца Филиппа. Почта Британии согласилась на неделю после прибытия ввести специальный франкирующий штемпель с изображением яхтсмена, а господин А. Джон Е. Хоул, историк почты из Ли-он-те-Солент (графство Гэмпшир), изъявил желание купить у агентства «Devon News» 100 памятных конвертов с автографом героя по 2,6 пенса каждый.

Холворт также занимался организацией мероприятий. Он заказал 10 000 почтовых открыток с фотографией Дональда и надписью на обратной стороне «Привет из Тинмута, курорта в графстве Девоншир, выбранного Дональдом Кроухерстом в качестве места старта для своей триумфальной кругосветной гонки на яхте». Он организовал выпуск специального издания «*Teignmouth Post and Gazette*» под названием «Поздравляем Дональда Кроухерста с возвращением домой и приветствуем его» и предоставил бóльшую часть материалов. Лидер-абзац звучал пророчески и был подобен призыву:

> «*До отправления из Тинмута Дональд Кроухерст был всего лишь моряком выходного дня, яхтсменом на уик-энд. Его никто не знал. Многие члены яхт-клуба и местные скептики были убеждены, что его странная лодка, в*

конструкцию которой входили старые ящики из-под чая[31]*, тотчас потонет или в лучшем случае вернется обратно еще до того, как достигнет мыса Лендс-Энд.*

Сегодня его имя в списке знаменитостей. И за этим кратким заявлением кроется целая история, такая же долгая, как и путь яхтсмена длиной в 29 000 миль. История о смелости, самодисциплине и несгибаемой вере в собственные возможности».

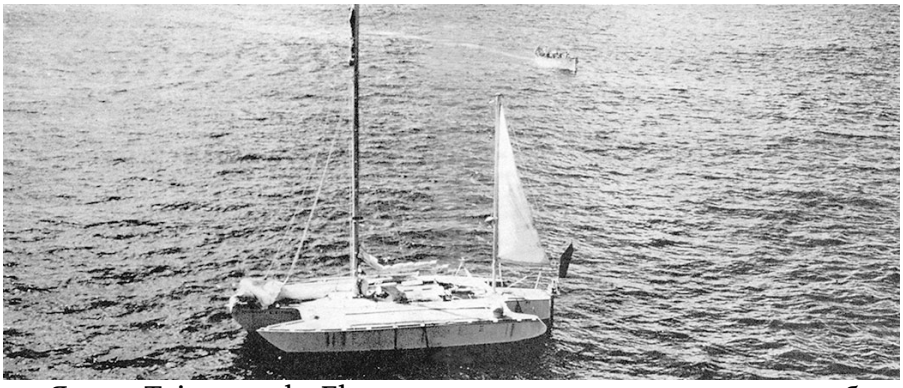
Однако самой трогательной в газете была заметка под названием «Как я была морской вдовой». Клэр Кроухерст нашла в себе силы описать чувства, обуревавшие ее на протяжении восьми месяцев.

«*Недавно я нашла время сесть и поразмыслить над тем, что за человек приезжает домой. Восемь месяцев… Каждый день бросал новый вызов, ставил новые задачи, открывал новые горизонты в жизни, несмотря на то что кругом была одна вода и лишь одинокая рыба или птица нарушали монотонность дней. Я думала о более тривиальных, бытовых вопросах: не отрастил ли он себе бороду или даже, возможно, длинные волосы. Я не могу вспомнить, значились ли в длинном списке вещей ножницы. Я воображаю себе, что они там были. Не могу представить, чтобы Дональд подрезал себе волосы ножом*».

25 июня Клэр позволила себе излить чувства в интервью, которое дала газете «*Daily Express*».

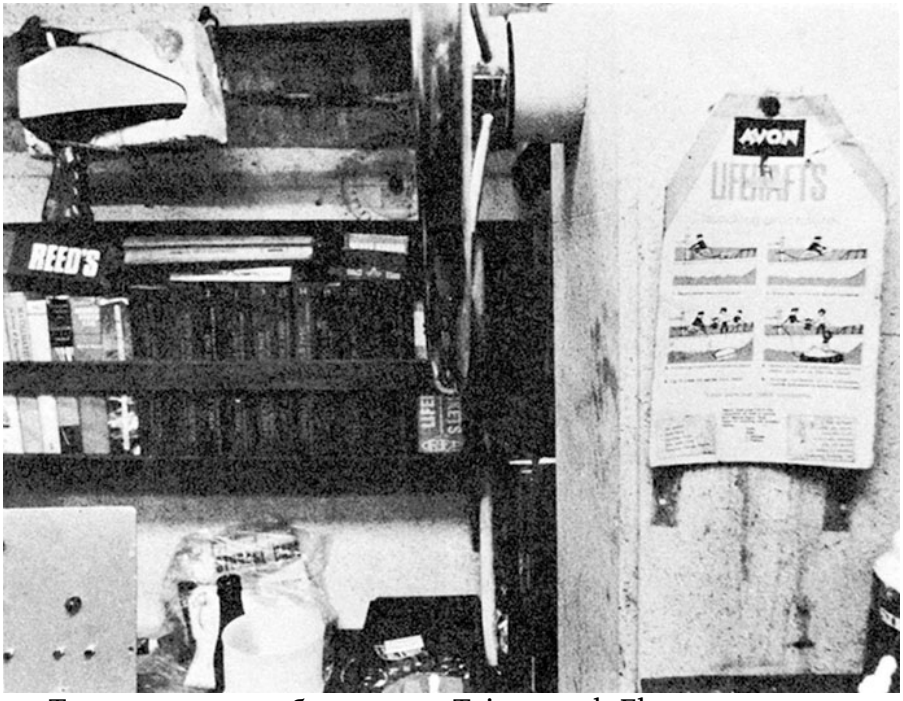
«*Теперь бóльшая часть дурных мыслей потонула в тягостном ожидании увидеть его снова. В доме царит просто фантастическое оживление. Все смеются. Это на самом деле ужасно глупо. Атмосфера похожа на ту, что бывает дома, когда рождается ребенок. Мы не можем перестать улыбаться*».

На той неделе Дональд Кроухерст действительно подстригся. Клочья волос были раскиданы по всей каюте. И в этот же день, 25 июня, он подумал о жене, ждущей его в Бриджуотере. В ходе очередного рассуждения в стиле математической логики он вообразил разговор с ней, чтобы проиллюстрировать свою точку зрения.



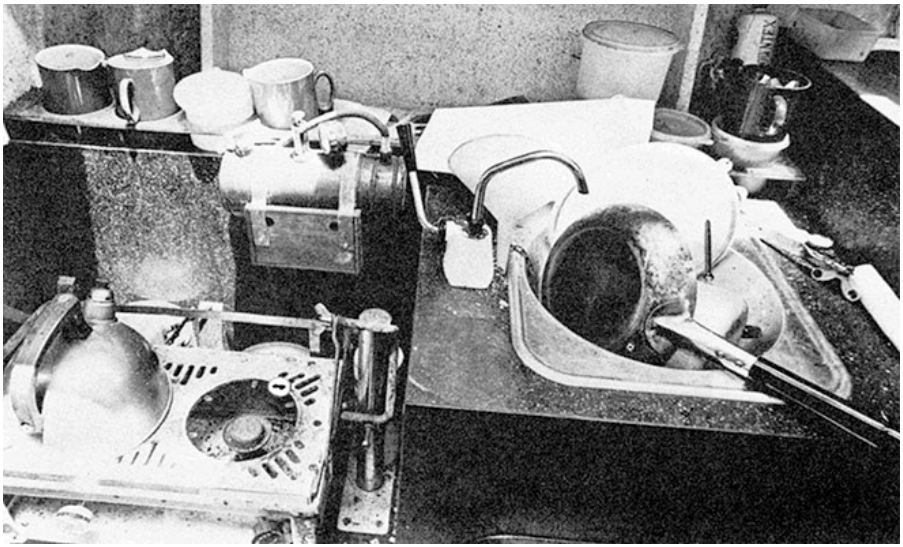
Яхта «Teignmouth Electron» в тот момент, когда она была обнаружена в океане дрейфующей без управления, подобно кораблю-призраку «Мария Целеста».

Видно поисковую команду, направляющуюся к судну. Фото сделано одним из моряков с почтовика «Picardy». («Sunday Times»)



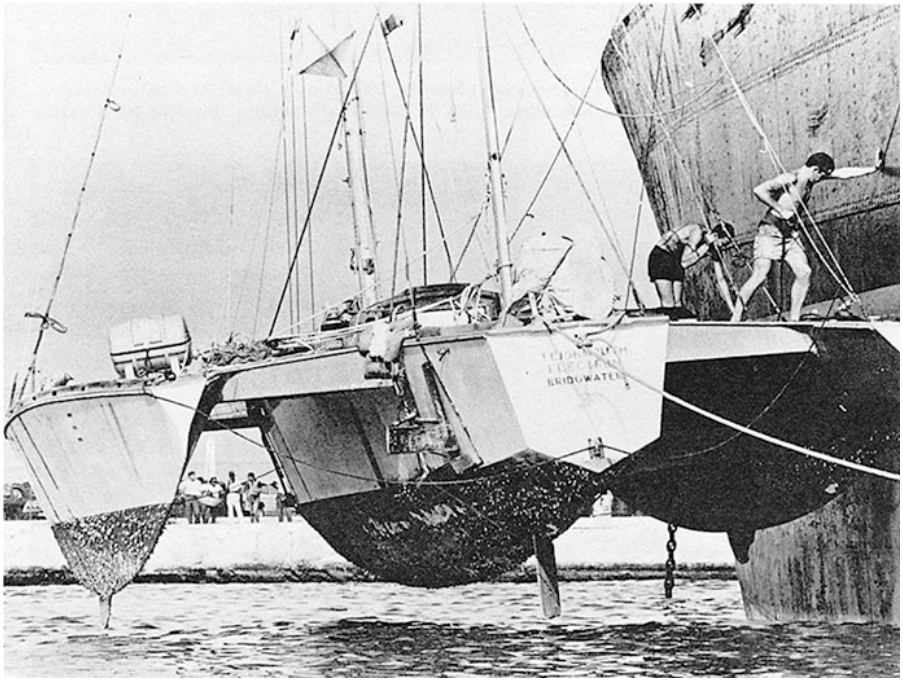
Так выглядела кабина яхты «Teignmouth Electron» сразу после обнаружения.

Книги по морской навигации и технические справочники (с копией «На «Gipsy Moth» вокруг света» Чичестера). Предмет в форме пистолета – навикатор, сделанный фирмой Кроухерста. (Фрэнк Херманн/«Sunday Times»)



Грязная посуда в раковине на камбузе. (Фрэнк Херманн/«Sunday Times»)

После окончания поисков с воздуха капитан Ричард Д. Гувер возвращается на Азорские острова и сообщает, что Кроухерст пропал. (Кевин Броуди/«Sunday Times»)



Конец плавания. Обросший морскими раковинами тримаран перегружается с почтовика «Picardy» по прибытии в Санто-Доминго. (Фрэнк Херманн/«Sunday Times»)

«*Читателю, который не слишком силен в математике, будет поучительно узнать об определенных концепциях этой науки: я сижу на своей яхте посреди Атлантического океана, я спокоен. В Англии жена спрашивает меня: «Как у тебя дела?» Отвечаю: «На протяжении последних 3 часов я постоянно нахожусь в точке 31° 25´ северной широты, 39° 15´ западной долготы. Я жив, здоров и счастлив».*

Жена удовлетворена тем, что полностью понимает мое положение из этого ответа. Она достает карту и отмечает мое местонахождение булавкой на карте, которая висит у нее дома на стене. Она смотрит на часы, которые показывают 3 часа пополудни, смотрит на календарь, где значится 25 июля [так в исходном тексте], и пишет рядом с точкой на карте: «1200–1500 миль 25 июля 1969 года». Она думает: «Я счастлива, что он жив и здоров», но не пишет этого на карте. Если ей хочется сообщить о своей реакции на эту новость, она говорит во время звонка: «Я довольна». Но если она желает сделать отметку о событии, то фиксирует его в

дневнике или блокноте».

Запись следует сразу за абзацем с восклицательными знаками – криком восхищения Кроухерста, кульминационной точкой его теорий. Это позволяет предположить, что первые 11 страниц его размышлений были написаны за один день. Указанная в записях дата, 25 июля, очевидно, ошибочна. Правильно: 25 июня.

25 июня[32] Кроухерст находился там, где и можно было ожидать: около 150 миль к югу от положения, определенного 23 июня. А приведенный выше абзац из его записей показывает, как сильно он стремился наладить радиотелефон, чтобы поговорить с женой и наконец-то рассказать ей о своем истинном состоянии. Несколько месяцев подряд он предоставлял и родным, и всему миру географические координаты своей яхты, как ложные, так и истинные. Все были рады слышать, что моряк «жив, здоров и счастлив», однако он отчаянно желал рассказать больше. Он так сильно хотел излить душу, что даже начал переписывать так и не высланную радиограмму с шифром (ЭЮЯАБВГДЕЖЗИКЛМН), текст которой был набросан шестью месяцами ранее в журнале регистрации радиосообщений. Ему нужен был хоть кто-нибудь; любой человек, с кем можно было поговорить по душам, кому можно было рассказать обо всем и попросить совета. Но ему так и не удалось удовлетворить свое желание.

По удивительному совпадению кое-кто все же видел его вживую в тот момент. 25 июня примерно в 5 часов дня тримаран заметили с норвежского грузового судна «Cuyahoga» и подошли поближе, чтобы взглянуть на яхту. Когда сухогруз проходил мимо, Кроухерст помахал экипажу с выражением радости на лице. Капитан «Cuyahoga» отметил, что у моряка была борода, он был одет в шорты цвета хаки и, похоже, находился в крепкой физической форме. На веревках сушилась одежда, а на палубе лежал спасательный плот. Погода стояла хорошая, а «Teignmouth Electron» двигался на северо-восток. Координаты яхты, по словам капитана норвежского судна, были 30° 42′ северной широты и 39° 55′ западной долготы (несоответствие с координатами, вычисленными Кроухерстом, показывает, что он не очень точно определял свое местоположение). Моряк зафиксировал факт встречи с «Cuyahoga» на полях журнала.

Бóльшую часть дня 25 июня Кроухерст провел, сочиняя историю человечества за последние 2000 лет (он все дальше уходил в прошлое и в какой-то момент добрался до времен пещерного человека). Он хотел показать, как людям великолепно удавалось потрясать общество и привносить в систему изменения.

Его возбуждение постоянно вторгалось в описание и нарушало ход повествования. Кроухерст не только чувствовал, что его постигло великое откровение, но и был убежден, что если точно запишет открывшуюся ему истину, то само присутствие нужных слов на бумаге станет импульсом, который вызовет космический взрыв.

> *«…Сейчас мы должны быть очень осторожны относительно получения правильного ответа. Мы находимся в той точке, где наши (нематериальные) силы абстракции/мысли достаточно мощны и могут причинить огромные разрушения.*
>
> *Как только мы достаточно хорошо изучим стабильную систему, чтобы быть в состоянии влиять на нее неестественными способами, мы должны стать очень, очень осторожными в своих дальнейших действиях. Мы должны все тщательно обдумать, прежде чем начать делать хоть что-то, а когда решим действовать, нельзя слишком торопиться. Вся наша система творческой абстракции может быть доведена до точки взрыва подобно тому, как в материальной, физической системе ядерная цепная реакция приводит к взрыву.*
>
> *Записывая эти слова, я на самом деле уже отдаю сигнал о начале таких изменений и запускаю процесс…»*

Однако Кроухерсту было известно, что этот космический взрыв уже предсказан как Второе пришествие, и когда это событие произойдет, он, подобно Эйнштейну, станет Богом.

> «*Среди многих способностей человеческого мозга есть одна, которая дремлет, но именно с ее помощью можно вызвать взрыв, о котором идет речь. В пророчествах и работах ясновидцев есть свидетельства, доказывающие наличие такой способности. Яркий пример – Нострадамус. Многие люди настаивают на том, что время, описанное в Откровении Иоанна Богослова, близится. И снова скажу: думаю, что пророчество исполняется и после его исполнения именно служители церкви пострадают и потеряют больше всего. Евреи, полагаю, интерпретируют слова пророчества как конец света, который последует по горячим следам Мессии. Эйнштейн подходит под это толкование*».

Эти мысли сделали Кроухерста более раскованным, и к концу второго дня размышлений и рассуждений он расслабился.

«Почему я странным образом спокоен, когда наблюдаю закат здесь, посреди Атлантического океана? Потому что я четко понимаю, что смотрю на мир и красоту окружающего меня пейзажа, на эту колыбель, где зародилась жизненная форма, в которую заключен мой интеллект. Связанная с ньютоновскими временами, моя душа чувствует будущую свободу, проистекающую из этой прекрасной колыбели жизни. Я испытываю детскую ностальгию, как ребенок, чувствующий, что ему предстоит сейчас оставить «дом» навечно. Подобное объяснение чувств приемлемо для меня здесь и сейчас».

На следующий день Кроухерст сконцентрировался на идеях, связанных с покиданием своего тела и применением эйнштейновской концепции свободной воли. Это привело к проблемам. Точно так же как Эйнштейн чувствовал себя обязанным написать книгу, рассказывающую миру об «импульсе», и Кроухерст ощутил нечто подобное. Он вдруг испугался, осознав простую истину: тот самый прыжок из одного состояния в другое и расставание со своей физической оболочкой означают, что его тело должно умереть. Он снова начал кричать:

«Свободная воля – обязательства перед моралью, каждый человек придает импульс системе и должен как следует задумываться о природе этих импульсов – ЭТО ЕДИНСТВЕННОЕ МОРАЛЬНОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО, КОТОРОЕ личность ДОЛЖНА ВЗЯТЬ НА СЕБЯ ВО ИМЯ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ. Я думаю об этом утверждении с некоторой дрожью, точно так же, как о выводах, которые делаю так быстро, но я спокоен относительно результата, потому что импульс содержится в требуемой форме – в мысли.

Если акула, которая трется о дно моей лодки, доберется до меня сегодня, это по-прежнему не будет иметь значения. Решение не исчезнет до тех пор, пока яхта не будет найдена. Мне будет «жаль», если моя лодка и книга погибнут в огне, потому что тогда «мои» импульсы, призванные переместить мир на другой уровень, будут потеряны».

Он похлопал себя самого по плечу за блестяще изложенные мысли.

«Математики и инженеры, привыкшие к технике системного анализа, ознакомятся со всей моей работой за

час. Как только они закончат чтение, проблемы, которые мучили человечество тысячи лет, будут решены для них. Задачи, которых мне нет необходимости касаться, будут решены, а изнуряющим попыткам человека достигнуть понимания движущих сил между богом, человеком и материальной вселенной [придет конец]».

Затем он подвел итог своих рассуждений.

«*Если я по собственной свободной воле выдвину предпосылку, что, выучившись управлять пространственно-временным континуумом, человек станет Богом и исчезнет из материальной вселенной, то тем самым, как мы знаем, я придам системе импульс. Если мое решение берет начало в математических условиях, оно является «правильным» и немедленно применимо к быстро возрастающему числу людских тел, следовательно, я очень близок к Богу и должен двинуться, наконец, к исполнению пророчества, используя методы, которыми, как я утверждаю, располагает человек. Давайте же попробуем!*

Свободная воля – самый центр теологической тайны, разрешается в этом простом детском вопросе. Примет ли человек по собственной свободной воле условие, что, выучившись управлять пространственно-временным континуумом, он будет обладать всеми качествами бога? Вот такой простой выбор. Мы либо продолжаем придерживаться концепции «Бог создал нас», либо осознаем, что нам самим по силам сделаться богами?»

Возбуждение моряка все нарастало, заглавные буквы увеличивались, и нажим на карандаш усиливался. «Система ВЫКРИКИВАЕТ ЭТО СООБЩЕНИЕ НА ПРЕДЕЛЕ ГРОМКОСТИ, почему никто не слушает, но я же в любом случае слушаю», – написал он, но решил вычеркнуть такие сильные мысли, поскольку они могли быть неудобными для читателя. Он овладел собой и выразил то же самое уже более спокойно.

«*Система пытается сказать нам это, но люди, формулирующие нашу «мораль», редко когда вооружены математическими словарями. Они просто не понимают языка, на котором говорит с ними система, пытаясь наладить связь. Но математики понимают этот язык, и от лица системы я обращаюсь к ним с просьбой подумать о том, что нам пытается сказать Природа. Это голос*

естественной истины. Это громкий, ясный голос, и он говорит на языке правильного абстрактного, нематериального мышления».

Наконец, Кроухерст добрался до конца страницы и, находясь в лапах единомоментного умопомрачения, набросал следующие слова:

«Гнев Господа – мой гнев. Контроль рождаемости. Второе это…»

Здесь он остановился. На странице больше не было места, и кроме того, у него имелись другие дела. В этот момент пришла радиограмма от Родни Холворта:

«ВВС, ЭКСПРЕСС, КЛЭР И Я БУДЕМ ВСТРЕЧАТЬ ТЕБЯ НА ПОДХОДЕ К ОСТРОВАМ СИЛЛИ ТВОЕ ТРИУМФАЛЬНОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ СОБЕРЕТ СТО ТЫСЯЧ ЛЮДЕЙ В ТИНМУТЕ В ФОНДЕ УЖЕ 1500 ФУНТОВ ПЛЮС ПРОЧИЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ БОНУСЫ ПРОШУ РАСКРЫТЬ СЕКРЕТЫ ПУТЕШЕСТВИЯ НА ГРАНИ ЖИЗНИ И СМЕРТИ И ВСЕ ТАКОЕ ПРОЧЕЕ ЧТОБЫ ПРИКИНУТЬ ВОЗМОЖНОСТИ ПРОДАЖ И НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ЗАРАБОТКА ХОРОШО БЫ ЕСЛИ БЫ ТЫ ОТВЕТИЛ ПОБЫСТРЕЕ ДУМАЮ О РЕКЛАМЕ».

«Боже мой! – воскликнул Родни, прочитав эти строки позднее. – Думаю, этой телеграммой я просто убил Дональда Кроухерста».

19. Космический разум

Когда Кроухерст снова склонился над журналом, чтобы продолжить свои философские размышления, он пока что еще был в состоянии рационально мыслить. Временами его записи блистали в высшей степени оригинальными и проницательными мыслями. Но отчетливое напоминание о фальшивом героизме, который необходимо было имитировать в соответствии с его планом («на грани жизни и смерти и все такое прочее»), все сильнее отдаляло его от яви. Теперь Кроухерст настолько глубоко погрузился в свои теории, что каждый образ, мысль или идея, порожденные его мозгом, тут же становились для него реальной действительностью. Ранее он излагал свои мысли по поводу существования идеального/нематериального, бестелесного сознания в виде концепции. Теперь же он на самом деле чувствовал, что его разум претерпевает определенного рода изменения. До этого он всего лишь предполагал возможность существования некоего космического разума. Теперь он чувствовал его мысли у себя в голове. Ранее представление о жизни как об игре было удобной формулировкой, удачной метафорой. Теперь жизнь была для него игрой в буквальном смысле. И Кроухерст, подобно шахматной пешке, оказался участником этой омерзительной игры, затеянной Богом и дьяволом.

Время приобретало для него все бóльшую значимость по мере того, как он наблюдал за ходом стрелок своих часов, отсчитывающих минуты и часы до дня его предположительного возвращения в Англию и момента, который он полубессознательно назначил датой своего конца. И здесь реальность и фантазия также сплавлялись воедино. Неисправный хронометр стал для него больше чем просто прибор для навигации в море, помогающий определить местоположение яхты в океане. Точно так как хронометр, который подвергся большим нагрузкам и, не выдержав их, сломался и стал искажать данные об истинном местоположении судна, и сам яхтсмен под воздействием внешних факторов тоже претерпел изменения и начал обманывать мир. Таким образом, сначала хронометр был всего лишь символом положения Кроухерста, но потом сломанный прибор действительно стал отражать его текущее состояние. Он находился в машине. Он сам *был* машиной. И эта машина была близка к тому, чтобы сломаться. Кроухерст все дальше уходил в темный тоннель, где сосуществовали время и пространство, чтобы заменить часы бога своими собственными.

«Часы Бога не похожи на наши часы. Бог располагает бесконечным количеством нашего времени. А отведенный нам срок почти истек».

Одержимость хронометрированием и различные ассоциации с часами проистекали естественным образом из псевдоэйнштейновских теорий Кроухерста. Подобное расстройство хорошо знакомо морякам, которые называют его «временны́м помешательством».

Приступы желания оградиться от остального мира становились все неистовее, из-за чего из глубин памяти вызывались все более ранние воспоминания. Теперь Кроухерст думал о своем покойном отце, о связи матери с сектой Свидетелей Иеговы, об ужасном образе «изгоя», направляющегося к смерти, о космических существах, о личных постыдных тайнах и о своей концепции, в которой он видел себя новоиспеченным богом. Все эти воспоминания и воображаемые образы перемешивались, сливались в один спутанный клубок, причиняя моряку неимоверные страдания. Иногда, казалось, он приходил в состояние странного, ненормального спокойствия, но потом вспоминал о ловушке, которую сам же себе устроил. Его теория о покидающем тело разуме подразумевала, что он должен уничтожить себя ради собственного же спасения. Его намеки на приближающуюся неминуемую смерть становились все более ясными. И все же что-то мешало Кроухерсту открыто поведать на бумаге о своих планах. Он словно чувствовал: стоит ему где-либо зафиксировать намерение покончить с собой, и воспоминание об этом действии будет довлеть над ним и заставит его осуществить записанное. Так он внес в журнал:

«Христос: он постиг истину, но донес ее до системы таким способом, что это вызвало с ее стороны насильственную реакцию. Люди стали свидетелями его смерти. Я должен рассмотреть возможность и решить, должен ли я…»

Потом он прервался и зачеркнул последнее предложение. Нельзя было писать о том, что он собирается сделать!

Кроухерст был по-прежнему невероятно доволен своими успехами и радовался, что записал свои откровения.

«Вы узнаете их по их деяниям. Благие души генерируют благие мысли и идеи, они процветают и способствуют здравомыслию всех обезьян. Они процветают и благоприятно сказываются на интеллекте

каждого человека. Они дают возможность уму создавать лучшие системы, сдерживающие действия обезьян, но не отрицающие их права на свободу быть счастливыми. Долгое время это представляло проблему для меня. И эту проблему каждый должен решить для себя сам. И вот как я решил ее. И чтобы допустить вас в свою душу, пребывающую сейчас «в спокойствии», я дарую вам свою книгу. Я счастлив. Наконец-то я сделал что-то «интересное». Наконец-то система, которой я принадлежу, заметила меня!»

На следующих страницах (объем записей составляет 12 000 слов) моряк объяснил и развил две идеи, что приобрели для него огромную значимость. Одна представляет собой концепцию «обезьяны», предположительно выведенную из книги Десмонда Морриса «Голая обезьяна», прочитанной моряком когда-то давно. В представлении Кроухерста обезьяна – это человек-животное, который обладает условно свободным разумом, заключенным в обезьяноподобное тело со всеми его грязными инстинктами и жалкими слабостями.

«Мы никогда не переставали быть обезьянами, и нам нужны эти обезьяньи тела, чтобы носить в них наш интеллект и воплощать наши мысли в реальном мире посредством механического воздействия на него. Если убить эту обезьяну, компьютер перестанет работать. Мы громко протестуем, если что-то угрожает работе нашего компьютера, так как чувствуем, что, когда происходит его остановка, мы также перестаем существовать как личности. Вероятно, так оно и происходит, ***увы, я никогда не увижу моего покойного отца снова, если только****, поскольку непонятно, какая польза была бы системе от компьютера, неспособного на какие-либо действия внутри системы, в то время как она сама обеспечивает поставку готовых резервов, свежих компьютеров, способных действовать внутри системы».*

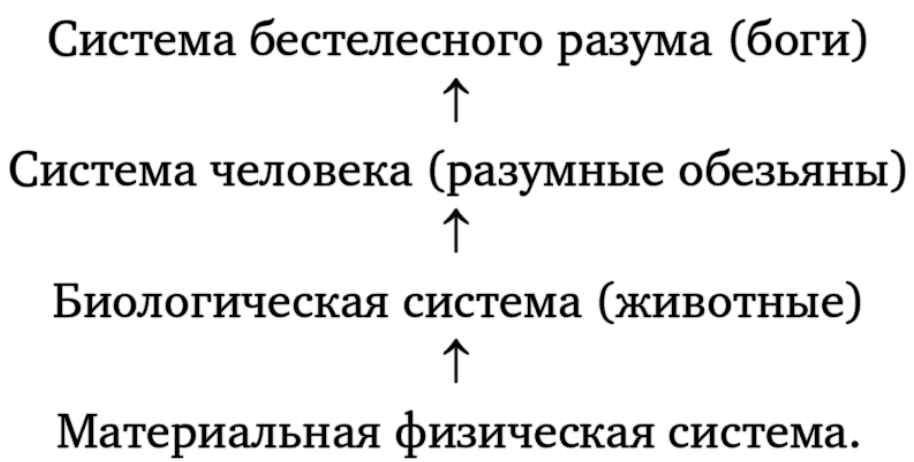
(Кроухерст зачеркнул выделенную фразу. Она была невольным криком отчаяния, вызванным мыслью о смерти. «Увы, я никогда не увижу моего покойного отца снова, если только…» Если только что? Очевидно, если только он не убьет себя и не отправится в мир бестелесных интеллектов, где его ожидает отец. Начиная с этого момента инфантильные фантазии моряка об отце и матери становились все более частыми и яркими.)

Второй основной мыслью, которую развивал Кроухерст в

своем философском трактате, написанном в возвышенном стиле и рассчитанном на публику, был тезис о «системе». Система есть нечто организованное в определенном порядке и характеризующееся предсказуемостью действий. Но поскольку Кроухерст прошел подготовку в сфере электроники и прочих машин, он попытался интерпретировать все образования и ситуации как равно детерминированные системы. Биологические и физические системы обладали ясно определенными правилами. Такой же системой с такими же правилами было и человеческое тело. И общество тоже.

> «*Системы, системы, системы… Вы никуда не денетесь от них, потому что само понятие системы заложено в природе, а человек – явление природы, и его ум есть природный феномен*».

Теория Кроухерста предусматривала иерархию систем, развитие от уровня физической материи до богоподобного, бестелесного разума:



«Развитие, направленное на слияние с космосом», было, конечно, движением вверх через все системы. Система наивысшего уровня, состоящая из идеального, то есть нематериального разума и населенная богами, теперь достижима, как утверждал Кроухерст, при помощи простого «усилия свободной воли», иными словами, одного лишь желания человека попасть в те сферы. Но прежде каждая обезьяна должна научиться жить разумной и полной любви жизнью внутри человеческой системы.

Наша затруднительная ситуация есть результат нашей двойственной природы – сочетания полуобезьяньего и

полукосмического интеллекта. Общество страдает от боли, пороков и упадка не потому, что человеческая система губительна – она ведет себя правильно в соответствии с собственными убеждениями, в меру своих возможностей, – а потому, что космос старается убедить нас оставить систему текущего уровня ради более высокой ступени. При этом любая личность, пытающаяся совершить какой-либо анархический поступок, направленный против общества (как оно считает), одновременно и ведет человечество по пути развития, и обречена на проигрыш.

> «*Если система не слушает тебя, не нужно пытаться мстить ей, взрывать ее и прочее. Система знает, как справиться с подобными атаками, это точно. Не нужно совершать акт самосожжения на виду у всех. Система может и не понять твоих целей, и поэтому такой поступок ничего не изменит, а только навредит твоему разуму (разуму достаточно мощному, чтобы сделать такую жертву стоящей ряда других вещей). Ты можешь либо окунуться в работу и убедить систему принять тебя, изменить ее изнутри, либо просто переместить свой разум в более привлекательную систему*».

В каком-то отношении этот сложный, запутанный довод выступал против всех форм насильственных революций, но большей частью он представлял разумное обоснование желания Кроухерста переместиться в более привлекательную систему, где существует один только чистый разум. Другими словами, умереть.

Кроухерст также написал отдельное эссе под названием «Игра». Его представление о жизни как игре было тесно переплетено с идеями о системах и обезьянах. Под игрой, конечно, понималась активность, осуществляемая в соответствии с произвольными правилами, применимыми к данному виду деятельности, где игроку не нужно беспокоиться о том, что правильно, а что нет. При этом он может управлять ситуацией по своему усмотрению. Что важнее всего, игра представляет собой конфликт, где никому не причиняется вреда. Революционеры и другие, склонные к насилию обезьяны не играют в игру, потому что они нарушают правила текущей системы общества. В своем эссе Кроухерст отстаивал идею, что можно поверить во что угодно, но при этом все же продвигаться по пути, ведущему к интеграции с космосом, при условии, что ты всего лишь соревнуешься с другими людьми, их мыслями в своей голове. Все должно происходить только в голове.

Все эти мысли пришли к нему в течение трех дней. Когда порыв к писательству иссяк, он поздравил себя с озарением и быстро завершенным заданием.

> *«Работа окончена всего за три дня! Христос среди нас, и это так же верно, как если бы он расхаживал вокруг и собственноручно подписывал чеки…*
>
> *…У вас могут возникнуть затруднения с пониманием некоторых вопросов, которые мне пришлось изложить. До недавнего времени – три дня назад – я и сам не очень хорошо разбирался в них.*
>
> *…Я вознамерился решить проблему, даже если на это уйдет вся моя оставшаяся жизнь. Через полчаса я набросал основные тезисы и увидел определенную последовательность. Через три дня мне было озарение, и я познал суть всего – природы, собственной личности, всей религии, политики, атеизма, агностицизма, коммунизма и всех систем. Я узнал все со времен Юлия Цезаря до Мао Цзэдуна. У меня был готовый набор ответов на самые трудные вопросы, с которыми сталкивалось человечество. Я слился с космосом, размышляя о пупе обезьяны…»*

В действительности же единственной проблемой, существование которой признавал моряк, был вопрос, как избежать последствий сфальсифицированного путешествия вокруг света. И единственный напрашивающийся ответ являлся ему в виде безумной картины собственной смерти. Но к тому времени Кроухерст уже слишком сильно погрузился в глубины собственного разума, чтобы признать эту простую истину.

Наступило 28 июня. Полностью погруженный в свои фантазии Кроухерст по-прежнему был способен управляться с передатчиком и даже мог составлять бравурные радиограммы. Он отписался в «BBC» и Родни Холворту, которые требовали сообщить точную дату прибытия:

> «В ШТИЛЕ ТРИ ДНЯ У ПАРУСНЫХ ЯХТ ЕСТЬ МЕСТО НАЗНАЧЕНИЯ НО НЕТ РВП».

«Расчетное время прибытия», как должно быть известно людям из «BBC», редко когда можно определить для парусных яхт, которые целиком зависят от воли ветров и морских течений. Кроухерст передал координаты своего местоположения оператору станции «Портисхед»: 32° северной широты и 40° западной долготы, 35 миль севернее по сравнению с предыдущей позицией

от 25 июня. Оператор сообщил ему, что в ближайшие два-три дня запланирован разговор с Клэр Кроухерст. Что ей передать? – поинтересовался он. Неожиданная новость, должно быть, сильно встревожила Кроухерста, так как на следующий день он снова связался с радиостанцией для мореходов. Моряка заверили, что его жена и дети чувствуют себя хорошо и с нетерпением ждут встречи с ним на подходе к островам Силли, куда прибудут также съемочная команда «BBC» и Родни Холворт. Яхтсмен тотчас отбил сообщение, где настаивал на том, чтобы Клэр оставалась дома. Она ни в коем случае *не должна* выезжать к островам Силли на встречу с ним, передал он. Прошу подтвердить последнее сообщение, передал ошеломленный оператор, который был не в состоянии понять, почему это моряк-одиночка не желает видеть собственную жену и детей. Кроухерст подтвердил.

Получив странное послание от мужа, миссис Кроухерст решила, что ее супруг, очевидно, просто беспокоится об их самочувствии: поездка к островам Силли могла вызвать у нее и детей морскую болезнь. Позднее, поразмыслив над словами Дональда, Клэр почувствовала себя уязвленной. Теперь, конечно, в сообщении яхтсмена можно увидеть указание на то, что он уже принял решение относительно своих дальнейших действий. После обмена еще несколькими сообщениями на морзянке оператор назначил Кроухерсту сеанс связи на 11.00 вечера 30 июня, пожелал ему попутного ветра и сказал, что «увидит» его на следующий день.

Больше Кроухерст не включал радиопередатчик. Это была последняя запись, которую он сделал в журнале регистрации радиосеансов. Это был его последний контакт с кем-либо из существ, находившихся за пределами миров, порожденных его воображением. Начиная с этого дня моряк находился в состоянии полного одиночества.

Обрыв всех контактов с миром в конечном счете привел к тому, что Кроухерст перестал рационально оценивать собственное положение. Начиная с этого времени записи яхтсмена представляют собой всего лишь путаные метафорические описания его страданий, выраженные безумным условным языком божественных откровений. Они бессвязны, двусмысленны и подразумевают разночтения.

Кроухерст начал с того, что вступил в диалог с самим собой относительно намеренного «сокрытия» информации. Что ему делать? С одной стороны, ему хотелось признать собственный грех – он сфабриковал свое путешествие, – но это причинило бы

мучения его жене, семье и друзьям. С другой стороны, он испытывал соблазн уничтожить все поддельные записи, как он уничтожил себя, но это нарушило бы священный принцип, предписывающий говорить всю правду без утайки, и лишило бы человечество возможности ознакомиться с его великими откровениями.

Он начал новую страницу, на которой нацарапал несколько коротких фраз:

> «*Природа не позволяет*
> *Богу совершать грехи,*
> *кроме одного –*
> *Греха Сокрытия.*
> *Это ужасная тайна мучения души,*
> *«нужная» природе для попыток.*
> *Он совершил этот грех на измученной…»*

Эти фразы – вопль отчаяния и боли. В них содержатся по крайней мере три смысловых уровня. Во-первых, Кроухерст просто корил себя за свое скрытое мошенничество и утаивание информации, что навлекло на него те мучения, от которых он страдал теперь. На втором уровне он ругал Бога за то, что тот прятался от него так долго и заставил провести жизнь в безверии. Наконец, на третьем уровне Кроухерст сам был Богом, познавшим ужасную тайну мучений собственной души после обретения божественного статуса. Его божественность заставляла моряка прятаться от обычных человеческих существ. Именно по этой причине он выключил радиоприемник и отказался общаться с женой. Будучи богом, он чувствовал себя одиноким и отрезанным от общества своей новой тайной. Природа «позволила» ему быть таким, но это причиняло боль.

Перевернув страницу, Кроухерст снова начал размышлять о самоизгнании, с точки зрения обреченной птицы, о которой он писал около полугода назад.

> «*Изгой выброшен из системы – свобода выхода из системы*».

Затем его снова постиг недуг одержимости Временем.

> «*Царство божие занимает площадь, которая измеряется не квадратными милями, а квадратными часами. Это царство, где сконцентрировано все время мира. Мы использовали все время, отведенное нам, и теперь должны искать новый вид времени – воображаемое*

время».

Путаные фразы продолжали выходить из-под его пера. Это была классическая иллюстрация феномена, который психоаналитик называл бы регрессией, или же возвращением во чрево, так как моряк теперь говорил о своих родителях, рождении и царствии божьем.

> «*Когда мы обретем его, мы будем готовы отправиться в еще одно мучительное путешествие. Мы будем вашими богами, и нам придется выучиться, как жить с нашими родителями в новой системе.*
>
> *Мы находимся во чреве вселенной. Мы зачали себя так, как нам «нужно» было это сделать. Все, что нам нужно было сделать, чтобы попасть туда, подумать о самих себе так, как нам бы хотелось подумать о самих себе*».

Затем моряк вернулся к идее игры, только теперь она была зловещей. «На протяжении жизни каждого человека Бог играет в космические шахматы против дьявола». Он зачеркнул это предложение и заменил его следующим абзацем.

> «*В течение всей своей жизни каждый человек играет в этакие космические шахматы против дьявола. Каждый может решить для себя, кому суждено выиграть. Ходы игры всем хорошо известны. Игра очень сложная, поэтому невозможно предсказать, кто выигрывает, потому что Бог играет по одним правилам, а дьявол придерживается совершенно других*».

И снова за этими теологическими рассуждениями ясно видно, о чем думал Кроухерст на самом деле. Игра, в которую он играл не так давно, участвуя в кругосветной гонке на яхте, сначала велась по правилам Бога. Но потом дьявол нечестным путем разыграл с ним хитрую комбинацию. Поэтому игра закончилась уже как игра дьявола.

Спасаясь от этой неприятной мысли, Кроухерст взялся за новую историю. Он начинал трижды и каждый раз искал успокоения в невообразимой смеси желаний: в стремлении увидеть отца (который теперь наполовину отождествлялся с отцеподобным Богом), религиозных образах и основном тезисе о том, что все обезьяны должны любить друг друга.

> «*Когда-то в стародавние времена мальчик поссорился*

с отцом.

Примерно в…

Когда-то в стародавние времена мальчик гулял с отцом, и они наткнулись на стаю обезьян. «Какие забавные животные», – сказал отец. «Это бесполезные животные», – ответил сын. Между ними возник спор, и мальчик очень разгорячился. Отец же был идеальным родителем, и он изо всех сил пытался преподать сыну важный урок, поэтому проявлял терпение. Он думал об идее. Мы будем играть с этими обезьянами в игры вселенной…

Бог и его любимый сын играли в космосе. Он был Идеальным Отцом, а его сын был Идеальным Ребенком. Естественно, их игра была веселой и… Игра, в которую они играли, называлась «Преврати обезьяну в Бога». Это была веселая игра всего с одним простым правилом: обезьянам не дозволено знать о богах. Игра была…»

Все его теории как бы складывались в гармошку безнадежной путаницы. Он снова прервался и подумал о грядущем космическом взрыве. Он задумался о лозунгах, которые бы ему помогли:

«*Массы и критические массы.*
Они могут прийти вместе в любви и ненависти.
ЭТО ЕСТЬ ТАЙНА СВОБОДНОЙ ВОЛИ».

Потом последовал откровенный пассаж, где Кроухерст еще больше связывал все идеи в единое целое. Включая мысль об игре. И о системе. А также о том, что он, Кроухерст, станет богом. И о проблеме скрытности бога, которую он разъяснил далее.

I prepared myself for a long haul

~~Nature is only one Sin~~

~~Nature allows God on~~

Nature does not allow
God to Sin any Sins
Except One —

That is the Sin of Concealment,

This is the Fourth Secret
of the Torment of the Soul "needed"
by a criminal System to
keep ~~them~~ my

He has perpetrated the Sin
on the tormented

«Объяснение наших проблем состоит в том, что

космические существа играют с нами в игры. (Если вы знакомы с «правильной» математикой, это можно «легко» вычислить.) Им доставляет удовольствие разрабатывать системы, которые сами способны «создавать» новых космических существ. Если вы хорошо обдумаете сказанное, вам придется признать, что это очень занимательная игра. Я люблю занимательные игры и могу взглянуть на все с точки зрения космических существ. Но я также являюсь человеком, и, когда думаю о длительных страданиях, которые терпят люди из-за игр космических существ, я очень злюсь на них. Они говорят мне, будто понимают, что такое боль. Они могут испытывать боль, только в другой форме, и они разработали метод автоматического воспроизводства космических существ, чтобы второе поколение могло лучше справляться с проблемами, чем они сами».

Кроухерст уже так глубоко погрузился в мир своих фантазий, что теперь у него проявлялись стойкие симптомы паранойи. Представление о собственной значимости настолько возросло, что моряк воображал, будто сможет стать еще более совершенным богом, чем те, что обитают на небесах. Он чувствовал, что уже настолько приблизился к уровню космических существ, что может напрямую разговаривать с ними: «Ты должен был облегчить мою участь». Его путешествие должно было быть менее затруднительным. И то же самое относилось к подделке его судовых журналов. Но боги не оказали моряку нужной помощи.

«*Я разочаровался в космических существах. Что-то пошло не так. Я чувствовал, что смог бы сыграть в эту игру лучше, чем космические существа… В конечном счете я был вынужден признать, что природа вменяет космическим существам единственный грех, который они способны совершить. Грех сокрытия. Это незначительный грех для человека, но ужасный для космических существ. Он несет страдания космическим существам*».

Солгать, будучи простым человеком, было возможно. Но теперь Кроухерст был богом, и он мог избежать ужасных страданий только в том случае, если признается во всем, что сделал.

«*Я начинаю все больше и больше понимать космических существ. Всем космическим существам приходится полагаться на милость одного человека!*

Благодаря этому я стал космическим существом второго поколения. Я зачат во чреве природы, в своем собственном разуме. К тому же и у меня есть проблема. Я должен единомоментным импульсом подтолкнуть бóльшую часть человечества в правильном направлении.

В моем распоряжении есть мощные системы, но мало времени, чтобы найти наилучший способ заставить их работать согласованно, а не против друг друга. Но я уверен, что, если мое первое действие будет «правильным», я получу всю необходимую помощь, чтобы прийти к быстрому и простому решению.

Видите ли, даже богам требуется помощь».

Пребывая в состоянии паранойи, Кроухерст считал, что находится за пределами общечеловеческих моральных норм.

«*Чем больше событий протекает хаотично, тем лучше они согласованы друг с другом. Правда состоит в том, что не существует добра и зла. Есть только правда. Те, кто знает правду, могут выбирать тот или другой из двух равно применимых наборов правил. Полная свобода выбора за пределами любой дисциплины есть суть свободной воли*».

Эта мысль снова привела его к диалогу о выборе между богоподобным сокрытием своего греха и моральным долгом дать человечеству импульс.

«*Я, находясь за пределами какой-либо дисциплины и руководствуясь своей волей, могу выбрать между двумя опциями: хранить молчание и тем самым предать человека забвению, как обезьяну с гипертрофированным мозгом-компьютером.*

…или я могу помочь решить его проблемы другим способом, по моему методу.

…или я, как человек, всегда ненавидевший то, что римско-католическая церковь настырно отказывается меняться, могу сказать слова, которые спасут мир, произнеся в уши тех, кто давно жаждет их услышать».

Католицизм – последний неожиданный элемент безумного мышления Кроухерста. Он думал о Клэр и ее религии. Он также, несмотря на хвастливое утверждение относительно собственной свободы от традиционной морали, искал что-то вроде конечного отпущения грехов от лица ортодоксальной религии. Конец был

близок.

> «*В истине сокрыта такая красота, что я готов подчиниться порядку, который больше всего ненавидел, – этой негибкой, статичной, глупой, фанатичной системе под названием римско-католическая церковь, потому что чистая математика работает в любом месте в любое время. Прикладная математика подходит только мне, человеку мира, обладающему знаниями космоса, здесь и сейчас, мне – в высшей степени изящному инструменту Бога*».

Но почему же Бог прятался от него так долго?

> «*Постыдная тайна Бога. Уловка, к которой он прибег, потому что правда причиняет невыносимую боль. Если бы об этом было известно раньше, тот самый необходимый идеальный сияющий инструмент не был бы таким, какой он сейчас*».

Затем последовал абзац, такой ужасный и недвусмысленный относительно намерения о самоубийстве, что Кроухерст попытался стереть его.

> «*Быстрые быстры, а мертвецы мертвы. Таково суждение Бога. Я бы не смог выдержать ужасных мук и бессмысленного ожидания, на самом деле не смог бы*».

Теперь, когда Кроухерсту были известны тайны космоса, он не мог выдержать бессмысленного ожидания традиционной смерти в преклонном возрасте. И при этом он успокаивал себя, приводя преимущества быстрой смерти и перехода в мир богов.

> «*Должно быть, есть много чего, чему мы можем научиться друг у друга. Теперь наконец у каждого есть все, что нужно, чтобы думать как космическое существо.*
>
> *На данный момент истина состоит в том, что я – единственный человек на земле, который осознает, что это значит. Это значит, что я могу превратиться в космическое существо усилием собственной воли, но мне нужно торопиться и примириться с этой мыслью перед тем, как я умру*».

Затем моряк предпринял последнее усилие и привел аргумент, играя на публику.

«*Посещать церковь здорово. Нет ничего дурного в том, чтобы приходить к своему священнику раз в неделю и говорить: «Ну давай, папаша». И разыгрывать спектакль из репертуара римско-католических ритуалов. Это похоже на некую веселую игру. Как и во всех хороших играх, в ней есть смысл. Цель – просто играть в игру под названием «Найди истину»*».

И вот еще несколько последних бессвязных фраз:

«*Человек вынужден делать выводы на основе своих ошибок.*

Ни одна машина не может работать без сбоев!

Единственная проблема человека – он слишком серьезно относится к жизни».

Это последние слова, которые Кроухерст написал в своих философских заметках, и, вполне вероятно, последние слова, которые он вообще занес на бумагу. Их смысл, очевидно туманный, можно вывести из предыдущих записей: «вывод», который Кроухерст вынужден сделать, – он должен покончить с собой. Машина, которая не может работать без сбоев, – это он сам, разбитый и показывающий неправильные данные механизм, подобный его испорченному навигационному хронометру. А проблема человека состоит в том, что он относится к жизни очень серьезно, до глупости, и одновременно слишком боится расстаться с ней.

Страницы, на которых записаны эти фразы, покоробились от влаги. Возможно, это высохшие капли слез, но скорее всего просто морская вода.

20. Невозможно прекрасная истина

Дональд Кроухерст потерял всякое представление о времени. Что бы он ни делал, чем бы ни занимался – спал ли, корпел ли над заметками или обдумывал свои дальнейшие намерения, – он совершенно не имел понятия о том, что происходило вокруг него. Он давно перестал заводить как наручные часы, так и хронометр Гамильтона, и оба прибора вскоре остановились. Он с трудом мог вспомнить, какой сегодня день недели. В какой-то момент яхтсмен очнулся и принялся старательно возобновлять утерянные связи с реальностью. Открыв Журнал № 2, он проверил дату последней записи, сосчитал в уме прошедшие дни и ночи, а потом написал на первой из трех оставшихся пустых страниц прямо перед уличающей его подлог записью о путешествии вдоль побережья Южной Америки:

«*Вчера было 30 июня*».

Он по-прежнему не имел представления, который сейчас час. На улице было светло как днем, но, выйдя на палубу, моряк тотчас же увидел полную луну, висящую низко над горизонтом. В навигационных альманахах имелись специальные таблицы, где можно было посмотреть час захода Луны. Он вернулся в каюту и вычислил, что сейчас должно быть 4.10 утра по Гринвичу или 5.10 по стандартному британскому времени, которого он придерживался на борту, так как это было удобнее для приема передач «ВВС». Он зафиксировал и эти данные в своем судовом журнале:

«*Часы возобновили ход примерно в 5.10. Прямо перед заходом Луны*».

Потом он стряхнул с себя апатию и полностью пришел в себя. Все это было абсолютной нелепостью: снаружи сиял ясный день, а солнце стояло высоко в небе. Очевидно, время «5.10» было неправильным. Он снова заглянул в альманах. Значения, которые он отметил, были не временем захода Луны, а моментом ее прохождения через меридиан – ее наивысшей точкой на небе. Более нелепой ошибки нельзя было себе даже представить. На самом деле сейчас было 10.00 утра. В раздражении Кроухерст взял большой черный карандаш и жирно вывел:

«*30 июня. 5.10. МАКСИМАЛЬНО ВОЗМОЖНАЯ*

ОШИБКА».

А под этой записью, чтобы уж быть до конца точным (вовремя вспомнив, что в июне 30 дней, а значит, сегодня 1 июля), он с новой строки нацарапал:

«*ФАКТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ: июнь 1 июля. 10.00*».

Как же могло случиться так, что он, Кроухерст, идеально точный вычислитель, прекрасный и блестящий измерительный инструмент, машина, которой были известны самые сокровенные тайны времени, допустил такую непростительную ошибку? Да еще к тому же в тот миг, когда он оказался в плену тикающих часов, отсчитывающих секунды до момента, когда он должен стать космическим существом? Отладив себя и свои часы, Кроухерст начал писать завещание. Данная работа представляет собой стенограмму бессодержательных, бредовых мыслей, обуревавших яхтсмена на протяжении последних 80 минут его жизни. Ее также можно назвать своего рода признанием, насколько можно судить о содержании из путаных, сбивчивых фраз. Создается впечатление, что слова, будучи перенесенными на бумагу, тут же обретали некую символическую власть над моряком: он также совершил «максимально возможную ошибку» и в настоящий момент пытался определить свое «фактическое положение».

Перед тем как предложить свою версию расшифровки записей Кроухерста, мы должны предупредить читателя. Ранние философские заметки моряка, несмотря на их трудность и туманность, поддаются логическому осмыслению и интерпретации. Но к описываемому моменту он уже настолько сильно погрузился в глубины безумия, что выражался на языке, который понимал только он один, поэтому смысл его фраз можно вывести лишь умозрительно, при помощи догадок и предположений. Наше толкование его «завещания» теперь должно больше основываться на впечатлениях, а не на конкретной информации и фактах.

Ранние записи Кроухерста представляют собой типичный пример классической паранойи, психического расстройства, при котором бредовые идеи складываются в сложную, запутанную систему. Несмотря на то что такие идеи основываются на ошибочных предположениях, структура мыслей параноика имеет четкую внутреннюю логику и связность. В то же время личность пациента остается в большей или меньшей степени нетронутой болезнью. В большинстве случаев бредовые идеи приводят к развитию мании преследования, но, как в случае с Кроухерстом,

параноик может также страдать манией величия, воображая себя великим математиком или философом, или же вторым мессией. Пациент также может, если его убедить в том, совершать и разумные действия, как поступал Кроухерст при передаче радиосообщений.

Однако для бредовых состояний нехарактерно оставаться на одном уровне. Личность больного со временем претерпевает все бóльшую дезорганизацию, а мышление странным образом разупорядочивается. Письменная речь параноика уже не несет в себе послания, не содержит смысла: идеи связываются нелогично, различные темы проникают друг в друга, а абстрактные термины приобретают какое-либо особенное, конкретное значение. Все это в сочетании с бредом является симптомами параноидальной шизофрении, и поздние философские записи Кроухерста показывают возрастающую тенденцию в данном направлении.

Последнее завещание Кроухерста чрезвычайно сложно из-за бесконтрольного использования различных уровней смыслов, выраженных на собственном, символичном языке яхтсмена. Находясь в плену бредовых идей, Кроухерст более чем когда-либо поражал умением острить. Он говорил как будто от лица трех людей одновременно. Прежде всего он выступал как критик и правщик самого себя, словно был часовым механизмом; во-вторых, он был мореходом, устанавливающим свое «фактическое положение», отклонение от курса ввиду неправильных показаний времени и астрономических замеров; в-третьих, он видел себя шахматистом, ведущим партию против Бога и находящимся в таком безнадежном положении, что был вынужден капитулировать. Все три концепции были неразрывно связаны друг с другом.

Но находясь во власти шизофренического умопомрачения, Кроухерст не просто играл в остроумную игру слов, сконцентрированную вокруг его бредовых идей. Это занятие было для него нечто большее. Он выказывал желание рассказать все начистоту, выражал заинтересованность донести правду до людей. После того как он закончил свое завещание, яхтсмен решил умереть. Никто не может описать точные обстоятельства его смерти по той простой причине, что рядом с ним в тот момент никого не было. При реконструкции событий мы основывались на подробном изучении судовых журналов и наличии (или отсутствии) определенных важных объектов на борту «Teignmouth Electron». Некоторые описательные сцены обоснованы в меньшей степени, чем другие, но что касается центрального тезиса, насчет него у нас нет никаких сомнений.

Тот факт, что Кроухерст решил свести счеты с жизнью, необычайно основательно подкрепляется доказательствами, содержащимися в его записях, и прочими уликами, которые нам удалось обнаружить.

Все было готово для окончательного признания. Кроухерст сидел за столом в каюте, который по-прежнему был усеян радиодеталями, использовавшимися во время ремонта приемника. Хронометр Гамильтона лежал перед ним и исправно шел, тикая. Вероятно, он показывал неточное время, но это уже не имело никакого значения. Все, что нужно было знать Кроухерсту для обратного отсчета до момента своей смерти, – сколько конкретно минут и секунд проходило. Он ясно видел барометр на передней переборке. Раскрытый журнал с чистыми страницами лежал перед ним, ожидая новых записей. Кроухерст вывел второй заголовок, чтобы все было абсолютно правильно:

«ТОЧНОЕ МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ: 1 ИЮЛЯ 10.03».

Под этим заголовком он провел по линейке три параллельные вертикальные линии с левой стороны страницы, как обычно делал при внесении навигационных данных. При обратном отсчете сюда будут заноситься значения времени с хронометра, точно отмеривающего минуты и секунды, которые Кроухерст отвел себе для окончательной исповеди. Пять минут и сорок секунд спустя после написания заголовка моряк зафиксировал первую мысль:

«10 08 40
Причина для системы свести ошибки к минимуму.
Сделать следующий шаг – стереть весь опыт.
Давление на барометре растет».

Первая фраза похожа на отсылку к его философским размышлениям. Система, которая всегда пытается отторгнуть неподходящие ей объекты – и людей, – виновна в совершении ошибки, и теперь она стремится избавиться от Кроухерста. В конечном счете он виновен в максимально возможной ошибке: попытке сфальсифицировать кругосветное путешествие. При этом он сделает следующий шаг, избавляясь от своего опыта, и попадет в более подходящую ему систему, где сможет стать истинно самим собой. Барометр – еще один символичный прибор – показывал, что погода, совершенно спокойная в период откровения, теперь менялась. Пришло время покинуть этот мир.

«10 10 10 Система Книг полностью реорганизуется.

Много параллелей».

Все великие книги, раскрывающие мудрость Христа, Галилео, изменили свой смысл, как только откровение Кроухерста стало известно миру. Благодаря «импульсу» система знаний человечества была реорганизована.

«10 11 20 Реализация роли принятия решений.
Колебание – время. Действие + время».

На первый взгляд это всего лишь новая версия афоризма «Откладывание – враг времени». Возможно, когда человек не спешит принимать решение, он замедляет ход времени, а когда действует, ход времени, наоборот, ускоряется. Колебание *отнимало* время, действие *прибавляло* его. Развивал ли тут Кроухерст идею – вопреки неумолимому ходу своего хронометра, – что именно его колебания замедлили ход времени и его часы, а его панические порывы заставили все события ускориться, и слишком сильно? Думал ли он о собственных колебаниях, пока шел обратный отсчет?

«10 13 30 Част.

Книги человеческой души в работе – причина для «работы» не важна?»

Здесь все туманно. Может быть, Кроухерст думал о своих откровениях, записанных в судовых журналах, и надеялся, что поддельная суть его «работы» не так уж и важна?

«10 14 20 Отшельники навлекают на себя ненужные беды.
Искать правду – терять время».

Кроухерст, конечно, был отшельником, познавшим истину в ходе длительного вынужденного колебания. «Теряя» время, он познал его истинную природу.

Через десять секунд он записал странный скомканный абзац, который, вероятно, помимо всего прочего, был личным признанием в одной из наиболее характерных для него слабостей.

«10 14 30 Моя глупость ушла «дальше» в воображение.

Неверное решение неидеально. Время больше не

просчитывается. Часы были неисправны».

Что было его «глупостью, ушедшей «дальше» в воображение»? Может быть, он имел в виду свою старую привычку бросать неудавшееся или зашедшее в тупик дело и переключаться на новые задачи? Эту черту мы отмечали неоднократно, а теперь в ней признался и сам яхтсмен. Это было «неверное решение». Из-за него теперь нельзя было «просчитать» (измерить) время. Все протекало не так уж идеально, как он представлял себе. Все его часы вышли из строя.

«10 15 40
Часы. Думаю, не нужно больше беспокоиться о времени ± но только затраченное время.

± Может быть, бессмысленно? Важная причина для работы (потеряна), понять…

10 17 20
…правильно. Простите, пустая трата времени».

Все это было очень запутанно. Кроухерст сначала успокаивал себя тем, что все его часы шли неправильно. Тот факт, что часы не были точно настроены, не имел значения, потому что они использовались лишь для того, чтобы отсчитывать минуты и секунды до момента его воздаяния. В любом случае в теории относительности разграничение не имело смысла. Он попытался определить цель своего путешествия и своего откровения, но не смог. Он настолько запутался, что почесал голову в замешательстве, что смутило его.

«Обезьяна, показывая замешательство, чешет голову!»

Человеческое животное, пребывая в замешательстве, поднимает свою руку – руку животного, чтобы почесать голову, в которой содержится разум. На полях, где отмечалось показываемое хронометром время, Кроухерст написал: «Не очень-то правильно?» И повторил эту фразу в тексте. Он записал время в середине фразы, как будто его возбужденный разум стал связывать время и мысли еще более тесно, по мере того как он пытался излить душу. Теперь уже аккуратно отчерченные поля не отделяли одно от другого.

«Неверно?

10 19 20 Выбор интерпретации символов мерзок».

Затем Кроухерст начал новую страницу и теперь уже творил в другом стиле. Тут не было полей, а символы времени были не так уж важны. Пока что исповедь не очень-то удавалась. Он завяз в болоте логических рассуждений. Зло… выбор… символы – все это лежало ближе к сути его текущих проблем (вопросов, требующих разрешения), которые действительно тревожили его. Как бог, он стоял над традиционной моралью и знал об этом. Однако ему по-прежнему предстояло сделать ужасный выбор – выбор, который обескураживал его на протяжении всей работы над заметками. И пока он философствовал о времени, можно было отложить момент принятия решения.

Этот выбор заключался в следующем: какие материалы оставить на борту «Teignmouth Electron» после того, как он покинет яхту? Вариантов было немного. С одной стороны, он мог уничтожить Журнал № 2, где были задокументированы его путь по Атлантическому океану, тайная высадка на берег в Рио-Саладо и признания, сделанные сейчас, и оставить на борту один только Журнал № 4, где были изложены детали подделанного путешествия (вполне вероятно, что они могли бы и прокатить). Никто не будет тщательно проверять записи мертвого яхтсмена. А значит, он умрет героем, станет «скрытым» богом (что ему позволяла сделать природа), и в таком случае его семья будет избавлена от позора и страданий. Однако если выбрать этот вариант, его откровения будут потеряны, и человечество так и продолжит жить дальше, не узнав великой истины – люди так и останутся обезьянами с компьютерами в головах.

С другой стороны, он мог уничтожить Журнал № 4 в качестве жеста искупления греха и оставить на яхте Журнал № 2 вместе с другими ценными и разоблачающими документами. Тогда мир прочитает его признание и узнает, что он никогда не покидал пределов Атлантического океана. В таком случае он искупит свою вину, спасется от мук греха сокрытия, будучи богом, и послужит делу правды, раскрывая свое истинное положение.

Это была реальная дилемма, скрывающаяся за путаными и сложными словами, которые следуют далее, на «игре». Сначала Кроухерст рассматривал возможность продолжить притворство.

> *«Новая причина для продолжения игры. Мое суждение указывает, не могу использовать что угодно, «поставить» на свое место, но придется все расставить по своим местам. Задание очень трудное.*
>
> *НЕ невозможное. Должен просто Сделать Л.*

Стремление к совершенству в надежде».

Очень соблазнительно интерпретировать это следующим образом. Кроухерст доказывает, что, если он продолжит свою игру, будет и дальше дурачить мир, ему не следует использовать свое фактическое путешествие, с какими-либо фактами, естественным образом «помещенными» на определенные позиции самим этим вояжем, но он должен сам расставить все по местам, выдумывая местоположения яхты в море. Это непростая задача, но нельзя сказать, что она невозможна. Фраза, выделенная курсивом – «*Сделать Л [учшее]*», – была зачеркнута. Вместо нее он написал: «Должен просто стремиться к совершенству в надежде на…» Надежде на что?

Здесь моряк прекратил писать. Он знал, что не сможет этого сделать. Он не сможет все расставить по местам, как бы сильно ни стремился достичь совершенства. Возможно, Журнал № 4 был не слишком убедительным. В любом случае вся эта задумка противоречила его преданности концепции честности как бога. Указав время снова, он написал:

> *«20 22*
> *Понять две «причины» для задачи конфликта. Правило игры, не уверен. Если 10 20 30 игра, вернуть все назад. Куда назад?»*

Теперь он рассматривал другую альтернативу – признание. Под двумя «причинами» понимается альтернатива: скрыть ложь или признаться во всем, что находится в противоречии и делает задачу такой трудной. Кроухерст все еще колебался. Все правила игры были неясными. Честность велела ему попробовать и вернуться к положению до начала путешествия. Но это очень смущало. Как понять, *каким* же было его точное местоположение (весь расклад) до того, как он начал плавание? Был ли он честен тогда или нет?

Эта запутанность ввергла его в отчаяние.

> *«10 23 40 Не вижу никакого «смысла» в игре».*

А через две минуты Кроухерст сдался окончательно. Как терпящий поражение шахматист, он находился в положении, при котором невозможно было продолжать игру.

> *«10 25 40*
> *Должен оставить позицию, чувствуя, что если поставил перед собой «невозможную» задачу, то,*

продолжая игру, все равно ничего не достигнешь…»

Он не мог притворяться и мошенничать дальше, но не мог и внести нужные исправления.

> *«…Только Причина.*
>
> *Для игры найти новые правила, управляющие старыми истинами. Понять точное положение концепции баланса силы. Это единственный путь надежды.*
>
> *Процесс старения – новый путь концепции безнадежности».*

Последние два предложения туманны. Может быть, баланс силы заключался в выборе одного из двух невозможных вариантов, которые были так равно сбалансированы, что ему было предпочтительнее не принимать решения. Возможно, под процессом старения подразумевался его хронометр, оттикивающий время. В любом случае осознание невозможности продолжать игру и отсутствия выхода вызвало у Кроухерста последний приступ безумного, мучительного построения теорий.

> *«10 28 10*
>
> *Единственное требование для нового набора правил в том, что некоторые ЕСТЬ.*
>
> *10 29*
>
> *Понять причину необходимости разрабатывать игры. Нет такой игры, придуманной человеком, которая была бы безопасной. Истина в том, что может быть только один гроссмейстер-профи, человек, способный освободить себя [от] необходимости быть унесенным космическим разумом…»*

Единственный способ избежать этой опасной игры – покинуть свое тело и стать космическим разумом.

> *«…на свете есть только одна совершенная красота: ослепительная прелесть истины…»*

Таким образом, он должен рассказать правду о своем сфабрикованном путешествии и оставить после себя Журнал № 2.

> *«…Ни один человек не может сделать больше того, на что он способен. Идеальный способ для согрешившего – примирение с Богом через покаяние».*

Теперь Кроухерст просил о прощении:

«…Как только появляется возможность примирения с Богом, исчезает необходимость совершать ошибки…»

В конце концов он почти подвел себя к тому, чтобы сделать признание и исповедаться.

«…Теперь выявлена истинная
природа и намерение и сила нарушения
правил игры. Я есть,
я есть тот, кто я есть, и я
вижу природу, суть моего проступка».

Признавшись во всем, исповедавшись, Кроухерст воззвал к Богу или дьяволу – кто бы из этих двоих ни установил ужасные правила той опасной игры, в которую он играл все это время, – чтобы в следующий раз сыграть уже по-честному. Он был так близок к Богу, что почувствовал себя его сыном, мессией.

«Я выйду из игры,
только если ты согласишься,
что в следующий раз
мы будем играть
по правилам, придуманным
моим великим богом, который
наконец открыл своему сыну
не только точную природу
причины для игры,
но также открыл истину
о способе окончания
следующей игры, что
она окончена –
игра окончена.
ЭТО ПОМИЛОВАНИЕ».

Кроухерст написал последнее слово. Он ясно выразил то, что намеревался сделать. Космический взрыв уже начался, и игра, которую раньше он считал такой увлекательной, такой безопасной, которая, как он думал, принесет ему славу – заслуженную или незаслуженную, – должна была прямо сейчас привести его к смерти в качестве воздаяния за грехи. Игра окончена. Она была помилованием. Прощением.

Около получаса Кроухерст ждал, покорно терпя невыносимые душевные страдания, готовясь к смерти и, возможно, даже расставляя разные предметы в каюте. Вероятно, в этот момент он снял с крюка страховочный линь, который обычно бросал на

корме в кильватере в качестве меры предосторожности на случай, если свалится за борт. (Когда яхту обнаружили, на корме не было линя.) Потом он вернулся в каюту, снова взял карандаш и большими буквами нервным почерком стал писать в журнале, пока не достиг конца страницы.

Кроухерст добавил еще несколько фраз, говоря Богу – своему отцу, – что он выполнит свой долг, как того требует от него святое семейство. Он напрямую разговаривал с Богом, который должен был сыграть с ним следующую игру, но уже в другом мире – в системе чистого, бестелесного разума. Следующий ход был за Богом, и пришло время сделать его.

«11 15 00
В конце моей игры открылась истина, и я сделаю то, что требует от меня святое семейство.
11 17 00 Настало время сделать твой ход.
Мне нет нужды продолжать игру.
Игра была интересной,
но теперь она должна закончиться в…
Я сыграю в эту игру,
когда решу, я выйду из игры в 11 20 40. Нет необходимости играть в опасную…»

Это были последние слова, которые написал Дональд Кроухерст. У него больше не было ни места в журнале, ни времени, чтобы добавить что-либо еще. Он прекратил писать в восемнадцать минут двенадцатого, потому что у него оставалось только две с половиной минуты до момента, назначенного для великого деяния. В тот момент ему предстояло совершить важный поступок.

Как мы предполагаем, затем произошло следующее. Кроухерст поднялся из-за стола, закрыл судовые журналы и положил все, кроме одного, на штурманский столик, где их можно было легко найти. В этих тетрадях содержалось все великолепие его откровений, которые должны были изменить историю человечества, и полное признание в мошенничестве. Он был тем, кем был, и хотел, чтобы все поняли природу его преступления – потому что она была истинной природой и целью, и силой игры. Кроухерст вспомнил, что есть еще один факт, не отмеченный в судовых журналах: сфальсифицированный рекорд, о котором он заявил в декабре. Он аккуратно положил рядом с тетрадями две единственные путевые карты, которые не были уничтожены и в которых он намечал свой выдуманный маршрут. Они дополнят общую картину. Он был методичен в своих действиях и хотел, чтобы все было ясно, четко.

Затем Кроухерст взял хронометр Гамильтона, понаблюдал, как стрелка отсчитывает одну секунду за другой. Держа в одной руке хронометр, а в другой – Журнал № 4, он двинулся к сходному трапу. Перед выходом он оглянулся и в последний раз окинул взглядом каюту, проверяя, все ли на месте.

Возможно, он даже посмотрел на радиоприемники, которые так отчаянно пытался наладить, чтобы поговорить с женой, ожидавшей его звонка в их доме в Бриджуотере. Он взглянул на свой так и не законченный «волшебный компьютер», находившийся под сиденьем, обитым красной материей, на зазубренный осколок бутылки из-под шампанского, разбитой во время церемонии спуска яхты на воду девять месяцев назад, на отверженный спасательный жилет в шкафчике на корме, на разбросанные по полу каюты клочья волос, отрезанные недавно в ходе подготовки к триумфальному возвращению домой или триумфальной смерти. Так прошла минута.

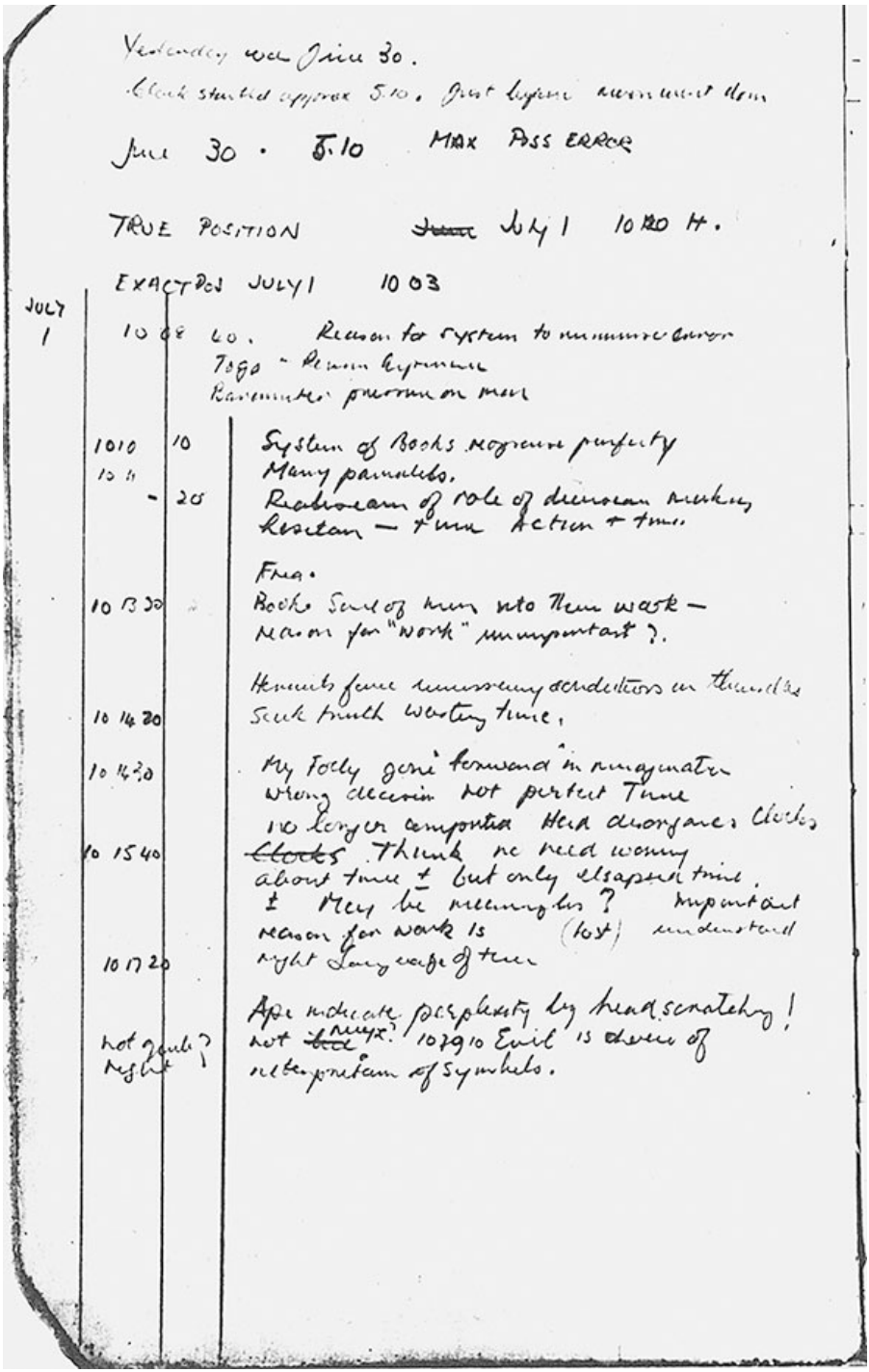
Все так же отслеживая каждое движение по хронометру, Кроухерст выбрался по семи ступенькам в рубку. Был почти полдень. Солнце палило немилосердно, а море было спокойным. Зеленые саргассовые водоросли проплывали мимо небольшими островками. «Teignmouth Electron» с единственным поднятым парусом медленно двигался вперед.

Дональд Кроухерст размахнулся и швырнул Журнал № 4, единственный журнал, содержащий полностью фальшивые записи, в море. Это было важное событие. Нужно было, чтобы мир узнал только его «истинное положение». Он прилежно подумал о своем мучительном выборе и принял решение. Признание причинит слишком сильную боль, поэтому он должен выбрать честность. Свидетельства, которые он оставил в каюте, кое-где не сходились в мелких деталях, но по ним любой желающий смог бы реконструировать события, произошедшие на борту яхты.

Было двадцать минут двенадцатого. У него осталось всего лишь сорок секунд. Кроухерст вскарабкался на корму тримарана, прошел мимо сломанного ветрового автопилота Хаслера и бизань-мачты с надутым легким ветром парусом, по-прежнему глядя на хронометр. Секундная стрелка бежала по циферблату, и когда она достигла отметки 40 секунд, он повернулся и прыгнул с кормы в море. Человек, который хотел быть героем, а закончил богом, прихватил с собой два предмета, выражавших его максимально возможную ошибку: показывающие неправильное время часы и фальшивый судовой журнал. После себя он оставил невозможно прекрасную истину.

«Teignmouth Electron» шел со скоростью менее двух узлов при спокойной погоде, но это все равно было быстрее, чем мог бы

плыть человек. Кроухерст наблюдал, как тримаран медленно удаляется от него.



New reas occurs for game. My judgement indicate must not use anything "put in place but have to put everything in place." Took very different

NOT impossible. Must just ~~Do the~~
Strive for perfection & the hope of

1022 Understand Two "reasons" for task of
Conflict. Rule of game unsure. If
102330 game to put everything back" when is back?

102340 Cannot see any "purpose" in game.

10 25 10 Must redesign position in sense that if
Set myself "impossible" task then
nothing achieved by game. Only Reason
for game to find new rules governing old
truths. Understand Exact position
of concept of ballance of Power. It is
only one area of expressing hope. the
cage process is new way of despair concept
10 28 15 Only requirement for game new set of
10 2-2 rules is that there. there is some

102 Understand reason for need to devise
games. No game may can devise is

~~Design game if you will agree~~
~~only rules~~

Senseless. The truth is that there
can only be one chess master that is
the man who can free himself the
need be blown by a cosmic mind.

there can only be one perfect beauty
that is the great beauty of truth.
No man may may do more than all
that he is capable of doing. The perfect
way is the way of reconciliation
once there is a possibility of reconciliation
there may not a need for making
errors. Now is revealed the true
nature and purpose and rules
of the game my friend I am.

I am what I am and and I see the nature of my offence

I will only resign this game if you will agree that of the next occasion that this game is played it will be played according to the rules that are dictated by my great god who has revealed at least to his son not only the exact nature of the reason for games but has also revealed the truth of the way of the ending of the next game that

It is finished -

It is finished

IT IS THE MERCY

11 15 00 It is the end of my my game the truth has been revealed and it will by dam so my family require me to do it

11 17 00 It is the time for your proove to begin

I have not need to prolong the game

It has been a good game that must be ended at the I will play this game when I decide I will resign the game 11 20 00 There is no reason for hesitation.

Эпилог
И в миру сказали…

Клэр Кроухерст узнала о том, что «Teignmouth Electron» был обнаружен в океане, а его капитан таинственным образом пропал, вечером 10 июля. Двое полицейских из Бриджуотера подъехали в Вудландс на патрульной машине, но Клэр как раз в это время выгуливала собаку, поэтому известие сообщили ее сестре Хелен. Женщина тотчас вышла на подъездную аллею и дошла до самого ее конца, где к ней присоединилась монахиня из местной религиозной общины, узнавшая об обнаружении яхты из новостей. Поначалу Клэр особо не встревожилась, предположив, что ее муж, должно быть, всего лишь совершает небольшую прогулку по морю в резиновой лодке. Довольно резким тоном она сказала монахине, что не нуждается в утешении, и отправилась домой. Перед коттеджем в Вудландсе уже стояло несколько машин, а в гостиной Кроухерстов собралась целая компания обеспокоенных друзей семьи. Клэр увела детей наверх, где и сообщила им новость, однако и тогда никто из них не испытал потрясения или чего-то подобного. Когда Клэр спустилась вниз, полицейский сержант предупредил ее, что она должна быть готова к шквалу назойливых телефонных звонков. И только тогда вся важность известия, весь его смысл дошел до женщины. Патрульная машина так и осталась стоять у подъездной дорожки, чтобы сдерживать осаду репортеров, атаки которых на протяжении следующего месяца были практически непрерывными.

Миссис Кроухерст воздержалась от каких-либо официальных заявлений в тот вечер, но сказала, что у нее стойкое чувство, будто Дональд все еще жив. На следующий день эта фраза появилась во всех газетах. Уверенность Клэр основывалась на том, что накануне у нее не возникало никакого предчувствия трагедии. Клэр настолько сильно верила в духовное единение с Дональдом, что была убеждена: она обязательно почувствует, если с мужем случится что-то ужасное. Мысли ее метались, она прикидывала различные возможности, надеясь на лучшее и успокаивая себя. Клэр попросила Родни Холворта узнать, был ли найден на борту яхты резиновый непромокаемый костюм. Если его не нашли, это могло означать, что Дональд, возможно, просто решил искупаться рядом с тримараном незадолго до того, как тот был обнаружен командой почтовика, а значит, до сих пор был жив и плавал где-то в океане. Агентство Холворта выдвинуло

предположение, опубликованное в газетах, что Кроухерст мог отравиться испорченной едой. Гипотеза была основана на тексте одной из радиограмм, где Кроухерст сообщал, что в муке появилась плесень, а сыр приобрел странный цвет. Капитан Бокс с почтовика «Picardy» отверг обе версии. Непромокаемый костюм был найден на яхте, а бóльшая часть продуктового запаса находилась в отличном состоянии.

Через два дня газета «Sunday Times» объявила об открытии Фонда помощи для семьи Кроухерста с размером пожертвования 5000 фунтов. Робин Нокс-Джонстон тотчас же объявил, что призовые деньги – 5000 фунтов, – причитавшиеся участнику, показавшему наикратчайшее время в кругосветной гонке (теперь он мог автоматически претендовать на них), должны быть зачислены на счет фонда. Тогда все были слишком потрясены трагедией, чтобы подвергать сомнению истинность путешествия Кроухерста. Среди потока сообщений с выражением соболезнований и десятков чеков, поступающих в фонд, редакция «Sunday Times» получила также и письмо сэра Фрэнсиса Чичестера с просьбой инициировать расследование в отношении путешествия Кроухерста, отправленное 2 июля из Португалии. Оно потонуло в пучине эмоциональных излияний сочувствия, и мы нашли его только несколько месяцев спустя, разбирая бумаги.

Между тем журналисты, не имея ни малейшего представления о том, что случилось в море с тримараном Кроухерста, засыпали капитана Бокса просьбами сообщить новые подробности и одновременно публиковали собственные версии произошедшего, одну фантастичнее другой. Кто-то раскопал данные о трех других яхтах, таинственным образом брошенных посреди Атлантического океана в районе, где был найден «Teignmouth Electron», намекая на то, что моряки стали жертвами каких-нибудь огромных морских монстров или неких таинственных лучей смерти. Почти в каждой из этих статей упоминалась печально известная «Maria Celesta». Ни одно издание не напечатало названия корабля-призрака правильно.

Благодаря таинственному исчезновению Дональд Кроухерст снискал себе славу, за которой гнался, отправляясь в кругосветное путешествие. Он сделался известным во всем мире и стал поистине мифическим персонажем. Как часто случается с героями мифов, вокруг имени Кроухерста сложилось множество легенд и фантастических версий его дальнейшей судьбы. Наиболее стойкий и привлекательный миф, связанный с образом моряка (подобные истории о легендарных героях сочинялись всегда со времен короля Артура до Че Гевары), гласит, что

яхтсмен все же не погиб в море. Он будто бы до сих пор жив и обитает где-то в Южной Америке или в каком-нибудь другом райском уголке для изгнанников и, как утверждают некоторые, ожидает всего лишь подходящего случая, чтобы вернуться к нормальной жизни.

Для всех фантазеров, верящих в подобного рода россказни, и для людей, подобных Питеру Биэрду, которые думают, что Кроухерст способен выйти из любого затруднения, эта байка остается одной из самых привлекательных и живучих. Только попробуйте упомянуть имя Кроухерста в любом салуне, пабе или баре, и вы тотчас же услышите: «А он до сих пор жив? Как же он спасся?»

Газеты же, которые всегда изображали Кроухерста как типичного персонажа морского эпоса, представляя его то в образе мага, волшебника в сфере радиоэлектроники и героя локального масштаба, то в образе отважного капитана, питающегося на завтрак исключительно летучей рыбой, а сам тримаран превращали в современную «Марию Целесту», этакое мистическое судно, «летучий голландец» современности, теперь подвели логическую черту в этой банальной и предсказуемой эпопее. «Daily Express» отправила репортера на острова Зеленого Мыса со специальным заданием разоблачить Кроухерста, якобы проживающего там под чужим именем. На побережье Франции была найдена бутылка с сообщением: «Помогите. Выброшен на остров в Эгейском море». Записка вызвала суматоху, хотя с первого же взгляда было ясно, что это явная подделка. Позднее фотограф Шон Хеннеси утверждал, будто видел отрастившего окладистую бороду Дональда Кроухерста в Барнстапле, графство Девоншир. Потом он признался, что его, должно быть, просто разыграли.

Пожалуй, невозможно раз и навсегда положить конец спекуляциям подобного рода. Каждый, кто допускает вероятность, что Дональд Кроухерст симулировал отчаяние и сумасшествие, для чего создал сочинение объемом в 25 000 слов – те самые последние философские записи, – всегда будет склонен верить историям о тайном сообщнике, который подобрал яхтсмена в Атлантике, прилетев за ним на вертолете или приплыв в миниатюрной подводной лодке, после чего отвез в безопасное место. Между тем сочинения Кроухерста изучили несколько психологов, и все они сходятся во мнении, что подобное не могло быть написано человеком в здравом уме, просто решившим обмануть других. Один из наших консультантов подвел итог: «Сложно создать текст подобного содержания такого большого объема (25 000 слов). Попробуйте сами».

Есть еще одна невероятная гипотеза. Ее сторонники считают, будто Кроухерсту в спасательном жилете[33] удалось преодолеть 700 миль и добраться вплавь до ближайшей земли. Или будто он тайно высадился на Азорских островах, после чего оттолкнул пустой тримаран от берега так сильно, что тот смог проплыть сам по себе, без управления, против преобладающих ветров и течений до того места, где был обнаружен экипажем «Picardy».

Еще одна, настолько же невероятная версия – Кроухерст умер по нелепой случайности. В начале книги мы привели несколько примеров неуклюжести яхтсмена на борту, особенно в те моменты, когда он был занят каким-нибудь делом. Такая версия не может быть полностью исключена, и отрицать ее совсем нельзя, но записи в судовых журналах, отсутствующая страховочная привязь, пропавший хронометр и другие улики достаточно веско свидетельствуют не в ее пользу. Теория, выдвинутая нами, и мы в этом убеждены, – единственная версия, в которой учтены все факты.

Тайну исчезновения Кроухерста невозможно было бы раскрыть без досконального изучения его судовых журналов. В связи с этим они, разумеется, сразу стали лакомым кусочком для прессы. В то время как «Picardy» добиралась до порта Сан-Доминго в Карибском море, неся на борту тримаран «Teignmouth Electron» и судовые журналы пропавшего яхтсмена, Родни Холворт отправился в Лондон, чтобы предложить эксклюзивные права на пока что еще никем не увиденные записи с изложением событий, которые пока что все еще считали героическим кругосветным путешествием. Когда Холворт начал аукцион, «Daily Express» проявила особо сильное рвение, но все же недостаточное, и в конечном счете права на использование судовых журналов Кроухерста были проданы газете «Sunday Times» за 4000 фунтов стерлингов.

В Санто-Доминго тотчас вылетела специальная команда, чтобы встретить «Picardy» в порту и забрать судовые журналы. В команде были Николас Томалин (один из авторов этой книги), фотограф Фрэнк Херманн и Родни Холворт, в задачу которого входило руководить передачей бумаг. Холворт до сих пор находился под таким сильным впечатлением от смерти своего клиента, что попросил остальных членов команды устроить минуту молчания, когда они летели на «Боинге-707» из Мадрида через Атлантику, где Кроухерст встретил свою смерть.

«Picardy» причалила, и 16 июля, в среду, капитан Бокс пригласил Родни Холворта в свою каюту, чтобы объяснить ему ситуацию. Он нашел признания яхтсмена, которые наводили на

мысль о его самоубийстве. Он показал их Холворту и убедил пресс-агента вырвать эти страницы, чтобы семья Кроухерста никогда не узнала ужасной правды. Холворт так и сделал, намереваясь показать их редактору «Sunday Times» по возвращении.

И только на следующий день, уже после того как Томалин отправил в Лондон телеграмму, где приводил сразу несколько возможных версий случившегося на борту тримарана, в ходе исследования судовых журналов выяснилось, что Кроухерст никогда не покидал пределов Атлантического океана.

Это открытие позволяло сделать логически обоснованный вывод о действительных обстоятельствах смерти Кроухерста. Холворт решил, что больше не может хранить тайну. Он вытащил вырванные страницы из кармана пиджака и объявил, что знает, как именно умер Кроухерст, после чего зачитал последние признания яхтсмена. Группа вылетела обратно в Англию, а по прибытии отправилась в «Sunday Times» на редакторское совещание, где обсуждался вопрос, что делать дальше.

С одной стороны, в руках редакции находилась настоящая информационная бомба. С другой стороны, она не была сенсацией того рода, которая по формальным признакам могла бы способствовать повышению престижа газеты, спонсировавшей кругосветную гонку «Золотой глобус». Также следовало бы принять во внимание вдову Кроухерста и ее чувства. Однако историю нельзя было замалчивать, тем более что в Фонд помощи семье яхтсмена продолжали поступать деньги. Было решено опубликовать всю правду о путешествии, предварительно предоставив статью Клэр Кроухерст и ее юрисконсультам на согласование. Руководство «BBC», где уже готовили шумную передачу о героическом кругосветном плавании на основе пленок и магнитофонных записей яхтсмена, попросили отложить выпуск, но о причинах отсрочки был осведомлен только генеральный директор корпорации.

Новость о подлоге Кроухерста в сочетании с подозрениями на его психическое расстройство и вероятное самоубийство стала национальной сенсацией в день ее публикации – в воскресенье, 27 июля 1969 года. История яхтсмена-фальсификатора стала главной темой первых новостных полос почти всех конкурирующих еженедельников. Она спровоцировала ряд в высшей степени нечистоплотных спекуляций, выдуманных историй с продолжением и новый виток осады газетчиками дома Кроухерста в Вудландсе, но – учитывая все обстоятельства – все прошло достаточно гладко и безболезненно, насколько это только было возможно. Наблюдался всплеск негодования по поводу

рекламных трюков и различных акций, которые устраивались некоторыми изданиями, но в целом мнение общественности было таково, что все выдвигаемые нелепые версии не отражают сути трагедии, жертвой которой пал Кроухерст.

Торжественный ужин в честь окончания гонки «Золотой глобус» на клипере «Cutty Sark» был отменен в свете трагедии в море, а все прочие участники регаты постепенно оправились от последствий испытания. Робин Нокс-Джонстон теперь с еще бóльшим великодушием настаивал на отказе от призовых денег – 5000 фунтов, полагавшихся за самое быстрое прохождение маршрута, – и уговаривал перевести их в Фонд поддержки семьи Кроухерста. «Никто из нас не может судить его строго», – сказал он. Позднее Нокс-Джонстон задумывался о выдвижении своей кандидатуры в парламент от консервативной партии. Бернар Муатесье, обойдя полтора раза вокруг света без остановки, наконец причалил в одном из портов в Таити, где и решил остаться на несколько месяцев – подальше от яда цивилизации. Найджел Тетли получил от «Sunday Times» утешительный приз, сумму в 1000 фунтов, и приступил к постройке новой яхты – еще одного тримарана. Билл Кинг починил свою лодку и отправился в очередное кругосветное плавание, но ему пришлось сойти с маршрута у Гибралтара. Чей Блайт убедил менеджеров «British Steel Corporation» проспонсировать еще одно кругосветное путешествие, намереваясь на этот раз проделать его в стальной лодке, двигаясь в обратном направлении – против пассатов ревущих широт. Он благополучно осуществил задуманное. Капитан Джон Риджуэй открыл школу путешественников в Шотландии, чтобы насаждать культ героя у подрастающего поколения. Алекс Кароццо и Лоик Фужерон отошли от дел, очевидно, довольные благополучным исходом предприятия, и снова вернулись к обычной жизни.

В Норфолке Джон Эллиот, окончательно решив, что яхтенный бизнес ему не по вкусу (он знал это еще до постройки «Teignmouth Electron»), поступил в колледж, намереваясь стать учителем. Джон Иствуд продолжил свое дело, медленно залечивая незначительные, но болезненные раны, нанесенные неприятным инцидентом. В Сомерсете Стэнли Бест также понемногу оправлялся от удара, пытаясь найти на Ямайке покупателя, который согласился бы приобрести у него «Teignmouth Electron».

Аргентинцы Нельсон Мессина, Сантьяго Франчесси и Сальвати стали на неделю местными знаменитостями, но затем вернулись к своей небогатой происшествиями жизни. Единственным человеком, пострадавшим от неприятных

последствий кратковременного визита Кроухерста в порт Рио-Саладо, был молодой мичман службы береговой охраны в Ла-Плата. Его решение не сообщать об инциденте начальству, хотя тогда подобный поступок выглядел разумным, привело к возбуждению расследования. Решался вопрос, стоит ли выдвигать против служащего обвинение в небрежности.

Со временем Клэр Кроухерст выработала иммунитет к назойливым журналистам, осаждавшим ее дом, и понемногу привыкла к роли вдовы, живя одна с детьми. Она научилась сносить любопытные взгляды соседей, а через несколько недель после прочтения судовых журналов с тримарана «Teignmouth Electron» наконец-то свыклась с мыслью, что ее муж скорее всего умер. Все, кто видел Клэр в те дни, отмечали ее смелость и здравомыслие.

Какое-то время Родни Холворт подвергался немилосердным нападкам. Коллеги поддразнивали Холворта из-за триумфального успеха его кампании, связавшей название города Тинмута с наиболее известным мошенником в истории яхтинга всех времен («С этого дня тебе придется рекламировать наш курорт как столицу греха западных графств, старина Родни!»). Впрочем, владельцы отелей его родного города отнеслись к директору агентства «Devon News» со значительным пониманием.

Оскорбленные члены городского совета Тинмута, подсчитав средства, потраченные на кампанию «Тинмут приветствует Кроухерста», вызвали пресс-агента для дачи объяснений. Холворт вышел из зала заседаний победителем. Комитет по общественным связям официально похвалил его за «чрезвычайно эффективную рекламную акцию, проведенную благодаря саге о Дональде Кроухерсте». Артур Бладон, бывший председатель городского совета Тинмута, с удовлетворением подсчитал, что вся кампания «принесла Тинмуту около 1 500 000 фунтов стерлингов благодаря освещению события в национальных и международных СМИ». И его конечный вердикт, когда он был озвучен в местной газете, подавал все произошедшее с правильного ракурса, с точки зрения Тинмута. «Несмотря на печальный конец, – сообщил Бладон на собрании совета, – путешествие Дональда Кроухерста принесло городу больше популярности, чем он приобрел на протяжении последних 50 лет. Городской казне данная акция обошлась достаточно дешево, и я надеюсь, что горожане оценят это».

Дональд Кроухерст был бы рад узнать, что его смерть была не напрасной.

Послесловие авторов

Совмещать технику романиста с журналистским стилем – все равно что ходить по льду. Генри Джеймс писал о «губительной поверхностности Факта», в котором сокрыта опасность, подстерегающая любого романиста. Для журналиста еще рискованнее попасть в эту ловушку и начать использовать в своей работе элементы стиля драматических произведений. Всегда испытываешь соблазн умолчать неудобные факты просто потому, что они портят форму повествования, или же воссоздать мысли и отношения протагониста, о которых никогда нельзя сказать с абсолютной точностью, имели ли они место в реальности или нет. (Кто может точно сказать, что творилось в голове у моряка-одиночки, находившегося в плавании в открытом море?)

По мере возможности мы избегали этих соблазнов. Мы попытались зафиксировать все факты и свидетельства очевидцев, чтобы читатель, который не согласится с нашими суждениями, смог на их основе составить собственное мнение. Мы дали истории возможность разворачиваться в строго задокументированной хронологии, в чем нам помогли многочисленные записи самого Дональда Кроухерста. Иногда, чтобы лучше понять последовательность событий, мы пытались представить умонастроение нашего героя и даже угадать мотивацию его действий, но мы всегда даем читателю знать об этом и избегаем делать твердые умозаключения, кроме случаев, которые можно основательно подтвердить фактами.

Если же, несмотря на такой строгий подход, книге и присущи некие черты романа, так это просто потому, что цепь фактических событий действительно обладает структурой и неизбежностью художественного драматического произведения. Когда отчет о произошедшем с одними только голыми фактами был впервые напечатан в «Sunday Times» 27 июля 1969 года, многие тотчас усмотрели в истории сложность глубокого психологического произведения, а также элементы сенсации. Она на протяжении многих дней удерживала внимание прессы, а сэр Фрэнсис Чичестер назвал ее «самой печальной морской драмой столетия». Однако в то время мы мало что знали о личности Кроухерста и прочитали его судовые журналы только для того, чтобы ознакомиться с внешней стороной дела. По мере того как мы продолжали расследование, книга все больше приобретала черты самой необыкновенной истории о стремлениях человека и его падении, с какой нам, как журналистам, когда-либо приходилось иметь дело.

Хотя в основном это история о героическом подвиге, в ней нет героя, как нет и злодея. Кроухерст, несмотря на все его обманы и подлоги, был человеком исключительного ума и необычайной смелости, который поступал так, как поступал, исключительно ввиду невыносимых обстоятельств. Тот факт, что он понес более суровое наказание, чем заслуживал, является доказательством его исключительных качеств. В конце концов мы убедились, что две основные вспомогательные фигуры в этом предприятии – Родни Холворт, агент Кроухерста, и Стэнли Бест, его спонсор, – никогда не принимали участия в фальсификациях яхтсмена, насколько всем известно. Да собственно говоря, никто не принимал. И Холворт, и Бест проявили совершенную искренность, рассказывая о своей роли в гонке, и предоставили в наше распоряжение всю имеющуюся у них документацию, из которой мы извлекли много ценного материала.

Такую же неоценимую помощь нам оказали судостроители Джон Иствуд и Джон Эллиот. Оба признают, что Кроухерст отправился в кругосветное плавание неподготовленным, но это произошло не по вине фирмы «Eastwood», а явилось следствием неразберихи и спешки, которые сопутствовали всему предприятию (мало кто из судостроителей взялся бы за подготовку к регате в такой короткий срок). Родственники Иствуда с готовностью согласились, что в интересах исторической правды и полноты включить в книгу негативные замечания Кроухерста относительно конструкции яхты, хотя зачастую они больше говорят о психологическом состоянии моряка, чем о качествах судна. Большинства недоработок, которые действительно присутствовали в конструкции тримарана «Teignmouth Electron», можно было избежать, если бы Кроухерсту предоставили достаточно времени для постройки лодки и ее испытания.

Мы в долгу перед друзьями и знакомыми Дональда Кроухерста, которые уделили нам время и познакомили со многими сторонами его жизни, а также поделились подробностями подготовки к путешествию. В особенности мы благодарны Питеру Биэрду, Рональду Уинспиэру, Эдварду Лонгману, Биллу Харви, Эрику Нейлору и капитану Питеру Идену. Мы получили ценную помощь со стороны адвоката семьи Кроухерста Т. Дж. М. Баррингтона.

Мы благодарим компанию «Cassell & Co» за возможность использовать отрывки из книги Робина Нокс-Джонстона «Мой собственный мир» (издательство «Arthaud», Париж) и разрешение опубликовать письма Бернара Муатесье, а также издательство «Weidenfeld and Nicolson» за предоставленное нам право брать

выдержки из книги «Имидж» Даниэля Бурстина. Выражаем благодарность корпорации «BBC» за предоставление расшифровок записей Кроухерста, говорим спасибо в адрес Дональда Керра и Джона Нормана из филиала «BBC» южного и западного регионов, которые согласились выступить в качестве свидетелей и героев нашего драматического произведения.

Мы благодарим Руперта Андерсона (Кингстон, Ямайка), хранителя обломков яхты Кроухерста, который оказал нам помощь во время осмотра судна, а также яхтсмена Эгберта Кнайта, который провел два дня под палящим солнцем, содействуя нам в наших изысканиях. Выражаем признательность капитану королевского почтового судна «Picardy» Ричарду Боксу, который обнаружил яхту Кроухерста и поделился ценной информацией.

Непосредственно в момент написания книги нам больше всего помогал капитан Крейг Рич, который провел несколько недель, всесторонне расследуя данные судовых журналов Кроухерста, и натолкнул нас на многие важные выводы. Питер Салливан создал детальный рисунок яхты «Teignmouth Electron», а Майкл Вудс начертил карты. Роберт Линдли, корреспондент газеты «Sunday Times» в Буэнос-Айресе, узнал все об обстоятельствах тайной высадки Кроухерста на берег в Южной Америке, и глава 13 целиком основана на добытых им сведениях. Рут Холл взяла на себя трудное задание – расшифровать судовые журналы Кроухерста – и сделала много толковых замечаний, как и Клэр Томалин.

Из всех наших коллег из «Sunday Times» мы прежде всего благодарим Харольда Эванса, редактора газеты, которому пришла идея написать эту книгу и который освободил нас от многих прямых обязанностей, пока мы были заняты работой над произведением. Роберт Ридделл, секретарь комитета кругосветной гонки, предоставил нам имеющиеся у него документы. Деннис Хербштайн, Уильям Элсворт Джонс, Филип Норман, Мюррей Сейл и Джеки Визик поделились своими воспоминаниями о репортажах с регаты. Эдвин Тейлор и Дэвид Гиббонс из отдела искусства газеты «Sunday Times» разработали графическую презентацию. Памела Гордон и Кэролайн Ричи напечатали текст книги, проявив при этом неутомимую энергию и исключительную аккуратность.

Нам оказали неоценимую помощь различные специалисты из самых разных областей. Один из судей кругосветной регаты, Майкл Ричи, прочитал рукопись и сделал много полезных замечаний относительно технической стороны дела. Не менее ценными были и замечания доктора Глин Беннет с кафедры

психиатрии университета Бристоля. Тем не менее ответственность за предлагаемые выводы целиком ложится на наши плечи. Сталкиваясь со специальными терминами из области навигации или психиатрии, мы пытались найти компромисс между точным техническим выражением и описанием, понятным обычному читателю.

Кроме того, мы должны поблагодарить Клэр Кроухерст. После многомесячного испытания в виде града вопросов, сравнимого разве что с допросом инквизиции, она тем не менее была готова оживить все подробности жизни с мужем и вспомнить обо всех обстоятельствах его путешествия, что сделала с исключительной честностью и прямотой. От нее не требовалось абсолютной открытости, когда она рассказывала историю, должно быть, причинявшую ей немалые страдания. Однако Клэр отчетливо чувствовала, что Дональд Кроухерст был слишком достойным человеком, чтобы его помнили только лишь по перевранным героическим высказываниям или уничижительным насмешкам из репортажей доморощенных журналистов. Ей было необходимо рассказать о муже всю правду, чтобы тот получил воздаяние, которого заслуживал. Она проверила нашу рукопись на предмет соответствия фактам. И хотя вдова яхтсмена не согласилась с нашей интерпретацией некоторых фактов относительно черт характера мужа или мотивации его поступков, она все же дала согласие на публикацию. В самом начале мы уже упомянули о том, что это история без героя. Однако в ней есть героиня, и ее зовут Клэр Кроухерст.

Послесловие

Робин Нокс-Джонстон

Первоначально написано к 25-летней годовщине издания, 1995 г.

После всех неимоверных успехов последнего времени, достигнутых одиночными мореходами, теперь уже трудно вспомнить, насколько сильное впечатление произвело на мир сообщение о том, что в 1967 году сэр Фрэнсис Чичестер совершил кругосветное плавание всего с одной остановкой. Он был первым, кто обогнул половину земного шара без чьей-либо помощи и не приставая к берегу. То обстоятельство, что после прохождения половины маршрута и яхта, и моряк нуждались в отдыхе и восстановлении (поэтому и была сделана остановка в Австралии), только подтверждало, насколько серьезным испытанием было предприятие подобного рода. Разумеется, и от этого никуда не деться, что после подвига Чичестера многие смельчаки стали задумываться о возможности совершения одиночного безостановочного плавания вокруг света. Представители высших кругов яхтинга, а также наиболее осторожные моряки указывали на то, что прохождение в два раза большего расстояния не только удвоит вес продуктов и прочих припасов, но и увеличит нагрузки на и без того потрепанную лодку, в то время как здравый смысл будет требовать ее ремонта и переоснащения. Такой вояж представлялся многим безрассудным поступком, который, вероятно, можно даже было назвать недостойным предприятием для настоящего моряка. Тем не менее небольшая группа яхтсменов решилась поставить на карту все, чтобы проверить, можно ли осуществить невозможное. Я был одним из них. Дональд Кроухерст тоже был в числе этой команды.

В СМИ вряд ли любят кого-то так же сильно, как людей, идущих наперекор правилам, и гонка «Золотой глобус», проходившая в 1968–1969 годах, не была исключением. Для Дональда Кроухерста, искавшего новых горизонтов в своей жизни, этот проект, гарантировавший участнику всемирную славу и известность, выглядел слишком хорошей возможностью, чтобы ее можно было упустить. Кроухерст считался опытным яхтсменом по тогдашним меркам, хотя по нынешним стандартам его вряд ли бы признали достаточно бывалым мореходом даже для того, чтобы допустить к участию в парусной кругосветной одиночной четырехэтапной гонке «Velux 5 Oceans». Непреодолимо влекомый морской романтикой и наградами, которые сулило подобное

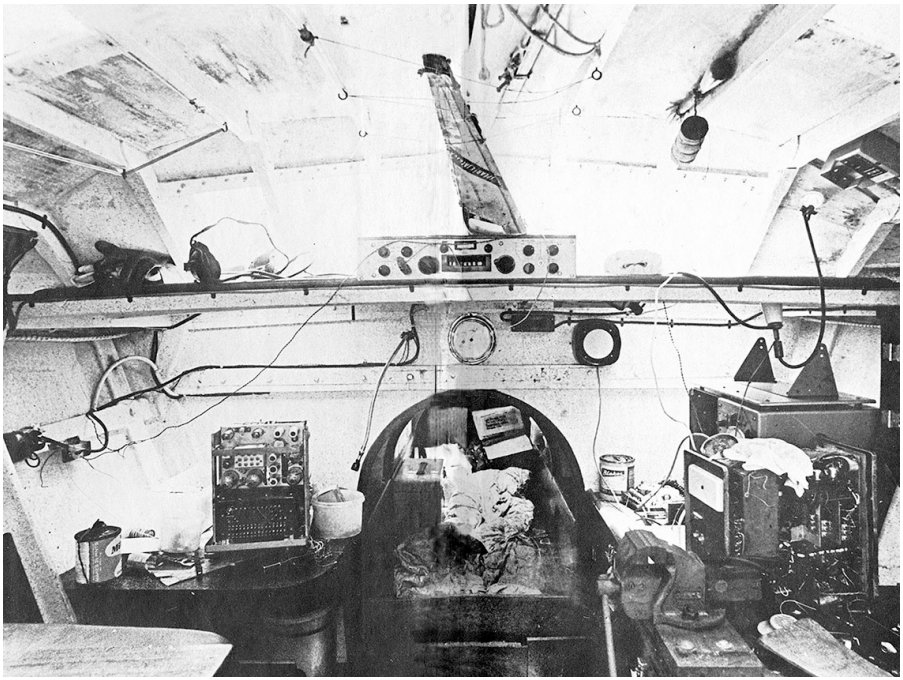
предприятие, Кроухерст, похоже, вступил в соревнование, не особо думая о практической стороне одиночного плавания на маленькой яхте через тот котел ветров и волн Южного океана, который известен под именем «ревущие широты», – наиболее штормовой регион на планете.

Впрочем, после отбытия из Англии у Кроухерста было достаточно времени, чтобы поразмыслить над тем, что его ждет впереди, а СМИ предоставляли довольно много информации для раздумий. Я хорошо это помню. Страх неизвестности, безусловно, самый сильный из всех, и у участников было много причин для боязни. Никто из нас не знал, сможет ли яхта и хрупкий организм человека выдержать настолько длительное плавание на такое большое расстояние, да еще и в таких негостеприимных, неприветливых водах. Выдержит ли яхта? Выдержит ли человек десятимесячное одиночное заточение без общения с себе подобными, когда толком не отдыхаешь от тяжелого труда и не можешь прогнать мысли о постоянной опасности? Не сойдешь ли от всего этого с ума? Никто не знал. В конечном счете я могу сказать, что гонка была самым суровым испытанием, через которое мне пришлось пройти, как в физическом, так и в психологическом плане. Одни только физические нагрузки прибавили к моей мышечной массе семь фунтов, увеличили в обхвате грудь и ширину в плечах на два дюйма, а на ладонях у меня в конечном счете кожа стала такой же жесткой, как на ступнях. В эмоциональном плане я был достаточно крепок, и моя психика не пострадала.

Но все эти факторы – подготовка, особенности темперамента и прочие обстоятельства – разрастаются неимоверно и приобретают большие масштабы в море, поэтому никто не должен спешить критиковать Дональда Кроухерста. Те немногие из моряков, побывавших в ревущих широтах, проникнутся сочувствием к яхтсмену, читая эту невероятную историю. Те немногие из яхтсменов 60-х годов, сохранивших в памяти, какие гигантские препятствия встают на пути от мыса Доброй Надежды до мыса Горн, будут трепетать от страха и сочувствия к герою произведения, когда будут читать книгу.

Нагрузки, которым подвергается моряк-одиночка, не ограничены физической стороной дела, и эта книга – предупреждение для всех, кто относится к морским путешествиям слишком легкомысленно. Пускай же ее финал не принизит исключительных качеств этого человека – его смелости и находчивости. Кроухерст много чего достиг во время своего последнего путешествия, и самое серьезное из его преступлений состоит в том, что он переоценил свои силы и недооценил

грозящие ему опасности. Ореол таинственности и трагический финал делают эту историю самой притягательной классической повестью о приключениях на море.



Каюта тримарана «Teignmouth Electron» (вид в нос), снятая вскоре после обнаружения яхты в океане. (Фрэнк Херманн/«Sunday Times»)

* * *

КОГДА ВЫ ДАРИТЕ КНИГУ, ВЫ ДАРИТЕ ЦЕЛЫЙ МИР

ХОТИТЕ ЗНАТЬ БОЛЬШЕ?

Заходите на сайт:
https://eksmo.ru/b2b/

Звоните по телефону:
+7 495 411-68-59, доб. 2261

notes

Сноски

1

В большинстве случаев мы правили орфографию и пунктуацию, приводя выдержки из писем и записей Кроухерста. Однако его характерные ошибки представляют собой важные ключи для реконструкции событий, о которых рассказывается в нашей книге. Даже читая печатный текст, можно отличить записи Кроухерста от материалов, составленных для него пресс-агентом и другими людьми.

2

Элис Кроухерст все еще говорила с сильным индийским акцентом.

3

«К мысу Горн под парусами» (*Cap Horn à la Voile*), Arthaud, Париж, 1967.

4

Членами комиссии судей были исполнительный секретарь Института навигации Майкл Ричи, известный яхтсмен и редактор журнала «Neptune Nautisme» Ален Гликсман, исполнительный директор и главный редактор газеты «Times» Денис Хамилтон и полковник «Блонди» Хаслер, который потом взял самоотвод, так как решил, что его имя слишком тесно ассоциируется у общественности с путешествием Кинга.

5

Хауэлл в этот момент принимал участие в трансатлантической гонке, устроенной газетой «Observer». Хотя он показал лучшие результаты среди многокорпусных судов, уступив только одному и придя пятым, моряк в среднем проходил немногим меньше 100 миль в день. В целом разочарованный поведением своего катамарана, он решил выйти из кругосветной гонки. Тетли, который почти что завершил свое кругосветное путешествие, в среднем проходил по 111 миль в день, т. е. немногим меньше, чем Муатесье.

6

В защиту конструкции авторулевого Хаслера стоит сказать, что он был разработан для однокорпусных яхт и не был рассчитан на феноменальную скорость, которую иногда развивают тримараны. При использовании по назначению механизм Хаслера очень эффективен и надежен. Тип авторулевого на борту судна Кроухерста, привод лопастного типа 1AQH, был на самом деле идентичен тому, что использовал доктор Ги Каппелье во время своего кругосветного путешествия на яхте «Procax».

7

Нокс-Джонстон, который двигался тем же самым путем четыре с половиной месяца назад, также отложил разработку маршрута на потом и занялся им только после подъема парусов. «Можно сделать прокладку курсов яхты заблаговременно, – объяснял он. – Но не всегда есть возможности придерживаться ее».

8

Перед своей стилизованной речью Кроухерст сделал глоток из бутылки шампанского, которую прихватил с собой. Чичестер завершил путешествие, пройдя через ревущие широты. Кроухерст хотел пройти через них. Чичестер снискал славу и известность и отпраздновал победу бутылкой «Veuve Cliquot». Кроухерст желал такой же славы и пил «Моёt et Chandon». Представлял ли он себя в той же ситуации, в какой был Чичестер, чтобы избежать сознательного притворства в своей ролевой игре? Это один из главных вопросов, встающих при изучении путешествия яхтсмена.

9

Пребывая в состоянии отчаяния, Кроухерст стал чрезмерно эмоционально реагировать на самые тривиальные неисправности. Выпавший из салинга бизань-мачты винт – обычная поломка, случающаяся у любого моряка в дальнем плавании. Он не стал ничего предпринимать, а винт все так же отсутствовал в конце путешествия, после того как тримаран преодолел много тысяч миль. С другой стороны, проблемы с подруливающим устройством и течи были действительно серьезными, что подтвердилось впоследствии во время осмотра яхты. Однако со стороны Кроухерста было бы куда честнее ругать не проектировщиков, а обстоятельства, принуждавшие его к скорейшему отправлению. Он так и сделает немного позднее в судовом журнале.

10

Кроухерст тоже ошибся. Сигналы времени указаны в томе V.

11

Здесь речь идет не об обычном способе применения троса в кильватере в качестве плавучего якоря для замедления хода судна, чтобы удерживать его кормой к ветру, а о более сложном плане, предусмотренном Кроухерстом для самоспрямления.

12

Журнал состоит из 6 тетрадей по 32 полосы каждая, поэтому можно увидеть, что ни одна страница не вырвана.

13

Этот абзац важен. Он свидетельствует о том, что Кроухерст постепенно начинает задумываться о своих обязательствах. Сейчас он осознает, что проблема откачки воды из судна более серьезная, чем казалось вначале. Даже если бы на борту и находился шланг, все равно пришлось бы открывать люки для откачки воды. Таким образом, шланг не решил бы основной проблемы яхтсмена, пусть и сделал бы вычерпывание воды в шторм несколько менее опасным. Тетли решил эту проблему, установив стационарный шланг в передние отделения своего тримарана «Victress». Но «Teignmouth Electron» ни за что бы не удалось справиться с течами во время продолжительных штормов, доведись ему попасть в ревущие сороковые широты.

14

Джон Эллиот предложил использовать резину «Seelastic» вокруг люков или же, может быть, просверлить переборки к центру поплавков, где находилось стационарное насосное оборудование, являющееся частью механизма самоспрямления. Бест и сам выдал несколько идей. Он, например, предложил заполнить поплавки пустыми контейнерами «Tupperware», чтобы обеспечить судну плавучесть.

15

Капитан Крейг Рич, инструктор навигационной школы в Лондоне.

16

Цифра, которую приводит Кроухерст, немного завышена.

17

Кроухерст использовал последние страницы Журнала № 1 для внесения различных заметок и ведения таблицы калибровки хронометра. Самая ранняя запись датирована 12 декабря и содержит список неполадок, куда включены также сломанный **стаксель-гик** и разбитый авторулевой Хаслера. 21 декабря – день, когда на яхте произошла еще одна серьезная поломка (о ней будет сказано позже), о которой не было упомянуто. Эти даты подтверждаются сопутствующими записями в журнале.

18

Кроухерст передал название острова в орфографии, принятой в португальском языке: Trinidade. В английском же оно пишется без нее: Trinidad.

19

«Мой собственный мир», Робин Нокс-Джонстон (изд. *Cassell*, 1969 г.).

Результаты исследования тримарана, проведенного нами, подтверждают это.

21

Дуайт Дэвид Эйзенхауэр (1890–1969), 34-й президент США. – *Примеч. пер.*

22

Бернард Лоу Монтгомери (1887–1976), британский фельдмаршал, крупный военачальник Второй мировой войны. – *Примеч. пер.*

23

Q-код: трехбуквенный код, всегда начинающийся с литеры «Q». Используется при передаче сообщений азбукой Морзе для стандартных вопросов и ответов. Кроухерст прилежно выучил все группы литер Q-кода на курсах радистов в Бристоле и виртуозно использовал свои знания при составлении радиодепеш.

24

В судовых журналах Кроухерста не сказано, в какой день была сделана запись, но, очевидно, это произошло 23 или 24 апреля.

В любом случае, как оказалось, приведенные в радиограмме расчеты касательно Тетли были неправильными, но Кроухерст не мог знать об этом.

26

Кроухерст хотел написать 171 день. Его расчеты приведены на полях журнала регистрации радиосообщений, и он случайно добавил себе лишний месяц.

27

Эта фраза – яркий пример морского сленга (волк – моряк, нагель – заостренный деревянный гвоздь). По мере того как Кроухерст все больше погрязал во лжи, его сообщения становились все более вычурными и бравурными.

28

Еще один ироничный аспект плавания Кроухерста – постоянное появление числа 243. В начале путешествия яхтсмен подсчитал, что запасов метилового спирта хватит на 243 дня, его путешествие действительно продолжалось 243 дня, заявленный поддельный рекорд суточного перехода был 243 мили, и наконец, фактический скоростной рекорд находился в пределах этого же значения.

29

Из всех лекарств, имевшихся на борту судна, только «Декседрин» мог вызвать симптомы психического расстройства. В пузырьке, обнаруженном в аптечке Кроухерста, оставалось 22 таблетки. Представляется маловероятным, чтобы он принимал пилюли в избыточном количестве.

30

Запах в каюте был тяжелым и сильным даже через пять месяцев.

31

Представители фирмы «Eastwood» утверждают, что при постройке яхты «Teignmouth Electron» не использовались ни старые, ни новые ящики из-под чая.

32

Есть несколько примеров описок в судовых журналах и заметках Кроухерста, когда он торопился и путал слова: июнь и июль, март и май.

33

Сначала в «Sunday Times» объявили об отсутствии спасательного жилета, но они ошиблись. Он был обнаружен позднее при осмотре яхты, засунутый в отделение под трапом.